

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И КРИМИНАЛИСТИКА:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА**

Сборник

**К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В. А. МИХАЙЛОВА**

**Москва
2025**

Академия управления МВД России

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И КРИМИНАЛИСТИКА:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА**

Сборник

**К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В. А. МИХАЙЛОВА**

Москва
2025

УДК 343.9
ББК 67.52
У26

Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России

Рецензенты: *Иванов Д. А.*, доктор юридических наук (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя); *Яковлева Л. В.*, доктор юридических наук (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России).

У26

Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 90-летию со дня рождения профессора В. А. Михайлова) : сборник / под ред. Ю. В. Гаврилина, Б. Я. Гаврилова, Л. В. Лазаревой [и др.] – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – 476 с.

ISBN 978-5-908091-24-4

Сборник сформирован на основе материалов международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Виктора Александровича Михайлова, проведенной в Академии управления МВД России 5 декабря 2025 г.

В сборнике представлены результаты научных исследований в области уголовно-правовых наук.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных и практических работников, адъюнктов, слушателей, студентов.

Издается в авторской редакции.

УДК 343.9
ББК 67.52

ISBN 978-5-908091-24-4

© Академия управления МВД России, 2025

Содержание

Гаврилин Ю. В. Теоретико-правовые основы судебно-экспертной деятельности в научном наследии профессора В. А. Михайлова	8
Гаврилов Б. Я. О вкладе профессора Виктора Александровича Михайлова в развитие отечественной юридической науки: основные вехи	16
Гирько С. И. Место и целевое предназначение дознания в уголовном процессе, перспективы его процессуальной формы	24
Гладышева О. В. Процессуальный статус подозреваемого в российском уголовном процессе нуждается в совершенствовании	32
Зайцева Е. А. Виктор Александрович Михайлов – ученый с активной гражданской позицией.	40
Колоколов Н. А. Уголовное судопроизводство: доктрина, наукообразие, практика – критерий истины.	44
Лазарева Л. В. О роли и месте системного контроля по предупреждению экспертных ошибок.	57
Мальшева О. А. Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь обвиняемым, содержащимся под стражей (к 90-летию профессора В. А. Михайлова)	64
Мерецкий Н. Е. Виктор Александрович Михайлов: ученый, учитель, практик. Возможности прокурорского надзора по нейтрализации противодействия расследованию и необоснованному прекращению уголовного дела	72
Николюк В. В. Прекращение уголовных дел судом и органами предварительного расследования: политико-правовые вопросы.	77
Ольков С. Г., Олькова О. А. Конституционные основы справедливого обвинительного приговора с назначением уголовного наказания в виде лишения свободы	84
Ручкин В. Н., Нагаев Н. Б. Раскрытие преступлений в киберпространстве средствами сквозных технологий	92

Семенцов В. А. Проблема оценки законности уголовного преследования в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям	101
Сычёв П. Г. Организация процессуального контроля в следственных органах МВД России на федеральном уровне	108
Шмонин А. В. Фундаментальный вклад в науку: к 90-летию юбилею заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора В. А. Михайлова	117
Шмонин А. В., Копыткин С. А. О правовых процессуальных и криминалистических особенностях расследования уголовных дел, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж	123
Шурухнов Н. Г. Общие условия предварительного расследования: классификация, роль в регулировании производства предварительного следствия и дознания (из научных подходов профессора В. А. Михайлова)	132
Абзбаева Д. С. Вопросы процессуальных сроков предварительного расследования: теоретико-правовой анализ и пути оптимизации	140
Азарова Е. С. Институт судейского усмотрения в уголовном процессе России	146
Али Абдирашид Абукар. Теоретические основы финансового обеспечения органов предварительного следствия	154
Алиев М. М., Гаспарян Г. З. Комплексная или комиссионная судебная экспертиза при расследовании дорожно-транспортных преступлений	159
Балашова А. А., Стефанова Е. Ю. Процессуальный статус органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях военного положения: правовые основы и практические аспекты	167
Бекишева М. О. Зарубежный опыт виктимологической характеристики преступности против несовершеннолетних и возможности его адаптации в Республике Казахстан.	175
Белюсова Е. В., Казакова Е. Е. Реализация государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности	181
Голикова В. В. Информационное обеспечение судебной налоговой экспертизы: комплексный подход	186
Рахмаджонзода Р. Р. Профессор В. А. Михайлов как наставник-консультант, который смог изменить стереотипы учеников.	193

Гольцов С. Е. Криминалистически значимые признаки голосовой информации	201
Гордеев Д. С. Криминалистическое обеспечение формирования материалов для судебно-психиатрической экспертизы.	206
Гринева С. Р., Есина А. В. Применение фотографии в расследовании преступлений: методы и средства	214
Гришина А. Б. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве: на стыке права и цифровых инноваций	219
Давыдовская М. В. Заявление ходатайств как общее право участников при производстве следственных действий	227
Данильченко Д. Н. Формирование новых родов (видов) судебной экспертизы в условиях современных вызовов.	230
Дармаева В. Д. Процессуальная самостоятельность следователя как залог эффективности предварительного расследования	234
Евдокимова О. В. Причины и условия, способствующие совершению мошенничества на платформах онлайн-знакомств	240
Ильюхов А. А. Необходимость оптимизации процессуального статуса прокурора в досудебном производстве, в том числе и по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей	245
Кетенчиева Е. С. Правовые и технические вопросы использования переписки в мессенджерах при доказывании ИТ-преступлений	254
Киселев Д. Э. История развития технологий видеоконференцсвязи в уголовном процессе России	261
Кошман В. А. Проблемы осуществления прокурором надзора при проверке соблюдения законодательства при регистрации сообщений о преступлении по законодательству КНР	268
Красильников А. В. Доктрина уголовно-процессуального принуждения: научное наследие В. А. Михайлова и его современное значение	274
Куандыкова М. Р. Противодействие транснациональной незаконной предпринимательской деятельности: использование искусственного интеллекта и потенциал сотрудничества государств СНГ	281
Кувшинов А. Н. Международные механизмы сотрудничества в области уголовного судопроизводства	287

Курилов С. И. К вопросу о повышении эффективности возмещения ущерба, причиненного преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	293
Легостаев С. В. О некоторых аспектах установления органом расследования причин и условий, способствующих совершению побегов из исправительных учреждений	298
Лифанова Л. Г. Электронный документооборот как одно из средств, способствующих решению задач уголовного судопроизводства	305
Мельникова Е. Ф., Салеева Ю. Е. Роль прокурора по выявлению и устранению следственных ошибок.	310
Моргачёва Л. А. Необходимость назначения судебной экспертизы как основание процессуального решения: некоторые проблемы понимания	319
Никулина Е. С., Крымов В. А. Оценка дознавателем рисков дальнейшего причинения вреда потерпевшим или иным лицам при расследовании преступлений с признаками превентивных составов	325
Нуждин А. А. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения незаконного оборота наркотиков в местах лишения свободы	333
Образцов А. В. Вспомогательные (дополнительные) функции руководителя следственного органа	340
Петрова Г. Б., Кирдина Н. А. Теорема обоснования необходимости заключения под стражу	346
Потапова Е. С. Категории «участник» и «субъект» в уголовно-процессуальных исследованиях.	356
Сатдинов Л. В. Установление объективной истины в разумные сроки – основной приоритет российского уголовного судопроизводства	363
Свяженина А. А. Предупреждение – принудительная мера воспитательного воздействия: отдельные вопросы теории и практики	367
Скляренко М. В. Институт обжалования, проверки и пересмотра судебных решений: о месте и роли заместителя Председателя Верховного Суда РФ в организации кассации	371
Стародубова Г. В. Проблемы избрания и применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в ходе производства по уголовному делу.	378

Старцева Е. А. Особенности деятельности подразделений дознания, направленной на обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями, в стадии возбуждения уголовного дела	385
Ступникова А. И. Эволюция мер пресечения, требующих судебного решения, в российском уголовном процессе	391
Сутормина Е. Л. Оказание квалифицированной юридической помощи осужденному при рассмотрении судом вопросов исполнения приговора.	396
Сухоруков П. П. Организационное обеспечение в системе МВД России расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	402
Топчиев А. А. Содержание понятия отвода в уголовном судопроизводстве России.	411
Тучков Я. В. К вопросу о расследовании преступлений, совершаемых с использованием технологий подмены личности.	415
Файзрахманов Н. Ф. К вопросу об оценке пределов доказывания на досудебной стадии уголовного процесса	421
Фарахиев Д. М. Некоторые особенности расследования взяточничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	428
Фомин В. В. При содействии исправительных учреждений ФСИН России раскрываются тяжкие преступления прошлых лет.	434
Цветков Ю. А. Конкуренция управленческих и процессуальных отношений в уголовном судопроизводстве	439
Чебуренков А. А. Проблемы ограничения противодействия расследованию преступления от правомерного поведения обвиняемого и его защитника	445
Чекменева Т. В. К вопросу о генезисе системы гарантий неразглашения данных досудебного производства в России	453
Четвертакова К. В. Тактические особенности контроля и записи телефонных и иных переговоров в отношении защищаемых лиц	460
Шишкин Р. В. Некоторые аспекты преступности в сфере потребительского рынка	468

Гаврилин Юрий Викторович,
*доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: yuriy902@gmail.com*

Теоретико-правовые основы судебно-экспертной деятельности в научном наследии профессора В. А. Михайлова

Аннотация

В статье анализируются подходы профессора В. А. Михайлова к общей теории судебной экспертизы: ее предмету, месту в системе научного знания, системе и содержании. Проводятся параллели с проектом Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности», подготовленным Министерством юстиции Российской Федерации. Выделяются идеи, получившие свое развитие и реализацию в современных условиях.

***Ключевые слова:** профессор Виктор Александрович Михайлов; экспертно-криминалистическая деятельность; общая теория судебной экспертизы.*

В 2025 году исполняется 90 лет со дня рождения Виктора Александровича Михайлова – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора. Свыше тридцати лет Виктор Александрович осуществлял научно-педагогическую деятельность в Академии МВД СССР (впоследствии – Академии управления МВД России), в стенах которой им подготовлены десятки докторов и кандидатов юридических наук, многие из которых в настоящее время сами формируют научный ландшафт в области уголовно-правовых наук в целом и уголовного процесса в частности.

Центральное место в научном наследии профессора В. А. Михайлова занимают вопросы комплексного исследования проблем борьбы с преступностью в досудебном и судебном производстве по уголовным делам с позиций уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, криминалистики, судебной экспертизы, теории управления, прокурорского надзора и судебного контроля, а также профилактики преступлений и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

При этом система взглядов Виктора Александровича на судебно-экспертную деятельность и общую теорию судебной экспертизы в современных условиях видится и высоко актуальной весьма оригинальной. Эта концепция нашла свое отражение в вышедшей в 2013 году монографии [6] и заслуживает отдельного предметного рассмотрения.

Прежде всего, следует отметить, что теорию судебной экспертизы профессор В.А. Михайлов рассматривает преимущественно в контексте уголовно-процессуальной деятельности, что вполне соотносится с кругом его научных интересов, однако не в полной мере коррелирует сложившимся в академическом сообществе подходам.

В частности, говоря о правовой природе судебной экспертизы, Виктор Александрович подчеркивает, что и Федеральный Закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» и УПК РФ неполно отражают ее уголовно-процессуальную природу [6, с. 24]. При этом им приводится система аргументов, обосновывающих вхождение теории судебной экспертизы в теорию уголовного судопроизводства как его составной части. К их числу относятся следующие:

- судебная экспертиза назначается и проводится в порядке, установленным уголовно-процессуальным законодательством и является одним из процессуальных действий;

- она проводится по инициативе и в соответствии с поручением следователя, дознавателя и иных уполномоченных органов и должностных лиц;

- предмет экспертного исследования определяется не экспертом, а назначившим его субъектом;

- она направлена на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу;

- является самостоятельной процессуальной формой не только исследования обстоятельств уголовного дела, но и проверки имеющихся доказательств, а также получения новых;

- заключение эксперта является источником доказательств, содержит фактические данные, имеющие значение для дела.

На основании изложенного им делается вывод о том, что судебная экспертиза является частью уголовно-процессуального права, науки уголовного процесса и одноименной учебной дисциплины.

Однако, как уже было сказано выше, по данному вопросу в научном сообществе консенсус отсутствует. С конца 70-х годов XX в. происходит процесс выделения судебной экспертологии в отдельную науку наряду с криминалистикой и уголовным процессом. Научно-теоретический фундамент подобной «сепарации»

был сформирован такими видными учеными - криминалистами, как Т. В. Аверьянова [1], С. Ф. Бычкова [2], А. И. Винберг [3], А. Р. Шляхов [8, 9] и др. В результате в современный паспорт научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки включаются судебная экспертология, ее предмет, структура, задачи и функции, а также методология судебно-экспертной деятельности и тенденции ее развития.

Несмотря на то, что дифференциация научного знания носит характер объективной закономерности, подобное разделение научных знаний приводит к ситуациям, когда судебно-экспертная деятельность не в полной мере удовлетворяет запросы органов предварительного расследования. Размывание правовой природы судебной экспертизы создает ситуации, когда, образно выражаясь, «хвост виляет собакой», то есть предмет экспертизы определяется самим экспертом, а не следователем, дознавателем или судом при ее назначении. Подобное обстоятельство приводит к появлению квазипроцессуальных форм использования специальных знаний, таких, как «доэкспертная оценка»¹, представляющая собой не что иное, как широко распространенную на практике консультационную помощь следователю профильным экспертом по определению предполагаемого перечня объектов, подлежащих исследованию, формулированию вопросов и определению их перечня. В настоящее время закон не содержит правовой дефиниции «доэкспертная оценка» как процессуального действия, что порождает вопросы относительно ее правовой природы.

Полагаем, что место судебной экспертизы в системе научного знания обусловлено ее синтетическим характером, включающим в себя как базовые положения теории уголовно-процессуального доказывания, так и специальные знания наук, соответствующих видам экспертных специальностей. По мнению автора настоящей статьи, такой наукой является криминалистика, в рамках которой и произошло зарождение и теории становление судебной экспертизы. Данный подход разделяют также другие видные представители научного сообщества.

Весьма оригинален подход профессора В. А. Михайлова к структуре теории судебной экспертизы. Как уже отмечалось, судебную экспертизу он рассматривает как составную часть уголовно-процессуального права, то есть как процессуальный институт [6, с. 27]. Отсюда следует, что его содержание образуют закономерности

¹ Информационное письмо №1/14926/36-22-23/43-7436-19/00043/23/229611-ВВ/01-40/73895 от 14 декабря 2023 г.

исключительно правового характера, без учета экспертных методик, требований к их достоверности, научной обоснованности, воспроизводимости и проверяемости. При этом значение нормативных требований к экспертным методикам невозможно переоценить. Именно они обеспечивают объективный и достоверный характер заключения эксперта как источника доказательств. При этом, согласно действующего Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности осуществляется экспертными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и (или) производству экспертизы (ст. 38). Проектом Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ устанавливается, что уполномоченные государственные органы в пределах своих полномочий определяют порядок разработки, проверки (апробации, испытаний), внедрения (в том числе путем стандартизации, сертификации, валидации или опубликования) и освоения научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности подведомственных судебно-экспертных организаций, если иной порядок не установлен законодательством Российской Федерации (ст. 13).

Необходимо отметить, что указанный выше Законопроект о СЭД появился во исполнение поручений Президента Российской Федерации, направленных на совершенствование судебно-экспертной деятельности² и был разработан Министерством юстиции Российской Федерации в целях регулирования судебно-экспертной деятельности, осуществляемой не только государственными учреждениями, но и негосударственными экспертами и организациями. В 2013 году данный законопроект был внесен в Государственную Думу и принят в первом чтении. За 5 последующих лет обсуждений так не была выработана единая межведомственная позиция по отдельным положениям проекта закона, оставался ряд непроработанных вопросов, имелись существенные замечания заинтере-

¹ Далее – Законопроект о СЭД.

² Пункт 2 Перечня поручений Президента Рос. Федерации от 3 февраля 2012 г. № Пр-267, данного по результатам рассмотрения доклада Правительства Рос. Федерации о выполнении поручения, содержащегося в абзаце десятом подпункта «г» пункта 2 Указа Президента Рос. Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», а также Указания Президента Рос. Федерации от 6 декабря 2012 г. № Пр-3258, данного по результатам рассмотрения доклада Правительства Рос. Федерации о выполнении поручения, содержащегося в абзаце десятом подпункта «г» пункта 2 Указа Президента Рос. Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

сованных министерств и Генпрокуратуры. В этой связи в 2018 году профильный Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству принял решение не рекомендовать его к рассмотрению во втором чтении.

Рассуждая о правовом статусе эксперта, профессор В.А. Михайлов полагает, что законодатель целесообразно дополнить ст. 57 УПК РФ положением о том, что лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле, должно иметь соответствующую лицензию, дающую право заниматься экспертной деятельностью на профессиональной основе в государственном экспертном учреждении или вне такового [6, с. 17]. В Законопроекте о СЭД эта идея реализована частично через реестр судебных экспертов и судебно-экспертных организаций. Процедура включения в реестр имеет общие черты с лицензированием. В частности, сведения о негосударственных судебно-экспертных организациях и негосударственных судебных экспертах будут внесены в Реестр только в случае соответствия всем требованиям, предъявляемым к судебным экспертам и судебно-экспертным организациям. Таким образом, наличие информации о негосударственных судебных экспертах в Реестре будет означать, что такие судебные эксперты прошли обязательную экспертно-квалификационную аттестацию по соответствующей специальности. Согласно проекту поправок ведение Реестра будет осуществляться Минюстом России, при этом предполагается, что сведения, размещенные в Реестре, будут носить открытый характер.

Следует отметить, создание подобного реестра, помимо обеспечения соблюдения требований к квалификации эксперта, преследует еще одну весьма значимую цель – это равномерное и прозрачное распределение исследований, обеспечение контроля за сроками их проведения и исключение создания искусственной очередности¹.

Получила свое закрепление в действующем законодательстве идея Виктора Александровича об ограничении возможности производства отдельных видов экспертиз вне специализированных экспертных организаций [6, с. 18]. Это реализовано в распоряжении Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р, утверждающем перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Его принятие обусловлено тем, что специфика некоторых видов экспертиз предполагает исследование объектов, имеющих

¹ Подпункт 1.2 п. 1 указания Президента Рос. Федерации от 12 октября 2022 г. № Пр-1941.

особый порядок оборота на территории Российской Федерации. В 2021 году МВД России предложило внести в него баллистические, радиотехнические и взрывотехнические экспертизы¹. Помимо названного, в него вошли судебно-психологическая, судебно-психиатрическая, строительно-техническая, землеустроительная, пожарно-техническая экспертизы, а также экспертиза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, а в последствии – лингвистическая, психолого-лингвистическая, судебная экономическая экспертиза (финансово-экономическая, финансово-аналитическая и налоговая).

Организационные основы судебно-экспертной деятельности представлены в научном наследии профессора В. А. Михайлова весьма схематично. Вместе с тем, следует отметить, что целях совершенствования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации от 08.12.2018 № 1502 образована Правительственная комиссия по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации². Своим появлением она обязана решению Совета Безопасности Российской Федерации, по вопросу дополнительных мер по совершенствованию судебно-экспертной деятельности в нашей стране. Образования Правительственная комиссия является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов в целях формирования единой государственной политики и совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере судебно-экспертной деятельности.

К числу основных задач Правительственной комиссии относятся следующие:

Во-первых, это подготовка предложений по формированию государственной политики и совершенствованию законодательства.

Во-вторых, разработка единых подходов к научно-методическому обеспечению, включая внедрение современных методов проведения исследований.

В-третьих, подготовка предложений по организации контроля за качеством работы негосударственных экспертов.

В-четвертых, разработка единых подходов к определению уровня квалификации судебных экспертов.

¹ Исх. № 1/8478 от 27 июля 2021 г.

² Далее – Правительственная комиссия.

Пятой основной задачей является разработка рекомендаций. Это рекомендации по подготовке кадров в области судебно-экспертной деятельности (сюда же относится профессиональная переподготовка и повышение квалификации), а также рекомендации по государственной аккредитации образовательной деятельности при подготовке кадров в области судебно-экспертной деятельности.

Решения Правительственной комиссии, принятые в пределах ее компетенции, обязательны для исполнения представленными в ней заинтересованными органами. Так, решением Правительственной комиссии органам предварительного следствия при направлении в государственной судебно-экспертное учреждение материалов на производство судебной экспертизы по уголовным делам, сопряженным с содержанием лиц под стражей, отражать с сопроводительном письме информацию об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения «заключение под стражу»¹. В свою очередь, руководителям государственных судебно-экспертных учреждений поручается установить приоритет производства судебных экспертиз по уголовным делам, в рамках которого в отношении подозреваемого или обвиняемого избрана мера пресечения «заключение под стражу», и усилить контроль за соблюдением срока производства экспертиз по таким уголовным делам.

Дополним также, что в содержание организации судебно-экспертной деятельности в системе МВД России включаются вопросы организационно-структурного построения ЭКП, определения нагрузочных показателей и штатной численности, развития экспертных специальностей, подготовки экспертных кадров, научно-методического обеспечения, зонального контроля, ведомственной оценки эффективности и др. Для их решения требуется комплексный подход к совершенствованию научно-технической политики в сфере криминалистического обеспечения [4, 5]. Заметим также, что комплексное решение вопросов повышения эффективности деятельности в сфере уголовного судопроизводства возможно лишь в рамках реализации единой уголовной политики государства, как совокупности правовых идей стратегического характера в области борьбы с преступностью [7].

¹ Протокол заочного голосования членов Правительственной комиссии от 7 сентября 2023 г. № 8/зг.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2009. 480 с.
2. *Бычкова С.Ф.* Становление и развитие науки о судебной экспертизе. М., 1994.
3. *Винберг А. И., Малаховская Н.Т.* Судебная экспертология: общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз. Волгоград, 1979.
4. *Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е.* О концепции государственной научной и научно-технической политики в области криминалистического обеспечения борьбы с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68).
5. *Гаврилин Ю. В., Салеева Ю.Е.* Развитие учения о криминалистической регистрации в условиях цифровой трансформации преступности // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66).
6. *Михайлов В.А.* Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2013. 210 с.
7. Уголовная политика Российской Федерации : учебник; в 2-х ч. / под ред. Л. И. Беляевой. Москва, 2018. Ч. 1.
8. *Шляхов А.Р.* Предмет и система криминалистической экспертизы // Труды ВНИИСЭ. М., 1971.
9. *Шляхов А.Р.* Проблемы классификации в криминалистической экспертизе и ее практическое значение // Правовые и методологические проблемы судебной экспертизы. М., 1974.

Гаврилов Борис Яковлевич,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: profgavrilov@yandex.ru*

О вкладе профессора Виктора Александровича Михайлова в развитие отечественной юридической науки: основные вехи

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу научного наследия выдающегося отечественного ученого-юриста, профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Виктора Александровича Михайлова в развитие российской юридической науки. В публикации раскрываются основные этапы его научной и педагогической деятельности, ключевые направления его исследований, оказавших существенное влияние на формирование и развитие уголовного досудебного производства. Особое внимание уделяется его фундаментальным трудам в области мер пресечения в уголовном судопроизводстве и иным концептуальным идеям, их значимости для современной юриспруденции. Статья подчеркивает роль В. А. Михайлова как одного из основоположников научной школы уголовного судопроизводства в системе МВД России, а также двух поколений юристов, актуальность его идей в контексте современных вызовов правовой науки и практики.

Ключевые слова: *В. А. Михайлов; ученый; профессор; юбилей; уголовное судопроизводство; судебная экспертиза; научное наследие; педагогическая деятельность.*

Сегодня научное сообщество России, в особенности юристы, посвятившие себя служению закону и правопорядку, отмечают знаменательную дату – 90-летие Виктора Александровича Михайлова. Имя этого выдающегося ученого, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации отображает в себе символ глубочайшей эрудиции, неустанного научного поиска и беззаветной преданности делу укрепления законности, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного

процесса. Его профессиональный путь, неразрывно связанный с системой органов прокуратуры, Министерства внутренних дел и Таможенных органов, стал ярким примером гармоничного сочетания фундаментальной теоретической научной базы с насущными потребностями правоприменительной практики, что позволяет видеть в нем талантливого организатора науки, стоявшего у истоков формирования и развития ряда научных направлений в сфере наук уголовно-правового цикла, включая институт меры пресечения в уголовном судопроизводстве. Его вклад в отечественную юридическую науку многогранен и охватывает широкий спектр проблем уголовного процесса, криминалистики и судебно-экспертной деятельности, оперативно-розыскной деятельности и управления в органах внутренних дел.

Научное наследие Виктора Александровича Михайлова отличается глубиной, системностью и новаторским подходом к исследованию сложнейших проблем юриспруденции. Его труды не только систематизировали существующие знания, но и открыли новые горизонты для теоретического осмысления и практического решения актуальных задач.

Профессор В. А. Михайлов – не просто ученый, но и блестящий педагог, воспитавший целое поколение юристов, родился 14 ноября 1935 года на хуторе Манойлин Клетского района Сталинградской области. Фундамент его блестящей юридической карьеры был заложен в 1962 году, когда он с отличием окончил юридический факультет Воронежского государственного университета, что предопределило его дальнейший путь в юриспруденции.

После получения высшего образования Виктор Александрович посвятил значительную часть своей жизни служению в правоохранительных органах, в частности, в должности следователя ряда прокуратур в Воронежской области, а затем в образовательных организациях органов внутренних дел, где проходил службу в период 1968-2002 гг., уйдя в отставку в звании полковника милиции. Параллельно с практической деятельностью, а затем и полностью сосредоточившись на науке, он с января 1968 года начал свой путь на научно-педагогической работе в Волгоградской высшей следственной школе (Волгоградской академии МВД России), которую продолжил в Академии МВД СССР, впоследствии трансформированной в Академию МВД России и Академию управления МВД России.

С 1980 года и по 2002 год профессор В. А. Михайлов занимал ведущие научные позиции на кафедре управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, став одним из ведущих специалистов в этой области. Его обширный

научный и педагогический опыт востребован и за пределами ведомственных структур. В разные годы Виктор Александрович являлся профессором кафедры правовых дисциплин Института защиты предпринимателей Государственного университета управления (2004-2009 гг.), а с 2009 года – профессором кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, где продолжает трудиться и в настоящее время. С 1992 года он также по совместительству преподавал в ряде престижных московских вузов, включая Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России и Российскую экономическую академию им. Г.В. Плеханова, что свидетельствует о широте его научных взглядов и признании его экспертного мнения в различных областях юриспруденции. Но именно в Академии МВД России раскрылся в полном объеме научный и педагогический талант В. А. Михайлова.

Научные достижения профессора В. А. Михайлова нашли свое воплощение в двух диссертациях, ставших значимыми вехами в его академической карьере. 28 июня 1968 года в Воронежском государственном университете им. Ленинского комсомола он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе» под научным руководством доктора юридических наук, профессора В.Е. Чугунова. Спустя почти три десятилетия, 19 июля 1996 года, в Академии МВД России Виктор Александрович блестяще защитил докторскую диссертацию (в форме научного доклада), посвященную актуальной проблематике «Меры пресечения в уголовном судопроизводстве», что закрепило его статус как одного из ведущих ученых в сфере уголовного судопроизводства. Эта многогранная биография отражает не только путь становления выдающегося ученого, но и его глубокую связь с практикой правоприменения, что стало отличительной чертой его научного подхода.

Трудно переоценить вклад профессора В. А. Михайлова в систему подготовки кадров для широкого круга правоохранительных органов и высших учебных заведений СССР, Российской Федерации и стран СНГ. Его педагогическая деятельность в Академии МВД СССР, Академии МВД России, Академии управления МВД России и Таможенной академии отличалась и сегодня отличается высоким теоретическим, методическим и научно-практическим уровнем. Профессор В. А. Михайлов в Академии МВД СССР, Академии МВД России и Академии управления МВД России проводил учебные занятия по таким фундаментальным дисциплинам как уголовный процесс, прокурорский надзор, правоохранительные

органы, организация расследования преступлений и управление органами расследования преступлений. Его лекции всегда отличались глубоким содержанием, яркой подачей материала и умением увлечь слушателей в мир юридической науки. Он обладал уникальной способностью объяснять сложнейшие правовые конструкции простым и доступным языком, пробуждая у студентов и адъюнктов подлинный интерес к предмету. Помимо аудиторных занятий, он активно руководил всеми видами практики, а также иными формами повышения квалификации и переподготовки специалистов, что подчеркивает его приверженность интеграции теории и практики.

Неоценим его вклад в формирование нового поколения ученых и практиков. Под его научным руководством успешно защищены 33 кандидатские и 9 докторских диссертаций. Его ученики, среди которых доктора наук, профессора Т. Ю. Амплеева, Б. Я. Гаврилов, С. Г. Ольков, А. В. Шмонин и многие другие сегодня успешно работают в правоохранительных органах, научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях России и ряде государств бывшего СССР. Виктор Александрович не просто руководил научными работами, он формировал научное мировоззрение своих учеников, учил их критически мыслить, самостоятельно анализировать проблемы и находить оригинальные решения. Он в развитие традиции профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В. П. Божьева обеспечил формирование уникальной научной школы уголовного процесса, отличительными чертами которой являются глубокий теоретический анализ, тесная связь с практикой и стремление к постоянному совершенствованию правовой системы. Отличительной чертой такого подхода является интеграция знаний из уголовно-процессуального и оперативно-розыскного права, криминалистики, судебной экспертизы, теории управления, процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля. Особое внимание им уделялось также проблемам профилактики преступлений и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, что отражает широту и актуальность научных интересов школы.

Для своих учеников и коллег Виктор Александрович всегда был и остается примером бескорыстного служения науке, высокой работоспособности, принципиальности и интеллигентности. Его мудрые советы, поддержка и конструктивная критика помогали многим молодым ученым найти свой путь в науке, что свидетельствует о его выдающихся менторских качествах и способности вдохновлять коллег на глубокие научные изыскания.

Плодотворность научной деятельности профессора В. А. Михайлова находит отражение в его обширном библиографическом наследии, насчитывающем свыше 450 научных и методических работ. В их числе – кандидатская и докторская диссертации, 15 монографий (включая монографию «Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве») [4], 14 учебников (включая фундаментальный 3-х томный «Курс уголовного судопроизводства») [1], 37 учебных и практических пособий, 53 учебно-методические работы, комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу и Закону об оперативно-розыскной деятельности, а также 27 выпусков журнала «Публичное и частное право». Следует отметить и его участие в работе научно-консультативного совета при Следственном комитете МВД России, входил в состав экспертного совета при Комитете по безопасности Государственной Думы Российской Федерации, ему поручалось проведение экспертизы проектов как федеральных законов, так и постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Анализируя содержание диссертационного исследования В. А. Михайлова в виде научного доклада по теме «Меры пресечения в уголовном процессе» [2], следует сделать вывод, что его исследование охватывает широкий спектр проблем, начиная с методологических основ правовой характеристики мер пресечения. Он глубоко исследует сущность и понятие этих мер, предлагает классификацию оснований их применения, а также детально анализирует реализацию действующего законодательства и процессуальную характеристику различных видов мер пресечения. Этот системный подход позволил ему выявить ключевые аспекты, требующие критического осмысления.

Особое значение в работах профессора В. А. Михайлова приобретает критический анализ дискреционизма как проявления кризиса законности в применении мер пресечения. Он убедительно демонстрирует проблемы обеспечения конституционности норм отраслевого законодательства, подзаконных актов и постановлений Пленума Верховного Суда СССР, а также поднимает острые вопросы, связанные с пробелами, противоречиями и нелегитимностью отдельных норм существующего законодательства. Эти выводы стали основой для формирования его концепции совершенствования правоприменительной практики в этой сфере уголовного судопроизводства.

Важнейшим направлением его исследований является также формирование концептуальных основ правового регулирования процессуальных сроков содержания обвиняемых и подозреваемых

под стражей, что непосредственно влияет на соблюдение конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Научные интересы профессора не ограничиваются общими положениями регулирования мер пресечения. Он глубоко прорабатывает их особенности в специфических условиях, таких как чрезвычайные ситуации, а также анализирует проблематику мер пресечения в процессе международного правового сотрудничества, что в очередной раз подтверждает широту его научных взглядов и актуальность его исследований.

Поскольку одним из центральных императивов в работах профессора В. А. Михайлова является защита прав и свобод человека и гражданина при применении законодательства о мерах пресечения, следует констатировать, что этот принцип пронизывает все его предложения по оптимизации системы процессуального и судебного контроля, прокурорского надзора, а также криминалистического и организационно-управленческого обеспечения.

Кульминацией научных изысканий профессора В. А. Михайлова являлось обоснование конкретных предложений при подготовке и принятии Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Эти предложения включают детальную регламентацию процессуального порядка применения мер пресечения на всех стадиях процесса (включая суд присяжных, уголовного дела о преступлениях несовершеннолетних, принудительные меры медицинского характера, частное обвинение, международную правовую помощь, чрезвычайные ситуации). Его предложения касались и реформирования институтов досудебной подготовки материалов, стадии дознания и предварительного следствия с учетом аспектов применения мер пресечения.

Отдельного упоминания заслуживает вклад профессора В. А. Михайлова в развитие теории оперативно-розыскной деятельности. Эта сфера юридической науки долгое время среди ученых-процессуалистов, остававшаяся на периферии академических исследований, благодаря его усилиям, приобрела статус самостоятельной и активно развивающейся. Его работы по правовым основам оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), принципам и тактике ее проведения, вопросам взаимодействия оперативных подразделений с органами следствия и дознания, а также проблемам обеспечения законности при осуществлении ОРД [3], заложили прочный фундамент для дальнейших исследований и совершенствования соответствующего законодательства. Он одним из первых начал системно исследовать вопросы соотношения ОРД и уголовного процесса, их взаимного влияния и места в единой системе борьбы с преступностью.

Методологический подход В. А. Михайлова всегда отличался комплексностью. Он умело сочетал догматический анализ норм права с социологическими исследованиями, историческим экскурсом и сравнительно-правовым анализом, что позволяло ему выходить за рамки традиционных представлений и предлагать по-настоящему новаторские решения. Его научные изыскания никогда не были оторваны от реалий жизни. Напротив, их отличала ярко выраженная практическая направленность. Он активно участвовал в разработке законопроектов, ведомственных нормативных актов, методических рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел и совершенствование правоприменительной практики.

Влияние профессора В. А. Михайлова распространяется и на ведомственное нормотворчество. Его разработки легли в основу нормативных правовых актов Министерства внутренних дел СССР и МВД Российской Федерации, Федеральной службы налоговой полиции и Федеральной таможенной службы Российской Федерации, способствуя унификации и повышению эффективности правоприменения на ведомственном уровне. Неоценим его вклад и в формирование судебной практики: научные изыскания В. А. Михайлова использовались при подготовке постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что свидетельствует о его влиянии на развитие конституционного и уголовного правосудия.

Его труды являются неотъемлемой частью научно-исследовательской и учебно-воспитательной деятельности целого ряда ведущих образовательных учреждений: от Высшей следственной школы МВД СССР и Академии МВД СССР (Академии управления МВД России) до Российской таможенной академии и других высших учебных заведений.

Юбилей профессора Виктора Александровича Михайлова – это не только повод для торжественных поздравлений, но и возможность еще раз осмыслить его огромный вклад в развитие отечественной юридической науки.

Профессор В. А. Михайлов – это эпоха в истории Академии МВД и всей системы юридического образования и науки нашей страны. Его жизнь и деятельность являются ярким примером беззаветного служения Родине, науке и закону. Он внес неоценимый вклад в формирование правовой культуры общества, укрепление правопорядка и воспитание нового поколения высококвалифицированных юристов.

От всего сердца желаем Виктору Александровичу крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, дальнейших творческих успехов и продолжения плодотворной деятельности на благо российской юридической науки и правоохранительной системы! Пусть его мудрость и опыт продолжают служить маяком для всех, кто избрал путь служения закону.

Список литературы:

1. Плодотворность научной деятельности профессора В. А. Михайлова находит отражение в его обширном библиографическом наследии, насчитывающем свыше 450 научных и методических работ. В их числе – кандидатская и докторская диссертации, 15 монографий (включая монографию «Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве») [Курс уголовного судопроизводства : учебник; в 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. М. : Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2006. 824 с.
2. *Михайлов В. А.* Меры пресечения в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.
3. *Михайлов В. А.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность : учебное пособие / В. А. Михайлов, С. М. Самodelкин. Волгоград : ВСШ МВД России, 1995. 64 с.
4. *Михайлов В. А.* Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Издательство Российской таможенной академии, 2013. 208 с.

Гирько Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор, главный научный сотрудник ФГБУН ЦИПБ РАН,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
e-mail: profgirko@mail.ru

Место и целевое предназначение дознания в уголовном процессе, перспективы его процессуальной формы

Аннотация

В статье автор исследует проблемные вопросы, связанные с современным восприятием дознания, как самостоятельной формы расследования преступлений определенной группы субъектом этой деятельности – дознавателем, рассматривает ретроспективу регламентации в нормах уголовно-процессуального кодекса разного времени процессуальной формы расследования преступлений и субъекта названной деятельности, высказывает свой взгляд на перспективы развития дознания, как процессуальной формы.

***Ключевые слова:** дознание; процессуальная форма расследования преступлений; дознаватель; протокольная форма досудебной подготовки материалов.*

Целевое предназначение дознания – это проведение предварительного расследования по определенной группе преступлений. В ходе дознания производятся процессуальные и следственные действия с целью установить факты о преступлении, собрать доказательства, выявить личность обвиняемого, степень его вины, размер ущерба от преступления и другие обстоятельства совершенного преступления.

Приведенное определение можно прочесть в Интернете. Но самое удивительное, что оно достаточно четко формулирует целевое предназначение названной разновидности предварительного расследования.

К этому можно добавить, что в современных условиях дознание – это перспективная, динамично развивающаяся служба органа дознания (полиции), сотрудники которой стоят на страже правопорядка и законных интересов граждан.

Важные отличия дознания от следствия: 1. Все расследуемые отделом дознания МВД уголовные дела – это дела небольшой и средней тяжести, как правило, с несложной системой доказывания, очевидные.

Также дознание помогает:

Укреплять законность в стране. Это выражается в уменьшении количества совершаемых преступлений.

Защищать права участников уголовного процесса.

Содействовать органам следствия и правосудия в осуществлении уголовного судопроизводства.

Обеспечивать общественную безопасность в процессе уголовного судопроизводства.

История дознания уходит в далекое прошлое. Термин «дознание» произошел от распространенных еще в Древней Руси слов «дознать» и «дознаться» – допытаться, выведать, разузнать, удостовериться в чем-либо. Само слово «дознаться» можно обнаружить среди задач тайного приказа времен Ивана Грозного. Документально функция полиции о производстве дознания по происшествиям начинает зарождаться в Указах Петра Первого. Полноценное же развитие дознание, как процессуальная функция полиции получила в Уставе уголовного судопроизводства (20 ноября 1864 года), принятого в рамках судебной реформы императора России Александра II.

Тогда же изданы «Наказ судебным следователям» и «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления и проступки». Впоследствии эти два новых института совершенствовались, не редко радикально менялась процессуальная форма дознания и порядок проведения расследований по уголовным делам.

Мои многолетние исследования, предшествовавшие защите докторской диссертации, само докторское исследование и последующие разработки со всей очевидностью подтверждают эти утверждения.

Хочу напомнить, что теперь уже более десяти лет в российском уголовном досудебном производстве действует унифицированная процессуальная форма расследования уголовных дел, включенная в судопроизводство России Федеральным законом от 4 марта 2013 года. В УПК РФ была введена глава 32.1 – «Дознание в сокращенной форме».

Специализированные подразделения дознания изначально входили в структуру милиции общественной безопасности, а их деятельность координировалась ГУООП МВД России, в составе которого находился специализированный отдел, осуществляющий координацию и методическое обеспечение названных подразделений.

Специализированные подразделения дознания в прошлом, преобразованы теперь в самостоятельную службу полиции – вертикаль соподчиненной службы дознания. В специальной литературе описан и хорошо известен тернистый путь поиска и решений правового характера, проделанных в последние десятилетия, как в отношении отдельных субъектов процессуальной деятельности дознания, так и самой процедуры досудебного производства, регламентированных уголовно-процессуальным законодательством – УПК Российской Федерации.

Сегодня самостоятельный процессуальный статус приобрели орган дознания (ст. 40), дознаватель (ст. 41), начальник подразделения дознания (ст. 40.1 – 2007), начальник органа дознания (ст. 40.2 – 2015), а кроме того закрепление в ст.5 УПК получили такие понятия, как дознаватель (п. 7 – 2002, 2003), дознание (п. 8 – 2002), начальник органа дознания (п. 17 – 2015), начальник подразделения дознания (п. 17.1 – 2007).

Во все эти изменения в уголовно-процессуальном механизме вложены усилия и научно-практическая компетенция разных поколений ученых-процессуалистов и практиков МВД России.

В частности, скажем, Л. М. Карнеева явилась автором и последовательным проводником правовой модели «протокольной формы», причем, вопреки позиции своего учителя, столпа процессуальной науки М. С. Строговича, сторонника единой процессуальной формы предварительного расследования. По проблеме совершенствования дознания трудились многие поколения ученых-процессуалистов.

Замечу, что полноценное дознание, как унифицированная процессуальная форма досудебного производства в первые годы советского государства сохранялось в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1923 г., где под дознанием понималась упрощенная процедура сбора доказательственной информации и дознаватели милиции (кстати единственные, против десятка теперешних) напрямую направляли свои дела прокурору и в суд. Связано, с нашей точки зрения, это было, прежде всего, с тем, что нормы этих кодексов впитали в себя еще «дух» дореволюционных Уставов уголовного судопроизводства, в которых содержалось несколько самостоятельных процессуальных форм ускоренного досудебного производства, а само дознание сводилось к ускоренному сбору и закреплению доказательственной информации с целью ответа на вопросы – что произошло, кто совершил, какие последствия наступили, содержит ли событие признаки уголовно-наказуемого деяния и возможно ли рассмотрение материалов судом, вынесение на их основании приговора.

В дальнейшем, в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик 1958 г. и Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. была закреплена хорошо нам известная двуединая процессуальная форма предварительного расследования, использующая единую систему доказывания и систему доказательств. Поэтому протокольная форма досудебного производства явилась для своего времени шагом «революционным» и не популярным, но в значительной степени заполнила нишу унифицированного досудебного производства.

Уместно напомнить лишь, что указанный вид первичного расследования достаточно быстро распространился, расширяясь по составам преступлений и регионам РСФСР и СССР с 4 составов преступлений, по которым она применялась первоначально до 94, а потом и до 109. К 1998 году, когда протокольная форма была упразднена, в органах внутренних дел субъектами ее оформления являлись штатные дознаватели, участковые инспекторы и даже оперативные сотрудники органов милиции. В этой форме завершалось производство до 50% всех дел небольшой и средней тяжести. Наличие в уголовном процессе России унифицированной процессуальной формы позволило справиться с резко возрастающим в тот период времени «валом» малозначительных преступлений, доводить их материалы до судебного рассмотрения и приговоров, реализуя на практике принцип неотвратимости ответственности. В то же время протокольная форма имела и целый ряд очевидных недостатков.

О причинах приостановления протокольного производства в 1998 году нам также хорошо известно: масштабы протокольного производства, осуществляемого милицией, не совпали с «пропускной возможностью» судебной системы. Но это отдельная и самостоятельная тема разговора.

А потом был 15-летний перерыв до принятия нового УПК, когда в уголовном процессе России унифицированное досудебное производство не допускалось. Дознание в сокращенной форме явилось «глотком воздуха», но введенная процедура в значительной мере отличалась от той, которую коллектив научно-практических работников МВД России направлял на согласование в Правительство и Администрацию Президента России. Одно из таких принципиальных отличий – это согласие виновного на производство в сокращенном порядке, что вызвало как у практиков, но прежде всего у разработчиков процессуальной процедуры – недоумение. И это тоже предмет специального разговора.

Но в тот период времени, несмотря на недостатки, когда сотрудники подразделений дознания полиции еще не успели в полной мере

освоить на практике процедуру дознания в сокращенной форме, ученые и сотрудники аппаратных подразделений МВД России приступили к проработке новой инициативы по унификации досудебного производства, подготовив соответствующий законопроект. Назвали инициаторы новеллу - особым порядком досудебного производства и с тех пор последовательно предпринимаются в том числе и в современных условиях попытки по реанимации некоего аналога протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Обозначенная выше и предложенная сегодня новелла особого порядка досудебного производства во многом учитывает те критические замечания ученых и практиков: судей, прокуроров, адвокатов, граждан, попадавших в сферу применения протокольной формы. Как и настаивали ученые, в предлагаемом особом порядке досудебного производства закреплена своя, отличная от предварительного расследования, система доказывания, установлен 10-суточный срок производства, протокольный характер завершения процедуры, возбуждение уголовного дела в момент утверждения протокола, иные новеллы.

Кстати, протокольный характер производства уверенно вписывается в существующие международные стандарты унифицированных досудебных производств, что также говорит в пользу предлагаемой новации.

Однако, известно, что на первый взгляд лучшее, порой, бывает врагом относительно стабильного и хорошего. Поэтому попытаемся оценить действующую унифицированную форму досудебного производства, допущенную законодателем в уголовный процесс в виде дознания в сокращенной форме. Время, прошедшее с момента введения в российское уголовное судопроизводство сокращенного дознания, позволяет оценить теоретическую и практическую значимость принятого десять лет назад решения. Это, во-первых.

А во-вторых, как ситуация с распространением и овладением опытом расследования дел в форме дознания в сокращенной форме выглядит сегодня?

Заполнило ли такое дознание правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 года занимала протокольная форма?

По данным статистики и фактической информации Управления дознания МВД России за несколько прошедших лет нагрузка на подразделения дознания из года в год снижается, как снижается и уровень преступности в стране. На смену традиционным для дознания преступлениям приходят новые составы, связанные с телефонным мошенничеством и другими массовыми преступлениями в сфере высоких технологий, новыми по своей сути и сложными по составу преступления

и предмету доказывания. Конечно, в работе по производству дознания в сокращенной форме существуют и нерешенные проблемы.

Расслабляться рано, преступность может «выстрелить», как это бывало не раз в нашей истории.

Следует заметить, что если в начальный период введения в УПК РФ дознания в сокращенной форме, правоприменители отмечали отсутствие единой политики в плане поддержки ускоренных производств заинтересованными правоохранительными органами, к числу которых мы относим органы внутренних дел и прокуратуру, суд, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработан общий стратегический вектор поддержки практики унифицированного дознания.

Тем важнее, что как сами дознаватели и их руководители, так и надзорные органы все эти годы настойчиво трудились над освоением новой формы дознания и со временем выработали единые подходы к самой ускоренной процедуре и толерантность к дознанию в сокращенной форме, ощутив ее преимущество по определенным группам преступлений.

Конечно, нельзя ни в коем случае пренебрегать и качеством процессуального производства. Должна быть найдена «золотая» середина.

Несмотря на очевидность передачи законом в руки практических работников требуемого ими «правового инструмента», позволяющего достаточно эффективно справляться с существенным объемом несложных по конструкции состава, очевидных и неопасных преступлений, в научной среде продолжается дискуссия о восприятии дознания в ускоренной форме, как самостоятельной процессуальной формы.

При этом одни коллеги, по-прежнему, видят в сокращенном дознании «необузданный и, главное, не обусловленный потребностями практики, реформаторский зуд».

Другие ученые до сих пор задаются вопросами о «неясности мотивов введения дознания в сокращенной форме» или «находят в нем уголовно-процессуальные нормы, не соответствующие современным реалиям». Но это в основном апологеты традиционной формы предварительного расследования.

Проведенные мною разработки, связанные с международными подходами к ускоренному досудебному производству, наработанными в государствах как континентальной, так и англо-саксонской систем права, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует. Однако, присутствуют и отличия, которые, на наш взгляд, являясь громоздкими, снижают эффективность использования на практике дознания в сокращенной форме.

В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Удивительно, но проведенный опрос дознавателей показал, что никаких затруднений внешне сложная процедура, закрепленная в законе, на практике не вызывает. А зарубежная практика повсеместно также исходит из добровольного согласия обвиняемого на ускоренное производство по делу.

Некоторых дискуссионных смущает обязательность условия признания фигурантом своей вины и что решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме «зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя». Между тем, в проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица ничего странного не содержится. Более того, унифицированная процедура дознания потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений, она исходит, прежде всего, из побуждений процессуальной экономии и оптимизации.

Но было обнаружено и другое – виновная сторона данный нюанс использует в своих тактических интересах и вопреки целям правосудия. Представляется, что это не отражает задач судопроизводства.

Кроме того, полагаем, что вывод о необходимости возбуждения дознания в сокращенной форме не должен зависеть от индивидуального восприятия обстоятельств преступления любыми субъектами и такое процессуальное решение должно быть основано исключительно на усмотрении лица, производящего дознание.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются и проблемы, связанные с доказыванием.

Не детализируя противоположные позиции, хочется напомнить, что в данном случае речь идет о доказывании обстоятельств преступления с упрощенной конструкцией состава, очевидном его характере, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной общественной опасности. Поэтому все дальнейшее досудебное производство, включая процедуру доказывания, оптимизируется и исходит также из принципа процессуальной экономии. Следует учитывать также и международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах.

Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме, закрепленную в главе 32.1. УПК РФ, как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в процессуальном оформлении

преступлений небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не счел возможным более детально подойти к вопросам регламентации средств доказывания по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме.

В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем, в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и некоторые другие, которые требуют временных и ресурсных затрат и ни в какой мере не соответствуют требованиям оптимизации: упрощения и ускорения.

К примеру, авторы-разработчики новеллы об особом порядке досудебного производства предлагают ограничить источники доказательств перечисленными в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Данное предложение представляется вполне разумным. С тем условием, что именно они и должны признаваться доказательствами в рамках названной процессуальной формы.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме, в целом, адекватна задачам, стоящим перед этим правовым институтом, и отражает международные стандарты таких производств. Его практику следует продолжать. Однако это обстоятельство не может означать, что учеными в данном случае выработана, а законодателем закреплена оптимальная модель дознания и она окончательна. Вовсе нет. Ученые и практики должны продолжать свои изыскания, направленные на поиск и обоснование наиболее эффективных процессуальных форм досудебного судопроизводства.

Названную процессуальную форму было бы уместно избавить от «якорей», некоторые из которых названы выше, и которые вызывают ее критическое восприятие.

А в целом дознание в сокращенной форме себя оправдало, оно принято правоприменителем, наработавшим устойчивую практику осуществления дознания в сокращенной форме, и оно должно быть сохранено в российском уголовном судопроизводстве в качестве самостоятельной процессуальной формы до тех пор, пока научное сообщество не предложит практикам более совершенную модель.

Гладышева Ольга Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой
уголовного процесса и прокурорского надзора
Кубанского государственного университета
e-mail: volkoup@yandex.ru

Процессуальный статус подозреваемого в российском уголовном процессе нуждается в совершенствовании

Аннотация

Статус подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве сопровождается высокими рисками в части обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. В числе таких рисков правовая неопределенность по длительности возложения статуса подозреваемого на основании постановления о возбуждении уголовного дела и как следствие этого – негативные правовые последствия для лица, приобретающего этот статус указанным способом и впоследствии утрачивающего его по реабилитирующим основаниям. Целью настоящей работы является формирование научной основы для критической оценки статуса подозреваемого. Результат – выявление закономерности между возлагаемым на лицо процессуальным статусом подозреваемого в силу возбуждения против него уголовного дела и неблагоприятными последствиями частного и публичного характера. Основной вывод: статус подозреваемого, приобретенный по указанному основанию в сложившихся условиях, перестал выполнять свою правовую и социальную миссию. Для более эффективного достижения назначения уголовного судопроизводства в настоящее время он подлежит замене другим – универсальным статусом лица, в отношении которого применяются процессуальные правоограничительные меры.

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство; подозреваемый; процессуальный статус; фактический участник; права и законные интересы.*

Лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, в российском уголовном судопроизводстве имеет несколько возможных процессуальных статусов, посредством которых приобретает различную совокупность процессуальных прав и обязанностей, позволяющих осуществлять защиту своих законных интересов (ст. 46, 47 УПК РФ). Наряду с ними можно выделить фактический процессуальный статус лица, в отношении которого ведется уголов-

ное преследование, сформировавшийся в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации¹.

Фактический процессуальный статус в определенной степени получил законодательное признание, подтверждением чему выступают положения ст. 49 УПК РФ, указывающие на наделение лица правом на получение квалифицированной юридической помощи с момента *фактического* (здесь и далее курсив наш. – О. Г.) задержания, а также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий². Фактический процессуальный статус лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, с одной стороны создает достаточно серьезные трудности в работе органов досудебного производства³, а с другой, наращивает масштаб и темпы своего внедрения в правоприменительную практику.

Подозрение в уголовном судопроизводстве представляет собой достаточно неоднозначную правовую конструкцию. Отметим наличие разнообразных трактовок его понятия, определения сущности, оснований и порядка появления, правовых последствий приобретения и др.

По мнению В. А. Семенцова, подозрение представляет собой форму уголовного преследования, в рамках которой выдвигается предположение о причастности конкретного лица к совершению преступления, с *возможным* впоследствии официальным признанием этого лица, подозреваемым по основаниям, предусмотренным в ч. 1 ст. 46 УПК РФ [4]. Эта позиция представляется верной в силу того, что очевидной становится следующая закономерность: фактическое подозрение формируется ранее, чем придается официальный

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

² Апелляционное постановление Ивановского районного суда Ивановской области от 6 мая 2025 г. № 10-8/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).

³ Например: «в качестве одного из доказательств виновности осужденного судом в приговоре приведен протокол явки с повинной Н., который составлен в отсутствие защитника. Сведений о том, что Н., фактически подозреваемому в совершении тяжких преступлений, была обеспечена реальная возможность осуществления своего права на защиту с помощью адвоката, в распоряжение суда не представлено, что является нарушением требований ст. 16 УПК РФ и в силу положений ст. 75 УПК РФ влечет признание указанного протокола недопустимым доказательством» [Электронный ресурс] : апелляционное определение Ивановского областного суда от 13 февраля 2025 г. по делу № 22-155/2025 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).

процессуальный статус. Соответственно есть основание считать, что фактическое подозрение может стать основой для подозрения официального. Также очевидно, что *появление фактического подозрения имеет правовое значение*.

Тезис о причастности определенного лица к совершению преступления, подлежащий проверке и доказыванию в ходе предварительного расследования, имеет, в отличие от утвердительного тезиса обвинения, предположительный характер и меньшую степень обоснованности [8, с. 1106]. Предположение и недостаточная степень обоснованности видятся одновременно как значимые для определения подозрения признаки, так и весьма неопределенные по своей сути.

Теоретическая часть проведенного исследования лишь подтвердила изначальную гипотезу: в каждом из основных признаков подозрения присутствует неопределенность, а существующие активные дискуссии в этих сферах лишь подтверждают мысль о «шаткости» как научной основы, так и правовой конструкции в целом. Тем не менее, статус подозреваемого приобрел законодательное закрепление.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым лицом становится на основании вынесенного в его отношении постановления о возбуждении уголовного дела. Эта правовая конструкция представляется особенно проблемной, поскольку не предполагает достаточных оснований для выдвижения сколько-нибудь состоятельных подозрений, но, тем не менее, допускается и приводит к существенным правоограничениям, в том числе, конституционных (трудовых, жилищных и иных) прав.

Лица в статусе подозреваемого, приобретенного по различным основаниям, имеют ряд отличий:

– в соответствии с ч. 2 ст. 46 УПК РФ только тот подозреваемый, который задержан в порядке, ст. 91 УПК РФ должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. Из чего следует закономерный вывод, что в иных случаях допрос подозреваемого проводится в сроки, избранные по усмотрению следователя или дознавателя. Для сравнения, лицу, которому предъявляется обвинение, допрашивается немедленно (ч. 1 ст. 173 УПК РФ);

– лицо, получившее уведомление о подозрении в порядке ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ по существу подозрения, допрашивается в течение 3 суток с момента вручения ему уведомления о подозрении в совершении преступления.

В сравнении со статусом обвиняемого статус подозреваемого также имеет ряд отличительных черт, из которых отметим право

подозреваемого (без конкретизации оснований приобретения статуса) давать *объяснения* и показания (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Обвиняемый может давать только показания. В этом пункте сосредоточено достаточно много поводов для дискуссий:

1. Принято считать, что только показания рассматриваются как доказательства, которые могут быть использованы для установления виновности подозреваемого. Однако в п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ закреплено, что объяснения также могут рассматриваться в качестве доказательств виновности подозреваемого. Но разъяснений о правовой сущности объяснений подозреваемому никто не делает в силу отсутствия соответствующих правил в УПК РФ.

2. Каким образом (чисто технически) подозреваемый может дать объяснения, если его статус официально появляется только *после* возбуждения уголовного дела, а объяснения могут быть даны исключительно в рамках проверки сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), иначе говоря – объяснения могут быть получены только *до* вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и соответственно *до того*, как лицо приобрело статус подозреваемого на основании указанного постановления.

Возможно, что законодатель таким образом указывает на права *фактически подозреваемого*, т.е. права лица, чье фактическое положение свидетельствует о проведении в его отношении уголовного преследования. И в этой части наш тезис о том, что фактический процессуальный статус расширяет свои правовые основания, находит свое подтверждение.

Представляется, что следует поддержать и критическую оценку учеными оснований к появлению подозреваемого, связанных с применением мер процессуального принуждения. В частности, вполне логичным является замечание о том, что подозрение не формируется основаниями применения мер процессуального принуждения. Так, ст. 100 УПК РФ, в части оснований применения меры пресечения к подозреваемому, отсылает к содержанию ст. 97 УПК РФ, а ст. 91 УПК РФ однозначно свидетельствует о первичности подозрения («задержать по подозрению»). Соответственно правы те ученые, которые отмечают, что задержание или мера пресечения применяются при наличии подозрения, а не наоборот, когда подозрение рождается вследствие применения мер процессуального принуждения [3, 5, с. 157].

Наше внимание особенно привлекло процессуальное положение подозреваемого, которое находится, если можно так выразиться, в «серой» или неочевидной зоне правового регулирования. Речь идет о длительности сохранения статуса подозреваемого, получив-

шего этот статус на основании постановления о возбуждении уголовного дела.

Примеры, когда подозреваемый по указанному основанию порой годами находится в этом статусе далеко не единичны¹. Обвинение предъявляется при наличии достаточных доказательств (ст. 173 УПК РФ), которые могут собираться опять же годами. При этом любые жалобы о нарушении разумного срока предварительного расследования купируются видимой активностью путем производства некоторого объема следственных действий². Обжалование же непредъявления обвинения в течении длительного срока тут же сталкивается с вполне обоснованной позицией судов (если обжалование происходит в порядке ст. 125 УПК РФ) о процессуальной самостоятельности следователя, определяющего ход и направление расследования³. В этих ситуациях все оказываются правы и только подозреваемый не получает надлежащей защиты своих прав и законных интересов.

Конституционный суд РФ в уже упомянутом ранее постановлении № 11-П дал разъяснения про фактический статус лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, но при этом, как пишут ученые, не упомянул об окончании процессуального статуса подозреваемого, отметив лишь, что «отсутствие в УПК РФ предельного срока наделения лица статусом подозреваемого само по себе не нарушает его конституционных прав» [7].

В этой части есть повод несколько скорректировать позицию. Действительно в определении № 467-О⁴ Конституционным Судом

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Петренко Марины Александровны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025); апелляционное постановление Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 10 февраля 2025 г. по делу № 10-4/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).

² Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 22 апреля 2024 г. № 10К-2494/2024; постановление Хорошевского районного суда г. Москвы от 8 июля 2024 г. № 3/12-165/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).

³ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 11 мая 2023 г. № 22-891/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).

⁴ По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2005. № 3.

РФ указанное выражение присутствует, но не само по себе, а с указанием на системные свойства УПК РФ. Это обстоятельство обуславливает действие ст. 46 УПК РФ в единстве с иными его предписаниями, в том числе, и теми, что регламентируют сроки на стадии предварительного расследования и предоставляют подозреваемому право обжаловать действия (бездействие) и решения, приводящие к бесосновательному затягиванию сроков предварительного расследования. Важен в этой правовой позиции иной аспект, поскольку Конституционный Суд РФ совместил в своем решении фактическое процессуальное положение лица с возможностью реализации отдельных процессуальных прав.

Изучение научных работ показало, что учеными уделяется внимание в основном прикладным аспектам процессуального положения подозреваемого: процедуре применения в его отношении мер процессуального принуждения [1], решению проблем обеспечения прав подозреваемого, объявленного в розыск [2] и иным. Считаем необходимым задаться другим вопросом: во всех ли случаях признания лица подозреваемым создаются необходимые условия для обеспечения прав и законных интересов личности?

Отметим при ответе на сформулированный вопрос, что в определенной степени такая постановка проблемы для российской уголовно-процессуальной науки не нова [4]. В отдельных исследованиях речь шла о том, что статус подозреваемого способен заменить статус обвиняемого и существенно увеличить число оправдательных приговоров, так как заставил бы судей внимательнее относиться к исследованию и оценке «имеющихся в деле доказательств и доказательств, полученных в ходе судебного следствия» [6, с. 107]. На наш взгляд, такое предложение нуждается в основательной аргументации, поскольку замена одного термина другим, без решения иных проблем, не может привести к желаемому результату – вынесению судами большего числа законных и обоснованных оправдательных приговоров.

Отмеченные проблемы процессуального статуса подозреваемого не могут быть решены путем усиления его формализации [3] и в этой части разделяем мнение о том, что издание постановления о признании подозреваемым не поможет кардинально изменить ситуацию [9].

Фактический статус лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, также выглядит не оптимистично, поскольку в каждом индивидуальном случае требуется интерпретация не только и столько законодательства, сколько правовых позиций Конституционного Суда РФ. В судебной практике встречаются доста-

точно сложные ситуации, когда «доводы о нарушении положений ч. 4 ст. 179 УПК РФ при освидетельствовании не основаны на материалах дела, поскольку освидетельствование не сопровождалось обнажением Р.Н. На момент освидетельствования ни фактическим, ни юридическим статусом подозреваемого Р.Н. не обладал»¹.

С учетом объема, характера и разнообразия сложившихся проблем вокруг лишь одного фрагмента процессуального статуса подозреваемого – нерегулируемая законодательно длительность возложения его (статуса) на гражданина в случаях, не связанных с применением мер процессуального принуждения, ответ на поставленный ранее вопрос должен быть следующим: процессуальный статус подозреваемого в имеющихся правовых условиях в отдельной части перестает нести в себе правовую и социальную позитивность в виде надлежащего обеспечения прав лиц, обладающих данным статусом.

Наше видение решения проблемы заключается в формировании более общего, чем подозреваемый (статус, который приобретает на основании постановления о возбуждении уголовного дела), более общего процессуального статуса лица, в отношении которого предпринимаются или могут применяться правоограничительные меры уголовно-процессуального характера. Преимущества видим в следующем:

1. Не требуется каких бы то ни было формальных оснований для определения процессуального положения (статуса) такого лица. Сам факт применения правоограничений в широком смысле, а также создания условий для их применения (например, принятие решений о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица) выступает достаточным основанием для приобретения таким лицом совокупности базовых процессуальных прав (право на ознакомление с процессуальными документами, право на юридическую помощь, право на обжалование).

2. Предлагаемый процессуальный статус охватывает все имеющиеся формальные основания появления подозреваемого и также способен нести полезную нагрузку и в иных, не указанных в законе случаях, что позволяет надеяться, что вовлекаемые в уголовное судопроизводство лица получают надлежащую правовую защиту без формального ограничения на доступ к этим средствам в виде обязательных процессуальных решений об их признании соответствующими участниками.

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2025 г. по делу № 77-131/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2025).

3. Указанное предложение дает надежду на повышение ответственности органов досудебного производства за применением мер правоограничения, так как каждое из них в отношении любого лица будет вызывать немедленную правовую реакцию (отклик).

Список литературы:

1. *Азаренок Н.В.* Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публично-го и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6.

2. *Архипов А.С.* Проблемы обеспечения прав и законных интересов подозреваемого, объявленного в розыск // Российский следователь. 2024. № 11.

3. *Великопольская А.А.* Подозреваемый и способы легализации подозрения на досудебной стадии уголовного процесса России // Российский судья. 2016. № 1.

4. *Гаврилов Б.Я.* Необходим ли институт привлечения лица в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве: история и современность? // Криминологический журнал. 2024. № 3.

5. *Денежкин Б.А.* Гарантии законности признания лица подозреваемым в советском уголовном процессе // Вопросы теории и практики предварительного следствия в органах внутренних дел : материалы науч.-практ. конференции, посвященной десятилетнему юбилею со дня образования предварительного следствия в МВД СССР. Саратов, 1973.

Кругликов А.П. Обвиняемый: нужен ли такой участник в уголовном процессе современной России? // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2 (122).

6. *Кузьминых К.* Проблемы неопределенности окончания процессуального статуса подозреваемого у лица, в отношении которого уголовное дело не возбуждалось и не расследуется, и участия адвоката в качестве защитника такого лица // Адвокатская газета. 2017. 1 сент.

7. *Майорова Л. В., Плошкина Я.М.* Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. № 7.

8. *Семенцов В.А.* Подозрение в отечественном уголовном судопроизводстве: история и современность // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 15 (1).

Зайцева Елена Александровна,
*заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса УНК
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России
e-mail: zaitceva-expert@rambler.ru*

Виктор Александрович Михайлов – ученый с активной гражданской позицией

Любовь к науке – это любовь к правде, поэтому честность является основной добродетелью ученого.

Людвиг Фейербах

Аннотация

В статье анализируется позиция профессора В. А. Михайлова по одному из сложнейших вопросов уголовно-процессуальной теории – о цели и задачах уголовного судопроизводства. Автор соглашается с критической оценкой уважаемого профессора в части неудачности формулировки «назначение уголовного судопроизводства», содержательного наполнения этого понятия в ст. 6 УПК РФ. Подчеркивается принципиальность позиции ученого, гражданина В. А. Михайлова в определении путей совершенствования целеполагания уголовного процесса.

***Ключевые слова:** назначение уголовного судопроизводства; цель уголовного процесса; задачи уголовного процесса; принципы уголовного процесса.*

В академическом юридическом сообществе много ученых, внесших свой весомый вклад в развитие уголовно-процессуальной науки, в дело подготовки научно-педагогических кадров. Виктор Александрович Михайлов среди таких процессуалистов занимает особое место: он не только известный научный деятель, который за свою долгую и плодотворную творческую жизнь опубликовал свыше 450 научных и методических работ, воспитал плеяду достойных учеников (24 кандидата юридических наук, 7 докторов), он еще и человек с активной гражданской позицией! Такой вывод может сделать любой читатель, ознакомившись с его концептуальными подходами к острейшим вопросам уголовно-процессуальной науки, отраженными в двух его программных статьях 2011 года: «Цели уголовного судопроизводства» [1] и «Задачи уголовного судопроизводства» [2].

Попробуем проанализировать позицию уважаемого профессора и высказать свои суждения по данным аспектам.

Прежде всего, согласимся с В. А. Михайловым относительно важности уяснения категории «назначение» применительно к уголовному судопроизводству – особенно в условиях отсутствия четко очерченных законодателем целей и задач уголовного процесса. Исходя из устоявшегося в науке понимания уголовного процесса как урегулированной законом деятельности государственных органов и должностных лиц по... (далее не будем воспроизводить традиционную дефиницию, содержащуюся во всех учебниках), подчеркнем, что любая деятельность (тем более – государственных органов и должностных лиц) должна иметь цель (с точки зрения деятельностного подхода – своеобразную «стратегию») и задачи, посредством решения которых достигается эта цель (тактический аспект деятельности). Ни того, ни другого законодатель в УПК РФ¹ не закрепил, создав парадоксальную ситуацию реализации важного направления государственной деятельности без четко обозначенной цели и задач. На это обстоятельство наряду с В. А. Михайловым указывали многие авторы (например, В. А. Азаров, Ю. К. Орлов и др.).

Примечательно, что параллельно с работой над УПК РФ шла активная подготовка других кодифицированных актов, в которых законодатель (несмотря даже на ориентированность их на регулирование отношений в сфере частного права) задачи все-таки сформулировал. Например, в ст. 2 ГПК РФ² закреплены задачи гражданского судопроизводства, а в ст. 2 АПК РФ³ – задачи судопроизводства в арбитражных судах. И в данных статьях нашлось место не только для специальных задач соответствующих видов судопроизводств, но и для «способствования укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду».

Игнорирование разработчиками традиций отечественного законодательства в сфере уголовного судопроизводства, выразившееся в отказе от привычного закрепления задач, вместо которых в УПК РФ появилась новая уголовно-процессуальная «категория» назначения уголовного судопроизводства⁴ – данный факт справедливо оценивается

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁴ По Ю. К. Орлову можем по аналогии назвать это порождение законодательства разработчиков УПК РФ также «лингвистической новацией» [3].

В.А. Михайловым в негативной коннотации как проявление «безоглядной либерализации всего и вся» [1, с. 103] применительно к сфере уголовного процесса. Обличительно и гневно звучат слова В.А. Михайлова о катастрофических последствиях [1, с. 104-106] этой «безоглядной либерализации всего и вся» для страны, для ее экономики, правовой политики и правоприменения, демографии, культуры и образования «под лукавыми лозунгами признания, соблюдения и защиты государством прав человека как высшей ценности» [1, с. 102-103].

Какую роль выполняет статья о назначении уголовного судопроизводства в структуре УПК РФ? По большому счету – не более «визитной карточки», рекламной вывески, которая предваряет главу 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства», ориентируя читателя этой главы на правозащитный и правообеспечительный тон последующих нормативных предписаний. Сама география ее размещения в главе, посвященной принципам, является сигналом к тому, что разработчики отнесли ее к разряду основополагающих принципов уголовного процесса (это так и трактуется в некоторых работах, где авторы именуют ее «принцип назначения уголовного судопроизводства»), что выглядит, по крайней мере, нелепо.

По сути правоприменитель (а именно ему, в первую очередь предназначены нормы УПК РФ) вместо решения важной задачи по борьбе с преступностью, по выявлению, быстрому и полному раскрытию преступлений, изобличению виновных, видит в ст. 6 УПК РФ программный тезис о защите прав не только потерпевших, но и обвиняемых, о недопущении привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, об их реабилитации. При этом законодатель между делом, как бы «вскользь», упоминает «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания», которое, по идее, должно быть в приоритете у лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Такая градация, при всей ее социальной значимости в контексте конституционных ценностей, «дезориентирует» правоприменителя, неверно расставляя акценты в уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, о чем справедливо говорил В.А. Азаров, о чем, опираясь на конкретные статистические данные пишет в своей статье о целях уголовного судопроизводства В.А. Михайлов. Он с сожалением подчеркивает, что от достижения «того самого назначения» в выигрыше оказалась только сторона защиты, а «требования п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ ежегодно не реализуются в отношении примерно 70 % физических и юридических лиц, потерпевших от преступлений» [1, с. 108].

Профессор В.А. Михайлов в этой статье, констатируя печальный итог применения концептов «назначения уголовного судопроизводства» в виде «приоритета режима оправдательного уклона в уголов-

но-процессуальной деятельности..., predeterminedого ст. 6 УПК РФ, в виде «отсутствия в уголовно-процессуальном законодательстве целевой установки на адекватное, бескомпромиссное, наступательно-опережающее и превентивное противодействие организованной международной, национальной и иным формам преступности» [1, с. 110], сформулировал обращение к Федеральному Собранию РФ, где изложил свою активную гражданскую позицию по этому принципиальному для всего уголовного процесса вопросу.

Предложенная им проектная норма о цели уголовного судопроизводства (в его редакции – ст. 1.1 УПК РФ) может, безусловно, вызывать критические замечания по поводу излишней политизированности, некоторой пафосности нормативных формулировок, сложности конструкции¹ данной статьи. Но, тем не менее, мы не можем отрицать очевидного – эта законодательная новелла отражает видение путей решения важной идеологической проблемы современного уголовного процесса, предложенное уважаемым ученым, внесшим свой весомый вклад в развитие уголовно-процессуальной науки.

Список литературы:

1. Михайлов В.А. Цели уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2011. № 1(9).
2. Михайлов В.А. Задачи уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2011. № 2(10).
3. Орлов Ю. К. «Обязан» или «не вправе»? К чему ведет «лингвистическая» новация в УПК РФ» // Российская юстиция. 2003. № 10.
4. Орлов Ю. К. О понятии целей (назначения) уголовного процесса // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2010. Вып. 5.

¹ Относительно данного аспекта видится более эффективным подход профессора Ю.К. Орлова, который цель уголовного процесса формулировал просто: борьба с преступностью, обеспечение правильного применения уголовного закона. «Все остальное – соблюдение прав личности и прочее – лишь условия осуществления этой цели, чтобы она достигалась не всякими, а лишь соразмерными средствами» [4, с. 23]. По сути, уголовный процесс выступает той самой «социальной технологией» для применения норм уголовного закона. В этом его реальное предназначение в правовом государстве.

Колоколов Никита Александрович,
*доктор юридических наук,
судья Верховного Суда Российской Федерации
в почетной отставке,
заведующий кафедрой судебной и
прокурорско-следственной деятельности
Московского университета имени А. С. Грибоедова;
профессор кафедры теории и истории государства и права
Института социально-гуманитарного образования
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»*

Уголовное судопроизводство: доктрина, научное образование, практика – критерий истины

Аннотация

Доказывается, что уголовная политика предопределена природой человека, о чем не вправе забывать авторы доктрин «уголовное право» и «уголовный процесс». Попытка данной очевидной истины автоматически ведет к появлению научного образования в профессиональной полемике. Только практика – критерий истины.

***Ключевые слова:** уголовная политика; уголовное право; уголовное судопроизводство; преступление и наказание; практика – критерий истины в уголовном процессе.*

Уголовное судопроизводство – de facto движение компетентных государственных органов (осуществляющих ОРД, предварительного расследования, прокуратуры и суда) в своем познании от преступления (а то просто от мгновения зарождения преступного умысла) до обвинительного приговора. Именно обвинительного приговора ждет от государства общество, которое еще задолго до его постановления благодаря СМИ, как правило, твердо уверовало, что подсудимый а priori виновен, в силу чего, безусловно, заслуживает самой суровой кары. Оправдательный приговор – это досадный брак в работе правоохранительной системы. Про такие ситуации в народе говорят: «размах на рубль – удар на копейку».

Разговор о судьбе осужденных – это «отдельная песня», ибо функционирование пенитенциарной системы совершенно иное направление в государственной деятельности. Исправить случайно

оступившегося – пожалуй, не исключено, что и возможно! Исправить закоренелого преступника – утопия, ибо природа человека неизменна.

Неудобная доктрина «уголовное право»

В этой связи автору вспоминается уголовное дело в отношении М., 1925 года рождения, участника Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Свое первое уголовно наказуемое убийство (годы войны не в счет) он совершил на бытовой почве – зарезал тестя. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 года (которым распространялось применение соответствующего «сталинского» Указа о смертной казни от 12 января 1950 года на «рядовых» убийц) в 1955 году Курским областным судом М. был приговорен к высшей мере наказания («приговорчик» на страничку – раньше пространно «о пустяках» не писали). Современный читатель хорошо знает, что было это в канун знаменитого XX съезда КПСС (14-25 февраля 1956 года), который не только осудил «культ личности» И. В. Сталина, но и провозгласил общий курс на некую «демократизацию». Уже в рамках данного курса Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР заменила ВМН ветерану войны (единственный мотив) на тогдашний максимум за убийство (ст. 136 УК РСФСР 1926 года) – 10 лет лишения свободы.

Отбыв этот срок «от звонка до звонка» в Свердловской области, М. на «малую родину» в Курск не возвратился, в поселке рядом с лагерем (ИТЛ) нашел себе сожительницу. Может быть, за десять лет «лагерей» М. успел исправиться? Да, нет конечно! Через шесть месяцев после освобождения он «воткнул» сожительнице (согласно приговору женщине, с которой вступил в фактические брачные отношения) нож в глаз. Чуть не зарезал фактическую тещу... На этот раз уже Свердловский областной суд, учитывая единственный квалифицирующий признак «неоднократность» по п. «и» ст. 102 уже УК РСФСР 1961 года, во второй раз приговорил М. к смертной казни. Заодно М. был присвоен статус особо опасного рецидивиста (ст. 24.1 УК РСФСР 1961 года).

Ничего необычного в суровости данного приговора не было, к смертной казни в 1961–1964 годах приговаривалась до трети осужденных по ст. 102 УК РСФСР 1961 года (квалифицированное убийство).

В то же время, как известно, пик применения смертной казни в годы «хрущевской оттепели» пришелся на 1962 год, после чего частота применение данного вида наказания резко пошла на спад. С «приходом» Л. И. Брежнева (1906–1982 гг.) число реально исполненных приговоров к смертной казни сократилось на порядок.

Поэтому совсем не удивительно, что все так же Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу осужденного, в очередной раз заметила ему ВМН на уже новый максимум – 15 лет лишения свободы.

Честно отбыв в ИТК в общей сложности четверть века и опять освободившись «по сроку», М. вернулся на «малую родину». Согласно характеристикам с места жительства М. «вел себя дерзко, беспричинно бросался на людей то с кулаками, а то и топором».

Перед нашим судом он предстал в конце 1996 года. Органами предварительного расследования М. (возраст – 71 год) обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1961 года – причинение умышленного тяжкого телесного повреждения особо опасным рецидивистом. Согласно фабуле дела М. на почве личной неприязни пять раз ударил потерпевшего топором по голове. В судебном заседании М. во всем сознался.

Нанесение ударом топором по голове при условии, что потерпевший выжил только благодаря своевременно оказанной медицинской помощи, не что иное как покушение на умышленное убийство, совершенное неоднократно, да еще и особо опасным рецидивистом (п. «и», п. «л» ст. 102 УК РСФСР).

Что суду делать? Возвращать дело прокурору для предъявления соответствующего обвинения? Но это конец 1996 года, УК РСФСР 1961 года «доживает» последние дни. Будущий УК РФ 1996 года (введение в действие предстоит с 1 января 1997 года) понятия «особо опасный рецидивист» уже не знает, «Монстр», в третий раз покусившийся на убийство человека, превращается в заурядного преступника, причинившего всего лишь тяжкий вред здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ), которому может грозить максимальное наказание – 8 лет лишения свободы (отдельно подчеркнем, в наши дни от 2 мес. до 8 лет).

Автор четыре раза начинал писать итоговый документ, пока не пришло осознание того, что пока в инстанциях будет рассмотрен вопрос о необходимости предъявления М. соответствующего обвинения, «старый» УК исчезнет в анналах истории, его место займет очередной «новый», «инновационный», в рамках которого категория – «опасность личности М. для общества» право на существование уже не имеет. Так решила наука! Так решил законодатель!

Итог: автором М. было назначено наказание – 8 лет лишения свободы. Осужденный данное решение все же обжаловал: мотив – слишком сурово, «не успею выйти на свободу» (к 80 годам). Мы про себя подумали: убить еще кого-нибудь.

Профессор Н. С. Таганцев еще в конце XIX века предлагал рассматривать преступление как, в первую очередь, «проявление личности» (!), а только затем уже затем толковал это противоправное действие «как жизненное событие», «социальное явление». Николай Степанович требовал также «внесение в уголовное право социологического и антропологического изучения преступности» [18, с. 1].

Очередной вопрос к читателю: а не лучше было бы в отношении М. привести в исполнение, например, приговор 1955 года, или, наконец, приговор 1965 года? Очевидно, что тогда не было бы судебного разбирательства и в 1996 году. Отношение к сметной казни мы выразили в своей статье еще в 1998 году [11, с. 26–27], после замены Президентом РФ – Б.Н. Ельциным (1931-2007 гг.) нашего приговора к смертной казни в отношении Ильина. Не будем спорить, казнить или миловать – право государства (точнее правящей элиты). Однако, нельзя забывать, что у государства (правящей элиты) существует еще и обязанность: защитить своих граждан. Анализ дела в отношении М. позволяет сделать однозначный вывод о том, что после того как в 1955 году «прозвучал первый звонок», государство (правящая элита) данную функцию не выполнило, ибо допустило совершение М. аналогичных смертельно опасных для общества преступлений и в 1965 году, и в 1996 году.

Это суровые выводы науки, именуемой «уголовное право». Анализ подавляющего большинства современных публикаций позволяет сделать вывод, что данная антропологическая проблема практически никому не интересна. В 1996 году по подсказке «ученых» в УК РФ была легализована весьма спорная концепция: личность сама по себе, включая серийных убийц и сексуальных маньяков, не опасна. Опасно только некая искусственно выстроенная законодателем последовательность совершаемых ею (личностью) деяний (ст. 18 УК РФ «Рецидив преступлений»). Впрочем, по истечению определенного периода времени (когда судимость снята или погашена – п. «в» ч. 4 ст. 18 УК РФ) опасность эта куда-то бесследно исчезает. Что касается таких одиозных личностей, например, как «бицевский маньяк» Пучугин¹ (хвастался, что совершил 64 убийства) или «велосипедист» - сексуальный маньяк Макаренков, безнаказанно совершал преступления в 1987-2014 годах, то современное уголовное право «их в упор не видит».

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 14 февраля 2008 г. №5-О08-25СП. Электронный архив Верховного Суда Рос. Федерации за 2008 год.

О чем же пишут современные авторы?

Сразу скажем о многом. Например, судья Верховного Суда РФ в почетной отставке, бывший секретарь Пленума Верховного Суда РФ профессор В. В. Дорошков на страницах журнала «Мировой судья» регулярно поднимает вопросы, касающиеся текущей уголовной политики [6, с. 2-8]. О кризисе российского уголовного права очень много пишет профессор Н. А. Лопашенко [14]. Безусловно, интересные рассуждения о развитии доктрины отечественного уголовного права мы находим у профессора А. В. Наумова [16]. Профессор Б. Я. Гаврилов затрагивает вопросы эффективности УПК РФ [4]. Свое отношение к уголовной политике как некой формально «туманной очевидности» и, как правило, легко объяснимой реальности мы высказали еще в 2014 году. С тех пор наши воззрения изменений не претерпели [12]. Наш вывод: в основе уголовной политики – человек по всех его «приличных» и «неприличных» ипостасях, при этом (что самое главное) природа человека не измена. Все остальное – не что иное в уголовной политике как удачные или неудачные эксперименты в организационной деятельности.

Наука или наукообразие

Как минимум, со времен Ч. Беккария (1738-1794 гг.) юридическому миру известен «старый» категориальный ряд: 1) уголовное преступление; 2) уголовное наказание[1]. Взамен таковому проф. Т. В. Кленова предлагает вариант своего «нового», «современного» категориального ряда [9]: 1) уголовное преступление; 2) уголовное наказание; 3) уголовная ответственность; 4) освобождение от уголовной ответственности.

Вопрос автору: что разве мы ранее не знали институтов: а) уголовная ответственность; б) освобождение от уголовной ответственности? Далее автором (проф. Т. В. Кленовой) поднимается вопрос о «легитимизации обновления основного категориального ряда. Интересно, что это в конечном итоге означает? Чья будет функция легитимизации? Науки? По этому поводу проф. Н. Кристи (1928-2015 гг.) любил повторять: «Ученые докажут все, о чем их попросят, или все то, что они сами захотят!» Тогда, может быть: законодателя? Практики?

Нам представляется, что основной категориальный ряд российского уголовного права: преступление – уголовное наказание, в вместе с этим – уголовная ответственность – освобождение от уголовной ответственности давно уже легитимизирован!

Что же касается выравнивания представлений общества (потенциальных преступников?) и государства (чиновников?) о том, что является преступлением (отделить преступное от непроступного –

да ребус этот был во все времена и он нас переживет!) и каковы его неблагоприятные последствия (не будем спорить, даже при одинаковой квалификации содеянного преступление преступлению - рознь).

Проф. Т.В. Кленова раскрытие понятия «легитимизация» в уголовном праве осуществляет посредством понятия «легализации»? Разве понятия «легализация» и «легитимация» в данном случае не совпадают? Ниже по тексту статьи проф. Т.В. Кленовой мы видим: «Можно заключить, что легитимизация и легализация являются не тождественными или конкурирующими, а взаимодополняемыми феноменами. Легализация (и легальность как ее результат) уголовно-правовых инструментов выражается в следующем: 1) формализация принципов, дефиниций и норм в уголовном законе, при необходимости и в судебных позициях; 2) особая роль государства».

Еще ниже по тексту анализируемого произведения автора мы читаем: «Легитимизация (и легитимность как ее результат) этих социальных инструментов раскрывается иначе, по критериям: 1) социальное признание законодательно закрепленных норм и судебных позиций; 2) единообразное понимание основного категориального ряда уголовного права в обществе и государстве; 3) социальное признание правоприменительных актов судебной власти; 4) включенность концептуальных основ уголовного права в общее и профессиональное правосознание.

Нам не понятно: «каким боком» принцип демократизма в государственном управлении раскрывается посредством применения норм УК? Государство: хочу – криминализирую («сжечь ведьму» - «только два слова всего» – преступление (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), см.: приговор Центрального окружного военного суда от 23 сентября 2025 года в отношении Е. Рогозиной – штраф 310 тыс. руб.), хочу – декриминализирую (похитил чиновник машину щебня, подумаешь, такая мелочь). Кстати, россияне уже собрали почти всю сумму штрафа, которую предстоит выплатить осужденной Рогозиной: это отражение отношения общества к конкретной позиции государства.

Мы же продолжим анализ названной выше статьи проф. Т.В. Кленовой. Достоверность! Каким боком таковая в уголовном праве? Разве «требования достоверности» - не уголовно-процессуальная категория? Легитимизация уголовно-правовых инструментов с учетом социального (?) признания законодательно закрепленных норм (наш вопрос: кто конкретно признать должен?). В то же время, мы полностью согласны с тем, что признание прецедентов (судебных позиций и правоприменительных актов) категория в рамках отечественного

менталитета проблема на текущий момент неразрешимая. Закон должен быть «освящен некоей высшей властью»! Позиция судьи (мелкого чиновника) в сознании многих – нечто сродни произволу! Правда, не всех. Единообразное понимание основного категориального ряда уголовного права и в обществе, и государстве – «голубая мечта человечества», как и некий умозрительно «правильный УК».

Наш очередной вопрос к анализируемому автору (проф. Т. В. Кленовой): «В силу чего асоциально определение «преступления», в котором сочетаются признаки «противоправности» и «наказуемости»? Кто сказал, что определение «уголовной ответственности», равно «освобождение от нее» осуществляется «без уяснения социально-правовых оснований и целей. Цели, как раз-то и ясны, да и конкретные задачи поставлены. Еще ниже у проф. Т. В. Кленовой: «о преступлении как общественно опасном, виновном, запрещенном, порицаемом деянии, за которое возможны уголовное наказание и (или) иные меры уголовно-правового характера (что в этом непонятного и противоречивого)». Да, не было никакого изменения подхода к определению преступления, поэтому не нужно никакого преобразования всего основного категориального ряда уголовного права. Конечно, обсуждать варианты обновления отправных отраслевых понятий можно до без конечности... Что в таком случае значит: 1) их достоверность? 2) их легитимность?

Со ссылкой на А. В. Васильевна проф. Т. В. Кленова утверждает, что «Категории в их понятийном строе, ясно определяя возможности использования определенных правовых категорий как «исторических» и «преходящие продукты» [3]. Не будем спорить, может быть, во времена А. М. Васильева так и было принято считать... Только в названном им ряду «историческое» - может означать и временное, характерное для конкретной эпохи... (См.: хронодискретный, моногеографический метод А. А. Демичева).

Уголовное право, как известно, легитимирует насилие от имени государства (Да, да! Именем Короля! Именем Российской Федерации), но не органов государственного управления, не власти исполнительной (а таковые, что – разве не от имени государства действуют? «Слово и дело государево»! Право на уничтожение при задержании!), а власти, действующей от имени государства, т.е. судебной» (только Суд?).

А теперь смотрим докторскую диссертацию Е. Б. Мизулиной, так у нее суд фактически оказался вне государства... В ее работе можно, например, можно встретить такие словосочетания (цитируем выдержки из положений, вынесенных на защиту «будущим автором» УПК РФ): «уголовный процесс представляет собой социальную технологию правосудия» (и только?); «способ осуществле-

ния уголовно-правовой деятельности – обвинение, сущее которого составляет презумпция невиновности» (?); «способ осуществления уголовно-процессуальной деятельности – правосудие, основной субъект суд»; «суд осуществляет то, что не дозволяется государству» [15]? Вот так! Ни много, ни мало: государство – отдельно и суд (на 100% - есть орган государства!) тоже – отдельно! Естественно, что в рамках подобного толкования вспоминать про значимость каких-то там органов предварительного расследования (функционирующих за рамкам презумпции невиновности), действительно, неприлично.

Мы не усматриваем необходимости «по очевидным пустякам» вступать в полемику с проф. Е. Ю. Мизулиной, оценку ее законодательной деятельности читателю нетрудно найти в «Курсе уголовного процесса», подготовленного под ред. проф. Л. В. Головки [5], с которой в данном конкретном случае трудно не согласиться. Здесь же мы только отметим то, что авторы идеи ограничения правовыми нормами не столько государства (фактически общественного договора¹), сколько власти исполнительной (например, Георг Еллинек, 1851-1911 гг.) были движимы фобиями (страхами), возникавшими у них либо в годы абсолютной монархии (например, Г. Еллинек, страдавший под гнетом австрийских императоров и печатавший свои труды на немецком языке), либо в периоды правления так называемых коммунистических режимов (венгр - Андраш Шайо)².

Впрочем, «идейка» полнейшей обособленности следствия судебного от следствия предварительного образца 2001 года (год принятие УПК РФ) не только появилась в юридической моде, но и упрочилась в законе в виде парадигмы, согласно которой: следователь (несмотря на его базовую роль в процессе) – превращен во «врага правосудию», он, лучшем случае, - потенциальный и «пока неразоблаченный фальсификатор» (см.: п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), в силу чего никакого доверия к результатам его деятельности у общества нет и быть не может.

Разрыв между фактической и теоретической оценками проблемы

Проф. М. М. Бабаев и проф. Ю. Е. Пудовочкин пишут о нарастающей неопределенности в обществе и праве (?). Уважаемые авторы, к вам вопрос: «А когда в истории была полная определенность..., если не считать отдельных мгновений в историческом плане...» В тоже время, мы согласны: «нестабильность (всегда – Н. Колоко-

¹ Зорькин В.Д. Конституционная идеология – это система самоограничения государства. РИА Новости. 2023. дек.

² С описания таковых (страхов) данный автор и начинает свое повествование. См.: Шайо А. Самоограничение власти: краткий курс конституционализма. М. : Юристь, 2001. 292 с.

лов) создает повод для упрека, когда не в полной мере учитывает или вовсе игнорирует возможные риски скорого или очередного изменения закона либо устоявшегося подхода к его интерпретации и применению».

Мы также согласны с тем (позиция Т. В. Кленовой) что: легитимизация должна замеряться (быть в рамках) с учетом соответствия общего и профессионального сознания. В тоже время очень спорно ее суждение о том, что «если центр легализации – это государство, то для легитимизации – это общество». Государство – это общественный договор... (Так, по В. Д. Зорькину, см. указ. выше соч.).

Мы согласны также и с тем (позиция Т. В. Кленовой), что «принцип демократизма в полях противодействия преступности определяется неодинаково в разные исторические периоды и не всегда (не обязательно... Н. Колоколов) перегружается идеологически».

В тоже время, наше мнение: «примат личности над государством» - чистой воды популизм.... Да во все времена данное положение представляется «прожившим». Принцип демократизма для целей уголовного права вновь повышается, но, как представляется, в новой трактовке (?). Демократия – это состояние отношений в обществе, а не закрепление отдельных идей в Конституции...

А как читателю такое суждение проф. Т. В. Кленовой: «Концептуальные вторжения состоялись в определение основания уголовной ответственности (установлена уголовная ответственность за опасность личности – «занятие высшего положения в преступной иерархии»). Вспомним дело М. – для близкого окружения он был всегда опасен. «Социально опасная личность - реальность»! Правда, такие социально опасные личности, как например «воры в законе» существуют не сами по себе, а в отличие от М. значительной мере вращены обществом...

Проф. Т. В. Кленова против: 1) определения категории преступления по судебному усмотрению (ч. 6 ст. 15 УК РФ); 2) понимание неоконченного преступления (обнаружение умысла квалифицируется как оконченное преступление; по-новому определяются последствия преступления, например, в виде создания угрозы определенных последствий) – что делать, если это на самом деле так?

Мы согласны с проф. Т. В. Кленовой в том, что во «множественности преступлений (из различных форм множественности преступлений исключена неоднократность преступлений, но расширен круг единичных преступлений с конструктивным признаком неоднократности действий, например: ст. 158.1 УК РФ, ст. 264.1 УК РФ), освобождения от уголовной ответственности (предусмотрено неполное

освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа) и др.

Проф. Т. В. Кленова сожалеет, что «в УК РФ неизменными остались только 13% от общего числа первоначальных статей УК РФ». Это хорошо или плохо? Что делать законодателю, если первоначальный вариант, разработанный учеными (?), оказался безнадежно плохим...

В тоже время, мы согласны с проф. Н. А. Лопашенко в том, что «Особенная часть заполняется псевдопреступлениями, это «деяния, которые лишены общественной опасности, являются социально нейтральными, и даже общественно полезными, или же обладают некоторой степенью социальной вредности, но явно недостаточной для отнесения их к преступлениям, они – по характеру – административно-правовые правонарушения. Таким образом, скрепа – понятие преступления – уже трещит по швам и сгибается...» [13].

Да и не «воткнуть» все наши познания в УК

С. А. Бочкарев пишет: «Закон содержит лишь предпосылочное знание о том, что есть преступление и как за него нужно наказывать. Правоприменитель добывает основное и актуальное знание. Отвечая своему герменевтическому назначению, он оценивает: опасность криминального деяния, которую имел в виду автор нормы; опасность посягательства, как ее воспринимали виновный, потерпевший и окружающее их общество. И в конечном итоге ту опасность, представление о которой сложилось у самого правоприменителя. В итоге не закон, а знание о событии происшествия и о законе, вырабатываемое в ходе коммуникации участников судопроизводства и сложившегося между ними по законодательно установленным правилам диалога, служит единственно реальным и актуальным основанием уголовной ответственности» [2].

Что делать правоприменителю, если жизнь обгоняет закон...

Согласимся мы и с выводами тех ученых которые считают, что система «криминальных» правоотношений является динамичной, однако это знание не отменяет задачу формирования устойчивой (не ситуационной, не конъюнктурной) системы понятийного аппарата уголовно-правовой системы, ее социального признания и единообразного понимания в обществе и государстве (проф. Т. В. Кленова).

Суд пишет уголовный закон

При этом проф. Т. В. Кленова не согласна с тем, что уголовное законодательство может быть «поправлено» судебными позициями и судебная власть будет почитаемой в качестве ведущей силы в уголовно-правовом регулировании, определяющей преступность

и наказуемость деяний, не подтверждается¹. Судебные позиции по определению не могут быть направлены на совершенствование законодательства. Кроме того, в настоящее время отсутствует механизм их внешней и внутренней систематизации, и они не выражены в одном или нескольких источниках, что препятствует решению проблемы социального одобрения судебных позиций (о понимании и применении уголовно-правовых категорий и норм). Судейское прочтение нормы – вовсе не гипотеза, а реальность. Данное свойство общественной опасности многими отрицалось также с другим аргументом – снизить риски судейского произвола. А вот теперь обеспокоенности связываются с формально-бюрократическим пониманием преступления. Значит, рекомендация об исключении из определения преступления признака общественной опасности объективно не направлена на предупреждение неконтролируемого судейского усмотрения. Что справедливость = достоверности? Признак общественной опасности – с фокусировкой на идею справедливости (достоверности).

Соотношение возможного и невозможного...

Проф. Т. В. Кленова утверждает, что в Уголовном кодексе РФ не предусмотрен принцип неотвратимости уголовного наказания и нет гарантирования реальной угрозы наказания, только его возможность. Это очередная утопия. ФЗ от 6 февраля 2023 г. №10-ФЗ «О пробации в РФ» предусмотрено применение исполнительной пробации «в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера» (п. 2 ч. 1 ст. 5).

Риск в уголовной политике

Проф. Т. В. Кленова и проф. В. А. Лазарева в своей совместной публикации высказали свое «мягкое» несогласие относительно учреждения института «судебный штраф» [10]. Действительно, чтобы уяснить суть данного оригинального правового явления нужно, во-первых, вспомнить полностью отрицаемую отечественной теорией государство и право концепцию «глубинное государство». Во-вторых, такие категории как «отгрузить апельсины бачками» (И. Ильф и Е. Петров), «запустить дурочку» (А. Райкин) или «хоть –

¹ Подробнее о судебных позициях с примерами их устарелости, невозможности выполнить без нарушения закона, внутренней противоречивости см.: Парог А. И. Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5 (162).

круть, хоть – верть, а врагу – смерть» (К. Симонов). Сначала вопрос к читателю. Как поступить «вождям» уголовной политики, когда без внесения изменений в нормы материального права (УК РФ) возникла необходимость резко снизить число правонарушителей, имеющих судимость? Ответ: на уровне «глубинного государства» дается задание, которое нельзя не исполнить. Организаторы уголовно-политических действий вводят институт «судебный штраф» и запускают его в работу. Об его эффективности см. названную выше статью проф. Т.В. Кленовой и проф. В.А. Лазаревой. Да происходящее за рамками теории (возможность учреждение судебного штрафа никто из ученых не предсказывал), однако данные нормы инновационного уголовного закона работают.

Некоторые научно-практические выводы.

Человек – базовая категория уголовного права, природа его и в историческом плане, и в обозримом будущем неизменна. На протяжении последних веков неизменны и категории «преступление» и «наказание». Что касается уголовного закона, то это экспромт на день текущий, как от любого экспромта ждать божественного совершенства от конкретного УК бессмысленно. Как в таких случаях на научных конференциях любит повторять профессор А.В. Наумов: «Судьи – не глупые люди». Не будем спорить, отдельные приговоры у кого-то вызывают культурный шок. Ну что ж, правил без исключений не бывает. На то и существует система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений.

Список литературы:

1. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М. : Стелс, 1995. 304 с.
2. *Бочкарев С.А.* Гносеология уголовного права. М., 2021.
3. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
4. *Гаврилов Б.Я.* Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры его совершенствования // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 4 (56).
5. *Головко Л.В.* Современный этап развития уголовного процесса : курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М. : Статут, 2025. 1041 с.
6. *Дорошков В.В.* Научные дискуссии по поводу понятия и содержания «уголовного правосудия» // Мировой судья. 2023. № 5.

7. *Дорошков В.В.* Уголовно-правовая политика Российского государства в современную эпоху // *Мировой судья*. 2024. № 5.

8. *Зорькин В.Д.* Конституционная идеология – это система самоограничения государства. РИА Новости. 2023.

9. *Кленова Т.В.* Легитимизация обновления основного категориального ряда российского уголовного права // *Журнал российского права*. 2025. Т. 29. № 8.

10. *Кленова Т. В., Лазарева В.А.* Судебный штраф: проблема легитимизации по целям, основанию и порядку прекращения уголовного дела // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. № 2.

11. *Колоколов Н.А.* Смертная казнь глазами судьи // *Российская юстиция*. 1998. № 7.

12. *Колоколов Н.А.* Уголовная политика: загадочная очевидность. М. : Юрлитинформ, 2014. 204 с.

13. *Лопашенко Н.А.* Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовно-правовые принципы. Уголовная ответственность. Авторский курс : монография. М., 2024.

14. *Лопашенко Н. А.* О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жадинского) // *Государство и право*. 2012. № 9.

15. *Мизулина Е.Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ИГПАН, 1993. 35 с.

16. *Наумов В.А.* Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 16. № 3.

17. *Рарог А.И.* Об обязательности разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 5 (162).

18. *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Выпуск I. СПб, 1887. 113 с.

19. *Шайо А.* Самоограничение власти: краткий курс конституционализма. М. : Юрист, 2001. 292 с.

Лазарева Лариса Владимировна,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: larisavui@mail.ru*

О роли и месте системного контроля по предупреждению экспертных ошибок

Аннотация

В статье анализируются причины возникновения экспертных ошибок, которые, как правило, обусловлены определенными обстоятельствами, называемыми «условиями», которым дается подробная характеристика, чтобы лучше понять природу экспертных ошибок и разработать стратегии для их минимизации. Определена роль системного контроля, охватывающего различные уровни и инстанции, его значение на предмет выявления, устранения и недопущения экспертных ошибок по уголовному делу, чтобы гарантировать справедливость, законность и обоснованность каждого этапа.

Ключевые слова: *судебная экспертиза; судебный эксперт; экспертные ошибки; руководитель судебно-экспертного учреждения; ведомственный контроль.*

Экспертная ошибка представляет собой «суждение эксперта или его действие, не соответствующее объективной действительности, и поэтому не приводящее к цели экспертного исследования» [1, с. 216]. Экспертные ошибки – явление не редкое [2, с. 10], и часто корень проблемы кроется в недостаточной квалификации специалиста. Дело не только в наличии диплома и теоретических знаниях, но и в умении применять их на практике, анализировать сложные ситуации и делать обоснованные выводы. Очевидно, что эксперт должен обладать не только знаниями, навыками и умениями, но и способностью эффективно использовать их в своей работе. Неверная интерпретация данных, ошибочная оценка признаков объекта, искажение результатов исследований могут стать следствием недостаточного уровня подготовки. Стать настоящим экспертом – это не просто получить диплом, это долгий и сложный путь, требующий не только усердия, но и определенной искры, таланта. Помимо глубоких знаний в своей области,

эксперту необходимо обладать острым умом и развитым логическим мышлением. Именно логика позволяет ему выстраивать четкие, последовательные аргументы, делать обоснованные выводы и избегать субъективных оценок и предвзятости, поскольку судебный эксперт опирается на факты и доказательства, а не на личные симпатии или преубеждения.

В противном случае некомпетентность эксперта может стать причиной серьезных последствий, влияющих затем на ход и результаты расследования, а также принятие судебных решений по уголовному делу. В этой связи особая важность придается оценке квалификации экспертов, поскольку, как уже было отмечено, своевременная и объективная оценка компетентности специалиста является залогом минимизации экспертных ошибок и обеспечения достоверности результатов исследований.

Оценка компетентности эксперта – важная задача, которая обычно лежит на руководителе судебно-экспертного учреждения (далее – СЭУ). Именно он должен убедиться в квалификации специалиста, прежде чем поручить ему проведение экспертизы по конкретному делу. В случае необъективной оценки руководителем проведение экспертизы будет поручено недостаточно подготовленному эксперту, что может привести к неверным экспертным выводам и, как следствие, к необходимости проведения повторной экспертизы. А это, в свою очередь, затягивает сроки расследования уголовного дела. Поэтому, грамотная оценка компетентности эксперта – залог качественного и своевременного проведения судебной экспертизы.

Как нам представляется, одной из ключевых проблем, влияющих на качество экспертного заключения, является недостаточная квалификация специалиста в рассматриваемой области. Если эксперт не обладает достаточным багажом практических знаний и навыков, его анализ может быть поверхностным и не учитывать важные нюансы. Это, в свою очередь, может привести к неверным выводам и, как следствие, к ошибочному заключению. Опытный специалист, напротив, благодаря наработанной практике, способен более эффективно применять методики, корректно интерпретировать данные и, в конечном итоге, предоставить более надежную и обоснованную оценку.

В результате не единичны случаи, когда сформулированный неопытным экспертом вероятный вывод в заключении ставится под сомнение и опровергается выводами повторной экспертизы, проведенной более опытным экспертом. Как показывает правоприменительная практика, выводы повторных экспертиз в таких

ситуациях не раз подтверждались совокупностью других собранных по делу доказательств. Более подробное освещение этих вопросов изложено в других публикациях автора [3, с. 152-159].

Другой важный аспект, влияющий на качество экспертизы, – это уровень компетентности специалиста, проводящего исследование. По существу, речь идет не только о глубоких познаниях в конкретной области, но и о знании процессуальных норм. Без этого понимания эксперт рискует допустить ошибки в оформлении заключения, что может поставить под сомнение его юридическую силу. Именно сочетание теоретических знаний и практического опыта формирует настоящего профессионала, то есть опытный эксперт, опираясь на свой багаж знаний, способен выбрать наиболее подходящий метод исследования, учитывая прецеденты и сложившуюся практику. В то же время, начинающий специалист, столкнувшись с альтернативными подходами, может сделать неверный выбор, что приведет к ошибочным выводам. Таким образом, это является гарантией объективного и всестороннего исследования, а также полного охвата всех значимых аспектов.

Также нельзя не учитывать психоэмоциональное состояние эксперта, поскольку даже самый опытный специалист подвержен влиянию эмоций, стресса и личных предубеждений. Эти факторы могут исказить восприятие информации, повлиять на интерпретацию данных и, в конечном итоге, привести к ошибочным выводам. Представьте себе эксперта, находящегося под давлением сроков, испытывающего личные проблемы или имеющего неосознанные предубеждения относительно определенной группы людей. В такой ситуации его объективность может быть нарушена, а заключение - не соответствовать реальным фактам, это, в свою очередь, может серьезно навредить справедливому отправлению правосудия. Поэтому, при оценке экспертного заключения, необходимо учитывать не только квалификацию и опыт эксперта, но и его психоэмоциональное состояние на момент проведения исследования.

Как известно, субъективные причины экспертных ошибок в расследовании преступлений часто переплетаются с объективными факторами. Например, к объективным причинам относятся ошибки, допущенные при работе с вещественными доказательствами: неправильное изъятие, упаковка или хранение следов, найденных на месте преступления. Кроме того, объективной сложностью является и сам процесс назначения судебной экспертизы, который включает в себя множество правовых,

организационных и тактических нюансов, могущих стать причиной ошибок.

Отсутствие должного контроля руководителя СЭУ может серьезно негативно отразиться на качестве проводимых экспертиз. Когда руководитель не осуществляет полноценный контроль за работой экспертов, это создает благоприятную почву для небрежности и ошибок. Эксперт, зная, что его заключение не будет подвергнуто тщательной проверке, может расслабиться, упустить важные детали или недостаточно обосновать свои выводы. В конечном итоге, это может привести к неверным заключениям, которые повлияют на судьбы людей и исход судебных разбирательств.

Как представляется, разумный контроль со стороны руководителя СЭУ выполняет несколько важных функций:

- предупреждение ошибок, поскольку проверка позволяет выявить и исправить ошибки на ранних этапах, прежде чем они приведут к негативным последствиям;
- повышение качества экспертиз, так как контроль стимулирует экспертов к постоянному совершенствованию своих навыков и знаний, а также к более тщательному подходу к работе;
- стимулирование ответственности, осознание того, что работа будет проверена, повышает чувство ответственности эксперта за свои выводы;
- укрепление дисциплины: регулярный контроль способствует поддержанию высоких стандартов работы и соблюдению установленных правил и процедур.

В результате, разумный контроль и проверка качества работы судебных экспертов – это вложение в справедливость правосудия и защиту прав и интересов граждан. Также это один из инструментов, который помогает обеспечить высокое качество экспертных заключений и, как следствие, более обоснованные и справедливые судебные решения.

Следующим важным элементом системы контроля является ведомственный контроль со стороны руководителя СЭУ. Этот контроль, осуществляемый на основании ст. 14 ФЗ «О ГСЭД», направлен на обеспечение надлежащего функционирования учреждения и соблюдения установленных процедур. Обеспечение контроля за сроками проведения судебных экспертиз, а также за полнотой и качеством проведенных исследований – задача крайне важная, но требующая деликатного подхода. Ключевым моментом здесь является соблюдение принципа независимости эксперта, гарантирующего объективность и непредвзятость его выводов.

Как же возможно эффективно контролировать процесс, не вмешиваясь в профессиональную деятельность эксперта и не нарушая его независимость? Существуют аспекты, позволяющие это сделать. Во-первых, чтобы экспертизы проходили вовремя и без лишних проблем, нужно четко следить за сроками выполнения каждого этапа. Важно, чтобы все участники процесса – тот, кто назначил экспертизу (например, суд или следователь), руководитель экспертного учреждения и сам эксперт – работали слаженно и понимали, кто за что отвечает. Это поможет вовремя замечать, если что-то идет не по плану, и оперативно решать возникающие вопросы. Проще говоря, нужна четкая система, которая позволит контролировать ход экспертизы и предотвращать задержки.

Во-вторых, постоянный мониторинг хода выполнения экспертизы позволяет отслеживать, укладывается ли эксперт в установленные сроки и не нарушает ли методику экспертного исследования. Это может включать в себя промежуточные отчеты, запросы о статусе экспертизы или использование специализированных программ для управления этим процессом.

В-третьих, необходимо оценить, насколько полно и качественно проведены исследования. Важно подчеркнуть, что эта оценка проводится без какого-либо вмешательства в сам процесс исследования. При этом не допускается указывать эксперту, какие методы применять или к каким заключениям приходиться. Задача оценки – это контроль качества, который заключается в проверке соответствия проведенных исследований установленным требованиям. Он подразумевает проверку соответствия проведенных исследований требованиям законодательства, методическим рекомендациям и стандартам, включая:

- проверку соответствия поставленным вопросам: ответил ли эксперт на все вопросы, поставленные перед ним лицом, назначившим экспертизу;
- оценку обоснованности выводов: опираются ли выводы эксперта на достаточный объем данных и проведенные исследования;
- анализ соблюдения методик: использовал ли эксперт научно-обоснованные методики и процедуры, соответствующие типу экспертизы;
- обучение и повышение квалификации экспертов, что будет способствовать повышению качества экспертиз и соблюдению сроков;

– взаимодействие и коммуникация: это позволяет оперативно решать возникающие вопросы и проблемы, а также обеспечивать прозрачность процесса;

– использование современных технологий, например, внедрение информационных систем и баз данных может значительно упростить контроль за сроками и качеством экспертиз, а также повысить эффективность работы.

Контроль должен быть направлен на выявление проблем и оказание помощи, а не на вмешательство в профессиональную деятельность эксперта. Нарушение принципа независимости эксперта может привести к некачественным результатам и поставить под сомнение объективность экспертизы.

Кроме этого, руководитель экспертно-криминалистического подразделения органа внутренних дел обязан организовывать выборочное письменное рецензирование заключений экспертов¹. По мнению О.Ю. Антонова, при выявлении экспертных ошибок в заключении эксперта, руководитель СЭУ должен иметь право подготовить рецензию на заключение эксперта и направить ее в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу одновременно с рецензируемым заключением эксперта [4, с.155]. Соглашаясь с данным мнением, полагаем, что необходимо наделить руководителя СЭУ комплексом прав, направленных на усиление контроля за качеством экспертиз, выполняемых подчиненными экспертами, в том числе правом назначить другого эксперта; при необходимости провести не однородную экспертизу, а комплексную либо повторную экспертизу [5, с.114].

Таким образом, контроль со стороны руководителя СЭУ распространяется как на судебно-экспертную деятельность организации в целом, так и на действия по контролю за проведением экспертиз конкретным экспертом.

Вопрос о том, как избежать ошибок в работе экспертов, далек от однозначного решения. Разные предложения по этому поводу вызывают живые обсуждения, что лишь подтверждает значимость и сложность этой задачи, а разногласия в подходах указывают на многогранность проблемы и необходимость ее тщательного изучения.

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 20.05.2025).

Полагаем, что более глубокие исследования помогут нам лучше понять, почему эксперты ошибаются, и, зная причины, создать более действенные способы предотвращения таких ситуаций. Это, в свою очередь, приведет к улучшению качества работы судебных экспертов.

Список литературы:

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.
2. *Аубакирова А.А.* Процессуальные, гносеологические и деятельностные ошибки эксперта // Судебная экспертиза. 2011. № 4 (28). Волгоград : ВА МВД России.
3. *Лазарева Л. В., Покровский С. В.* К вопросу о доказательности экспертных выводов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4.
4. *Антонов О.Ю.* Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6.
5. *Лазарева Л.В.* Особенности правового статуса субъектов судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101).

Мальшева Ольга Анатольевна,
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры
уголовно-процессуального права имени П. А. Лупинской
Московского государственного юридического
университета имени О. Е. Кутафина
e-mail: oamalysheva@msal.ru*

Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь обвиняемым, содержащимся под стражей (к 90-летию профессора В. А. Михайлова)

Аннотация

В научной статье определяется значение научных взглядов, идей профессора В.А. Михайлова для современных теории и практики уголовного судопроизводства. Акцент делается на конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства, а также институт мер пресечения, разрабатываемых В.А. Михайловым.

Конкретизируется содержание права на защиту обвиняемого, заключенного под стражу. Выделяются обстоятельства, препятствующие безусловному, полному осуществлению конституционного права на квалифицированную юридическую помощь обвиняемым, находящимся под стражей. Формулируется вывод о том, что существующие в функционировании следственных изоляторов сложности материального, технического, организационно-правового характера не могут выступать оправданием ограничения права обвиняемого, находящего в изоляции от общества, на помощь защитника.

Вносятся предложения по оптимизации реализации права на квалифицированную юридическую помощь обвиняемым, содержащимся под стражей.

Ключевые слова: *обвиняемый; право на защиту; следователь; заключение под стражу; защитник; квалифицированная юридическая помощь.*

14 ноября 2025 г. известному ученому, общепризнанному специалисту в области уголовного судопроизводства, криминалистической тактики доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Виктору Александровича Михайлову исполнилось 90 лет. В этот прекрасный юбилей Виктора Александровича хочется пожелать ему крепкого здоровья и подчеркнуть значительное влияние его взглядов, идей на становление

многих институтов уголовно-процессуального права. Особенно следует отметить конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства, институт мер пресечения, которым В. А. Михайлов уделил большое внимание, готовя исследование «Меры пресечения в уголовном судопроизводстве» на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Научные позиции В. А. Михайлова не теряют своей актуальности и в настоящее время, несмотря на дальнейшее развитие науки уголовного процесса. В частности, Б. Я. Гаврилов обосновывает, учитывая положительный отечественный исторический опыт, целесообразность изменения структуры досудебного уголовного производства посредством исключения из уголовно-процессуального закона правовых норм о возбуждении уголовного дела и, соответственно, об отказе в возбуждении уголовного дела [1, с. 196-198]. По мнению ученого, последующие за этим изменения структуры уголовного судопроизводства снизят количество нарушений законности на начальном этапе уголовного судопроизводства, обеспечат пострадавшим доступ к правосудию, виновным – неотвратимость уголовной ответственности [2, с. 28-34].

В научных трудах О. А. Зайцева прослеживается такое направление развития уголовно-процессуальной науки, как усиление процессуальных гарантий прав и законных интересов предпринимателей [3, с. 108-126], создание новых уголовно-процессуальных механизмов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, формирующей экономический фундамент российского государства [4, с. 92-98]. В. И. Качаловым разрабатываются проблемы, касающиеся особенностей российского уголовного судопроизводства, осуществляемого за пределами Российской Федерации [5, с. 86-93], функционирования военной юстиции в условиях современных вызовов и угроз, обеспечения права на защиту при расследовании преступлений в условиях боевых действий [6, с. 16-20]. О. В. Химичева развивает новое научно-практическое направление в уголовном судопроизводстве – теоретико-правовое обоснование применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве [7, с. 170-174], видоизменение уголовно-процессуальных институтов в условиях цифровой трансформации общественных отношений [8, с. 188-192]. Указанные и иные направления развития современной уголовно-процессуальной науки и практики аккумулируются с уголовно-процессуальными институтами, которые исследовал и методологически, нормативно развивал профессор В. А. Михайлов.

Так, Виктор Александрович особое внимание в своих работах обращал на необходимость органов предварительного расследова-

ния строго следовать нормам Конституции РФ при осуществлении производства по уголовному делу и конкретизировал случаи приоритетного применения конституционно-правовых норм в случае несоответствия уголовно-процессуальных норм Основному Закону [9, с. 3]. Профессор В. А. Михайлов также полагает, что органы предварительного расследования в борьбе с преступностью призваны исполнять обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, закрепленную ст. 2, 19, 21-27, 45-54, 56 Конституции РФ [9, с. 4].

Признавая ценность конституционных прав человека на свободу, личную неприкосновенность, защиту, подвергающихся ограничению при избрании меры пресечения, В. А. Михайлов считает, что только полная совокупность определенных обстоятельств допускает избрание в отношении лица, обвинение в совершении преступления которому еще не предъявлено, избрание меры пресечения. В качестве таких обстоятельств выступают: 1) подозрение лица в совершении особо тяжкого, тяжкого или иного преступления, при доказанности чего допустимо применение меры пресечения; 2) наличие достаточных данных полагать, что именно это лицо совершило преступление; 3) избрание меры пресечения является единственным способом обеспечения безопасности лица и обеспечения судебной перспективы уголовного дела; 4) отсутствие возможности безотлагательного предъявления обвинения (необходимо уточнить обстоятельства уголовного дела, допросить подозреваемого с постановкой ему вопросов изобличающего характера, проверить верность уголовно-правовой квалификации деяния, совершенного подозреваемым, и др.) [10, с. 230]. В. А. Михайлов в своих работах указывал также на обязанность органов предварительного расследования точно и неукоснительно соблюдать процессуальный порядок не только избрания, но и изменения, и отмены мер пресечения, тем более, если обвиняемый находится под стражей [11, с. 18].

Согласно уголовно-процессуального закона одним из основополагающих правом обвиняемого, находящегося под стражей, является право на защиту, которое составляет необходимое условие надлежащего осуществления правосудия, призванного к изобличению и справедливому наказанию только виновных и только в меру их действительной вины [12, с. 12]. М. С. Строгович определял право обвиняемого на защиту как совокупность всех предусмотренных законом процессуальных возможностей, с помощью которых обвиняемый может защищаться от предъявленного ему обвинения [13, с. 237]. Данное право включает как действия самого обвиняемого, так и получение квалифицированной юридической помощи. Послед-

нее особенно актуально для обвиняемого, находящегося в следственном изоляторе (далее – СИЗО), поскольку изоляция от общества лишает обвиняемого возможности самостоятельно участвовать в собирании материалов, предметов, документов в целях своей защиты. Встречи, контакты со свидетелями по уголовному делу, потерпевшим, доступ к документам, получение материалов, относящихся к устанавливаемым обстоятельствам совершенного деяния, осуществляет защитник. Это требует от государственных органов принятия в силу предписаний ст. 45 Конституции РФ дополнительных мер для защиты лица от предъявленного обвинения.

Высшие судебные органы России не раз подчеркивали фундаментальность права на защиту. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» подчеркивается, что обеспечение обвиняемому права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия. Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ обвиняемый имеет право пригласить защитника по своему выбору, а также пользоваться услугами защитника по назначению следователя, дознавателя (ч. 3 ст. 50 УПК РФ). Выбор формы участия защитника остается за обвиняемым, за исключением случаев неявки защитника (ч. 3, 4 ст. 50 УПК РФ).

Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» содержит гарантии, важные для реализации обвиняемым своего права на получение квалифицированной юридической помощи: адвокат имеет право беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, в т.ч. если защищаемый находится в следственном изоляторе, без ограничения числа свиданий и их продолжительности (п. 5 ч. 3 ст. 6). Данные предписания обязывают администрацию СИЗО создавать необходимые условия для конфиденциальных встреч защитника и обвиняемого, что корреспондирует соответствующим нормам УПК РФ (ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ).

Порядок и условия встреч защитника со своим доверителем, содержащимся под стражей, уточняются Федеральным законом от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Так, свидания обвиняемому с защитником предоставляются без ограничения их числа и продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ, в условиях конфиденциальности, наедине. Одновременно

предусмотрен визуальный контроль для недопущения случаев передачи запрещенных предметов адвокатом (ст. 18 указанного закона).

Правила внутреннего распорядка СИЗО, утвержденные приказом Минюста РФ № 110 от 04.07.2022, детализируют режим работы комнат для переговоров, предъявление документов и др. Согласно п. 179 Правил внутреннего распорядка СИЗО защитнику запрещается проносить на территорию СИЗО технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись. Данный запрет обусловлен спецификой задач, возлагаемых на СИЗО. Вместе с тем заставляет задумываться ситуация, о которой высказываются адвокаты: «При необходимости записать защитником разговор с подзащитным возможность осуществить для этого отсутствует. Между тем, нередко требуется вновь разобрать тактику защиты, уточнить важные обстоятельства по уголовному делу. Без аудиозаписи разговора со своим доверителем это сделать проблематично». Утверждать в данном случае об ограничении реализации права на получение квалифицированной юридической помощи обвиняемым, содержащимся под стражей, было бы необоснованно, поскольку защитник может зафиксировать рукописно в деталях разговор с подзащитным. Применение диктофона, конечно, упростило бы фиксацию необходимых сведений адвокатом. Однако использование подобных технических средств создает угрозу безопасности в СИЗО. Такой диктофон подлежит тщательной проверке на предмет отсутствия вмонтированных в него запрещенных предметов либо их деталей. Тем более на практике встречаются нередкие случаи проноса защитниками в режимные учреждения таких предметов.

Указанными правилами на администрацию СИЗО возлагается обязанность своевременно организовывать свидания с защитниками, соблюдая режим конфиденциальности. Но, как свидетельствует анализ практики оказания защитниками помощи своим доверителям, в большинстве СИЗО обвиняемый не может общаться с защитником столько, сколько им требуется. Причинами этого выступают нехватка специально оборудованных помещений, высокая наполняемость рассматриваемых режимных учреждений.

Следует признать, что надлежащей реализации права за получение квалифицированной юридической помощи обвиняемым, содержащимся под стражей, препятствует наличие иных материально-технических, организационно-правовых проблем в деятельности СИЗО. В частности, существующая возможность использования электронной записи на посещение подзащитного в СИЗО в настоящее время плохо реализуется. Обобщение результатов изучения

правоприменительной практики в рассматриваемой области пока-зывает, что электронная запись на посещение в СИЗО часто отсут-ствует на месяц, нередко – на два месяца вперед.

Проблема постепенно начинает решаться посредством оборудо-вания в отдельных СИЗО «видеокабинетов» – помещений для удаленных встреч защитника и доверителя посредством систем ВКС. Нормативно создание таких кабинетов допускается Прави-лами внутреннего распорядка СИЗО (п. 179(1)). Отдельно в них оговорено условие применения систем ВКС – наличие в СИЗО технической возможности и помещений, необходимых для их про-ведения. Таких кабинетов создано незначительное количество во всех СИЗО на территории РФ, поэтому кардинально анализиру-емая проблема не решается. Кроме того, при возникновении сбоев связи, потери звука или видеосигнала администрация СИЗО само-стоятельно не может своевременно устранить указанные причины, поскольку обслуживанием данных систем занимаются сторонние организации-поставщики интернет-ресурсов. Требуемое время на приглашение соответствующих специалистов и устранение непо-ладок приводит к срыву беседы защитника и доверителя, снижает ее результативность [14]. Не следует исключать и риск нарушения конфиденциальности дистанционного общения защитника и под-защитного, являющейся неотъемлемым условием оказания каче-ственной юридической помощи по уголовному делу [15, с. 37].

Решению обозначенных проблем, препятствующих надлежа-щей реализации обвиняемым, содержащимся под стражей, консти-туционного права на получение квалифицированной юридической помощи способствовало бы, во-первых, реализация предложе-ния Федеральной палаты адвокатов РФ о подключении к системе «Госуслуги» функции по оказанию юридической помощи с воз-можностью выбора адвокатом-защитником длительности встречи с обвиняемым, заполнения «Листа ожидания» и отмены записи [16]; во-вторых, расширение материально-технических возможностей СИЗО для осуществления обвиняемым, находящимся в СИЗО, своего права на встречу с защитником посредством систем ВКС со строгим соблюдением ее конфиденциальности.

В условиях ограничения возможности обвиняемого самостоятель-но собирать сведения, опровергающие его причастность к совершению преступления или улучшающие его положение на предварительном расследовании, и недостаточной технической оснащенности СИЗО обсуждения научным сообществом и практиками требует вопрос о целесообразности предоставления обвиняемому, содержащемуся под стражей, права на не более двух телефонных звонков в неделю своему

защитнику. Создание для указанной цели помещений в СИЗО сопряжены с меньшими затратами, чем оборудование их системами ВКС, вместе с тем гарантии реализации права на получение квалифицированной помощи могут быть усилены. Для исключения звонка обвиняемого иному лицу, кроме своего защитника, в постановлении об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей следовало бы указать номер телефона защитника, одновременно взяв у последнего расписку о согласии на звонки от подзащитного. Реализация вносимого предложения позволила бы обвиняемому оперативно связаться с защитником, включая выходные и праздничные дни, с целью изложения важных обстоятельств по уголовному делу, либо сообщить о желании личной встречи с защитником, либо о нарушении его прав со стороны следователя, что усилило бы гарантии его права на неограниченное общение с защитником и в целом – право на защиту.

Представляется, что лицо, который не признан судом виновным в совершении преступления, не должен ограничиваться в праве защищаться от обвинения не запрещенными законом средствами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ). Существующие в деятельности СИЗО сложности материального, технического, организационно-правового характера не могут служить оправданием ограничения права обвиняемого, находящего в изоляции от общества, на помощь защитника. Требуется усиление конструктивного взаимодействия Федеральной палаты адвокатов РФ, ФСИН России, Минюста России для решения обозначенных проблем во благо человеческих ценностей.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б.Я.* Актуальные вопросы уголовного досудебного производства: позиция законодателя, мнение ученого и правоприменительная практика // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVII международной научно-практ. конференции. В 2-х частях. Красноярск, 2024.

2. *Гаврилов Б. Я.* К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. № 2.

3. *Зайцев О.А.* Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10.

4. *Зайцев О.А.* Защита прав и законных интересов предпринимателей по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Российское правосудие. 2021. № 3.

5. Качалов В.И. Особенности российского уголовного судопроизводства, осуществляемого за пределами Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308).

6. Качалов В.И. Обеспечение права на защиту при расследовании преступлений в условиях боевых действий // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307).

7. Химичева О.В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 2.

8. Химичева О.В. Развитие уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровой трансформации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Часть 2. М. : Академия управления МВД России, 2023.

9. Михайлов В.А. Роль в системе уголовно-процессуального регулирования Конституции Российской Федерации, постановлений Конституционного Суда и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 1 (17).

10. Михайлов В.А. Глава 13. Меры пресечения // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. М. : Издательство «Экзамен XXI», 2002.

11. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М. : Академия МВД СССР, 1991. 188 с.

12. Насонова И.А. Субъекты уголовно-процессуальной защиты : монография. Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2010. 171 с.

13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М. : Наука, 1970. 516 с.

14. Кривошеев С.В. Особенности использования видеоконференцсвязи в условиях следственного изолятора // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Юридические науки. 2019. № 3 (21).

15. Мальшева О.А. Обеспечение законности при использовании системы видеоконференцсвязи в следственном действии с участием заключенного под стражу обвиняемого // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2024. № 1 (113).

16. Адвокаты просят улучшить онлайн-запись в СИЗО // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/media/advokaty-prosyat-uluchshit-onlayn-zapis-v-sizo/> (дата обращения: 10.09.2025).

Мерецкий Николай Евгеньевич,
*заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики
ДВЮИ МВД РФ имени И. Ф. Шилова,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Дальневосточного государственного университета
путей сообщения
e-mail: meretskay@mail.ru*

Виктор Александрович Михайлов: ученый, учитель, практик. Возможности прокурорского надзора по нейтрализации противодействия расследованию и необоснованному прекращению уголовного дела

Аннотация

В статье предпринята попытка дальнейшего обоснования некоторых научных концептуальных проблем, выдвинутых Виктором Александровичем Михайловым в различные периоды времени, получившие свое развитие при раскрытии и расследовании преступлений. Он, в частности, указывал, что в период расследования любого преступления, которое начинается возбуждением уголовного дела, вынесением обвинительного заключения, передачей его в суд или прекращением по различным (в рамках закона) основаниям, должен осуществляться прокурорский надзор, особенно за прекращением уголовного дела.

Ключевые слова: *стадия возбуждения уголовного дела; прокурорский надзор; борьба с преступностью; правоохранительные органы; принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела; противодействие расследованию преступления; прокурор.*

Читая опубликованные труды ученых – процессуалистов, начинаешь понимать, что имя Виктора Александровича Михайлова на слуху у большинства российского общества правоведов, интересующегося научными проблемами предварительного и судебного следствия. В период научной деятельности В. А. Михайловым была создана своя школа в юриспруденции. Его оригинальный подход к проблемам теории и практики соблюдения законности в целях борьбы с преступностью погружает нас в некоторые размышления не только о правильности выбранных направлений предварительного и судебного следствия, но и возможностях разработки и применения новых процессуальных направлений по реализации такти-

ческих приемов в организации раскрытия и расследования преступлений. Тем более, что в период следствия на правоохранительные органы оказывается активное противодействие со стороны достаточного количества заинтересованных лиц.

Пресечение противодействия расследованию преступления прокурор может осуществлять как на предварительной (досудебной) стадии, так и в период судебного производства, где также исследуются и анализируются имеющиеся доказательства. Кроме того, в ходе досудебного производства прокурор осуществляет надзор за деятельностью работников правоохранительных органов, тем самым реализует свои полномочия, которые регламентированы ст. 37 УПК РФ. Исходя из этого, по нашему мнению, способы противодействия расследованию преступлений, выявляемые прокурором условно можно разделить на две группы.

Первая группа включает в себя допустимые законом способы, к которым не применяются меры наказания. Так, ст. 51 Конституции Российской Федерации регламентирует право гражданам не свидетельствовать против себя, своих близких и родственников.

Ко *второй группе* относятся действия, направленные на пресечение противодействия расследованию преступлений, выражающееся в сокрытии сведений об обстоятельствах преступления путем утаивания, уничтожения или фальсификации доказательств, которые могут полностью или частично изменить направления расследования, направив его по ложному пути.

Основной целью в первом и во втором случае служит установление изменения хода расследования таким образом, который может повлиять на улучшение процессуального положения субъекта, совершившего преступление. Установление способов противодействия расследованию прокурором является приоритетной задачей, решая которую, он может оказать помощь следователю в выявлении всех недостатков допущенных в результате деятельности работников правоохранительных органов, работающих по уголовному делу. Судебные дела также могут быть проанализированы прокурором, который может явиться непосредственным защитником потерпевшей стороны.

Практика показывает, что причины правовых пробелов уголовного процесса сказываются на установлении объективной истины в уголовном судопроизводстве. Рассматриваемое направление деятельности органов прокуратуры имеет свою специфику, которая определяется, с одной стороны, обязанностью прокурора от имени Российской Федерации осуществлять уголовное преследование (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), в том числе координировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью (ст. 8 Федерального

закона «О прокуратуре Российской Федерации»), а с другой – обязанностью осуществлять надзор за законностью уголовного преследования, способствовать охране прав и свобод личности

Так, по уголовным делам, где в качестве предмета (орудий) совершения преступлений фигурирует компьютерная техника (информация), пристальное внимание следует уделять процессу обнаружения и изъятия информационных данных, которые после соответствующего процессуального закрепления получают статус доказательств. Здесь крайне важно обеспечить процессуальный порядок фиксации изъятых следов, их сохранение для исследования в целях дальнейшего использования в доказывании по уголовному делу [1, с. 101].

В настоящее время противодействие расследованию преступлений приобретает довольно специфические формы. Сложность установления следователем оказываемого противодействия расследованию преступлений является одной из причин количества роста нераскрытых противоправных деяний и, что самое главное, субъект, их совершивший, остается вне поля зрения работников правоохранительных органов. Практика показывает, что противодействие расследованию преступлений может осуществляться субъектом на всех этапах совершаемого противоправного деяния.

В силу этого правильно указывает Н.Г. Шурухнов, что современное уголовно-процессуальное законодательство (УПК РФ 2001 г.) постоянно подвергается изменениям, но они не облегчают работу субъекта расследования, не приводят к количественному сокращению участвующих уполномоченных лиц, процессуальных документов, а пока, наоборот, к их возрастанию. Это относится и к проведению следственных действий через посредство через информационно-телекоммуникационных средств (систем). К примеру, проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференцсвязи (ст. 189.1) дало определенные преимущества в интенсификации расследования, но при этом повлекло дополнительную трату бюджетных средств, сил, времени, времени, субъектов расследования [2, с. 26-30]. В связи с этим, мы считаем, что основная деятельность прокурора изменить ход расследования определенным образом с целью выяснения всех обстоятельств совершенного противоправного деяния и предпринять все меры (способы), чтобы нейтрализовать противодействие в масштабах не только уголовного дела, но и на государственном уровне. Обозначенная задача в достаточной степени имеет определенные сложности, которые необходимо решать на государственном уровне.

В настоящее время остро стоит проблема недостаточности полномочий прокурора для осуществления эффективного надзора за

законностью и обоснованностью решений, принимаемых органами предварительного расследования и судом. В связи с этим назрела необходимость расширения объема надзорных полномочий прокурора на продуманной концептуальной основе, исключаящей неоднозначное понимание уголовно-процессуальных норм, в том числе, направленных на нейтрализацию противодействия расследованию. При разработке такого концептуального подхода следует принять за основу разработанные правовые стандарты, учесть накопленный внутригосударственный опыт, научную концепцию В. А. Михайлова и иных ученых по построению и реализации приемлемого уголовно-процессуального законодательства.

На основании вышеизложенного следует отметить, что в целях повышения качества проводимого предварительного следствия и вынесения следователями законных решений по уголовным делам, необходимо, во-первых, возложить на руководителей следственных органов обязанностей по исполнению указаний прокурора по устранению допускаемых следователями нарушений, во-вторых, предоставление в установленные законом сроки материалов уголовного дела, для проверки законности и обоснованности принятого следователем решения, в-третьих, наделить руководителя следственного органа, прокурора, потерпевшего, а также его защитника правом обжалования решения следователя об удовлетворении подозреваемого (обвиняемого) ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

По нашему мнению, прокурор должен разрабатывать и использовать системный подход к анализу функциональной деятельности работников правоохранительных органов и суда, который позволит анализировать взаимодействие между преступником и субъектами, противодействующими расследованию. При рассмотрении конкретной материальной ситуации это имеет практическое значение, предоставляющее возможность прокурору отличать отдельное (не связанное с общим процессом расследования) преступление с некоторыми обстоятельствами или доказательствами, зафиксированными и отраженными в уголовном деле.

Дело в том, что профессионально осуществляемый прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования обеспечивает: во-первых, соответствующий уровень его организации; во-вторых, тщательное исследование отраженных в материалах проверок признаков преступлений и своевременное возбуждение уголовных дел; в-третьих, обоснованность выдвигаемых версий, скрупулезное их исследование, полноценную проверку причастности к преступлениям заподозренных в них лиц; в-четвертых, слаженное взаимодействие дознавателей, следовате-

лей и сотрудников оперативно-розыскных подразделений; в-пятых, максимальное использование в расследовании возможностей криминалистики и судебной экспертизы, данных уголовной регистрации; в-шестых, неуклонное соблюдение порядка расследования и действенный процессуальный контроль руководителей органов дознания и прокуратуры.

В заключении следует отметить, что, во-первых, прокурорский надзор, представляет собой одну из основных уголовно-процессуальных функций, значение которого состоит в постоянном, систематическом наблюдении с целью проверки соблюдения законности в уголовном судопроизводстве. Лишение прокурорского надзора этих признаков может привести к изменению его сущности, что будет иметь негативные последствия для качества расследования преступлений. Отказ от прокурорского надзора приведет к неоправданному ослаблению охраны прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовным делам. Кроме того, необходимо отменить императивный запрет на подмену прокуратурой и иных государственных органов (при его формальном исполнении) законов, органы прокуратуры фактически будут лишены возможности принимать какие-либо меры, направленные на достижение целей своей деятельности.

Во-вторых, полномочия прокурора в уголовном процессе должны быть направлены на достижение единственной цели – обеспечить законность предварительного расследования, т. е. законность деятельности правоохранительных органов при раскрытии преступления, собиранию доказательств виновности (не виновности) подозреваемого, обвиняемого, а также необоснованного прекращения уголовного дела.

Дело в том, что обеспечивая соблюдение законов в стадии предварительного расследования, прокурор создает условия, необходимые для рассмотрения уголовного дела судом, для вынесения судом законного и обоснованного обвинительного приговора.

Список литературы:

1. *Жердев П.А.* Тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 4 (33).
2. *Шурухнов Н.Г.* Правовые информационно-технические процедуры допроса посредством видеоконференцсвязи (анализ отдельных положений ст. 189.1 УПК РФ) // Российский следователь. 2022. № 7.

Николюк Вячеслав Владимирович,
*заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России
e-mail: nvo56@mail.ru*

Прекращение уголовных дел судом и органами предварительного расследования: политико-правовые вопросы

Аннотация

На основании данных статистики, результатов изучения судебной практики и прокурорского надзора автор анализирует тенденции, характеризующие объемную и разноплановую уголовно-процессуальную деятельность, связанную с прекращением уголовных дел и уголовного преследования. Особое внимание обращено на прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Центральное место в статье занимает также материал, отражающий проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа. Автор приводит и аргументирует ряд обстоятельств, объясняющих нахождение института прекращения уголовных дел и уголовного преследования с назначением судебного штрафа. В заключительной части статьи рассматриваются предпринятые меры в целях стабилизации ситуации, сложившейся вокруг применения положений ст. 25.1 УПК РФ, предлагаются дополнительные решения с учетом текущего поведения лица, на которого возложена обязанность уплаты штрафа.

Ключевые слова: *штраф; судебный штраф; прекращение уголовного дела; судебный порядок; внесудебный порядок; потерпевший.*

В УПК РФ сформировалось относительно самостоятельное правовое образование, включающее комплекс предписаний о месте и назначении в уголовном судопроизводстве процедур и порядков, обеспечивающих прекращение уголовных дел по всем основаниям, в том числе по известной версии их классификации: «реабилитирующие и нереабилитирующие». Реализация множественности правовых норм, выступающих регулятором социальных отношений, возникающих при необходимости завершить производство по уголовному делу по любому

из нескольких десятков оснований, относящихся к категории «нерабилиотирующие», определяет основное содержание уголовно-процессуальной деятельности по прекращению уголовного дела. В 2024 году число лиц, в отношении которых дело прекращено по нерабилиотирующим основаниям, равнялось 135,5 тысяч против 671 реабилитированного. За 2023 год уголовные дела по нерабилиотирующему основанию прекращены в отношении 138,7 тысяч лиц, в то время как по реабилитирующему основанию уголовное преследование прекращено в отношении 1,1 тысяч лиц.

Следует добавить, что в структуру института прекращения уголовного дела входит и такой компонент как возобновление прекращенного уголовного дела с отменой соответствующего процессуального решения (часть 1 статьи 214, статья 214.1 УПК РФ).

В сфере уголовного судопроизводства, если взять во внимание правовую массив, опирающийся на статьи 24, 25, 25.1, 27, 28, 28.1, 28.2, 246, 427 УПК РФ и главу 29 УПК РФ, имеющий назначение обеспечить качественное нормативное регулирование оснований, порядка прекращения уголовно-процессуальных производств и возобновления их расследования, идет интенсивное обновление соответствующего нормативного комплекса, приведение его в гармонию с правовыми позициями Конституционного Суда РФ. Стабильно множится перечень нерабилиотирующих оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования. В современном виде – это длинный, нескончаемый ряд примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, устанавливающих специальные основания снятия уголовно-правовых претензий к лицу, совершившему преступление. Их многообразие может быть систематизировано только путем научного толкования [11, с. 82-92], что вносит в уголовный процесс элементы субъективизма.

Всего за период действия УПК РФ в него было внесено большое число изменений и дополнений 42 Федеральными законами, модернизированы нормы, регулирующие основания прекращения уголовного дела (статьи 25-25.1, 27-28.2), порядок принятия и оформления решения о прекращении уголовного дела, иные правоотношения.

Между тем, в период с 2015 по 2024 годы действия УПК РФ общее количество лиц, в отношении которых судами уголовное дело было прекращено по реабилитирующим и нерабилиотирующим основаниям составило 1 миллион 837 тысяч 757 человек или 27 % от общего числа подсудимых по всем уголовным делам.

Являясь реально альтернативной формой разрешения уголовного дела, нормы указанного правового массива представляют собой мощнейший политико-правовой инструмент, который в руках «недобросовестного пользователя» может позволить, как, по сути, произвольно,

в угоду конъюнктурным предпочтениям правоохранительных органов, их ведомственным интересам, вершить суррогат правосудия в обход суда, так и, наоборот, перегрузить судебную систему. Причем, в первом случае, когда прекращение уголовного дела подменяет собой приговор, разрешение уголовного дела не подразумевает соблюдения хоть каких-то гарантий прав личности, включая презумпцию невиновности, действие которой оговорено и в Конституции РФ, и в УПК РФ исключительно по отношению к приговору.

Почти 10 лет назад в Российской Федерации был запущен серьезный государственный социально-правовой проект – введен судебный штраф, как альтернатива уголовной ответственности. В ходе его реализации решались несколько задач – показать жизнеспособность судебного штрафа в любых «экстремальных» условиях, его универсальность, допустимость применения по уголовным делам по тяжким преступлениям.

Интенсивность применения данной меры уголовно-правового характера на фоне общего количества прекращенных судами дел поразала: если еще в 2021 году каждое 10 уголовное дело, прекращенное по основаниям, предусмотренным УПК РФ, – было дело с назначением штрафа, то в 2024 году только каждое 50 (!) уголовное дело прекращалось с назначением судебного штрафа.

Анализ научных источников, включая четыре кандидатские диссертации, защищенных в 2018-2023 годах, показал, что многие авторы по инерции утверждают (1) либо о широком распространении в судебной практике штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера [2, с. 18-77], хотя сектор ее присутствия в уголовной политике на текущий момент резко сократился и стал символическим (в 2021 году судебный штраф назначен 15,6 тысячам подозреваемым, обвиняемым; в 2022 году – 5,5 тысяч; в 2023 году – 2,8 тысяч; в 2024 году – 2,1 тысяч), (2) либо о росте прекращенных уголовных дел с назначением судебного штрафа [7, с. 82-89], тогда как уже пятый год наблюдается стремительное снижение применения норм УК РФ и УПК РФ о судебном штрафе, или (3) заверяют «требовательное» юридическое сообщество о предстоящем росте числа подозреваемых и обвиняемых, которым будет назначен судебный штраф, ссылаясь при этом на несуществующие, мифические прогнозы (если бы они были в природе, автор обязательно сослался бы на них, поскольку это в его интересах), сулящие, видимо, кратное повышение востребованности для нужд практики именно судебного штрафа [8, с. 81-129].

Как показали статистические данные за 2021-2024 годы, фактически произошло блокирование норм о судебном штрафе, уголовные дела перестали прекращаться по данному основанию. В 2024 году в целом по России прекращено 2092 уголовных дела в порядке статьи 25.1 УПК

РФ, их удельный вес в общем числе прекращенных уголовных дел впервые за всю историю существования этого правового института уменьшился до 1,7 %.

Принятые организационные, управленческие и контрольные меры в целях придания правоприменительной практике, связанной с назначением судебного штрафа, законности, стабильности и единства, оказались несвоевременными, запоздалыми. Так подготовленный Верховным Судом РФ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 10.07. 2019 года и дошедший до адресата-правоприменителя к концу 2019 года, ответил на ряд спорных вопросов, возникших в ходе назначения судебного штрафа и в определенной мере скорректировал судебную практику применения положений статьи 75.1 УК РФ и статьи 25.1 УПК РФ. Вместе с тем за время, прошедшее с момента введения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство оснований и порядка применения судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера (июль 2016 года), было допущено достаточно необратимых ошибок, правоприменение не всегда правильно и точно отражало смысл и сущность соответствующих норм УК РФ и УПК РФ.

С большой задержкой на подозрительно быстрый рост числа лиц, к которым применяется в качестве меры уголовно-правового характера судебный штраф, отреагировала прокуратура. Проблемы обеспечения законности и обоснованности назначения судебного штрафа стали предметом отдельного обсуждения на коллегии Генеральной прокуратуры РФ, состоявшейся 18 декабря 2020 года. Работниками прокуратуры были обозначены и обсуждались вопросы коррупционных рисков при назначении судебного штрафа.

Указанные коллегией Генеральной прокуратуры РФ ориентиры в организации прокурорского надзора за исполнением требований законов о судебном штрафе потенциально способны в какой-то степени дисциплинировать правоприменительную практику в изучаемой части. Однако прокурорам предстоит в первую очередь самим перестроиться в подходах к трактовке основных компонентов института судебного штрафа, его оснований и условий применения, обстоятельств, влияющих на определение размера штрафа. Возможности прокуратуры, если принимать во внимание полномочия прокурора в досудебном производстве и обязательное поддержание государственного обвинения в ходе судебного производства по уголовному делу (статья 37 УПК РФ) [1, с. 33-39], вполне достаточны для того, чтобы манипулировать количеством регистрируемых преступлений, уголовных дел и лиц, которым гипотетически может быть назначен судебный штраф, в целях формирования нео-

боснованно запланированных показателей. Трудно представить, чтобы подобные вопросы разрешались бы без ведения прокурора.

Для ученого принципиально важно отметить, что имеющиеся в текущий момент заметные научные разработки, посвященные судебному штрафу, выполнены на гребне волны жесткого администрирования процессом реализации одной из самых резонансных новелл УК РФ и УПК РФ начала XXI века, позиционируемой к тому же не иначе как универсального проводника уголовной политики, вознесшей судебный штраф столь же высоко, как и поднявшийся до лучей солнца мифологический Икар, полет которого закончился трагическим падением в море.

Анализируемая ситуация характеризуется тем, что, начиная с 2021 года, в судебной практике наблюдается резкое снижение числа случаев назначения судебного штрафа, его «криминологической весомости», о чем наглядно свидетельствуют статистика и материалы обобщений судебной практики. У российских ученых появилась уникальная возможность воочию наблюдать «приливы и отливы» в практике использования судебного штрафа как одной из самостоятельных мер уголовно-правового воздействия, затронувшей за 9 лет права и интересы нескольких сотен тысяч лиц в статусе потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

Некоторые молодые ученые, практические работники, включая судей [7, с. 82-89], в своих публикациях не посчитали необходимым обсуждать наступившие кардинальные изменения в восприятии судебного штрафа правоприменителем, ориентированным в 2022-2023 годах уже на проявление осторожности и сдержанности при принятии решений о прекращении уголовного дела для назначения судебного штрафа. Такая «сдержанность» и «осторожность» коррелировали со следующими показателями.

В 2022 году следователями ОВД и Следственного комитета РФ, а также органами дознания полиции было направлено в суд 5961 дело с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (следователями ОВД – 3857 дел, следователями СК РФ – 1097 дел и органами дознания – 1007 дел). За 2023 год аналогичные показатели выглядели следующим образом: всего направлено в суд 3098 дел рассматриваемой категории, что составляет 51,2 % от аналогичного показателя за 2022 год (следователями ОВД направлено в суд – 2009 дел, следователями СК РФ – 587 дел и органами дознания – 462 дела).

В контексте проведенных диссертационных исследований, выполненных В.В. Ченцовым и В.В. Шишовым, в рамках которых их авторы

как приоритетные рассматривали уголовно-процессуальные аспекты производства по уголовным делам с принятием решений о назначении судебного штрафа, связывая их успешность с рационализацией отдельных форм уголовного процесса, развития его начал целесообразности дискреционности [9, с. 22-174], повышения качества процессуального контроля и прокурорского надзора в сфере прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа [11, с. 24-117], с устранением различных «непроцессуальных» причин в виде, например, пандемии как чрезвычайного происшествия или негласных указаний [9, с. 22-174]. Не имея возможности подробно рассмотреть приведенные точки зрения, выскажусь по поводу последней.

Никакой прямой, непосредственной связи пандемии и деятельности полиции, прокуратуры и суда по применению меры уголовно-правового характера судебный штраф не существует и быть не может. Ни одного аргумента, примера в подтверждение обратного в диссертации не обнаруживается. Подчеркиваю, есть особенности уголовного судопроизводства в условиях пандемии, которые активно исследуются в процессуальной литературе [4, с. 50-67].

Не совсем понятно, с чего автор решил, что судебный штраф кем-то (не ясно только кем, А.Г. Соловьев не просветил нас в том, какова репрезентативность его исследования) рассматривается, как средство легального «откупа от наказания». Такое утверждение не имеет ничего общего с наукой, не приемлемо и не нуждается в специальном комментарии. Изложенное позволяет сделать следующий вывод.

Образцово показательным примером принятия политического решения со знаком минус является история судебного штрафа как меры уголовно-правового характера, которая была введена в УК РФ и УПК РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Авантюризм запущенного в работу серьезного государственного социально-правового проекта, позиционируемого и разрекламированного как альтернатива уголовной ответственности, способная существенно снизить число лиц, имеющих судимость, проявляется в игнорировании инициаторами законопроекта необходимости «подведения» под него профессионально подготовленного юридического прогноза и постоянного ведения мониторинга результатов его применения.

Главным недостатком научного сопровождения реализации норм УПК РФ о судебном штрафе заключается, на мой взгляд, в неспособности перестроится на совершенно новые условия, в которых формировалась практика правоприменения судебного штрафа в 2021-2024 гг. Все предыдущие научные разработки отражали устаревшие тенденции, характеризующие первоначальный период применения 2017-2020 гг. и в силу этого не могли быть конструктивными.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б.Я.* Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3.
2. *Каматесов П. А.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 245 с.
3. Вопросы коррупционных рисков при применении института судебного штрафа : Коллегия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, состоявшаяся 18 декабря 2020 г. // Официальные материалы Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2020.
4. *Марковичева Е. В., Смирнова И.Г.* Влияние пандемии COVID-19 на цифровую трансформацию уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 43.
5. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) / Президиум Верховного Суда Рос. Федерации; утвержден 10 июля 2019 г.
6. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56 // Российская газета. 2016. № 277.
7. *Санджиева С.А.* Актуальные вопросы применения судебного штрафа // Российская юстиция. 2025. № 3.
8. *Соловьев А.Г.* Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 234 с.
9. *Ченцов В.В.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 224 с.
10. *Шалумов М.С.* Некоторые вопросы обеспечения процессуального порядка прекращения судом уголовного дела по нереабилитирующему основанию // Российское правосудие. 2005. № 2.
11. *Шишов В.В.* Прекращение уголовного дела или уголовно-преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 223 с.

Ольков Сергей Геннадьевич,
*доктор юридических наук,
главный научный сотрудник юридического факультета
ДГУЮ Минюста России
e-mail: olkovsg@mail.ru*

Олькова Ольга Андреевна,
*кандидат юридических наук,
научный сотрудник юридического факультета
ДГУЮ Минюста России
e-mail: helga713@yandex.ru*

Конституционные основы справедливого обвинительного приговора с назначением уголовного наказания в виде лишения свободы

Аннотация

В статье рассматривается применение единой системы назначения справедливых уголовных наказаний в российском уголовном процессе для вынесения максимально справедливых обвинительных приговоров.

***Ключевые слова:** уголовный процесс; приговор; суд; наказание; преступление; подсудимый; внутреннее убеждение; законность; обоснованность; мотивированность; оптимальность; максимизация; лагранжиан; предельная справедливость.*

Профессор В.А. Михайлов в 2012 году в своей фундаментальной статье «Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации» указывает, что «установленные Конституцией Российской Федерации принципы судебной власти едины для конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, они пронизывают своим содержанием весь ход рассмотрения и разрешения конституционных, гражданских, арбитражных, административных, уголовных дел» [2, с. 111].

В согласии с частью первой статьи 49 Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, который, согласно ч. 1 ст. 297 УПК РФ, должен обладать такими свойствами, как законность, обоснованность и справед-

ливость. Иногда к вышеперечисленным свойствам приговора добавляются требование мотивированности, как это сделано в ч. 3 ст. 350 УПК Республики Беларусь, где подчеркивается, что приговор признается мотивированным, если в нем приведены доказательства, на которых основаны выводы суда и мотивы принятых им решений.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 52 Конституции Российской Федерации, права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Совершенно не случайно в УПК РФ среди ключевых принципов уголовного судопроизводства выделяется принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), а итоговое судебное решение в виде приговора как раз и учитывает все тонкости, как конституционно-правового, так и уголовно-процессуального характера, а также, конечно, и принципы материального уголовного права, поскольку принцип справедливости сформулирован в статье шестой УК РФ, где указывается на два необходимых атрибута справедливого наказания. Во-первых, уголовное наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, то есть содеянного подсудимым; во-вторых, общественной опасности собственно самой личности, совершившей инкриминируемое деяние. При этом как на первое, так и на второе обстоятельство обращается особое внимание в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О Судебном приговоре», где в п. 1 сказано, что в силу положений статьи 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым и признается таковым, если он соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к его содержанию, процессуальной форме и порядку постановления, а также основан на правильном применении уголовного закона.

Основная трудность при вынесении судебного приговора заключается в том, что ни в УПК РФ, ни в соответствующих Постановлениях Пленумов Верховного Суда Российской Федерации не расписан алгоритм вынесения справедливого приговора. В ст. 17 УПК РФ лишь указывается, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. При этом Х.Д. Аликперов в своей монографии «Электронная технология определения меры наказания» корректно замечает, что еще в 1916 году московский инженер Н.Д. Оранжев написал работу «Преступление и наказание в математической зависимости. Идея и схема ее применения», где писал: «Я в своей работе преследовал лишь одну цель – посылить помочь благо устроению одного из важнейших спутников всякой граж-

данственности – суда» [1, с. 36]. Основное беспокойство гражданского общества вызывала, и вызывает высокая мера неопределенности, возникающая при вынесении судебных приговоров, которая обусловлена тем, что на вооружении, как в Российской Федерации, так и других государствах Планеты стоит так называемый равновозможный приговор, что подробно описано в статье «Математические начала теории судебных приговоров» [3, с. 203-233].

Не стоит полагать, что только в России искали способ снижения уровня неопределенности при вынесении приговоров. В США было разработано специальное руководство по назначению уголовных наказаний, но и в нем сохраняется высокий уровень неопределенности, поскольку остается большой размах между минимальной и максимальной величиной применяемого наказания, и это правильно с учетом большого разнообразия даже среди однородных видов преступлений. Следовательно, сама по себе попытка сжимать размах наказаний в санкциях уголовно-правовых запретов скорее вредна, чем полезна. К тому же сжатие размаха не сходится в точку, и решение о максимально точном наказании каждого конкретного подсудимого должно приниматься на основе точной теории справедливости, которая и была разработана проф. С. Г. Ольковым. Это единая теория назначения справедливого уголовного наказания (ЕТНСН), которая не имеет временных и пространственных границ. Эта теория результат междисциплинарного подхода, включающего достижения таких отраслей знания, как юриспруденция, экономика и математический анализ. В статье «Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств» было показано, как данная методика должна применяться в судебной системе США, Индии и России. [4, с. 136-146]

Ключевой в единой теории назначения справедливого наказания является функция справедливости, которая снимается с уголовного закона, и записывается в виде алгебраической функции от двух переменных: $p = f(x, y)$, где p – величина уголовного наказания в единицах измерения вида наказания. Для России единицы измерения снимаются со статей Общей части УК РФ, в частности, это статьи 44-57 УК РФ; x – количество общественной опасности деяния в баллах ООД (общественной опасности деяния); y – количество общественной опасности личности в баллах ООЛ (общественной опасности личности). То есть в модели полноценно учитываются элементы состава преступления (объективная и субъективная стороны в первую очередь). Когда характеризуется общественная опасность деяния то речь идет о величине физического, имущественного и морального ущерба. Когда мы говорим об общественной опасности личности, тогда учитываем наличие преже-

них судимостей, поведение физического лица в быту, цели, мотивы совершенного преступления и так далее.

Функция справедливости – это всегда строго возрастающая поверхность в трехмерном пространстве, поскольку при увеличении общественной опасности деяния и личности, его совершившей величина уголовного наказания не может снижаться, а, следовательно, она всегда строго возрастает. Поэтому законодатель или судебная власть государства может принять на вооружение любую удобную для них функцию справедливости, например, какую-либо функцию типа функций Кобба-Дугласа. Наше предложение – это использование функции: $p = xy$. При этом очевидно, что используется только первый октант восьми октантной декартовой системы координат правой ориентации, в котором и расположена поверхность справедливости.

Говоря об обстоятельствах, смягчающих (ст. 61 УК РФ) и отягчающих (ст. 63 УК РФ) наказание мы можем привязывать их либо к общественной опасности преступного деяния, либо к общественной опасности личности. В этом случае не требуется увеличение размерности пространства, в котором строится функция справедливости, но ничто не мешает увеличить размерность пространства до пяти и выше переменных. Как будет ясно из дальнейшего изложения, это приведет лишь к увеличению системы линейных уравнений, которую нужно будет решить для определения максимально справедливой величины уголовного наказания в отношении каждого конкретного подсудимого.

После того, как определена функция справедливости вводится уравнение ограничения. Это уравнение строго линейное, и в неявном виде записывается так: $m = p_x x + p_y y$, где p_x и p_y – это цены одного балла общественной опасности преступного деяния и его совершившей личности в единицах измерения применяемого судом вида уголовного наказания, например, для штрафов – это рубли, для лишения свободы – месяцы лишения свободы и так далее; m – максимальная величина, применяемого судом вида уголовного наказания в отношении данного подсудимого, взятая из соответствующей части статьи Особенной части УК РФ, например, если подсудимому вменяется убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ то $m = 15$ лет лишения свободы или 180 месяцев лишения свободы.

Чтобы получить график функции $m = p_x x + p_y y$ ее нужно задать в явном виде: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y} x$. Оптимальным на максимум будет только такой приговор, который обеспечивает касание линии допустимых комбинаций уголовных наказаний с единственной кривой из бес-

конечного множества кривых постоянных наказаний снятой с функции справедливости. Например, если на вооружении стоит функция справедливости вида $p = xy$, то множество кривых постоянных наказаний (КПН), проецируемых на плоскость xOy будет описываться гиперболическими уравнениями: $y = \frac{C}{x}$, где C – произвольная постоянная.

Чтобы отыскать координаты оптимума, максимизирующие функцию справедливости в отношении данного подсудимого, нужно использовать алгоритм условной оптимизации с введением неопределенного множителя Лагранжа (лагранжиана): $P = f(x, y) + \lambda(m - p_x x - p_y y)$. Записав данную новую функцию, включающую в себя, во-первых, функцию справедливости; во-вторых, уравнение ограничения (линия допустимых комбинаций уголовных наказаний); в-третьих, множитель Лагранжа, решаем задачу на отыскание уже обычного безусловного экстремума, для чего находим первые частные производные от всех трех переменных, включенных в уравнение: $P = f(x, y) + \lambda(m - p_x x - p_y y)$, и приравниваем их к нулю:

$$\begin{cases} P'_x(x, y, \lambda) = 0 \\ P'_y(x, y, \lambda) = 0 \\ P'_\lambda(x, y, \lambda) = 0 \end{cases}$$

Решив данную систему алгебраических линейных уравнений, находим оптимальные значения переменных: x_0, y_0 , подставив которые в исходное уравнение справедливости: $p = xy$ находим искомую величину уголовного наказания, которая положена данному подсудимому. При этом, чтобы убедиться в правильности полученного результата нам его следует проверить на соответствие второму закону Госсена.

Согласно второму закону Госсена оптимум справедливости будет достигнут лишь при условии, если $\frac{\partial P}{\partial x} = \frac{\partial P}{\partial y} = \lambda$ в координате (x_0, y_0) . Если это условие не выполняется, то величина максимума справедливости не достигнута или в вычислениях допущена ошибка.

Следует заметить, что первая частная производная $\frac{\partial P}{\partial x}$ функции справедливости по общественной опасности преступного деяния показывает, насколько в абсолютном измерении изменяется величина уголовного наказания для подсудимого при изменении обще-

ственной опасности преступного деяния на один балл ООД при фиксированном значении общественной опасности личности. Первая частная производная $\frac{\partial P}{\partial y}$ функции справедливости по общественной опасности личности, совершившей преступление, показывает, насколько в абсолютном выражении изменяется величина уголовного наказания подсудимого, при изменении общественной опасности личности на один балл ООЛ при фиксированном значении общественной опасности преступного деяния. При желании можно не фиксировать значения переменных, и брать полный дифференциал функции, что также может представлять некоторый практический интерес, выходящий за пределы настоящего исследования.

Обратим внимание, что первая частная производная функции справедливости по общественной опасности деяния – это предельная справедливость по данной переменной, а первая частная производная по общественной опасности личности – это предельная справедливость по общественной опасности личности.

Следует также обратить внимание на интерпретацию величины множителя Лагранжа (лагранжиана). Эта величина показывает, насколько будет меняться величина уголовного наказания подсудимому при изменении переменных, входящих в линию допустимых комбинаций уголовных наказаний.

Разберем простой числовой пример. Положим, что в суде разбирается уголовное дело по обвинению гражданина П. по ч. 3 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), предусматривающую уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до 12 лет или 144 месяца. При этом нам известно, что минимальное наказание в виде лишения свободы составляет 2 месяца (ч. 2 ст. 56 УК РФ).

Чтобы определить линию допустимых комбинаций уголовных наказаний нам нужно знать цены баллов общественной опасности преступного деяния и общественной опасности личности, его совершившей. Положим, что $p_x = 7$ и $p_y = 8$ месяцев лишения свободы, откуда нетрудно записать линию допустимых комбинаций уголовных наказаний: $y = \frac{m}{p_y} - \frac{p_x}{p_y} x$. То есть для нашего случая: $y = \frac{144}{8} - \frac{7}{8} x$ или в неявном виде: $144 = 7x + 8y$.

Положив функцию справедливости в виде: $p = xy$ можем записать новое уравнение: $P = xy + \lambda(144 - 7x - 8y)$, которое и нуж-

но максимизировать. С учетом того, что предельная справедливость по общественной опасности преступного деяния равна частной производной от исходной функции справедливости: $\frac{\partial p}{\partial x} = y$, а предельная справедливость по общественной опасности личности: $\frac{\partial p}{\partial y} = x$, запишем:

$$\begin{cases} y - 7\lambda = 0 \\ x - 8\lambda = 0 \\ 7x + 8y - 144 = 0 \end{cases} .$$

Данное уравнение эквивалентно нижеследующему:

$$\begin{cases} 0x + 1y - 7\lambda = 0 \\ 1x + 0y - 8\lambda = 0 \\ 7x + 8y - 0\lambda = 144 \end{cases} .$$

Решив эту систему методом детерминантов, методом Крамера, матричным методом или методом подстановки, получим ответ: $x_0 = \frac{72}{7}$, $y_0 = 9$, $\lambda = \frac{9}{7}$.

Подставим полученные координаты оптимума в исходную функцию справедливости, чтобы получить максимально справедливое наказание для данного подсудимого: $p_0 = \frac{72}{7} \cdot 9 = \frac{648}{7} \approx 93$ месяца лишения свободы.

Проверим результат на соответствие второму закону Госсена. Должно выполняться равенство $\frac{\frac{\partial p}{\partial x}}{p_x} = \frac{\frac{\partial p}{\partial y}}{p_y} = \lambda$ в координате (x_0, y_0) . Для нашего случая записываем: $\frac{9}{7} = \frac{10,2857}{8} = \frac{9}{7}$. То есть $1,29 = 1,29 = 1,29$ – равенство выполняется, а, следовательно, в данном случае получено максимально возможное справедливое уголовное наказание.

Таким образом, показано применение единой теории назначения справедливого уголовного наказания, как в общем виде, так и на конкретном числовом примере. Данная теория применима к любому уголовно-процессуальному законодательству любого государства Планеты. Уже сегодня российские судьи могут напрямую пользоваться данной методикой для вынесения законных, обоснованных, мотивированных и справедливых приговоров, поскольку они не выйдут за рамки требований справедливости, заданных законодателем в Осо-

бенной части Уголовного кодекса России. Но для более совершенного и всеобщего использования ЕТНСН в российской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной системе необходимо на законодательном уровне требовать от судей использования этой системы. Также совершенствование ЕТНСН возможно на уровне Пленума Верховного Суда России. Вынесение обвинительных приговоров с использованием ЕТНСН в максимальной мере отвечает конституционным принципам, включая и тот факт, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации), а в приговоре, полученном на основе ЕТНСН, содержится объективная истина, как ключевой атрибут справедливости.

Список литературы:

1. *Аликперов Х.Д.* Электронная технология определения меры наказания (Электронные весы правосудия) : монография. СПб. : Издательство «Юридический центр», 2020.
2. *Михайлов В.А.* Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации // Публичное и частное право. 2012. № 2 (14).
3. *Ольков С.Г.* Математические начала теории судебных приговоров // Вопросы правообразования. 2016. № 2.
4. *Ольков С.Г.* Рекомендации судьям по оптимизации обвинительных приговоров в уголовном процессе различных государств // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. 2025. № 2 (4).

Ручкин Владимир Николаевич,
*доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры математики
и информационных технологий управления
Института Академии ФСИН России,
профессор кафедры бизнеса и управления
Московского университета имени
С. Ю. Витте, Рязанский филиал
e-mail: v.ruchkin@miu.ru*

Нагаев Николай Борисович,
*кандидат технических наук, доцент,
Институт Академии ФСИН России,
доцент кафедры электроснабжения, энергетики
и автоматизации агропромышленного комплекса
ФГБОУ ВО РГАТУ
e-mail: nikolas_burdisso@mail.ru*

Раскрытие преступлений в киберпространстве средствами сквозных технологий

Аннотация

В статье осуществляется анализ предпосылок обеспечения кибербезопасности на базе процессуальных мероприятий безопасности с учетом классификации с целью обнаружения различных нарушений. Средства защиты юридической компьютерной информации необходимы для классификации вещественных доказательств. Результаты криминалистического расследования конкретного преступления представляются в электронном виде в качестве представления результатов уголовных оперативно-розыскных мероприятий.

Целью статьи является глубокий анализ введенных ключевых понятий классификации преступлений в киберпространстве, выделение независимых групп, формулировка в каждой из них криминалистических признаков компьютерной информации с учетом объективности форм существования криминалистической информации в электронной форме определения каждому признаку соответствующих средства защиты, уточнения мер наказания, классификации и подтверждения вещественных доказательств судебного разбирательства.

На основании введения ключевых понятий и глубокого анализа адекватно классифицировать *преступления в киберпространстве*, выделять независимые группы, формулировать для каждой из них криминалистические признаки ком-

пьютерной информации с учетом объективности форм существования. Увеличивающееся многообразие криминалистической информации в электронном виде с разными техническими характеристиками требует предоставления каждому признаку и соответствующим свойствам определенные средства защиты, уточнения мер наказания, однозначной классификации содеянного и подтверждения вещественных доказательств судебного разбирательства с использованием средств сквозных технологий и искусственного интеллекта принятия решений.

***Ключевые слова:** кибербезопасность; процессуальные мероприятия; криминалистические признаки; киберпреступление; средства защиты; классификация вещественных доказательств; результаты расследования.*

Компьютерные и современные сквозные технологии позволили человечеству выйти на глобальный уровень обмена информации, открывающий новые пути развития, с одной стороны, и порождающий более сложные проблемы, с другой. Причем возникающие проблемы в некоторых случаях имеют межгосударственный характер, и поэтому требуют более тщательного исследования криминалистических характеристик расследуемых киберпреступлений в процессе уголовного преследования. Решение таких проблем усугубляется постоянным развитием информационного общества в различных сферах деятельности, культуры быта и постоянным расширением киберпространства. С повышением значимости и ценности информации соответственно растет и важность ее защиты. В настоящее время любая информация имеет стоимость и значит, любая утечка или утрата информации повлечет материальный ущерб. Поэтому социально экономическое совершенствование общества зависит от производства, обработки, хранения, распространения и обеспечения безопасности информации среди всех членов общества независимо от места жительства, вероисповедания и физического состояния каждого абонента.

Всемирная цифровизация всех направлений развития государства в рамках Internet и Internet Industrial of Things (IIoT) самопроизвольно привела к фактическому превращению всемирной телекоммуникационной среды (ТКС) в весьма уязвимую со стороны постоянно увеличивающегося контингента преступных элементов [1, с. 6] В результате постоянно совершенствуются угрозы международного информационного терроризма, так называемого «Кибертерроризма» и различных информационных войн между государствами, которые в настоящее время превратились в объективную реальность. Потому появляются новые понятия

преступления в киберпространстве, под которым понимается любое противоправное вмешательство в работу компьютера, компьютерных программ, любых сетей, несанкционированной модификации компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и любого программного обеспечения. Введенные понятия значительно пополняются, а суть сводится к следующему «Киберпреступление – любое преступление в электронной сфере, совершенное при помощи компьютерной системы, сети или против них любого воздействия на электронный ресурс» [2, с. 12.].

Киберпреступностью является любая преступная активность в реальном и виртуальном пространствах (киберпространстве). В некоторых киберпреступлениях осуществляются прямые атаки на компьютеры или другие устройства с целью вывода их из строя. В других киберпреступлениях компьютеры используются киберпреступниками для распространения вредоносных программных кодов, получения незаконной информации, хищения личных данных с целью мошенничества. Значит, киберпреступления – это любые преступления, совершенные в киберпространстве (с использованием сети Интернет или иной компьютерной сети), как компонента преступления.

Конвенцией Совета Европы [3, с. 314] киберпреступления объединены в пять групп. Первая группа включает все компьютерные преступления, направленные против компьютерных данных и систем; незаконный доступ, проникновение и вмешательство в данные или системы в целом. Вторую группу составляют любые противоправные, несанкционированные деяния, связанные с использованием технологий: подлог, извлечение, блокировка или изменение данных, получение экономической выгоды иными способами. Правонарушения третьей группы связаны с содержанием данных или контентом. Нарушение авторских и смежных прав относится к четвертой группе. Кибертерроризм и использование виртуального пространства для совершения актов насилия, а также другие деяния, посягающие на общественную безопасность, включаются в пятую группу киберпреступлений. Общественная опасность перечисленных преступлений признана на международном уровне, что выражается в соответствующих подписанных международных правовых актах [3, с. 313]. Для государств – членов ООН преступления, связанные с использованием сети Интернет названы глобальной международной проблемой.

Тема преступления в киберпространстве является достаточно актуальной, перспективной и необходимой, т.к. многие ведущие эксперты называют преступность в информационной среде одной из главных с точки зрения обеспечения национальной безопасности не только нашего государства, но и всех государств: дружественных и недружественных. Причем это беспокойство абсолютно оправдано наличием и постоянно возрастающим в глобальных компьютерных сетях сложной системы криминогенных факторов: проще на корню предотвратить, чем тушить разгорающееся противостояние.

Современная концепция развития вычислительных средств направлена на создание автоматических, автоматизированных, роботизированных и роботизированных на кристалле систем и технологий управления и обработки информации. С использованием систем искусственного интеллекта и более современных «Сквозных технологий» (Cross Cutting Technologies) [4, с. 313] требуется придание юридической силы документам и актам, осуществляемых с помощью ЭВМ, создание предпосылок автоматического выявления и раскрытия преступных актов. Следовательно, необходимо усиление защиты, в том числе уголовно – правовыми методами. Кроме того, опасность преступлений в сфере компьютерной информации состоит в уничтожении, блокировке и модификации информации, связанной с управляющими датчиками сложных киберфизических систем (Ciber Physical System) и робототехнических, в том числе и на кристалле, систем оборонного, производственного, экономического, банковского назначения. В свою очередь перечисленные выше действия и угрозы способны повлечь гибель людей, причинение вреда их здоровью, уничтожение имущества и экономического вреда в колоссально больших размерах и объемах: несколько секунд – минут человек лишается благосостояния.

С учетом указанных обстоятельств государством в УК РФ предусмотрены специальный раздел 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»: глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Важными составляющими национальной безопасности государства Российской Федерации [2, с. 14] являются: постоянное совершенствование функционирования информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов и процессов повышенной опасности с целью повышение уровня защищенности корпоративных и индивидуальных информационных систем. Планируются указанные направления проводить с учетом развития вычислительной техники и сквозных технологий с использованием искусственного интеллекта, квантовых компьютеров, нейропро-

цессоров с целью автоматического проведения множества более тщательных мероприятий обнаружения, устранения и ликвидации нарушений уголовно – правового кодексов.

Впервые в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420 – ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» законодатель дает определение Компьютерной информации: «под компьютерной информацией понимаются сведения: сообщения, данные, представленные в форме электрических сигналов из алфавита {0,1} независимо от средств их хранения, обработки, приема и передачи». Как показывает практика и подсказывает опыт ведущих криминалистов для целей уголовного преследования удобно применять данное определение. С этой точки зрения можно сформулировать следующие определения свойств криминалистических признаков компьютерной информации:

1. Прогрессирующее увеличение криминалистической информации в электронной форме.

2. Существование материального носителя электронного документа без которого он исчезает, так как цифровые файлы представляют собой упорядоченные наборы двоичных кодов, хранящиеся на электронных устройствах памяти.

3. Массовость компьютерных данных реализуется через современные средства коллективного взаимодействия, такие как Интернет, локальные сети, базы данных и системы управления контентом.

4. Инвариантность позволяет просто и быстро преобразовать информацию из неэлектронной в электронную и обратно, при сканировании и последующей распечатки на бумаге.

5. Способность быстрого распространения данные независимо от географического положения пользователей и технических ограничений сетей передачи данных.

6. Масштабируемость предполагает эффективную обработку увеличивающихся объемов данных и поддержку растущих нагрузок без существенного снижения производительности

Многообразие криминалистической информации в электронной форме с разными техническими характеристиками требует классификации компьютерной информации с целью предоставления каждому признаку и соответствующим свойствам определенные средства защиты. В настоящее время выделяют следующие классы.

1. По юридическому положению различают:

- Недокументированная компьютерная информация представляет собой временно существующие данные, команды и сигналы, возникающие в процессе работы вычислительной техники

и коммуникационных систем, не имеющие официальных атрибутов документов и включающие логины, пароли, IP-адреса, метаданные и прочие служебные элементы.

- Документированная компьютерная информация в электронной форме на соответствующем носителе и снабженная электронными реквизитами: подпись, дата, наименование отправителя и др. по положениям российского законодательства придает ей юридически значимый статус, идентификацию и подтверждение, тем самым, подлинности информации.

2. Компьютерная информация классифицируется по режиму уголовно-правовой охраны на общедоступную, служебную и охраняемую законом. Общедоступная информация доступна широкому кругу лиц, служебная используется внутри организаций и не подлежит раскрытию, а охраняемая законом включает конфиденциальные сведения, такие как государственная, коммерческая, банковская тайна, персональные данные и другие, незаконное использование которых регулируется российским законодательством. Особое внимание уделено вредоносным программам, способным незаконно уничтожать, изменять, блокировать или копировать данные, представляющим собой своеобразное информационное оружие и попадающим под действие статьи 273 Уголовного кодекса РФ.

На основании вышеуказанного выделяются следующие ключевые признаки вредоносной программы:

1. Способность программы производить уничтожение, блокировку, изменение или копирование компьютерной информации, а также нейтрализацию средств защиты.

2. Отсутствие обязательного предварительного информирования владельца или пользователя компьютерной информации, устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети о цели и последствиях своих действий.

3. Отсутствие требований получения согласия или одобрения от владельцев или пользователей упомянутых объектов перед реализацией заложенного в программу алгоритма работы.

Любое отсутствие указанных признаков свидетельствует о невредежности программы.

Обладателем компьютерной информации признается физическое или юридическое лицо, создавшее данную информацию лично или законно уполномоченное распоряжение путем предоставления или ограничения доступа третьим лицам. Обладатели зачастую выступают потерпевшими в соответствующих уголовных делах.

Неправомерный доступ к компьютерной информации определяется как получение и использование информации без соответствующего

разрешения собственника. По способу реализации этот доступ может быть прямым: непосредственный контакт с устройством или удаленным: дистанционный доступ через сети, вредоносные программы или специально созданные технические средства для скрытого перехвата данных.

Электронный носитель информации в виде технического устройства периферийного оборудования используемый для передачи и приема, обработки и преобразования, накопления, фиксации и хранения компьютерной информации. Поэтому электронные носители информации выступают в качестве ключевых вещественных доказательств. С криминалистической точки зрения они классифицируются следующим образом:

- Машинные носители информации, такие как интегральные микросхемы, жесткие диски, флэш-карты и SSD-накопители.
- Процессорные устройства, включая микропроцессоры, нейро- и многоядерные процессоры и квантовые вычислители.
- Контроллерные устройства, такие как микроконтроллеры и платы управления.
- Преобразователи информации, включающие мосты, хабы, адаптеры и интерфейсные модули.
- Приемное и передающее оборудование, такое как роутеры, свитчи, модемы и сетевые карты.
- Комбинированные электронные носители, объединяющие несколько функций в одном устройстве, например смартфоны, планшеты и ноутбуки.

Каждый тип электронных носителей обладает уникальными характеристиками, влияющими на порядок их обнаружения, изъятия и дальнейшего исследования в рамках следственно-розыскных мероприятий.

Криминалистически значимая информация, извлекаемая из электронного носителя, позволяет:

Идентифицировать пострадавшую сторону: физическое или юридическое лицо, выяснить его местоположение и маршруты передвижения.

Получить точные координаты места происшествия и зафиксировать его точный адрес.

Реконструировать ход события преступления, обнаружить возможные следы и собрать данные о подозреваемом, включая личные характеристики и визуальное представление: фото, снимки.

Предпосылки обеспечения безопасности связаны с постоянно возрастающим наличием весьма уязвимых объектов в государственных, коммерческих и частных информационно – теле – коммуни-

кационных инфраструктурах и воздействием со стороны постоянно увеличивающегося контингента преступных элементов. Поэтому в результате постоянного противодействия анализируются угрозы международного информационного терроризма - «Кибертерроризма» и различных информационных войн между государствами и компаниями. Созданная объективная реальность привела авторов к уточнению понятия преступления в киберпространстве как любое противоправное вмешательство в функционирование компьютеров, компьютерных программ и сетей, а также несанкционированная модификация компьютерных данных охватывают любые общественно опасные деяния, совершаемые с использованием компьютеров, компьютерных сетей и программного обеспечения. Сюда относятся взломы, хищение данных, создание и распространение вирусов, атаки на информационные системы, нарушение конфиденциальности и целостности данных, кража интеллектуальной собственности и другие аналогичные нарушения.

С уточненным понятием предлагаются процессуальные мероприятия повышения безопасности как важнейшие составляющие национальной безопасности государства РФ в целях постоянного совершенствования функционирования информационных и телекоммуникационных систем критически важных объектов и повышение уровня защищенности корпоративных и индивидуальных информационных систем. При этом указанные направления должны планировать с учетом развития вычислительной техники и сквозных технологий с использованием искусственного интеллекта, квантовых компьютеров, нейропроцессоров на кристалле с целью автоматического проведения множества более тщательных мероприятий обнаружения, устранения и ликвидации нарушений уголовно – правового кодексов.

Для совершенствования уголовного преследования предлагается классификация вещественных доказательств, которая с криминалистической точки зрения представляется в зависимости от используемых вычислительных средств от носителя информации, интегральных микросхем, микропроцессоров или нейро- и многоядерных процессоров, микроконтроллеров, различных преобразователей информации, приемного и передающего оборудования.

Рассмотренные криминалистические признаки вредоносной компьютерной программы базируются на уничтожении, блокировании, модификации, копировании компьютерной информации и нейтрализации средства защиты.

Многообразие криминалистической информации в электронном виде с разными техническими характеристиками требует клас-

сификации компьютерной информации с целью предоставления каждому признаку и соответствующим свойствам определенные средства защиты.

Список литературы:

1. Положительные тенденции коллегии ФСИН РФ / Преступление и наказание. 2022. № 4.
2. Кибербезопасность 2020–2023. Тренды и прогнозы // www.ptsecurity.com. URL: <https://www.ptsecurity.com> (дата обращения: 12.09.2025).
3. *Чураков Д.Ю.* Событийная видеоаналитика: нейросетевые технологии разработки и перспективы внедрения в учреждениях уголовно-исполнительной системы // сборник тезисов выступлений и докладов участников V международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление». Т. 9. Рязань, 2023.
4. *Ручкин В.Н.* Сквозные технологии (cross cutting technologies) : учебное пособие / В.Н. Ручкин, А.С. Асаев, В.А. Фулин [и др.]; под ред. В.Н. Ручкина. Москва : КУРС, 2024. 140 с.

Семенцов Владимир Александрович,
*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора
Кубанского государственного университета
e-mail: crimpro@yandex.ru*

Проблема оценки законности уголовного преследования в случае прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям

Аннотация

В статье обосновывается, что уголовное преследование является основной функцией органов досудебного производства, процессуальной деятельности которых не должно препятствовать опасение быть обвиненными в нарушении закона только потому, что установлены обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии события или состава преступления. Утверждается, что если уголовно-процессуальная деятельность органов и должностных лиц досудебного производства осуществляется в установленном законом порядке, то реабилитация не может использоваться в качестве средства для исключительно негативной оценки такой деятельности, вне констатации ее (деятельности) как незаконной, включая возможность заявления регрессного иска. Предлагается скорректировать содержание п. 34 ст. 5 УПК РФ, включив в его содержание указание на причинение ущерба как законным, так и незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием, поскольку порядок реабилитации не должен основываться только на признаках незаконности и необоснованности.

Ключевые слова: *досудебное производство; уголовное преследование; оценка; прекращение; судебная практика; реабилитация.*

В числе основополагающих начал отечественного уголовного судопроизводства выступает его назначение, одним из элементов которого служит ограждение лица от незаконного уголовного преследования (ст. 6 УПК РФ). Указанное принципиальное положение получает свое дальнейшее развитие в нормах уголовно-процессуального права, включая институт реабилитации, которому посвящена гл. 18 УПК РФ, создавая тем самым необходимый процессуальный механизм обеспечения прав граждан в части защиты от незаконного уголовного преследования.

В правоприменительной деятельности незаконное уголовное преследование традиционно рассматривается как нежелательный и весьма отрицательно характеризующий результат уголовного судопроизводства. На это обстоятельство указывает А. А. Тарасов, вполне закономерно отмечая, что прекращенное по реабилитирующим основаниям уголовное преследование конкретного лица, равно как и прекращение уголовного дела по таким же основаниям, рассматривается как брак в работе следователей и следственных органов, способное повлечь для них определенные отрицательные последствия [7, с. 125].

Об этом же ранее писал В. Назаренко, указывая на то, что оправдательный приговор, к сожалению, считается большим браком в работе органов предварительного следствия и дознания, влечет санкции [4]. При этом подчеркнем, что прекращение уголовного преследования по пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ рассматривается как решение, принимаемое по реабилитирующим основаниям, и реабилитированному предоставляются соответствующие процессуальные средства восстановления его прав и свобод, возмещения причиненного вреда.

В числе таких средств можно указать выплаты денежных средств из федеральной казны, поскольку государство несет ответственность за незаконное уголовное преследование, независимо от вины конкретных должностных лиц. Но впоследствии выплаченная сумма возмещения может быть взыскана со следователя путем предъявления регрессного иска, о чем свидетельствуют решения судов¹.

Не оспаривая тот факт, что незаконное уголовное преследование является действительно большой проблемой и безусловно «браком» в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования, тем не менее, считаем необходимым обратить внимание на оценку уголовного преследования, как незаконного, с которой не все так однозначно.

Уголовное преследование понимается в как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле под уголовным преследованием понимается практически вся деятельности органов досудебного производства, тогда как в узком смысле – это только та деятельность должностных лиц, которая направлена на изблечение конкретного лица в совершении определенного преступления [8, с. 147]. А вот в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П отмечается, что понятия «задержанный»,

¹ Решение Кировского районного суда г. Махачкалы от 3 июня 2019 г. по делу № 2-1735/2019 по иску МВД России к следователю в порядке регресса, который был удовлетворен.

«обвиняемый», «предъявление обвинения», «публичное преследование», которые, как правило, используются учеными и правоприменителями для обозначения уголовного преследования, его направленности, должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в узкоспециальном смысле, в котором они используются в уголовно-процессуальном законе¹.

Как известно, уголовное преследование (о дискуссионности и проблемах которого имеется активная и длительная научная полемика [1, 2, 3, 9]) формируется в досудебном производстве путем принятия нескольких процессуальных решений, в числе которых постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, приобретающего в этом случае процессуальный статус подозреваемого. Помимо этого, уголовное преследование может начинаться с момента привлечения лица в качестве обвиняемого (ст. 173 УПК РФ), для чего необходимо вынесение соответствующего постановления. В силу правовых позиций Конституционного Суда РФ началом уголовного преследования в его фактическом выражении могут служить и иные процессуальные факты: например, с момента применения мер процессуального принуждения к лицу, не признанному официально ни подозреваемым, ни обвиняемым.

Для решения научных задач данного исследования важным представляется то обстоятельство, что в любом случае начала уголовного преследования в уголовном судопроизводстве присутствует самостоятельный процессуальный акт, устанавливающий правовую основу ограничений прав определенного лица.

Прекращение уголовного преследования в отношении конкретного лица либо уголовного дела в целом по основаниям п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ рассматривается как реабилитирующее. В п. 34 и 35 ст. 5 УПК РФ реабилитация определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию с применением специальных процессуальных средств, в том числе возмещения причиненного ущерба. Очевидной представляется причинно-следственная связь между средствами реабилитации и ее основаниями – незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Позволим себе и следующее формальное умозаключение: реабили-

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

тации подлежит только то лицо, в отношении которого уголовное преследование является незаконным и необоснованным.

Но может ли быть правильным и логичным следующее суждение: пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (толкуемые как реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования, уголовного дела), имеют место в случаях, когда должна применяться реабилитация, т.е. механизм, направленный на восстановление прав лица, подвергнутого исключительно незаконному и необоснованному уголовному преследованию?

Утвердительный ответ ведет к констатации следующего факта, что установление отсутствия события или состава преступления свидетельствуют о незаконном уголовном преследовании на протяжении всего производства, пока следователь успешно работал на его же (лица, в отношении которого проводилось уголовное преследование) оправдание в совершении преступления.

В таком утверждении (о незаконности уголовного преследования при установлении факта отсутствия события или состава преступления) видится существенный парадокс. Полагаем, что утвердительный ответ на поставленный вопрос не может быть правильным. Соответственно установление реабилитирующих оснований не является свидетельством незаконности уголовного преследования. Однако и в этом случае получаем проблему: если реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования не являются свидетельством незаконного уголовного преследования, то тогда следует задуматься о том, а можно ли при их установлении и наличии указанных правовых положений (пп. 34 и 35 ст. 5 УПК РФ) применять институт реабилитации.

Учеными отмечаются случаи ошибочного толкования и применения реабилитации, в частности, уменьшение объема обвинения не означает, что преследование было незаконным, поскольку уменьшается лишь объем обвинения, однако само обвинение сохраняется и завершается осуждением лица [6].

Многочисленны судебные решения, в которых предпринимаются шаги по исправлению ошибок применения реабилитации. Так, если из обвинения исключены квалифицирующие признаки ошибочно вмененной статьи, уменьшающие объем обвинения, то это не является реабилитирующим обстоятельством и не свидетельствует о незаконности уголовного преследования в отношении М.¹

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 3 июля 2025 г. № 77-1750/2025, 77-1915/2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2025).

В тексте УПК РФ правовая категория «незаконность» упоминается неоднократно, причем не только по отношению к уголовному преследованию (п. 34 ст. 5), но и к обвинению (п. 2 ч. 1 ст. 6), задержанию, лишению свободы или помещению в медицинскую организацию» (ч. 2 ст. 10), в случае отмены руководителем следственного органа по требованию прокурора постановления следователя (ч. 4 ст. 39), когда применяются меры процессуального принуждения (ч. 3 ст. 133), либо если судьей выносится постановление по результатам проверки законности произведенного следственного действия (ч. 5 ст. 165) и др.

В то же время дефиниции категории «незаконность» нет, и ее трактовка основана на методе «от обратного», т.е. от сущности категории законности. Опираясь на законодательную формулировку уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ), есть основание утверждать, что незаконность такой деятельности выражается в ее осуществлении вопреки требованиям норм уголовно-процессуального закона.

Аргументом в поддержку высказанной позиции может выступить формулировка ч. 2 ст. 297 УПК РФ, определяющая законность приговора соблюдением уголовно-процессуального закона и правильным применением уголовного закона. При этом незаконность или необоснованность приговора подтверждается исключительно решением вышестоящего суда.

Как утверждается, реакция государства на факты незаконного уголовного преследования должна состоять не только в обязывании виновных должностных лиц устранить допущенные процессуальные нарушения и восстановить права участников уголовного судопроизводства» [5], но и обеспечить применение уголовной ответственности по ст. 299 УК РФ.

На наш взгляд, такая позиция носит односторонний, исключительно материально-правовой характер, так как охватывает только умышленные деяния, такие как *заведомо незаконное уголовное преследование*, но далеко не всегда умысел присутствует в действиях следователя, когда он возбуждает уголовное дело в отношении конкретного лица, а затем прекращает его по реабилитирующим основаниям.

Исходя из этих обстоятельств, полагаем, что уголовное преследование должно толковаться как законное в тех случаях, когда оно осуществляется в точном соответствии с положениями уголовно-процессуального закона. А признание его незаконным должно происходить на основании процессуальных решений уполномоченных законом должностных лиц или суда. Например, незаконным уголовное преследование можно считать в том случае, если постановление

о возбуждении уголовного дела, вынесенное в отношении конкретного лица, признано незаконным по решению суда или руководителя следственного органа и отменено.

Соответственно есть основания дать следующее определение: законное уголовное преследование – это уголовно-процессуальная деятельность, начатая в установленном законом порядке, уполномоченным законом должностным лицом и проводимое в соответствии с целью и задачами уголовного судопроизводства в порядке, установленном законом.

Считаем, что установление в ходе уголовного преследования обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии события или состава преступления в действиях конкретного лица (эта деятельность, как известно, носит познавательный и удостоверительный характер), не может рассматриваться как основания для признания уголовного преследования незаконным.

На основании указанных суждений уголовное преследование следует рассматриваться как незаконное только в двух случаях: 1) заведомо незаконное (ст. 299 УК РФ); 2) если в установленном законом порядке, по решению уполномоченного должностного лица досудебного производства или суда незаконным признается тот процессуальный акт, на основании которого это уголовное преследование было начато.

Учитывая высказанные соображения, считаем, что отечественный институт реабилитации подлежит существенному изменению, прежде всего, в части парадигмы оснований применения: нельзя определять основаниями реабилитации исключительно факты незаконного уголовного преследования или незаконного применения мер процессуального принуждения. Очевидно, что законодателю для выполнения декларируемого назначения уголовного судопроизводства, следует расширить подход к определению оснований реабилитации, предусмотрев причинение ущерба лицу, в том числе и правомерными процессуальными действиями органов досудебного производства.

Соответственно высказанной позиции предлагаем скорректировать содержание п. 34 ст. 5 УПК РФ, включив в его содержание указание на причинение ущерба как законным, так и незаконным и (или) необоснованным уголовным преследованием.

В числе основных выводов по результатам проведенного исследования считаем возможным отметить следующее:

1) уголовное преследование является основной функцией органов досудебного производства, а ее выполнению в полном объеме и эффективно не должны препятствовать такие риски, как опасение быть обвиненными в проведении незаконной уголовно-процессу-

альной деятельности только потому, что были установлены обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии события или состава преступления;

2) реабилитация не должна использоваться в качестве средства для негативной оценки уголовно-процессуальной деятельности органов и должностных лиц досудебного производства вне констатации ее (деятельности) как незаконной в установленном законом порядке;

3) незаконность уголовного преследования должна подтверждаться решениями уполномоченных должностных лиц и суда, что может расцениваться как основание для применения мер взыскания, в том числе, заявления регрессного иска к следователю.

Список литературы:

1. *Батчаева Э.К.* Процессуальные особенности судебного следствия по делам частного обвинения в России и иных государствах – членах СНГ // *Мировой судья*. 2020. № 11.

2. *Журба О. Л., Филоненко Д.Г.* Проблемы формирования института уголовного преследования по делам частного обвинения на современном этапе развития уголовного процесса // *Крымский научный вестник*. 2019. № 2 (23).

3. *Коржев С. В.* О начальном моменте осуществления уголовного преследования // *Пробелы в российском законодательстве*. Юридический журнал. 2011. № 2.

4. *Назаренко В.* Предварительное расследование в современном уголовном процессе // *Законность*. 2002. № 8.

5. *Симоненко А.А.* Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 33 с.

6. *Стельмах В.Ю.* Пробелы нормативной регламентации реабилитации в уголовном судопроизводстве // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. № 2.

7. *Тарасов А.А.* Следователь – участник процесса на стороне обвинения: зло или благо? // *Журнал российского права*. 2024. № 8.

8. *Щербинин Е.С.* Злоупотребления субъектов уголовного преследования и их отражение в уголовном законе // *Юридическая наука и практика*. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55).

9. *Яковлева Л.Н.* Начало возникновения уголовного преследования // *Марийский юридический вестник*. 2013. Вып. 10.

Сычѳв Павел Геннадиевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: 4402898@mail.ru

Организация процессуального контроля в следственных органах МВД России на федеральном уровне

Аннотация

Процессуальный контроль в органах предварительного следствия в системе МВД России, организованный на федеральном уровне, представляет своего рода эталон для нижестоящих следственных органов регионального и районного уровня. Такой вид контроля осуществляется в зональной и линейной формах, полномочия по их осуществлению разделены между подразделениями Следственного департамента МВД России. Процессуальный контроль – эффективный и гибкий инструмент обеспечения законности при расследовании уголовных дел, дающий возможность адекватно реагировать на изменение оперативной обстановки в стране.

***Ключевые слова:** органы предварительного следствия в системе МВД России; процессуальный контроль; зональный и линейный контроль; Следственный департамент.*

Главным нормативно-правовым документом, регламентирующим организацию предварительного следствия подразделениями органов внутренних дел, является Положение об органах предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Положение об органах предварительного следствия), утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 .

В пункте 8 Положения об органах предварительного следствия определено, что их основными задачами являются:

- обеспечение в пределах своих полномочий исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве;
- организационно-методическое руководство расследованием преступлений, подследственных следователям органов внутренних дел Российской Федерации.

Расследование уголовных дел о преступлениях, подследственных следователям органов внутренних дел, входит в задачу об исполнении законодательства.

Процессуальный контроль, о котором пойдет речь в данной статье, входит в задачу организационно-методического руководства.

В пункте 1 непосредственно Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 установлено, что Следственный департамент Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Следственный департамент) является следственным органом, возглавляющим органы предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В силу принципа централизации управления Следственный департамент осуществляет организационно-методическое руководство деятельностью следственных органов, созданных как по административно-территориальному, так и отраслевому принципу.

Здесь и далее по ходу исследования необходимо принимать во внимание, что организацию деятельности подразделений Следственного департамента необходимо признать эталоном для нижестоящих следственных органов, поскольку в ней сконцентрированы лучшие достижения теории управления.

Руководители органов предварительного следствия в системе МВД России должны брать за основу нормативно-правовое обеспечение, действующее в Следственном департаменте, корректировать его в соответствующей части с учетом занимаемого в иерархии следственных органов положения и региональной специфики, и руководствоваться им в повседневной деятельности.

Иными словами, организационно-методическое руководство на уровне субъектов Российской Федерации и ниже, на уровне городских и районных органов внутренних дел, представляет собой уменьшенную модель этого руководства на федеральном уровне.

Организационно-методическое руководство расследованием преступлений, предусмотренное Положением об органах предварительного следствия – многофункциональная задача, в которую входит организация деятельности следственных органов, начиная с их создания, структурного построения и последующих реорганизаций, дальнейшего обеспечения и поддержания ритмичной эффективной работы по пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, подследственных следователям органов внутренних дел. Методическое руководство включает в себя не только обобщение судебно-следственной практики, выработку и распространение современных методик расследования новых видов преступлений, но и оказание следственным органам практической и методической помощи,

организация учебного процесса и множество других сопутствующих задач.

Процессуальный контроль – неотъемлемая, а, может быть, и главная часть управленческой деятельности в следственных органах, неизбежно основанная на нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Итак, деятельность Следственного департамента по управлению следственными подразделениями построена на принципах законности, сочетания единоначалия в принятии решений и коллегиальности при их обсуждении, личной ответственности за состояние дел на порученном участке работы и выполнении отдельных поручений.

Заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации – начальник Следственного департамента в целях организации деятельности следственных органов системы МВД России правомочен издавать в пределах своей компетенции приказы и распоряжения, обязательные для выполнения личным составом Следственного департамента и всех органов предварительного следствия в системе МВД России, распределяет полномочия между своими заместителями, делегирует им часть этих полномочий. Имеет право по вопросам, относящимся к его компетенции, представлять МВД России во взаимоотношениях с Правительством Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации и федеральными судами, вести переписку от имени Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии с УПК РФ начальник Следственного департамента и его заместители обладают исключительными процессуальными полномочиями:

- продлевать срок следствия свыше 12 месяцев (ч. 5 ст. 162 УПК РФ);

- давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста, запрета определенных действий свыше 12 месяцев до 18 месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ);

- рассматривать требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства при несогласии с ними руководителей нижестоящих следственных органов (ч. 6 ст. 37 УПК РФ);

- давать согласие следователю на обжалование Генеральному прокурору Российской Федерации решений прокурора и вышестоящего

прокурора, вынесенных в соответствии с пунктом 2 части первой статьи 221 УПК РФ и частью 4 статьи 211 УПК РФ (ч. 4 ст. 221 УПК РФ);

– процессуальными полномочиями руководителя вышестоящего следственного органа относительно процессуальной деятельности подчиненных нижестоящих следственных подразделений;

– процессуальными полномочиями руководителя следственного органа по уголовным делам, расследуемым Следственным департаментом.

Приказом МВД России от 1 июля 2011 года № 780 утверждено Положение о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации, в пунктах 10.5 и 10.6 которого указано, что основными задачами являются, в том числе, осуществление в пределах своих полномочий контроля за законностью решений и действий следователей органов внутренних дел Российской Федерации и организационно-методическое руководство деятельностью органов предварительного следствия в целях обеспечения всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, отнесенных к подсудственности следователей органов внутренних дел Российской Федерации.

Несмотря на то, что контроль и организационно-методическое руководство разделены, нет сомнений, что это взаимосвязанные составляющие одной и той же задачи.

Контроль осуществляется в двух формах: линейной и зональной.

Приказом Следственного департамента от 27 августа 2021 г. № 54 утверждены положения о его структурных подразделениях, в том числе об управлении ведомственного и процессуального контроля (приложение № 2) и контрольно-методическом управлении (приложение № 3).

В деятельности данных подразделений центрального аппарата множество особенностей, не все из которых имеют прямое отношение к настоящему исследованию. Следует только отметить в самом общем плане, что управление ведомственного и процессуального контроля (УВПК) осуществляет контроль по зональному принципу, контрольно-методическое управление (КМУ) – по линейному. Но и из этого принципа есть исключения, но о них позже.

Итак, на федеральном уровне создан и функционирует следующий механизм процессуального контроля, основанный на зональном принципе:

1. Заместителем Министра внутренних дел – начальником Следственного департамента ежегодно с учетом оперативной обстановки подписывается распоряжение МВД России «О предоставлении сведений», определяющее основные принципы взаимодействия

УВПК с органами предварительного следствия регионального уровня при организации зонального контроля.

2. Заместителем начальника Следственного департамента утверждается Регламент работы отдела зонального контроля УВПК, в соответствии с которым следственные органы субъектов Российской Федерации, сгруппированные по федеральным округам, закрепляются за конкретными следователями, которые являются взаимозаменяемыми на период отпуска или возможной нетрудоспособности.

3. Закрепленный следователь изучает результаты работы следственного органа (количество и удельный вес уголовных дел, возбужденных в отчетном периоде, находившихся в производстве, направленных в суд, прекращенных, приостановленных и т. д.), особое внимание уделяя негативным показателям (количество и удельный вес оправдательных приговоров, уголовных дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям, возвращенных на дополнительное расследование, оконченных в длительный срок и т. д.).

4. Закрепленный за территориальным органом предварительного следствия сотрудник УВПК знакомится с его руководством (начальником, заместителями, начальниками структурных подразделений, в том числе с начальником подразделения зонального контроля), изучает их послужной список, опыт работы, в случае, если они включены в кадровый резерв, этому факту уделяется особое внимание.

5. Сотрудники УВПК организуют исполнение органами предварительного следствия МВД России регионального уровня действующего распоряжения МВД России «О предоставлении сведений», по результатам анализа и обобщения полученной информации с периодичностью, установленной руководством Следственного департамента, готовят информационные материалы о результатах работы следственных органов субъектов Российской Федерации в закрепленных зонах ответственности.

6. Выезды во все командировки в закрепленный следственный орган осуществляются следователем управления ведомственного и процессуального контроля, за которым он закреплен, либо заменяющим его сотрудником УВПК, согласно утвержденному заместителем начальника Следственного департамента регламенту.

7. Подготовка оперативных совещаний при заместителе Министра внутренних дел – начальнике Следственного департамента или его заместителях по вопросам, касающимся следственной работы территориального органа предварительного следствия, осуществляется сотрудником управления ведомственного и процессуального контроля, за которым он закреплен.

8. Закрепленный сотрудник УВПК участвует в инспектировании, контрольных и целевых проверках, он же в случае установления особого контроля участвует в реализации плана мероприятий по его осуществлению.

9. В случае критического ухудшения показателей подконтрольного следственного органа, в том числе при принятии решения об установлении особого контроля, может быть рассмотрен вопрос об ответственности закрепленного сотрудника УВПК.

10. Результаты зонального контроля учитываются при решении вопроса о поощрениях руководителей подконтрольного органа, кадровой ротации, включении в кадровый резерв, наложении дисциплинарных взысканий, решении вопроса о внеочередной аттестации, а также освобождении от занимаемой должности.

Механизм процессуального контроля по линейному принципу на федеральном уровне организован по похожей схеме и работает следующим образом:

1. Распоряжением заместителя Министра – начальника Следственного департамента определяются перечень видов преступлений, за которыми Следственный департамент осуществляет прямой контроль (линии), сроки представления информации, а также копии процессуальных документов и случаи, при которых их надлежит направлять.

2. По предложению начальника контрольно-методического управления решением заместителя начальника Следственного департамента за каждой линией закрепляется ответственный сотрудник КМУ, одновременно устанавливается периодичность доклада о результатах работы по контрольной линии.

3. Сотрудник контрольно-методического управления (либо сотрудник, замещающий его на период отпуска или временной нетрудоспособности) рассматривает все ходатайства о продлении процессуальных сроков свыше года, обращения граждан и организаций по закрепленной линии, накапливая эмпирический материал.

4. Обоснованность процессуальных решений по контрольным линиям проверяется в Следственном департаменте:

– при небольшом количестве уголовных дел (например, по бандитизму или организации преступного сообщества) – в сплошном порядке;

– при большом количестве уголовных дел по данной линии обоснованность процессуальных решений проверяется, как правило, в следственных органах, имеющих неудовлетворительные результаты работы;

– уголовные дела, процессуальные решения по которым приняты необоснованно, истребуются в Следственный департамент для изучения;

– по результатам изучения необоснованные решения отменяются, готовятся указания о направлении расследования, производстве конкретных следственных действий;

– на уголовное дело заводится контрольно-наблюдательное производство, устанавливается периодичность представления информации.

5. Информация об уголовных делах, направленных и рассмотренных в судах с вынесением обвинительных приговоров, обобщается и периодически в органы предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации направляются в виде обзоров, методических рекомендаций и т.д. для изучения положительного опыта.

6. Сотрудник контрольно-методического управления в соответствии с периодичностью, определенной руководством КМУ, получает из регионов и обобщает информацию, готовит доклады руководству Следственного департамента о результатах работы органов предварительного следствия системы МВД России по контрольной линии, с указанием имеющихся проблем, предложениями по их решению.

7. По окончании отчетного периода (год, полугодие) подводятся итоги работы органов предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации, которые доводятся до сведения руководства МВД России и Следственного департамента на итоговых совещаниях.

8. Результаты работы руководителей органов предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации по контрольным линиям также для наилучших учитываются при их поощрениях и продвижении по службе, а для наихудших – при наложении дисциплинарных взысканий и освобождении от занимаемой должности.

Однако как выше сказано, есть исключения из данного разделения полномочий между управлениями. Так, в составе УВКП создан отдел по организации расследования дистанционных хищений. Здесь со всей очевидностью заложен предметный принцип процессуального контроля, который является основой деятельности контрольно-методического управления. Однако решение о такой организации управления не случайно. Во-первых, это свидетельствует о возможности руководства Следственного департамента оперативного реагирования силами и средствами в соответствии со складывающейся оперативной обстановкой. Во-вторых, дистанционные хищения приобрели настолько массовый характер, что процессуальный и ведомственный контроль за их расследованием неотделим от контроля за оперативной обстановкой.

кой в целом в стране. Таким образом, создание данного отдела УВПК стало оптимальным сочетанием зонального и линейного принципов контроля.

Представляет интерес механизм усиленного процессуально-го контроля, который устанавливается в случае указания высшего руководства страны, создания межведомственных рабочих групп (штабов), например, при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, и в других аналогичных случаях.

Данный механизм, в дополнение к вышеуказанным мерам ведомственного и процессуального контроля, включает следующие управленческие решения и действия по их исполнению:

1. Распоряжением заместителя Министра – начальника Следственного департамента определяется состав рабочей группы по данному направлению работы.

2. Заводятся реестры уголовных дел и материалов доследственных проверок.

3. Устанавливается график выезда в органы предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации для проверки состояния работы по данному виду преступлений, в том числе (и главным образом) изучения материалов уголовных дел и проверок, обсуждения на оперативных совещаниях с участием следователей и руководителей следственного органа, дачи по ним рекомендаций о направлении расследования и производстве конкретных следственных действий.

4. Устанавливается график заслушивания уголовных дел и материалов проверок при руководстве Следственного департамента, на которых заслушиваются доклады следователей и руководителей органов предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации, результаты расследования и проведения проверок обсуждаются с учетом изучения дел и материалов при выездах в субъекты Российской Федерации, вырабатываются решения о дальнейшем расследовании и проведении проверок, которые фиксируются в протоколе оперативного совещания.

5. Планируемые процессуальные решения контролируются в упреждающем порядке и согласовываются с руководством Следственного департамента.

6. При возникновении необходимости в аппарат заместителя Министра – начальника Следственного департамента направляются предложения о проведении оперативного совещания по результатам работы рабочих групп с участием руководителей органов предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации, имеющих худшие результаты.

7. Итоги работы обобщаются и в виде информационных писем, обзоров и др. направляются в органы предварительного следствия МВД России в субъектах Российской Федерации.

8. Результаты работы докладываются на заседаниях рабочих групп (оперативных штабов) при Генеральной прокуратуре Российской Федерации и в других компетентных учреждениях.

Такой механизм не раз проверен на практике и доказал свою эффективность.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что процессуальный контроль – весьма эффективный инструмент обеспечения законности при расследовании уголовных дел, обладающий необходимой гибкостью, дающей возможность адекватно реагировать на изменение оперативной обстановки в стране.

Шмонин Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий 31 кафедрой (криминалистики)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
e-mail: arthurshmonin@yandex.ru

Фундаментальный вклад в науку: к 90-летию юбилею заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора В. А. Михайлова

Аннотация

Статья посвящена выдающемуся ученому-юристу В.А. Михайлову. Освещается его фундаментальный вклад в развитие уголовно-процессуального права, в частности, новаторская концепция рассмотрения мер пресечения как самостоятельной подотрасли права. Отмечается, что многие предложения ученого по усилению судебного контроля и защите прав личности были реализованы в УПК РФ. Подчеркивается роль В.А. Михайлова как основателя научной школы и автора фундаментальных трудов, сохраняющих актуальность для современной юридической науки.

Ключевые слова: *меры пресечения; уголовный процесс; научная школа; докторская диссертация; судебный контроль; дискреционизм; УПК РФ; юридическая наука; юбилей.*

В истории отечественной юридической науки есть имена, определяющие ее уровень и развитие на десятилетия вперед. Одно из них – Виктор Александрович Михайлов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, основатель авторитетной научной школы. В этом году отмечается знаменательная дата – 90-летие этого выдающегося ученого-процессуалиста, чья жизнь стала образцом беззаветного служения Закону, Науке и Образованию.

Становление ученого: от Воронежа до Москвы

Жизненный путь Виктора Александровича – это классический пример становления ученого-юриста советской и российской школы. Родившись в 1935 г. на волгоградской земле, свою судьбу он связал с правом, поступив на юридический факультет. В 1960 г. судьба привела его в Воронежский государственный университет, который

он с отличием окончил в 1962 г., став одним из первых выпускников очного отделения юридического факультета.

Уже в студенческие годы проявились его выдающиеся качества: он был отличником, комсоргом курса, активным участником научных кружков. После работы следователем в прокуратуре Воронежской области Виктор Александрович вернулся в альма-матер, где под руководством профессора В. Е. Чугунова защитил в 1968 г. кандидатскую диссертацию на тему «Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии» [7].

С 1968 г. начался его многолетний путь в системе МВД – в Высшей следственной школе (г. Волгоград), а с 1980 г. перешел работать в Академию МВД СССР (г. Москва). Здесь раскрылся его мощный научный потенциал.

Фундаментальный вклад: защита докторской диссертации о мерах пресечения

Вершиной научной деятельности В. А. Михайлова стала защищенная в диссертационном совете, созданном на базе Академии управления МВД России в 1996 г., докторская диссертация в виде научного доклада на тему «Меры пресечения в уголовном судопроизводстве». Этот труд стал не просто диссертацией, а крупным научным событием, определившим развитие процессуальной мысли на годы вперед.

Автореферат представляет собой фундаментальное, масштабное научное исследование. Работа выполнена в переходный для России период – середине 1990-х годов, когда происходило активное реформирование правоохранительной системы и уголовно-процессуального законодательства после распада СССР. Автор не только систематизирует существующие знания, но и предлагает новаторские концепции, направленные на создание современного уголовно-процессуального учения о мерах пресечения как подотрасли права.

В. А. Михайлов рассмотрел меры пресечения не изолированно, а через призму множества аспектов: философского, государственно-политического, правового, криминалистического, оперативно-розыскного, организационно-управленческого, статистического и криминологического. Такой системный и комплексный подход позволяет раскрыть институт мер пресечения во всей его полноте и взаимосвязях с другими элементами правовой системы.

Ключевым достижением работы является обоснование автором концепции мер пресечения как самостоятельной подотрасли уголовно-процессуального права и соответствующей подотрасли научного знания. Тем самым автор выступал против узкого, сугубо прикладного понимания мер пресечения, доказывая необходимость

выделения их в системную подотрасль с собственной теорией. Это методологическое положение позволило структурировать исследование, выделив общие, особенные и единичные проблемы, и предложить новаторские решения.

Заметим, что в конце 1990-х годов преобладал традиционный взгляд на меры пресечения как на один из институтов общей части уголовного процесса. Концепция В. А. Михайлова была передовой и не сразу получила широкое признание.

Сегодня идея о комплексном, системном регулировании мер пресечения стала общепризнанной. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК), хотя и не выделил меры пресечения в отдельную подотрасль структурно, но систематизировал их регулирование. Современные исследования все чаще носят межотраслевой характер, учитывая взаимосвязь с нормами о правах человека, исполнением наказаний и т. д., что подтверждает правоту методологического подхода В. А. Михайлова.

Исследование напрямую отвечало на вызовы времени – кризис законности, рост преступности, необходимость приведения законодательства в соответствие с новой Конституцией Российской Федерации и международными стандартами. Автор не ограничивался теорией, а предлагал конкретные механизмы совершенствования УПК, ведомственных актов и правоприменительной практики. Многие выводы и предложения (например, о защите прав обвиняемых) были пророческими и впоследствии нашли отражение в УПК. Так, автор настаивал на передаче суду исключительных полномочий по санкционированию ареста, продлению сроков содержания под стражей, а также на возможности обжалования в суд любых решений о мерах пресечения. Одновременно он критиковал ведомственный контроль как недостаточный. Данная позиция была крайне прогрессивной.

Как известно, в УПК РСФСР сохранялась ключевая роль прокурора в санкционировании ареста. Судебный контроль только зарождался (ст. 220¹, 220² УПК РСФСР) и был ограничен. Предложения В. А. Михайлова шли вразрез с устоявшейся советской практикой. В последующем рассматриваемый подход ученого был в основном реализован. УПК закрепил судебный порядок избрания заключения под стражу, домашнего ареста и продления их сроков (ст. 108, 109 УПК РФ). Конституционный Суд Российской Федерации последовательно расширял практику судебного контроля за мерами процессуального принуждения. Это стало одним из ключевых достижений судебной реформы.

В.А. Михайлов критиковал недостатки советской правовой доктрины, указывая на ее идеологизированность и пробелы. В научный оборот вводится важное понятие «дискреционизма» как формы волюнтаризма в правоприменении, когда под видом толкования создаются новые нормы, что подрывает законность.

В 1990-е года правовая система находилась в хаосе, наблюдался разрыв между формальным законом и практикой. В.А. Михайлов резко критиковал ведомственное нормотворчество и практику, когда подзаконные акты и даже разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации подменяли собой закон.

Сегодня проблема «дискреционизма» и ведомственного усмотрения остается актуальной, но механизмы ее ограничения стали более совершенными. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в признании неконституционными норм, противоречащих основному закону, значительно возросла. Однако споры о соотношении закона и подзаконных актов продолжают продолжаться.

В.А. Михайлов детально анализировал применение мер пресечения на всех стадиях процесса (от дознания до надзорного производства), в особых производствах (суд присяжных, дела частного обвинения, протокольная форма), в условиях чрезвычайных ситуаций и в рамках международного сотрудничества. Такой всесторонний анализ был редок для своего времени (только начиналось внедрение суда присяжных, институты особых производств были развиты слабо). В настоящее время дифференциация уголовного судопроизводства стала реальностью. Детально регулируется производство у мирового судьи, в суде присяжных, по делам о преступлениях террористической и экстремистского направления. Многие идеи В.А. Михайлова о специальных правилах для сложных категорий дел оказались востребованы.

Автореферат диссертации В.А. Михайлова является выдающимся научным трудом, который не только подвел итог советскому этапу развития учения о мерах пресечения, но и заложил методологический фундамент для его реформирования в новых исторических условиях. Тем самым автореферат стал программным документом эпохи начавшейся судебно-правовой реформы.

Сильные стороны работы – системность, новаторство, практическая ориентированность и актуальность – значительно перевешивают ее отдельные слабости, связанные с излишней идеализацией некоторых реформ и сложностью изложения. Предложенные автором научные подходы, особенно в части усиления судебного контроля, систематизации законодательства и защиты прав личности, в значительной степени опередили свое время и впоследствии были

воплощены в российском уголовно-процессуальном праве, доказав свою жизнеспособность и научную ценность.

Основатель научной школы и автор фундаментальных трудов

На базе этого фундаментального исследования профессор В. А. Михайлов создал собственную научную школу, комплексно исследующую проблемы борьбы с преступностью в досудебном и судебном производствах. Его подход уникален: он рассматривает уголовный процесс через призму не только процессуального права, но и криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы и управления правоохранительными органами.

Под его научным руководством защищены 8 докторских и 33 кандидатские диссертации. Его ученики, среди которых такие видные ученые, как профессор Б. Я. Гаврилов, сегодня продолжают развивать его идеи в ведущих вузах и правоохранительных ведомствах.

Научное наследие Виктора Александровича огромно: это свыше 450 работ, среди которых 15 монографий, 8 учебников и десятки учебных пособий. Его монографии о мерах пресечения [3-5,8-9,11], общие условия предварительного расследования [6], международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства [2], фундаментальный труд «Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве» [10], а также учебники по уголовному процессу [1] стали настольными книгами для нескольких поколений юристов.

Для коллег и учеников Виктор Александрович – это эталон принципиальности, глубины мысли и преданности профессии. Его лекции и семинары, которые он проводил на высоком научно-методическом уровне, запомнились тысячам слушателей Академии МВД и других ведущих вузов страны. Даже после ухода со службы в 2002 г. он продолжает педагогическую деятельность, передавая свой бесценный опыт новым поколениям юристов.

Девяносто лет – это возраст мудрости, уважения и подведения итогов. Итоги же жизни Виктора Александровича Михайлова – это созданная им научная школа, фундаментальные труды, обогатившие юридическую науку, и тысячи подготовленных им специалистов, которые сегодня вершат правосудие и защищают закон.

Список литературы:

1. Курс уголовного судопроизводства : учебник: в 3 томах / В. А. Михайлов [и др.]; под ред. В. А. Михайлова. М. : МПСИ; Воронеж : МОДЭК, 2006.

2. *Михайлов В.А.* Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства : монография. М. : Изд-во Российской таможенной акад., 2011. 159 с.
3. *Михайлов В.А.* Меры пресечения в Российском уголовном процессе. М. : Право и закон, 1996. 299 с.;
4. *Михайлов В.А.* Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве : учебное пособие. М. : б. и., 1991. 189 с.
5. *Михайлов В.А.* Методологические основы мер пресечения. М. : Академия управления МВД России, 1998. 188 с.
6. *Михайлов В.А.* Общие условия предварительного расследования : монография. М. : Российская таможенная академия, 2012. 213 с.
7. *Михайлов В.А.* Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1968. 355 с.
8. *Михайлов В.А.* Процессуальные сроки содержания обвиняемых под стражей. Тюмень : Тюмен. ВШ МВД РФ, 1995. 102 с.;
9. *Михайлов В.А.* Процессуальный порядок применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. М. : Академия МВД России, 1995. 193 с.;
10. *Михайлов В.А.* Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве : монография. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2013. 208 с.
11. *Михайлов В.А.* Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М. : Центр информ. технологий ИЗП, 1997. 643 с.

Шмонин Андрей Владимирович,
*доктор юридических наук, профессор,
заведующий 31 кафедрой (криминалистики)
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
e-mail: arthurshmonin@yandex.ru*

Копыткин Сергей Александрович,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московского финансово-юридического университета
e-mail: any_key_b1g@mail.ru*

О правовых процессуальных и криминалистических особенностях расследования уголовных дел, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж

Аннотация

В данной статье проведен выборочный анализ проблемных вопросов расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, на примере противоправных деяний, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ.

Ключевые слова: *денежные средства; национальная безопасность; преступление; валюта; оперативно-розыскная деятельность; резидент; договор; банк.*

Современная экономическая деятельность предстает как распространенное, многогранное, эволюционирующее, социально-правовое явление, присущее различным сферам жизни социума. Лабильные экономические условия, рынок с высоким уровнем волатильности, существующий в непростой социально-политической обстановке, требуют продуманных мер контроля и, прежде всего, в сфере правоохранительной деятельности. Одновременно следует констатировать, что опыт развития рыночных отношений в новейшей истории России открыто свидетельствует о том, что предпринимательская среда очень чувствительна к излишним и жестким мерам

государственно-правового воздействия. Следовательно, регламентация поведения субъектов, осуществляющих экономическую, в частности, предпринимательскую деятельность, необходима, однако увлечение запретительными методами недопустимо, а применение мер уголовной ответственности должно являться крайним средством, к которому следует прибегать, когда иные возможности исчерпаны.

Представляется очевидным то обстоятельство, что значительное количество финансовых ресурсов, в частности денежных средств, в процессе предпринимательской деятельности регулярно покидают пределы нашей страны, снижая ее экономический потенциал и уменьшая уровень промышленного производства, а также уровень деловой активности. Логично утверждать, что подобная проблема носит стратегический, государственный характер, существенно влияя на уровень национальной безопасности. Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании к Федеральному Собранию в 2024 году обозначил принципиальное требование к отечественному бизнесу, связанное с обязанностью работы в российской юрисдикции без выведения средств за рубеж, что к тому же для бизнесменов сопряжено с высокими рисками полной потери финансовых активов.

Неоспоримо также, что совершенствование технологий, появление новых финансовых инструментов, а также различных экономических продуктов и сервисов способствует совершенствованию изобретательности лиц, осуществляющих вывод денежных средств за рубеж. Можно констатировать также, что преступления в сфере деятельности становятся более интеллектуальными и в подавляющем большинстве случаев основываются на имитации законных действий, а также моделировании бытовой экономической деятельности. Помимо этого, по данным исследователей указанный вид преступлений зачастую совершается организованной группой или преступным сообществом, что тоже говорит об усложнении преступлений в сфере

Подтверждают изложенное и статистические данные, которые открыто свидетельствуют об увеличении количества преступлений, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж. Как свидетельствуют независимые исследователи, только в 2023 году Федеральной таможенной службой России (далее – ФТС России) по отдельно взятому виду преступления (ст. 193.1 УК РФ) был зарегистрирован рост, который составил около 15,6% по сравнению с 2022 годом [5, с. 64].

Несмотря на вышеизложенное процесс раскрытия и расследования преступлений, регламентированных статьями 193 и 193.1 УК

РФ по-прежнему скрывает значительное количество проблемных вопросов, отдельные из которых авторам хотелось бы обозначить в рамках данной статьи.

К числу критически важного, и на наш взгляд во многом основополагающего направления практических проблем расследования преступлений, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, относятся вопросы уголовно-правовой квалификации данных деяний. Представляется, что вышеизложенное утверждение детерминируется комплексом факторов различной природы, к числу которых в первую очередь можно отнести содержательную сложность диспозиций статей 193 и 193.1 УК РФ.

Наличие значимых бланкетных сегментов из различных отраслей права в описании преступного деяния¹, а, равно как и использование законодателем специализированной налоговой, банковской, валютной и иной экономической терминологии (например, «резидент», «уполномоченный банк», «агент валютного контроля» и др.), имеющей широкий семантический спектр, требует от субъекта расследования комплексного изучения крайне широко круга вопросов экономической деятельности, связанной с совершением валютных операций и предпринимательством.

Одним из таких вопросов является правовая регламентация легитимных валютных операций, значительная часть которой, помимо глобальных и в большинстве своем кодифицированных отраслей права (таможенного, административного гражданского, финансового, валютного) находит свое отражение в локальных актах – положениях и инструкциях Центрального банка Российской Федерации, а также приказах, разъяснениях и распоряжениях ФТС России и даже отдельных действующих до сего момента нормативно-правовых актах, созданных ее предшественником, ныне упраздненным Государственным таможенным комитетом Российской Федерации.

Очевидно, что формирование и систематизация подобных «специальных знаний» в области валютно-экономической и налоговой деятельности и интеграция их в конкретную ситуацию совершения преступления для осуществления юридически грамотной квалификации преступления требует значительного количества времени,

¹ В диспозиции статьи 193 УК РФ в рамках описания преступного деяния автор напрямую указывает на нарушения валютного законодательства Российской Федерации, а также Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (прим. автора).

а также интеллектуальных усилий и не гарантирует субъекта расследования от совершения ошибок в квалификации преступного события еще на стадии возбуждения уголовного дела¹.

В этой связи еще одним во многом дискуссионным вопросом, связанным с расследованием преступлений, связанным с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, являются вопросы подследственности преступлений рассматриваемой категории. В соответствии со статьями 151 УПК РФ вопросы предварительного расследования «простых составов» статей 193 и 193.1 УК РФ решаются Федеральной таможенной службой как органом дознания, тогда как предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частью 2 статьи 193 УК РФ, а также частями 2 и 3 статьи 193.1 УПК РФ находятся в компетенции следственного комитета.

Подобное распределение полномочий по реализации уголовной ответственности за рассматриваемые виды преступлений не лишено формальной логики, однако, возникает вопрос о его практической эффективности, а также избежании ситуации, приводящей к латентности рассматриваемых категорий преступлений, поскольку нередко преступления, предусмотренные статьей 193 и 193.1 УК РФ, являются лишь частью комплексной преступной деятельности.

В подтверждение высказанной позиции приведем результаты исследований, проведенных именитыми российскими учеными. Как справедливо отмечает Ю. П. Гармаев, по результатам проведенного им анализа следственной и судебной практики, деяние, предусмотренное статьей 193 УК РФ в практике всегда сопряжено с совершением одного или нескольких сопутствующих преступлений. По мнению ученого, в материалах уголовных дел, возбужденных по статье 193 УК РФ имеет место большинство сопутствующих преступлений, прежде всего в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ), против собственности (глава 21 УК РФ), служебных преступлений (гл. 23 и 30 УК РФ) и др., которые правоприменителями вообще не усматриваются и не оцениваются [1].

Учитывая изложенное, косвенно подтверждает дискуссионность вопроса о существующей подследственности статей 193 и 193.1 УК РФ и тот факт, что часть 5 статьи 151 УПК РФ закрепляет возможность производства предварительного следствия по уголовным

¹ Наиболее типичными из упомянутых ошибок являются: неправильная оценка признаков специальных субъектов преступления, а также неправильная оценка признаков объективной и субъективной сторон (прим. автора).

делам о данных преступлениях, следователями органа, выявившего эти преступления.

Однако в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством первичные материалы, связанные с расследованием уголовных дел изучаемой категории, в случае их квалификации не по части первой статьи 193 или 193.1 должны быть переданы таможенными органами в следственный комитет. Возникает ситуация, когда наиболее действенные меры могли бы быть приняты таможенными органами на месте, непосредственно при выявлении признаков преступления и/или задержании лица, осуществлявшего выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж.

Думается также, что не смотря на отсутствие следователей в существующей в структуре ФТС России, в Управлении таможенных расследований и дознания, а также в Главном управлении по борьбе с контрабандой, чьей задачей является организация и осуществление оперативно-розыскной деятельности в целях борьбы с контрабандой и иными преступлениями, отнесенными к компетенции таможенных органов, к настоящему моменту накоплен серьезный опыт по решению задач раскрытия и предварительного расследования преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ. В связи с этим в перечень субъектов обладающих альтернативной посредственностью целесообразно было бы включить и органы ФТС России.

Упоминание части 5 статьи 151 УПК РФ в контексте расследования преступлений, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, во многом обусловлено вопросами, а в отдельных случаях и проблемами выявления рассматриваемой категории преступлений и знания специфики их механизма и закономерностей.

Независимым подтверждением этому служат в том числе анализ практики надзорных производств, осуществляемых прокуратурой, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ, который показывает, что в практической деятельности возникают затруднения, связанные с оценкой материалов на предмет наличия достаточных данных, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела [3, с. 16].

Говоря о сложности механизма рассматриваемых преступлений, следует констатировать, что наиболее типичными, среди значительного количества способов совершения преступлений, регламентированных статьями 193 и 193.1 УК РФ, являются: использование сделок с целью взаимозачета; использование подставного физического лица; использование фирмы на негласных условиях

посредничества; использование «фирм-однодневок»; невозвращение как способ хищения и уклонения от уплаты налогов [1]; заключение внешнеторговых договоров (контрактов) и/или совершение валютных операций, с использованием подложных документов и другие¹.

Как уже отмечалось, все эти способы требуют от субъекта расследования не только знания особенностей, валютной, налоговой, таможенной и иных видов легитимной государственной экономической деятельности, поскольку деятельность преступная тщательно маскируется под нее, но и сути преступной технологии, ее отличий от законных действий (бездействий).

Так, например, руководствуясь статьей 73 УПК РФ, субъекту, расследующему уголовное дело о преступлении, предусмотренном статьей 193 УК РФ, придется доказать: наличие и факт заключенного внешнеторгового договора (контракта); статус участников соглашения (резидент/нерезидент); фактическое наличие и исполнение (неисполнение) предмета договора (передачи/непередачи товаров, выполнения/невыполнения работ, оказания/неоказания услуг, передачи/непередачи информации, передачи/непередачи результатов интеллектуальной деятельности или исключительных прав на них); наличие факта нарушения валютного законодательства Российской Федерации; крупный или особо крупный размер нарушения валютного законодательства; территориальное расположение и функциональные полномочия банков, участвующих в сделке; правовой статус лица, являющегося субъектом преступления (подвергнут ли он административному наказанию по части 5.2 статьи 15.25 КоАП РФ).

В рамках же самого преступного поведения доказывать придется: факт нарушения правила о зачислении денежных средств на счета резидента в уполномоченном банке или в банке, а также факт выполнения условий договора резидентом в отношении нерезидента и факт невыполнения предмета договора нерезидентом на территории Российской Федерации в нарушение условий договора, а также факт невозвращения резиденту денежных средств за невыполненные предусмотренных договором условия [2, с. 22–23].

Анализируя комплекс задач, стоящих в рамках выявления признаков преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ, а также формирования доказательственной информации в рамках

¹ Речь идет о криминалистическом понимании способа преступления как части механизма преступления и реального явления действительности, не оказывающего влияния на квалификацию преступления (прим автора).

обстоятельств, регламентированных статье 73 УПК РФ, следует указать на приоритетные варианты разрешения проблемных вопросов, возникающих на этапе проверки сообщения о преступлении и первоначальном этапе расследования преступлений изучаемой категории. К их числу относятся:

ориентация на выявление не единичных преступлений, предусмотренных ст. 193 и 193.1 УК РФ, а их совокупностей с иными преступлениями;

приоритет оперативно – розыскных методов выявления и пресечения преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ на стадии проверки сообщения о преступлении и до возбуждения уголовного дела;

ориентация на возбуждение уголовного дела уже при наличии признаков неоконченного преступления, предусмотренных статьями 193 (как правило покушения) и 193.1(как правило приготвления) УК РФ [4, с. 94];

приоритет организации первоначального этапа расследования в составе межведомственных следственно-оперативных групп;

обязательное осуществление взаимодействия со специалистами в области валютной, налоговой и иных видов экономической и деятельности в процессе проверки сообщения о преступлении и первоначального этапа расследования преступлений изучаемой категории;

обязательное осуществление взаимодействия, исходя из обстоятельств уголовного дела, в форме международного запроса о правовой помощи, направляемого в соответствии со ст. 453 УПК РФ и иными нормами главы 53 УПК РФ;

Логично утверждать, что вопросы взаимодействия в ходе осуществления расследования преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ, представляют собой обширную область правовых, организационных, материально-технических, информационных, и управленческих факторов, используемых в деятельности направленной на координацию и повышение эффективности рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства.

Потребность во взаимодействии со специалистом при расследовании преступлений, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, также подтверждается результатами анкетирования сотрудников таможенных органов, специализирующихся на расследовании данного преступления, согласно которым 74 % опрошенных считает необходимым привлекать специалиста при расследовании [5, с. 59].

Обобщая изложенное можно с уверенностью утверждать, что в условиях непростых следственных ситуаций, возникающих

в рамках расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, пренебрежение существующими, а особенно регламентированными законодательством возможностями взаимодействия являются непростительным.

Учитывая это, а также упомянутый нами ранее приоритет оперативно-розыскных методов выявления и пресечения преступлений, предусмотренных статьями 193 и 193.1 УК РФ и говоря о регламентированных законом способах взаимодействия в рамках нельзя не привести в пример приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Росфинмониторинга, МВД России, ФСБ России, ФТС России, Следственного комитета Российской Федерации от 21.08.2018 № 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» (далее – Инструкция), который посредством законодательно урегулированного взаимодействия открывает субъектам, осуществляющим ОРД, принципиально новые возможности.

Так, руководствуясь пунктом 17 данной Инструкции, Росфинмониторинг на основании мотивированного запроса правоохранительных органов может запросить необходимую информацию в подразделении финансовой разведки иностранного государства и с согласия последнего передать ее в правоохранительные органы. Однако при этом пункт 17.3 Инструкции четко определяет, что подобная информация не может быть приобщена к материалам уголовного дела и использована в суде в качестве доказательства.

Подводя итоги и завершая рассмотрение вопросов расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с выводом денежных средств в валюте Российской Федерации или иностранной валюте за рубеж, следует обратить внимание на необходимость продолжения научно-практического анализа, систематизации и проблематики, рассматриваемой в настоящей статье, а также выработке рекомендаций по ее разрешению.

Список литературы:

1. *Гармаев Ю.П.* Внешнеэкономические преступления, связанные с вывозом капиталов за рубеж [Электронный ресурс] : комментарий законодательства и методика расследования // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.09.2025).

2. *Гвоздарев Р.А.* Криминалистический анализ способа совершения преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15).

3. *Морозова О. В.* О некоторых причинах и последствиях возникновения ошибок в деятельности правоохранительных органов при расследовании преступлений экономической направленности, связанных с выводом капитала за рубеж // Российский следователь. 2021. № 3.

4. *Тимченко Н.Н.* Криминалистическая характеристика действий по подготовке и сокрытию преступления, предусмотренного статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1 (67).

5. *Тимченко Н.Н.* Криминалистические аспекты взаимодействия дознавателей таможенных органов Российской Федерации при расследовании криминальных валютных операций, предусмотренных ст. 193.1 Уголовного кодекса РФ: цели и субъекты взаимодействия // Российский юридический журнал. 2024. № 4.

Шурухнов Николай Григорьевич,
*доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России;
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Академии ФСИН России
e-mail: matros49@mail.ru*

Общие условия предварительного расследования: классификация, роль в регулировании производства предварительного следствия и дознания (из научных подходов профессора В. А. Михайлова)

Аннотация

Представлены отдельные неординарные, но вытекающие из содержания норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации точки зрения на общие условия предварительного расследования, высказанные В. А. Михайловым в монографии «Общие условия предварительного расследования», которые представляют интерес для законодателей и правоприменителей.

***Ключевые слова:** общие условия предварительного расследования; профессор Виктор Александрович Михайлов; формы; подследственность.*

Выдающаяся роль, которую сыграла в истории российской юридической науки более чем шестидесятилетняя деятельность профессора Виктора Александровича Михайлова, требует масштабного исследования и широкого осмысления. Чтобы не возникало сомнений в отношении периода научного творчества В. А. Михайлова, специально укажем, что в 1968 г. он подготовил и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе». Защита проходила на юридическом факультете Воронежского государственного университета, который он с отличием закончил в 1962 г. и где, работая следователем прокуратуры, обучался в заочной аспирантуре.

В определенной мере знаково, что его научным руководителем был доктор юридических наук, профессор Владимир Евгеньевич Чугунов, заведующий кафедрой уголовного права, процесса

и криминалистики юридического факультета Воронежского государственного университета, основатель, одной из первых в СССР, лаборатории по исследованию конкретных социологических причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Он же с 1968 по 1973 г. возглавлял кафедру советского уголовного процесса (организации расследования преступлений) и лабораторию конкретных социологических исследований Высшей школы МВД СССР (Академии управления МВД СССР).

Отметим, что Виктор Александрович был преемником своего научного руководителя, он не только работал на названной кафедре, которая имела другие наименования – «Организации расследования преступлений», «Уголовного процесса, криминалистики и организации расследования преступлений», «Управления органами расследования», но и более десяти лет возглавлял ее. В 1996 г. в Академии управления МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по одной из сложнейших правовых тем: «Меры пресечения в уголовном судопроизводстве».

Гордость любого вуза – его профессорско-преподавательский состав, это он создает авторитет и славу учебного заведения. Это действительно так, история и современная жизнь – живые тому свидетели. В многогранности авторитета Академии управления МВД СССР (РФ) значительна заслуга названной нами кафедры. А он создается отдельными колоритными учеными, способными решать различные актуальные, проблемные правовые вопросы. К плеяде таковых принадлежит доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки Российской Федерации Михайлов Виктор Александрович. Стоит взглянуть на его фундаментальные исследования (издания) и сразу можно сделать вывод о разносторонности ученого. Он прекрасно разбирался в прокурорском надзоре за исполнением законов; [1]; надзоре за прекращением уголовных дел на предварительном следствии; методологических основах мер пресечения в уголовном судопроизводстве [2]; в отдельных направлениях деятельности правоохранительных органов [3]; общих условиях предварительного расследования [4]; организации расследования на уровне следственных отделений и управлений, а также по отдельным видам преступлений; судебной экспертизе в уголовном судопроизводстве [5] и, конечно, в методике преподавания.

Если же анализировать содержание монографий, в которых изложены перечисленные вопросы, то можно сделать вывод о фундаментальном подходе автора к каждой из проблем, имеющей правовые или практические сложности. При обсуждении монографии Виктора Александровича, раскрывающей сложнейшие проблемы,

относящиеся к общим условиям предварительного расследования¹, автор высказал следующую мысль: «...именно в общих условиях предварительного расследования лежат «контрольно-следовые полосы» вторжения государства в область личной свободы граждан. И потому разработка, четкое уяснение и вооружение практических работников соответствующими знаниями помогут в большей мере обеспечить господство права». Он с горячей симпатией убеждал адъюнктов посвятить свои изыскания вопросам расследования преступлений. Где соприкасаются проблемы различных отраслей права, и прежде всего, уголовного и процессуального. При решении которых очень важно быть профессионалом, объективным исследователем, чтобы обстоятельно установить «картину» совершенного преступления, исключив вторжение в законные права и интересы граждан.

В своей монографии [4] Виктор Александрович особое внимание уделил таким проблемам общих условий предварительного расследования, как: соотношение общих условий предварительного расследования и общих условий производства в стадии возбуждения уголовного дела; цели и задачи предварительного расследования; функции досудебного производства; процессуальные формы досудебного производства; квазипроцессуальные формы производства в стадии возбуждения уголовного дела; общие условия участия в досудебном производстве субъектов уголовного процесса; конкуренция уголовно-процессуальных норм о подследственности; оптимизация правил о местной (территориальной) подследственности; взаимодействие следователей и органов дознания; производство расследования следственной группой и группой дознавателей; восстановление утраченных уголовных дел.

В главе I «Сущность общих условий предварительного расследования» автор необычно проводит разграничения между принципами и общими условиями предварительного расследования, указывая, что «принципы определяют весь строй уголовного судопроизводства...», в то время как общие условия предварительного расследования «...являются юридически обязательными правилами меньшей процессуальной общности и значимости...». Они производны от принципов, распространяются на стадию предварительного расследования, «...носят служебный характер в соотношении с принципами уголовного процесса, способствуя оптимальной реа-

¹ Мы совместно работали на кафедре «Организации расследования преступлений» Академии управления МВД СССР около 10 лет и еще 6 лет в Академии Федеральной таможенной службы.

лизации принципов в ходе предварительного расследования уголовных дел» [4, с. 7-8].

Анализируя предмет, назначение, сущность общих условий предварительного расследования, В. А. Михайлов приходит к выводу (вопреки позициям отдельных ученых-процессуалистов) о том, что они закреплены не только в гл. 21 УПК РФ под названием «Общие условия предварительного расследования», но и в других статьях и главах УПК РФ, и обоснованно его аргументирует. Применительно к функциям уголовно-процессуального права (регулятивные и охранительные) говорит, что общие условия преимущественно являются регулятивными. К примеру, общие условия, определяющие правила производства следственных действий (ст. 164 УПК РФ), однако есть и охранительные – обязательность рассмотрения ходатайства – ст. 159 УПК РФ. По характеру содержащихся в общих условиях правил автор подразделяет их как обязывающие, упрощающие и запрещающие.

Представляя систему общих условий предварительного расследования на основе норм УПК РФ 2001 г., отмечает изъятие из нее привлечения общественности к участию в раскрытии преступления и в то же время указывает на дополнение ее следующими условиями: 1) выделение в отдельное производство материалов уголовного дела (ст. 155); 2) производство неотложных следственных действий (п. 19 ст. 5, ч. 3 ст. 40, ч. 5 ст. 152, ст. 157); 3) восстановление уголовного дела (ст. 158); 4) производство дознания группой дознавателей (ст. 223.2).

В классификации общих условий предварительного расследования выделяет два уровня, в первом из которых акцентирует внимание на четырех группах. Первые предусмотрены главой 21 УПК РФ (ст. 150-161). Вторые указаны в главе 22 (ст. 162-170) «Предварительное следствие» и в главе 32 «Дознание» (ст. 223, 223.2). Третьи представлены частью первой УПК РФ «Общие положения». Четвертые, по мнению автора монографии, вытекают из соответствующих его положений – цели, задач и системы предварительного расследования, быстроты, всесторонности, полноты и объективности [4, с. 19].

В классификации по такому основанию, как роль общих условий предварительного расследования в регулировании производства предварительного следствия и дознания, выделяет: общие условия предварительного расследования основополагающего характера; общие условия, определяющие структурные элементы предварительного расследования; общие условия взаимодействия органов предварительного расследования; общие условия, опреде-

ляющие основы руководства, контроля и надзора в стадии предварительного расследования.

По мнению профессора В. А. Михайлова, предварительное расследование – это теория со своими закономерностями, методами исследования и практическая деятельность, объединяющая предварительное следствие, дознание и производство неотложных следственных действий. В его функциях выделяет уголовное преследование (обвинение) по субъектам, функцию расследования, защиты, разрешения уголовного дела. Розыска подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и обеспечительные функции уголовного процесса в досудебном производстве [4, с. 41-51].

Исходя из позиции профессора В. А. Михайлова, изложенной в третьей главе «Процессуальные формы досудебного производства» [4, с. 52-86] монографии, предварительное расследование как родовое понятие объединяет три формы досудебного расследования: 1) предварительное следствие; 2) дознание; 3) производство неотложных следственных действий. Кроме названных, он говорит и об иных формах, в частности суммарном (вначале производство следствия, а потом дознания, и наоборот). И альтернативном (производство дознания как альтернативы предварительному следствию по письменному указанию прокурора на основании п. 2 ч. 3 ст. 150 УПК РФ).

Следует сказать о том, что традиционно выделяются две формы предварительного расследования – предварительное следствие и дознание [6, с. 348-349; 7, с. 424-425]. Сторонники третьей формы – производства неотложных следственных действий – называют ее смешанной [8, с. 136-137], специфической [9, с. 323], факультативной [10, с. 353]. В этой связи достопримечателен подход профессора В. А. Михайлова, его аргументация, в том числе и в отношении иных форм предварительного расследования.

Практический интерес представляет изложение проблем квазипроцессуальных¹ форм производства в стадии возбуждения уголовного дела, в которых выделяются нормы Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации. Речь идет о регламенте предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [12], положения кото-

¹ Квази... [лат. *quasi* – как будто, будто бы] – приставка, соответствующая по значению словам «мнимый», «ненастоящий».

рого не соответствуют либо противоречат ст. 1, 7, 20, 21, 23, 140-149, ч.1 ст. 157 и другим статьям УПК РФ. Высказанные профессором соображения (критика) будут архиполезны разработчикам подобных нормативных правовых актов, а также прокурорам, осуществляющим надзор за указанной деятельностью.

Выделяются общие условия производства следственных и иных процессуальных действий, глобальные по охвату процессуальной деятельности, направленной на сбор доказательств в процессе досудебного производства, выходящей за пределы правового регулирования частями 1 и 2 УПК РФ. Это имеет первостепенное значение для правоприменительной деятельности, использования арсенала средств расследования и предупреждения преступлений, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Укажем, что наличие законодательно закрепленного понятия следственного действия исключило бы правовые коллизии, придало бы целенаправленность не только сбору доказательств, но и высветило цель и задачи отдельных направлений процессуальной деятельности должностных лиц в конкретных ситуациях. К тому же позволило бы провести четкие различия между розыскными, оперативно-розыскными и следственными действиями. От самого понятия следственного действия зависит и сфера применения ряда правил (общих), установленных УПК РФ для их производства (ст. 164 УПК РФ). Эта непростая задача стоит перед российским законодателем уже более двух десятилетий. Возникает вопрос: можно ли назвать следственным действием комплекс разноплановых мероприятий, состоящих в применении разных как познавательных, так и «технических» приемов, в том числе могущих чередоваться на протяжении значительного периода времени? Уточним, что ведем речь о таком комбинированном следственном действии, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ). Ведь доказательства при осуществлении этого действия формируются исключительно при производстве следователем осмотра и прослушивания фонограммы (ч. 7 ст. 186 УПК РФ). Таким образом, если поделить данное средство на два составляющих, то просматривается возможность производства «части» этого действия по приостановленному уголовному делу.

В процессуальных действиях и процессуальных решениях [4, с. 80-84] автор акцентирует внимание на протоколах следственных действий, со специальным выделением заключения эксперта и специалиста, процессуальных постановлений, правовых актов принуждения и иных. Рассматривая субъектов уголовного процесса, выделяет уполномоченных должностных лиц, их правовое положение, конкретные направления деятельности, участников уголовного процес-

са, в отношении которых осуществляется предварительное расследование, а также тех, которые способствуют осуществлению предварительного расследования (переводчик, специалист, эксперт, понятые).

В главе VI обращено внимание на предметную (родовую), альтернативную (смешанную), с выделением нескольких видов, персональную (личную) подследственность, а также подследственность по связи уголовных дел. Отдельная глава (седьмая) автором отведена местной (территориальной) подследственности, ее правовому регулированию, конкуренции норм УПК РФ в указанном направлении, а также проблемам оптимизации правил о местной (территориальной) подследственности.

В динамике предварительного расследования представлено начало производства, соединение, выделение уголовных дел и материалов уголовного дела. Самостоятельно изложено взаимодействие следователей и органов дознания по применению группового метода расследования и иным общим условиям предварительного расследования.

Пытаясь подвести итог изложенному, выскажем следующее:

1. Мы только обозначили, не раскрывая содержания, не вступая в дискуссию, отдельные научные позиции доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Виктора Александровича Михайлова по важнейшей научной и практической деятельности, именуемой главой 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования». От их обоснованной реализации на практике зависят собрание, объем, проверка, относимость, достоверность доказательств, своевременность расследования, обеспечение прав и законных интересов граждан. В предложенной (редкой) монографии подняты актуальные вопросы, которые важны для понимания сущности, форм, процедур предварительного расследования. Все это для тех, кто желает разобраться в тонкостях законодательной деятельности, связи норм УПК РФ при реализации общих условий предварительного расследования, увидеть вопросы организации предварительного следствия и дознания, правовое положение их руководителей, оптимальность принимаемых их решений.

2. Виктор Александрович – талантливый ученый, с разносторонними знаниями и творческими подходами, громадной работоспособностью и чувством высокой ответственности за порученное дело. Порой острые суждения, высказанные им, работают на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в уголовное судопроизводство, соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства, а учет предложений законодателя направлен на оптимизацию деятельности следователя и дознавателя.

Список литературы:

1. *Михайлов В.А.* Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1968. 18 с.
2. *Михайлов В.А.* Методологические основы мер пресечения. М. : Академия управления МВД России, 1998. 188 с.
3. *Михайлов В.А.* Правоохранительные органы : учебное пособие. М. : Юрид. ин-т МИИТ, 2001. 267 с.
4. *Михайлов В.А.* Общие условия предварительного расследования : монография. М., 2013. 214 с.
5. *Михайлов В.А.* Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве : монография. М., 2013. 208 с.
6. *Шаталов А. С., Крымов А.А.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Академический курс по направлению «Юриспруденция». М. : Проспект, 2028. 863 с.
7. *Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В.Н.* Уголовный процесс : учебник. М., 2023. 960 с.
8. *Рыжаков А.П.* Краткий курс уголовного процесса (по УПК РФ 2001 г.) : учебное пособие. Тула : ПБЮЛ И. В. Рыжакова, 2002. 288 с.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г.И. Загорского. М. : Проспект, 2016. 1214 с.
10. *Смирнов А. В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс : учебник / 4-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. 704 с.
11. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 слов. М. : «РУССКИЕ СЛОВАРИ» – «АСТРЕЛЬ» – АСТ, 2002. 958 с.
12. Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ИПС (дата обращения: 09.10.2025).

Абзбаева Диана Сапаровна,
адъюнкт 3 факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: diana170401@mail.ru

Вопросы процессуальных сроков предварительного расследования: теоретико-правовой анализ и пути оптимизации

Аннотация

Исследование посвящено комплексному анализу уголовно-процессуальных сроков предварительного расследования. Рассматривается теоретическое содержание сроков как инструмента обеспечения публичных интересов и конституционных прав участников. Выявлены противоречия между императивностью законодательных предписаний и объективной сложностью фактического производства. Проведен критический анализ действующей системе сроков предварительного расследования. Аргументирована необходимость перехода от фиксации временных лимитов к внедрению дифференцированного подхода. Автором обосновывается необходимость реформы института процессуальных сроков предварительного расследования, которая должна включать дифференциацию сроков, установление более реалистичных временных интервалов и оптимизацию предельных сроков. Целью реформы является достижение эффективности и справедливости стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: *процессуальный срок; предварительное расследование; разумный срок; продление сроков; уголовное судопроизводство; оптимизация; дифференциация сроков.*

Процессуальные сроки в уголовном процессе охватывают все этапы производства по уголовному делу, детерминируя продолжительность каждого отдельного этапа и регламентируя последовательность и процедуру перехода между ними. Анализ данного правового феномена имеет существенное значение не только для уяснения его сущности, но и для формирования перспективных направлений развития и оптимизации уголовно-процессуальной формы расследования, а также совершенствования механизма уголовно-процессуального регулирования в целом. Предварительное расследование, будучи стадией, для которой свойственна мак-

симальная реализация властных полномочий органов следствия и дознания, обуславливает повышенные требования к неукоснительному соблюдению установленных временных рамок. Несоблюдение или необоснованное затягивание сроков девальвирует эффективность уголовно-процессуальной деятельности и порождает негативные правовые последствия.

Ретроспективный анализ института процессуальных сроков предварительного расследования показывает последовательную эволюцию, которая движется от нормативно-декларативного требования «скорости» – где сроки были, скорее, благим пожеланием – к императивно-фиксированным, но гибко регулируемым временным рамкам. Это движение отражает глубинное стремление законодателя к достижению тонкого, но необходимого баланса. С одной стороны, мы обязаны обеспечить права участников уголовного процесса, а с другой – нам нужно эффективно установить истину по уголовному делу.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает предельные сроки (ст. 162): два месяца для первоначального следствия, с возможностью продления до трех месяцев руководителем следственного органа, до двенадцати и свыше двенадцати месяцев – соответствующим вышестоящим следственным руководителем. Критическое осмысление данной системы выявляет дисбаланс между потребностью в завершении расследований по сложным многоэпизодным уголовным делам и необходимостью защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Как верно отмечается в трудах профессора Б. Я. Гаврилова, действующий двухмесячный срок предварительного следствия как неизменно сохраняющийся в современном уголовно-процессуальном законодательстве на протяжении столетия, поскольку «заимствован» из УПК РСФСР 1922 г., не отвечает вызовам текущей практики и, по его мнению, противоречит основополагающему принципу разумного срока уголовного судопроизводства и требует незамедлительной трансформации [3, с. 52].

Необходимо отметить, что проблема длительных сроков расследования уголовных дел, связанная как с объективными причинами, так и с усложнением отдельных процедур уголовного судопроизводства, послужила одной из причин вынесения Европейским Судом по правам человека ряда пилотных постановлений против

Российской Федерации¹, указывающих на нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Ввиду вышеуказанных обстоятельств законодатель в 2010 г. ввел в уголовно-процессуальный закон норму-принцип «Разумный срок уголовного судопроизводства» (ст. 61 УПК РФ), заметив в ч. 3 данной статьи обстоятельства, учитывающие при определении разумного срока, а также четырехлетний срок производства по уголовному делу, по истечении которого у лица возникает возможность обращения с заявлением о присуждении компенсации за нарушение разумного срока. Опосредованно аналогичный срок установлен ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»². Одновременно четырехлетний срок производства по уголовному делу, свидетельствующий о нарушении права на судопроизводство в разумный срок, закреплен в п. 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»³. Ранее данный срок определялся в соответствии с п. 13 совместного постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 23.12.2010 № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁴. С учетом предложенных законо-

¹ Бурдов против России [Электронный ресурс] : пилотное постановление (жалоба № 59498/00) от 7 мая 2002 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2025); Бурдов против Российской Федерации [Электронный ресурс] : пилотное постановление (жалоба № 33509/04) от 15 января 2009 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2025); Калашников против Российской Федерации [Электронный ресурс] : пилотное постановление (жалоба № 47095/99) от 15 июля 2002 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2025).

² О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон Рос. Федерации от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ, принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 апреля 2010 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 апреля 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144

³ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // Рос. газета. 2016. 6 апр.

⁴ О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполне-

дателем критериев право может считаться нарушенным и до истечения четырехлетнего срока уголовного судопроизводства.

Положения уголовно-процессуального законодательства в части регулирования сроков предварительного расследования фактически не соответствуют современным правовым отношениям и изменившимся спустя столетие условиям расследования уголовных дел, что обуславливает необходимость оптимизации уголовно-процессуальных сроков как доминанты осуществления уголовного досудебного производства. В свою очередь, которая подразумевает «целенаправленную и системную деятельность, осуществляемая в рамках уголовно-процессуального закона, направленная на достижение баланса между эффективностью уголовного преследования, оперативностью производства по уголовному делу и соблюдением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства путем рационального использования процессуальных ресурсов и применения научно обоснованных методов организации уголовного процесса в целях обеспечения своевременного и справедливого разрешения уголовного дела в разумные сроки» [1, с. 19].

Одновременно можно утверждать, что институт разумного срока не смог в полной мере решить проблемы, касающиеся продолжительности досудебного расследования, поскольку ч. 5 ст. 162 УПК РФ предусматривает возможность продления срока предварительного следствия без ограничения, фактически до истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности. В связи с этим профессор Б.Я. Гаврилов справедливо указывает на парадоксальное существование двух типов сроков – процессуального и разумного, – которые, по сути, действуют независимо и не имеют действенной взаимосвязи [2, с. 11].

Так, И.Н. Нуриев считает, что закрепление предельных сроков предварительного следствия в УПК РФ является вынужденной мерой стимулирования должностных лиц органов следствия на скорейшее расследование уголовного дела и правовой гарантией для лиц, вовлеченных в уголовное досудебное производство [5, с. 116]. Действительно, регламентация предельного срока является оптимальным балансом между потребностью государства в эффективном раскрытии преступлений и необходимостью защиты прав

ние судебного акта в разумный срок (утратил силу) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 30, Пленума Высшего Арбитражного суда Рос. Федерации № 64 от 23.12.2010 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.10.2025).

и законов участников уголовного процесса от неоправданного процессуального бремени.

Обратим свое внимание на необходимость реформирования данного института в связи с вышеуказанными проблемами. По мнению М.П. Полякова, оптимизация института сроков предварительного расследования обусловлена требованием соблюдения принципа процессуальной экономии, что подразумевает тщательную проверку обоснованности сроков – их необходимости и достаточности [6, с. 58]. Однако стандартизация оценки этой обоснованности затруднена, так как доктрина уголовно-процессуального права часто придает понятиям «необходимость» и «достаточность» субъективную интерпретацию, мешая единообразному подходу к анализу обстоятельств дела. Тем не менее, объективная необходимость выделения большего временного ресурса для расследования тяжких и особо тяжких преступлений, в сравнении с делами о преступлениях небольшой и средней тяжести, является неоспоримой. Учитывая, что категория тяжести преступления прямо влияет на продолжительность следственных действий, логичным и процессуально обоснованным представляется внедрение дифференцированного подхода к определению сроков предварительного следствия, базирующегося именно на тяжести инкриминируемого деяния. Актуальность концепции дифференциации сроков предварительного следствия становится все более очевидной.

Так, И. В. Маслов настаивает, что ключевым фактором для такой дифференциации следует признать комплексность и объем следственных мероприятий, требуемых для различных категорий уголовных дел. На этом основании ученый предлагает законодательно установить пролонгированные сроки расследования для специфических составов преступлений, а именно: экономических преступлений, нарушений, связанных с эксплуатацией транспорта, а также деяний, квалифицируемых как бандитизм, терроризм и иные виды организованной преступной деятельности [4, С. 16]. Фактически, объективная природа ряда правонарушений диктует необходимость в более продолжительном временном отрезке для формирования исчерпывающей доказательственной базы. Таким образом, критерий сложности и объема уголовного дела должен быть признан фундаментальным при формировании усовершенствованной нормативной базы, регулирующей продолжительность предварительного следствия.

Таким образом, институт процессуальных сроков предварительного расследования в действующей редакции УПК РФ демонстрирует объективную потребность в научном переосмыслении

и последующем законодательном реформировании. Анализ правоприменительной практики и научных подходов свидетельствует о существенном диссонансе между нормативно установленными временными рамками и современной процессуальной действительностью. Более того, существующая конструкция процессуальных сроков не в полной мере гармонизирована с конституционным предписанием о разумном сроке уголовного судопроизводства, что актуализирует необходимость проведения комплексной реформы данного института.

Список литературы:

1. *Абзбаева Д. С.* К вопросу о юридической природе понятия «оптимизация процессуальных сроков уголовного судопроизводства» // Публичное и частное право. 2025. № 1(47).
2. *Гаврилов Б. Я.* О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36).
3. *Гаврилов Б. Я.* Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2.
4. *Маслов И. В.* Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.
5. *Нуриев И. Н.* Предельные сроки производства предварительного следствия: не пора ли их закрепить в УПК РФ? // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1.
6. *Поляков М. П.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография / М. П. Поляков, А. Ю. Смолен. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. 151 с.

Азарова Екатерина Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Волгоградского государственного университета
e-mail: aes2404@yandex.ru

Институт судейского усмотрения в уголовном процессе России

Аннотация

В статье проводится комплексное исследование института судейского усмотрения в российском уголовном процессе через призму диалектического единства нормативной регламентации и правоприменительной практики. Анализируется эволюция дискреционных полномочий суда в исторической ретроспективе с акцентом на современные правовые реалии. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения баланса между независимостью судебной власти и необходимостью предотвращения судебного произвола. Исследование основано на анализе судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и федеральных судов общей юрисдикции за период 2010–2023 годов.

***Ключевые слова:** судейское усмотрение; уголовный процесс; дискреционные полномочия; правовые гарантии; судебная практика; индивидуализация наказания; пределы усмотрения; обжалование судебных решений.*

Актуальность исследования института судейского усмотрения в современном российском уголовном процессе обусловлена комплексом факторов, связанных с трансформацией правовой системы Российской Федерации и развитием судебной власти. Институт судейского усмотрения представляет собой системообразующий элемент современной российской уголовно-процессуальной системы, выполняющий функцию адаптации нормативных предписаний к конкретным обстоятельствам дела [1, с. 78].

В условиях неизбежной неполноты законодательного регулирования делегирование дискреционных полномочий правоприменителю выступает объективной необходимостью [2, с. 45]. Однако расширение дискреционных полномочий судейского корпуса требует разработки эффективных механизмов контроля, обеспечивающих соблюдение баланса между независимостью судебной власти и необходимостью предотвращения судебного произвола.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ института судейского усмотрения в российском уголовном процессе, включающий изучение его исторической эволюции, теоретических основ, современного состояния и перспектив развития.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический, системный анализ, статистические методы. Эмпирическую базу исследования составили материалы судебной практики Верховного Суда РФ и федеральных судов общей юрисдикции за период 2010-2023 годов.

Теоретико-правовой анализ позволяет определить судейское усмотрение как предоставленную законом возможность выбора оптимального решения в рамках правового поля при наличии альтернативных вариантов [3, с. 112]. Принципиальное значение имеет разграничение усмотрения от произвола, поскольку первое осуществляется в строгих нормативных рамках и подчиняется принципам законности, справедливости и обоснованности [4, с. 91].

Судейское усмотрение представляет собой систему взаимосвязанных элементов, обеспечивающих диалектическое единство нормативной определенности и индивидуально-конкретного подхода в правоприменении. Содержание судейского усмотрения раскрывается через органическое единство его структурных элементов: наличие правовой неопределенности, выражающейся в альтернативности правового регулирования, создает объективные предпосылки для осуществления дискреции. При этом законодательная легитимация предоставляет суду право выбора из нескольких правомерных альтернатив, реализуемое через когнитивно-волевой механизм формирования внутреннего убеждения на основе всестороннего исследования материалов дела. В конечном итоге находит свое завершение в ценностном обосновании принимаемого решения, обеспечивающем его соответствие основным принципам права и требованиям справедливости. Судейское усмотрение в уголовном процессе выполняет несколько важных функций. Во-первых, компенсаторную функцию, направленную на восполнение пробелов правового регулирования. Во-вторых, индивидуализирующую функцию, обеспечивающую учет конкретных обстоятельств дела. В-третьих, адаптационную функцию, позволяющую приспособлять общие нормативные предписания к уникальным ситуациям.

Осуществление судейского усмотрения подчиняется системе принципов, обеспечивающих его правомерность и эффективность. К числу основных принципов относятся: принцип законности, требующий строгого соблюдения нормативных предписаний; принцип обо-

снованности, предполагающий необходимость мотивировки принятого решения; принцип справедливости, направленный на достижение баланса интересов участников процесса; принцип пропорциональности, обеспечивающий соразмерность принимаемых мер; принцип беспристрастности, исключающий влияние посторонних факторов.

Методология исследования основана на историко-правовом анализе эволюции института с выделением трех ключевых периодов: дореволюционного (1864-1917 гг.), советского (1917-1991 гг.) и современного (с 1991 г. по настоящее время). Такой подход позволяет выявить преемственность и качественные изменения в правовом регулировании дискреционных полномочий.

В имперский период Судебные уставы 1864 года заложили основы судейского усмотрения, основанного на свободной оценке доказательств. Однако реализация дискреционных полномочий ограничивалась системой формальных доказательств [6, с. 134]. Значительное внимание уделялось вопросам индивидуализации наказания, однако усмотрение суда было существенно ограничено формальными правилами.

Анализ судебной практики конца XIX - начала XX века позволяет выявить конкретные процессуальные направления реализации судейского усмотрения. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, дискреционные полномочия судей наиболее последовательно проявлялись при: оценке доказательств по внутреннему убеждению с учетом критериев относимости и допустимости; избрании мер пресечения, включая заключение под стражу, отдачу под надзор и залоги; определении вида и размера наказания в рамках санкций статей Уложения о наказаниях с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств; принятии решений о прекращении уголовного преследования в связи с примирением сторон, малозначительностью деяния или отсутствием доказательств. При этом реализация усмотрения ограничивалась формальными процедурами и необходимостью мотивировки принимаемых решений, что обеспечивало баланс между судебной самостоятельностью и принципом законности.

Советская эпоха характеризовалась идеологизацией правосудия, где усмотрение подчинялось классовому подходу и революционному правосознанию [7, с. 201]. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922, 1923 и 1960 годов формально расширяли дискреционные полномочия суда, однако их реализация осуществлялась в рамках партийно-административного контроля.

Специфика реализации судейского усмотрения в советский период определялась идеологическими установками и находила

выражение в следующих ключевых аспектах. Во-первых, усмотрение осуществлялось в рамках принципа социалистической законности, которая трактовалась как строгое соответствие деятельности судов директивам коммунистической партии и интересам рабочего класса. Во-вторых, существенное влияние на принимаемые решения оказывала классовая принадлежность участников процесса, что выражалось в дифференцированном подходе к представителям «эксплуататорских» и «трудящихся» классов. В-третьих, обязательной составляющей судебного усмотрения являлась общественно-политическая оценка деяния, учитывающая его потенциальную опасность для советского строя. Наконец, независимость судейского усмотрения существенно ограничивалась системой партийного контроля, обязательностью указаний вышестоящих судов и необходимостью согласования принципиальных решений с партийными органами [8, с. 98].

Современный этап развития института связан с принятием УПК РФ 2001 года, который детализировал процедуру реализации дискреционных полномочий на различных стадиях процесса [9, с. 108, 237]. Конституция РФ 1993 года закрепила принцип независимости судебной власти, создав необходимые предпосылки для развития института судейского усмотрения.

Современный этап развития института судейского усмотрения характеризуется качественными преобразованиями, выражающимися в следующих основных направлениях. Конституционализация принципов осуществления правосудия проявляется в непосредственном применении конституционных норм при реализации дискреционных полномочий, в частности, принципов состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности и гарантий судебной защиты прав граждан. Расширение дискреционных полномочий суда находит выражение в увеличении процессуальных возможностей по избранию мер пресечения, возвращению уголовных дел прокурору, применению особых порядков судебного разбирательства и разрешению вопросов, связанных с доказательственной деятельностью. Совершенствование осуществляется через развитие системы судебного контроля на досудебных стадиях процесса, усиление требований к мотивированности судебных решений, расширение прав участников процесса на обжалование действий и решений суда. Развитие механизмов судебного контроля проявляется в формировании эффективных процедур апелляционного, кассационного и надзорного производства, обеспечивающих проверку законности и обоснованности использования судейского усмотрения [10, с. 15]. Совокупность указанных направлений обеспечивает

оптимизацию реализации дискреционных полномочий в условиях правового государства.

Значительные полномочия предоставлены суду при избрании меры пресечения, возвращении уголовного дела прокурору, разрешении ходатайств сторон. Проведенный анализ судебной практики позволяет выявить конкретные процессуальные институты, в рамках которых наиболее последовательно реализуется судейское усмотрение. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья оценивает обоснованность ходатайства следствия, учитывая данные о личности подозреваемого, тяжесть инкриминируемого преступления, а также наличие оснований, предусмотренных статьёй 108 УПК РФ. В процессе продления срока содержания под стражей дискреция проявляется в анализе достаточности представленных доказательств, необходимости дальнейшего расследования и отсутствии альтернативных мер пресечения. При рассмотрении жалоб на действия должностных лиц суд проверяет законность процессуальных решений, оценивая соответствие действий следователя и дознавателя требованиям уголовно-процессуального закона. Особенно значимая роль усмотрения проявляется при разрешении ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан, где судья устанавливает наличие фактических и юридических оснований для их проведения, обеспечивая баланс между интересами следствия и правами личности. Во всех перечисленных случаях судейское усмотрение осуществляется через призму принципов состязательности, равноправия сторон и непосредственности оценки доказательств [11, с. 203].

Исследование практики судов общей юрисдикции свидетельствует о наличии региональных различий в реализации дискреционных полномочий. В частности, отмечаются различия в подходах к избранию меры пресечения и оценке доказательств. Судейское усмотрение наиболее рельефно проявляется при назначении наказания, где суд учитывает характер и степень общественной опасности деяния, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства [12, с. 156]. При этом сохраняется проблема региональной вариативности судебных решений по сходным категориям дел.

Перспективы совершенствования института связаны с оптимизацией критериев осуществления усмотрения и развитием профессиональных компетенций судейского корпуса. Цифровизация судопроизводства создает дополнительные возможности для стандартизации процессуальных решений при сохранении индивидуального подхода к каждому делу.

Совершенствование механизмов контроля за осуществлением судьейского усмотрения реализуется через систему взаимосвязанных направлений. Развитие системы судебного прецедента предполагает формирование единообразной практики применения права через обязательность учета позиций Верховного Суда РФ и создания базы эталонных решений по дискреционным вопросам. Совершенствование апелляционного и кассационного производства выражается в расширении пределов проверки дискреционных решений, внедрении процедур ускоренного обжалования и усилении роли пересмотра в интересах законности. Усиление требований к мотивировке судебных решений включает детализацию анализа доказательств, приведение в решении всех обстоятельств, повлиявших на дискреционный выбор. Развитие системы профессиональной подготовки судей охватывает специализированные программы по методологии усмотрения, анализ типичных ошибок и регулярное повышение квалификации в области применения дискреционных полномочий. Внедрение технологий искусственного интеллекта предполагает создание систем анализа судебной практики, алгоритмов выявления противоречий в решениях и экспертных систем поддержки принятия дискреционных решений [17]. Комплексная реализация этих направлений обеспечивает баланс между независимостью судьейского усмотрения и необходимым уровнем судебного контроля.

Цифровая трансформация судопроизводства оказывает комплексное влияние на институт судьейского усмотрения. С одной стороны, технологии способствуют стандартизации процессуальных решений, с другой - создают новые вызовы для традиционных подходов к осуществлению усмотрения [18, с. 225].

Таким образом, институт судьейского усмотрения представляет собой необходимый элемент современной системы уголовного судопроизводства, обеспечивающий гибкость правового регулирования и учет индивидуальных особенностей конкретного дела. Исторический анализ показывает поступательное развитие института, характеризующееся расширением дискреционных полномочий суда при одновременном укреплении гарантий против злоупотреблений. В заключение следует отметить, что судьейское усмотрение остается необходимым инструментом обеспечения гибкости правового регулирования и достижения справедливости в уголовном судопроизводстве. Дальнейшее развитие института требует сбалансированного

сочетания судебной независимости и процессуальных гарантий законности¹ [19, с. 33]. Перспективы развития института связаны с совершенствованием правового регулирования, развитием профессиональных компетенций судейского корпуса и внедрением современных технологий в судебную практику. Особое значение имеет обеспечение единообразия судебной практики при сохранении возможности индивидуального подхода к рассмотрению конкретных дел.

Список литературы:

1. *Анисимов В.Н.* Гарантии независимости судейского усмотрения в уголовном процессе // Законность. 2020. № 7.
2. *Баранов А.М.* Судейское усмотрение и проблемы юридической ответственности // Государство и право. 2019. № 11.
3. *Бозров В.М.* Судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург : Изд-во УрГЮУ, 2010. 267 с.
4. *Гриненко А.В.* Процессуальные гарантии законности судебных решений // Журнал российского права. 2021. № 2.
5. *Демичев А.А.* Пределы судейского усмотрения в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2019. № 5.
6. *Кауфман М.А.* Проблемы дискреции в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 4.
7. *Колоколов Н.А.* Судейское усмотрение: природа, пределы, проблемы реализации // Журнал российского права. 2018. № 3.
8. *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе. М. : Юрайт, 2020. 345 с.
9. *Лушинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория и практика. М. : Проспект, 2018. 334 с.
10. *Мирзоев С.Б.* Судебная практика как источник уголовно-процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3.
11. *Петрухин И.Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М. : Норма, 2005. 318 с.
12. *Поляков М.П.* Уголовный процесс России: от Судебных уставов 1864 г. до УПК РФ 2001 г.: историко-правовое исследование. СПб. : Юридический центр Пресс, 2014. 455 с.

¹ О судебной практике применения особого порядка судебного разбирательства : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2022 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2022. № 9.

13. *Рыжаков А.П.* Уголовно-процессуальные правонарушения. М. : Экзамен, 2021. 287 с.
14. *Тарасов А.А.* Электронное правосудие в России. М. : Норма, 2022. 198 с.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
16. *Цоколова О.И.* Назначение уголовного наказания и судебское усмотрение. М. : Юстиция, 2016. 198 с.
17. *Червоткин А.С.* Судейское усмотрение в доказывании по уголовным делам. М. : Городец, 2015. 256 с.
18. *Шаталов А.С.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М. : Статут, 2020. 654 с.
19. О судебной практике применения особого порядка судебного разбирательства : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2022 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2022. № 9.
20. Об упрощенном порядке уголовного судопроизводства : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 13 июня 2023 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2023. № 8.

Али Абдирашид Абукар,
магистрант,
Академия управления МВД России
e-mail: abdirashiid115@gmail.com

Теоретические основы финансового обеспечения органов предварительного следствия

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические основы финансового обеспечения органов предварительного следствия МВД России как системы экономических, организационных и правовых механизмов, обеспечивающих эффективное использование бюджетных ресурсов. Проанализирована нормативно-правовая база, регулирующая порядок финансирования следственных органов, включая Конституцию Российской Федерации, Бюджетный и Уголовно-процессуальный кодексы, а также федеральные законы о бюджете. Подчеркивается стратегическая роль финансового обеспечения в условиях современных социально-экономических и технологических вызовов – роста киберпреступности, трансграничной преступности и цифровизации следственной деятельности.

***Ключевые слова:** финансовое обеспечение; органы предварительного следствия; Министерство внутренних дел; бюджетное финансирование; государственная политика; нормативно-правовое регулирование; киберпреступность; правоохранительная деятельность; цифровизация; национальная безопасность.*

Финансовое обеспечение органов предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) представляет собой ключевое условие их стабильного функционирования и эффективного выполнения задач, возложенных на них государством. Оно обеспечивает возможность реализации основных функций следственных органов – расследование уголовных дел, защиту прав и законных интересов граждан, а также поддержание общественного порядка и национальной безопасности. Следственные подразделения МВД России осуществляют наиболее ответственный и комплексный этап уголовного судопроизводства – предварительное расследование, направленное на установление истины и обеспечение неотвратимости наказания. Для успешного выполнения этих функций необходимы не только высокий уровень профессиональной подготовки и правовой культуры сотрудников, но и наличие прочной финансово-экономической базы, способной удовлетворить широкий спектр

материальных и организационных потребностей – от оплаты труда и социального обеспечения кадров до оснащения современными техническими средствами, проведения судебных экспертиз и покрытия процессуальных издержек [1, с. 88].

Финансовое обеспечение, таким образом, выступает не просто инструментом ресурсной поддержки, а важнейшим элементом государственной бюджетной политики, который отражает приоритеты государства в сфере обеспечения правопорядка, правосудия и внутренней безопасности. В условиях новых социально-экономических и технологических реалий роль финансового обеспечения следственных органов становится стратегической. Быстрый рост киберпреступности, усиление транснациональной организованной преступности, усложнение структуры уголовных дел, а также необходимость цифровизации следственной деятельности требуют не только увеличения объемов финансирования, но и совершенствования правовых механизмов его распределения [1, с. 95].

Финансовое обеспечение органов предварительного следствия представляет собой сложную и многоуровневую систему экономических, организационных и правовых механизмов, направленных на формирование, распределение и рациональное использование финансовых ресурсов, необходимых для полноценного выполнения следственными подразделениями возложенных на них функций. Данное понятие значительно шире, чем простое выделение бюджетных ассигнований, поскольку включает в себя весь комплекс процедур планирования, управления и контроля за использованием средств, обеспечивающих эффективную деятельность органов следствия. В структуру финансового обеспечения входят расходы на оплату труда следователей и иных сотрудников, материально-техническое оснащение, проведение судебных и криминалистических экспертиз, оплату услуг переводчиков и адвокатов, а также компенсацию процессуальных издержек, возникающих в ходе расследования уголовных дел. Основным источником финансирования данной деятельности выступает федеральный бюджет Российской Федерации, средства которого выделяются Министерству внутренних дел в рамках ежегодного федерального закона о бюджете [2, с. 35-39]. При этом сущность финансового обеспечения заключается не только в самом предоставлении денежных средств, но и в формировании устойчивой материально-финансовой базы, позволяющей следственным органам действовать оперативно, эффективно и в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Важнейшей характеристикой этой системы является ее адаптивность: она должна учитывать не только текущие потребности следственных подразделений, но и стратегические направления их раз-

вития, включая обновление технической инфраструктуры, повышение квалификации кадров, внедрение инновационных цифровых решений и технологий в следственную практику. Таким образом, финансовое обеспечение следует рассматривать как ключевой элемент государственного управления в сфере правоохранительной деятельности, обеспечивающий баланс между законностью, экономической целесообразностью и результативностью использования бюджетных средств.

Современные вызовы в сфере уголовного судопроизводства придают финансовому обеспечению следственных органов особое значение. Рост киберпреступности – включая использование криптовалют, хакерские атаки и цифровое мошенничество – требует внедрения новых технологий и методов расследования. Для этого необходимы значительные инвестиции в специализированное программное обеспечение, повышение квалификации сотрудников и создание межведомственных центров по противодействию киберугрозам. Аналогичные ресурсы требуются и для борьбы с транснациональной организованной преступностью – торговлей наркотиками, оружием и людьми [3, с. 48]. Эффективное противодействие этим угрозам невозможно без финансирования международного сотрудничества, обмена информацией и проведения совместных операций. Таким образом, финансовое обеспечение следственных органов становится не просто административной функцией, а стратегическим инструментом, определяющим способность государства реагировать на внутренние и глобальные вызовы, обеспечивая безопасность граждан и стабильность правопорядка¹.

На конституционном уровне ключевую роль играют положения Конституции Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.), которые закрепляют основы бюджетной системы и принципы распределения полномочий между органами государственной власти. Статья 71 относит вопросы федерального бюджета, финансового и налогового регулирования к ведению Российской Федерации, обеспечивая централизованное финансирование правоохранительных органов, включая органы предварительного следствия. Статья 76 устанавливает приоритет федеральных законов в области бюджетного законодательства, создавая единые правовые рамки регулирования финансовых потоков и обеспечивая стабильность бюджетной политики. Эти конституционные нормы формируют фундамент для долгосрочного и устойчивого финансирования следственных подразделений.

¹ *Рязанова Е. А.* Выявление и начальный этап расследования нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 230 с.

На законодательном уровне основным документом является Бюджетный кодекс Российской Федерации (№ 145-ФЗ от 31 июля 1998 г.), который определяет принципы формирования и исполнения федерального бюджета, порядок распределения бюджетных ассигнований и правила учета их использования. В частности, статьи 38 и 69 устанавливают порядок предоставления бюджетных средств государственным органам, включая МВД России, включая механизмы планирования расходов, контроля за исполнением и отчетности. Статьи 158 и 160.1 наделяют главных распорядителей бюджетных средств, таких как МВД, полномочиями по управлению ассигнованиями и контролю за их использованием, создавая правовую основу для эффективного финансового менеджмента в системе следственных органов.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (№ 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г.)¹ регулирует покрытие процессуальных издержек по уголовным делам. Согласно ст. 131 УПК РФ, к ним относятся расходы на адвокатов, экспертов, переводчиков, а также выплаты свидетелям и потерпевшим; расходы на экспертизы оплачиваются из федерального бюджета. Статья 132 устанавливает порядок взыскания этих издержек. Эти нормы обеспечивают финансирование процессуальных расходов и гарантируют права участников процесса.

Ежегодный Федеральный закон «О федеральном бюджете» определяет объемы ассигнований на деятельность МВД России, включая финансирование органов предварительного следствия. Расходы правоохранительных органов учитываются по коду 90019 «Расходы на реализацию государственных функций федеральных государственных органов», что обеспечивает централизованный контроль финансов. Этот код охватывает оплату труда, материально-техническое обеспечение, проведение экспертиз и возмещение процессуальных издержек [1, с. 155].

Бюджет предусматривает отдельные статьи для капитальных вложений – строительства и ремонта зданий следственных органов, что отражает долгосрочный характер финансового обеспечения и развитие их инфраструктуры. Федеральный закон «О федеральном бюджете» обеспечивает прозрачность, целевое использование средств и устойчивость системы. Финансовое обеспечение регулируется постановлениями Правительства РФ и приказами Минфина и МВД России.

Финансовое обеспечение органов предварительного следствия имеет не только административное, но и социальное значение, так как напрямую влияет на качество расследования уголовных дел

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1.

и защиту прав граждан. Адекватное финансирование обеспечивает оперативность следственных действий, проведение экспертиз и участие всех сторон уголовного процесса [5, с. 7-10]. Прозрачность и контроль за расходованием бюджетных средств гарантируются нормативно-правовой базой, включая Бюджетный кодекс РФ¹, приказы Минфина и ведомственные акты МВД России, адаптирующие общие правила к специфике следственных подразделений². Кроме того, финансирование играет важную роль в международном сотрудничестве: поддержка совместных операций, участие в программах противодействия транснациональной преступности и обмен информацией через базы Интерпола требуют дополнительных средств, включаемых в бюджет МВД. Таким образом, финансовое обеспечение органов предварительного следствия выступает стратегическим инструментом не только для внутренней безопасности, но и для укрепления международного сотрудничества в борьбе с глобальными угрозами.

Список литературы:

1. *Афанасьева Н.А.* Финансовое обеспечение правоохранительных органов в конституционно-правовом контексте // Финансовое право. 2020. № 2.
2. *Кузнецов А.В.* Эффективность бюджетного планирования в следственных подразделениях МВД РФ // Журнал российского права. 2016. № 4.
3. *Частнов К.С.* Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010.
4. *Рязанова Е.А.* Выявление и начальный этап нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 230 с.
5. *Цыренов Ж.В.* Обеспечение органами предварительного расследования возмещения вреда, причиненного преступлениями : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 175 с.

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3822.

² О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг и его финансового обеспечения : постановление Правительства Рос. Федерации от 26 июня 2015 г. № 640 // Российская газета. 2015. 30 июня.

Алиев Максим Мустакимович,
*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: aliev.alievso@yandex.ru*

Гаспарян Гурген Зорикович,
*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: ggz85@mail.ru*

Комплексная или комиссионная судебная экспертиза при расследовании дорожно-транспортных преступлений

Аннотация

В настоящей научной статье осуществляется детальный анализ возможностей, предоставляемых комплексными и комиссионными судебными экспертизами, которые проводятся в контексте уголовных дел, связанных с расследованием дорожно-транспортных преступлений. В статье рассматриваются методологические подходы и практические аспекты назначения комплексных экспертиз, а также их влияние на результаты расследования. Приведен положительный пример назначения данной экспертизы, который иллюстрирует ее эффективность в установлении ключевых факторов, способствующих дорожно-транспортным преступлениям. Авторы акцентируют внимание на важности междисциплинарного подхода, который позволяет объединять знания различных специалистов для достижения более объективных и всесторонних выводов в ходе расследования.

Ключевые слова: *судебная экспертиза; комплексная экспертиза; комиссионная экспертиза; дорожно-транспортное преступление; уголовный процесс; назначение экспертизы; заключение эксперта.*

Расследование дорожно-транспортных преступлений, предусмотренных главой 27 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), сопряжено с необходимостью установления сложных причинно-следственных связей, технических параметров и пси-

хофизиологических характеристик участников происшествия. В этой ситуации ключевую роль в доказывании играют судебные экспертизы, среди которых особое место занимают комплексные и комиссионные исследования. Их производство позволяет всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, объединяя знания различных областей науки и техники.

Несмотря на детальную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, включая проблем назначения и производство судебных экспертиз по уголовным делам. Интерес к данной проблеме обусловлен сложностью установления всех обстоятельств преступлений, отсутствием необходимого объема криминалистически значимой информации, которая могла бы существенно повлиять на ход расследования и принятие обоснованного решения.

В настоящее время широкое применение получили производство комплексных и комиссионных судебных экспертиз по уголовным делам.

Комплексная судебная экспертиза и комиссионная судебная экспертиза представляют собой один из основных видов исследований, проводимых судебными экспертами и используемых в судебно-экспертной практике для всестороннего, полного, объективного расследования преступлений.

Особенности производства комплексной судебной экспертизы заключаются: в производстве одним судебным экспертом или группой экспертов разных специальностей; в том, что в рамках заключения исследуются несколько аспектов или вопросов, связанных с уголовным делом; в получении более полного и системного представления о вещной обстановке места происшествия.

В то же время в качестве особенностей комиссионной судебной экспертизы выступают производство несколькими судебными экспертами, обладающими специальными знаниями одной специальности; независимое исследование обстоятельств с последующим формированием единого заключения; в повышении объективности и достоверности выводов за счет коллегиальности оценки ситуации.

Преимущества использования комплексных и комиссионных судебных экспертиз включают более глубокое понимание обстоятельств уголовного дела, повышение объективности результатов и сокращение времени на проведение исследования за счет совместной работы различных специалистов. Однако их организация требует четкого регламента, согласованности действий участников процесса и высокого уровня профессиональной подготовки судебных экспертов.

Проблеме назначения и производства комплексных и комиссионных судебных экспертиз посвящено значительное количество публикаций, в том числе таких авторов, как профессор Н. П. Майлис и профессора Е. Р. Россинской. В работах указанных авторов подробно раскрыты теоретические и практические аспекты организации и проведения вышеуказанных судебных экспертиз, а также их роль в обеспечении объективности. Решение о необходимости проведения комплексной или комиссионной судебной экспертизы определяется особенностями и уровнем сложности уголовного дела, а также поставленными на разрешение судебных экспертов вопросами. В случаях, когда обстоятельства уголовного дела требуют анализа различных аспектов (например, криминалистических, технических, судебно-медицинских или иных - назначение комплексной или комиссионной экспертизы становится оправданным и целесообразным. Такой подход позволяет объединить специальные знания судебных экспертов из смежных областей для получения более полного и объективного результата. Выбор судебной экспертизы зависит от сложности уголовного дела, объема криминалистически значимой информации, необходимости междисциплинарного анализа и других факторов, что подчеркивает важность правильного определения вида судебной экспертизы для повышения эффективности расследования и обеспечения справедливого судебного разбирательства.

Так, при расследовании дорожно-транспортных преступлений особое значение приобретает вопрос о выборе между комплексной и комиссионной судебной экспертизой. Интерес к проблеме данного выбора связан с тем, что зачастую необходим анализ одного вопроса (например, установление причинно-следственной связи между полученными телесными повреждениями и смертью участника дорожного движения), либо реконструкции события дорожно-транспортного преступления в целом.

Настоящая работа направлена на разработку и оптимизацию порядка назначения и производства комплексных и комиссионных судебных экспертиз по уголовным делам, связанным с дорожно-транспортными преступлениями. Целью исследования является повышение эффективности производства таких судебных экспертиз, обеспечение их всесторонности, полноты и объективности, а также сокращение времени их производства. В рамках работы предполагается определить особенности назначения и производства указанных видов судебных экспертиз, с учетом специфики дорожно-транспортных преступлений.

Важно отметить, что для расследования дорожно-транспортных преступлений следователи «общей практики» и следователи специ-

ализированных отделов часто назначают комплексные судебные экспертизы (например, автотехническую и трасологическую, автотехническую, трасологическую и судебно-медицинскую, автотехническую и видеотехническую судебные экспертизы), чтобы получить разностороннюю и максимально объективную оценку следственной ситуации от судебных экспертов, обладающих различными специальными знаниями в смежных областях. Однако в иных случаях может быть назначена комиссия судебная экспертиза, которая проводится внутри одного экспертного учреждения (например, бюро судебно-медицинской экспертизы).

Производство указанных судебных экспертиз служит для установления всех обстоятельств дорожно-транспортного преступления.

Анализ судебно-экспертной практики показывает, что назначение комплексной или комиссионной судебной экспертизы по уголовным делам данной категории сопряжено с рядом проблем:

Одной из таких является недостаточное знание следователями «общей практики» назначения и производства подобных экспертиз, что может приводить к неправильному их использованию или недостаточной эффективности.

Зачастую следователи, назначая комплексную экспертизу, ограничиваются общими фразами, не конкретизируя, какие именно специальности экспертов необходимы и какой общий вопрос ставится на их разрешение. Это приводит к тому, что экспертное учреждение вынуждено самостоятельно определять круг участников, что может не соответствовать целям следствия.

Также на практике нередки случаи, когда следователи назначают отдельно автотехническую, трасологическую и судебно-медицинскую экспертизы. Такой подход приводит к фрагментарности выводов, их возможной противоречивости и усложняет их оценку судом. Установление единой картины происшествия ложится на плечи следователя и суда, которые могут не обладать необходимыми специальными познаниями.

В отдельных случаях имеет место неправильная формулировка вопросов эксперту, т.е. вопросы ставятся без учета компетенции последних. Например, перед комплексной бригадой (автотехник, трасолог, врач) может быть поставлен правовой вопрос: «Имел ли водитель техническую возможность избежать наезда?», который требует юридической квалификации и выходит за рамки специальных познаний экспертов.

Возможна также проблема организации взаимодействия экспертов в рамках комиссии. При производстве комиссионной экспертизы может возникать «феномен доминирования», когда мнение одного,

более авторитетного эксперта, подавляет мнение других, что нивелирует саму идею коллегиальности. В рамках же комплексной экспертизы зачастую отсутствует должная интеграция: каждый эксперт выполняет свою часть работы, а синтезом занимается формально, что отражается в структуре заключения, где выводы по разным специальностям просто перечисляются.

Кроме того, существенной проблемой является незнание стороной защиты нормативно-правовой базы, регулирующей порядок назначения и производства комплексных или комиссионных судебных экспертиз. Это включает в себя сложности в правильном выборе вида судебной экспертизы, а также в соблюдении установленных процедур, что в конечном итоге может негативно сказываться на объективности принятого решения.

Рассмотрим на примере уголовного дела 4, где сторона защиты подала ходатайство о «назначении дополнительной комиссионной автотехнической, физико-математической экспертизы» по уголовному делу. При этом просило производство указанной экспертизы поручить различным государственным учреждениям (ЭКЦ МВД России и Министерство юстиции России) и негосударственному экспертному учреждению, где эксперт (физик-математик) осуществляет производство подобных экспертиз.

В данном примере действительно можно сделать вывод о том, что сторона защиты может испытывать недостаток в знаниях, касающихся процесса назначения и проведения комплексных и комиссионных судебных экспертиз в уголовных делах данной категории. Это может проявляться в недостаточном понимании правовых и нормативных основ, регулирующих эти процессы.

Так, согласно приложению № 2 «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних Российской Федерации» к приказу МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»¹, в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России «физико-математическая экспертиза» не проводится.

Более того, обозначенный стороной защиты род (вид) судебной экспертизы - «физико-математическая экспертиза» не содержится и в приказе №72 от 20.04.2023 г. Минюста России «Об утверждении

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета. 2005. 30 авг.

Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и в Перечне экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»¹.

Ходатайство стороны защиты о назначения комиссионной судебной экспертизы, при условии привлечения эксперта (физика-математика), очевидно также несостоятельно. Согласно ч.1 ст. 200 УПК РФ «комиссионная судебная экспертиза производится не менее двумя экспертами одной специальности».

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что виды судебных экспертиз, которые могут быть назначены в рамках уголовного дела, должны соответствовать утвержденному перечню, установленному уголовно-процессуальным законодательством или иными нормативно-правовыми актами. Исключение составляют случаи дорожно-транспортных преступлений, когда назначение судебной экспертизы, не входящей в этот перечень, возможно только при наличии особых оснований. Это может быть связано с уникальностью обстоятельств дорожно-транспортного преступления или отсутствием других методов исследования. В зависимости от обстоятельств уголовного дела может быть проведена как комплексная судебная экспертиза (которая включает несколько направлений), так и отдельная судебная экспертиза, сосредоточенная на конкретном аспекте.

Для преодоления вышеуказанных проблем предлагается следующий комплекс мер:

Представляется целесообразным в мотивировочной части постановления о назначении комплексной или комиссионной экспертизы четко указывать:

– для комплексной экспертизы – перечень необходимых специальностей и формулировку общего вопроса, требующего интеграции знаний.

– для комиссионной экспертизы – обоснование необходимости коллегиального исследования (сложность, особая значимость).

Необходима разработка и внедрение единой методики проведения комплексных экспертиз для разрешения типовых вопросов

¹ Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 20 апреля 2023 г. № 72 // Российская газета. 2023. 26 апр.

в рамках расследования преступлений вышеуказанной категории. Минюсту России и МВД России совместно с ведущими экспертными учреждениями и научным сообществом необходимо разработать и утвердить типовые методики производства комплексных экспертиз для наиболее распространенных видов дорожно-транспортных происшествий (наезд на пешехода, столкновение транспортных средств, опрокидывание). В частности данные методики должны определять состав экспертной бригады, перечень обязательных вопросов и алгоритм взаимодействия экспертов.

Также представляется необходимым организация повышения квалификации следователей, в программы по которым следует включить специальные разделы, посвященные тактике назначения и оценки комплексных и комиссионных экспертиз. Особый акцент следует сделать на правильной постановке вопросов, исключающих выход за пределы компетенции экспертов.

В части совершенствования организации взаимодействия экспертов следует отметить, что заключение комплексной экспертизы должно содержать не только исследовательскую часть по каждому роду экспертизы, но и обязательный раздел «Синтезирующая часть» или «Комплексный анализ», где эксперты совместно формулируют единый вывод, основанный на интеграции всех проведенных исследований. Это прямо соответствует научной позиции Т.В. Аверьяновой, которая подчеркивает, что общий вывод комплексной экспертизы – это результат совместной деятельности экспертов, а не механическое соединение их частных мнений [1].

Подводя итоги нашего анализа, следует отметить, что комплексные и комиссионные судебные экспертизы являются незаменимым инструментом установления истины по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях. Однако их потенциал используется не в полной мере из-за пробелов в правовом регулировании и ошибок в правоприменительной практике.

Совершенствование порядка их назначения и производства должно идти по пути дальнейшей детализации процессуальных норм, разработки научно обоснованных типовых методик, активного внедрения в практику современных достижений судебной экспертологии, а также повышения уровня специальных знаний самих участников уголовного судопроизводства. Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности расследования, обеспечению всесторонности и объективности доказывания и, в конечном счете, укреплению законности в сфере противодействия дорожно-транспортной преступности.

Список литературы:

1. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза: курс общей теории : монография. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2025.
2. *Майлис Н. П.* Процессуальные и организационные ошибки при назначении и производстве комплексных экспертиз // Проблемы сертификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности : материалы международной науч.-практ. конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М. : Проспект, 2016.
3. *Россинская Е. Р.* Избранное. М. : Норма, 2019. 511 с.
4. Уголовное дело № 000070, возбужденное в СУ УМВД России по Астраханской области, по факту дорожно-транспортного преступления – данный документ опубликован не был.

Балашова Анна Александровна,
*кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник отдела
по исследованию стратегических проблем
управления научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
e-mail: Annbalashova@mail.ru*

Стефанова Елена Юрьевна,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Московского университета имени С. Ю. Витте
e-mail: stefanova1otd@mail.ru*

Процессуальный статус органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях военного положения: правовые основы и практические аспекты

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей процессуального статуса органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации в период военного положения. Проанализированы особенности процессуального статуса военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, практика применения процессуальных полномочий органа дознания Вооруженных Сил Российской Федерации. Обосновывается необходимость на период военного положения расширения перечня должностных лиц органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации и расширения их компетенции в целях соблюдения принципов уголовного процесса и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *Вооруженные Силы Российской Федерации; органы дознания; военная полиция; процессуальный статус; военное положение; неотложные следственные действия.*

Актуальность темы процессуального статуса органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) при взаимодействии со следователями военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в условиях

военного положения¹ обусловлена рядом объективных и нормативных факторов, связанных в том числе, с обострением правоприменительных проблем в контексте современной военно-политической ситуации. Научная дискуссия по рассматриваемому вопросу активно развивается: ведущие специалисты (В. И. Качалов [1], Я. Н. Ермолович [2], И. Г. Сазонова [3], С. Л. Никонович [4], С. А. Минтягов [5] и другие) выделяют противоречия между номинальными полномочиями и реальной практикой органов дознания, их неравномерную интеграцию в систему уголовной юстиции, а также нестабильность нормативного регулирования, что может повлечь нарушение принципа законности уголовного судопроизводства.

Целью исследования является выявление особенностей процессуального статуса органов дознания ВС РФ в условиях военного положения и определение путей оптимизации их компетенции и регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве.

В качестве научной новизны следует отметить комплексный подход при изучении взаимодействия и распределения функций между военными следственными органами СК России и органами дознания ВС РФ в условиях военного положения; разработку нормативной модели включения отделений дознания, дисциплинарной и административной практики военной полиции ВС РФ в структуру органа дознания, определенного в уголовно-процессуальном законодательстве; обоснование практических и нормативных механизмов перераспределения процессуальной нагрузки следователей военных следственных органов СК России и подразделений военной полиции ВС РФ.

Общеизвестно, что Вооруженных Силах Российской Федерации к органам дознания относятся начальники органов военной полиции, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов (п. 3 ч. 2 ст. 40 УПК).

Столь немногочисленный штат органа дознания ВС РФ оправдан тем, что Вооруженные Силы Российской Федерации не относятся к числу правоохранительных органов (несмотря на наличие в ее составе с 2014 года² военной полиции), так как их основной

¹ Под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии (ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации: Федеральный закон от 3 февраля 2014 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6. Ст. 558.

задачей все же является обеспечение обороны государства, то есть обеспечение вооруженной защиты Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории (п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне»¹).

Расследованием преступлений, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях (далее – военнослужащие), а также лицами гражданского персонала ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона, занимаются следователи военных следственных органов СК России.

Выводы о подследственности следователей военных следственных органов СК России возможно сделать лишь путем анализа норм уголовно-процессуального законодательства, так как в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК) они напрямую не упоминаются, так как входят в структуру Следственного комитета Российской Федерации, подследственность которого закреплена в пункте 1 части второй статьи 151 УПК.

Однако если обратиться к пункту 4 части второй статьи 157 УПК, в котором речь идет о производстве неотложных следственных действий органами дознания ВС РФ, становится очевидной категория уголовных дел, относящаяся к компетенции следователей военных следственных органов СК России, так как только органы дознания ВС РФ вправе возбудить уголовное дело и провести комплекс соответствующих следственных действий по преступлениям, по которым производство предварительного следствия обязательно именно следователями военных следственных органов СК России.

Отсутствие закрепленной в УПК подследственности для следователей военных следственных органов СК России представляется весьма сомнительным фактом, так как правовой статус данных следователей существенно отличается от остальных следователей СК России. В частности, он характеризуется сложной двойственной природой, объединяя в себе элементы военно-служебного и уголовно-процессуального правового регулирования. Анализ федеральных законов «О Следственном комитете Российской Федерации»²

¹ Об обороне : Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ / Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

² О Следственном комитете Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

и «О статусе военнослужащих»¹ позволяет выделить уникальные особенности правового положения данной категории государственных служащих, включая специфику их процессуальных полномочий, социально-правовых гарантий и особенности организации служебной деятельности.

Кроме того, существует серьезная специфика при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими. Это связано с особой регламентацией статуса военнослужащего, что при определенных обстоятельствах должно учитываться при квалификации деяния. Следователи военных следственных органов СК России проходят обучение в стенах Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, где изучают не только уголовно-правовые науки, но и различные дисциплины по военным специальностям, что позволяет им быть компетентными при осуществлении профессиональных обязанностей по службе.

Еще одним доводом в пользу законодательного закрепления подследственности следователей военных следственных органов СК России является то, что приказом СК России «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации»² к их подследственности отнесены не только уголовные дела о преступлениях указанной выше категории, но и о преступлениях, совершенных неустановленными лицами вне территории (расположения) воинской части, соединения или учреждения при наличии достаточных данных, указывающих на принадлежность этих лиц к категории военнослужащих и других лиц, уголовное преследование которых отнесено к компетенции военных следственных органов СК России (пункт 4.3 Приказа).

При этом руководителям военных следственных органов рекомендовано также организовывать расследование преступлений, совершенных неустановленными лицами на территории (в расположении) воинской части, соединения или учреждения, и передавать уголовные дела в соответствующие органы предварительного расследования только после установления виновных лиц, уголовное преследование которых не отнесено к компетенции ВСО (пункт 5 Приказа).

Указанное свидетельствует, что названный приказ позволяет следователям военных следственных органов СК России расследо-

¹ О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

² Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ СК России от 13 августа 2021 г. № 131 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.09.2025).

вать уголовные дела о всех преступлениях, к совершению которых могут быть причастны (а может и нет – курсив Е.С.) военнослужащие, независимо от места совершения преступления. Безусловно это расширительное толкование УПК. Однако подобные коллизии не относятся к предмету проводимого исследования, в связи с чем углубляться в данную тематику не будем.

Возвращаясь к органу дознания ВС РФ следует отметить, что Устав военной полиции Вооруженных Сил РФ¹ детализирует полномочия начальников органов военной полиции как органов дознания. В соответствии с его статьями 181-186 начальник органа военной полиции при осуществлении полномочий органа дознания руководствуется уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Правовую основу деятельности командиров воинских частей и других военных должностных лиц как органов дознания составляют общие положения УПК РФ, поскольку специальное регулирование их процессуального статуса в действующем законодательстве отсутствует.

Некоторые аналитики, ссылаясь на Инструкцию о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов² (далее – Инструкция), утверждают, что в Вооруженных Силах Российской Федерации существуют дознаватели, которых командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения и гарнизона уполномочивает своим письменным приказом из числа наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных офицеров осуществлять процессуальные полномочия органа дознания, назначая их дознавателями, которые, являясь должностными лицами органа дознания, обладают процессуальными полномочиями, предусмотренными УПК (статья 3).

Однако в соответствии с пунктом 7 статьи 5 УПК дознаватель – это прежде всего должностное лицо органа дознания. В ВС РФ к таковым, как уже было отмечено выше, относятся начальники органов военной полиции, командиры воинских частей, соединений,

¹ Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 25 марта 2015 г. № 161 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2015. № 13. Ст. 1909.

² Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов [Электронный ресурс] : приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2014 г. № 150 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.09.2025).

начальники военных учреждений и гарнизонов. Увеличить численность органа дознания в ВС РФ не вправе ни прокурор, ни командир воинской части, ни кто иной, а соответственно, полномочия дознавателя в ВС РФ могут выполнять только указанные руководители.

В условиях специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территории Украины (далее – СВО) и военного положения на отдельных территориях Российской Федерации нагрузка на военные следственные органы СК России кратно возросла. При подведении итогов за 2024 год Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин сообщил, что с 2014 года возглавляемым им ведомством возбуждено более 6500 уголовных дел против представителей враждебных структур. Проводится активная работа по привлечению к ответственности наемников, участвующих в конфликте на стороне киевской власти. В отношении 871 такого лица вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых, из них объявлены в международный розыск 652 человека. В отношении 86 иностранных боевиков расследование завершено, уголовные дела переданы в суд. Кроме того, установлен рост обращений от военнослужащих с 6800 до 18500 случаев в год. Восстановлены права более 82 тысяч граждан [6].

В зоне СВО работают следователи военных следственных органов, которые фиксируют преступления и против мирных жителей. Указом Президента Российской Федерации¹ численность военных следственных органов СК России была увеличена до 2698 единиц, из которых военнослужащих в количестве 2247 (до изменений численность следователей военных следственных органов СК России составляла 2132). Однако с учетом присоединения путем проведения референдума новых регионов к территории Российской Федерации такое увеличение закономерно. Вместе с тем кратное увеличение нагрузочных показателей на следователей военных следственных органов СК России может повлечь нарушение принципов уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел, таких как законность и разумные сроки. Как следствие будут нарушаться права участников уголовного процесса, не говоря уже о самих следователях, чей рабочий день превращается в бесконечный.

Вместе с тем нужно быть прагматичными при формулировании предложений о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в условиях военного положения, так как на поддержание боеспособности армии требуются материальные ресурсы и принятие решения о дополнительном увеличении штатной численности следователей военных следственных органов при таких обстоятельствах маловероятно.

Как уже отмечалось, в 2014 году в состав Вооруженных Сил Российской Федерации вошла военная полиция и согласно приказу Министра обороны Российской Федерации от 31.01.2015 № 50¹ начальники органов военной полиции имеют приоритетное право реализации полномочий органа дознания по сообщениям о преступлении и уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и лицами гражданского персонала перед другими должностными лицами ВС РФ, отнесенными к органу дознания (пп. б п. 5) [7].

Ученые-процессуалисты, анализируя компетенции органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, даже в условиях военного положения предлагают принятие соответствующих федеральных законов, направленных на более детальную проработку уголовно-процессуальных полномочий данного участника уголовного судопроизводства [8].

Анализ практической деятельности военной полиции ВС РФ свидетельствует о том, что в отдельных военных округах должностные лица отделений дознания, дисциплинарной и административной практики (что не одно и то же с отделениями дознания в контексте уголовно-процессуальной деятельности) осуществляют полномочия дознавателей на основе вышеупомянутой Инструкции. Юридическую оценку этим действиям мы давать не будем, просто отметим, что фактически подразделения военной полиции ВС РФ уже осуществляют процессуальную деятельность в той или иной степени и внесение в УПК изменений в части касающейся отнесения к органу дознания ВС РФ не только начальника военной полиции ВС РФ, но и отдельных должностных лиц (например, указанного отделения дознания, дисциплинарной и административной практики) и наделение их в исключительных случаях (в частности, в период военного положения или по письменному указанию прокурора) полномочиями по производству дознания в отношении военнослужащих, могло бы разрешить спорные вопросы относительно процессуального статуса органов дознания ВС РФ, а также обеспечить в особые периоды, такие как военное положение, законность при производстве по уголовным делам в отношении военнослужащих.

¹ Об организации процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Министра обороны Рос. Федерации от 31 января 2015 г. № 50 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

Список литературы:

1. *Качалов В.И.* Виды органов дознания в современном уголовном судопроизводстве // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 5.
2. *Ермолович Я.Н.* Проблемы правового регулирования деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах Российской Федерации. 2021. № 3.
3. *Сазонова И. Г.* О необходимости реформирования органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации // «Кибер-Ленинка». 2024. 26 сент. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-reformirovaniya-organov-doznaniya-v-vooruzhennyh-silah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.09.2025).
4. *Никонович С. Л.* О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, подлежащего применению в период военного времени / С.Л. Никонович, Е.Ю. Стефанова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239).
5. *Минтягов С.А.* Особенности правового статуса военнослужащих военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 1 (318).
6. *Бастрыкин А.И.* Отвечая вызовам нового времени: итоги работы Следственного комитета России за 2024 год // Записки следователя. 2025. № 1.
7. *Зорин О. Л., Бакович М.Н.* Некоторые проблемные вопросы в сфере правового регулирования производства дознания, проведения разбирательства и административного расследования в военных организациях // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10.
8. *Михайлов В. А.* О статусе органов дознания и следственных органов / В.А. Михайлов, Э.Ф. Побегайло, И.Г. Цопанова // Публичное и частное право. 2019. № 1 (41).

Бекишева Меруерт Оралбековна,
магистр национальной безопасности,
докторант Академии правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
e-mail: mika.bekisheva@mail.ru

Зарубежный опыт виктимологической характеристики преступности против несовершеннолетних и возможности его адаптации в Республике Казахстан

Аннотация

Актуальность настоящей статьи обусловлена недостаточным уровнем рассматриваемых вопросов в исследуемом направлении. В статье рассматривается значение виктимологической характеристики насильственной преступности против несовершеннолетних как ключевого инструмента современной криминологической политики на основе анализа передового зарубежного опыта. Исследуются методология проведения национальных виктимологических обследований, структура виктимологической характеристики и ее практическое применение для разработки целевых профилактических мер. Статья посвящена анализу потенциала адаптации элементов данной модели в Республике Казахстан с учетом действующего законодательства и данных официальной статистики. На основе сравнительно-правового и статистического методов автор приходит к выводу о необходимости развития собственной системы виктимологического мониторинга для преодоления латентности преступности, совершенствования профилактики и приведения казахстанской практики в соответствие с международными стандартами, ориентированными на защиту несовершеннолетних жертв преступлений. Особое внимание уделено вопросам, связанным с виктимизацией уязвимых групп населения.

Ключевые слова: *виктимология; латентная преступность; виктимологическая характеристика несовершеннолетних; национальное виктимологическое обследование; уголовная статистика; виктимология зарубежных стран; защита жертв.*

Виктимность несовершеннолетних является комплексным показателем виктимологической обстановки в стране, который очень четко реагирует на состояние виктимности общества. Рост виктимности несовершеннолетних свидетельствует о неблагоприятных виктимогенных социальных процессах, происходящих

в обществе [1]. Проблемой изучения личности несовершеннолетних жертв занимается ряд наук: социология, криминология, уголовное право и др. Исследованием теоретических и практических аспектов поведения несовершеннолетней жертвы занимаются как казахстанские, так и зарубежные ученые-криминологи [2; 3; 4], все они приходят к выводу о существенном влиянии личностных и возрастных характеристик детей и подростков на механизм совершаемого против них деяния.

Например, российский криминолог В.И. Полубинский приходит к выводу, что «при определении виктимизации конкретного несовершеннолетнего речь должна идти не о его повышенной способности стать жертвой, а только о той, которая непосредственно связана с какими-либо личностными характеристиками и поведением жертвы или его специфически ми (иногда родственными) отношениями с преступником» [2, с. 64].

В данном контексте российский ученый Г. Шнайдер приводит высказывание относительно участия жертвы в инициировании и осуществлении проступка: «Преступление – это индивидуальное психопатологическое явление, жертву преступления не следует рассматривать как пассивный объект, поскольку он является активным субъектом криминализации» [3, с. 147].

По мнению другого криминолога Л.В. Франка, что «основное количество преступников и жертв преступлений среди несовершеннолетних – это подростки». В подростковый период (особенно на его пике – в 13-15 лет) ребенку «приходится решать ряд сложных проблем, связанных с биологическими процессами взросления, нравственным формированием своей личности, желанием избавиться от оценки взрослых, выбором карьеры, отношениями со сверстниками того же и противоположного пола» [4, с. 140].

Ученые справедливо подчеркивают, что виктимность несовершеннолетних нельзя рассматривать как врожденную или неизбежную – она проявляется только при сочетании социальных условий и личностно-поведенческих особенностей ребенка.

Так, с Г. Шнайдером автор согласен лишь в части того, что жертва не всегда пассивна, однако в отношении детей этот тезис применим ограниченно: их «активность» во многом продиктована психологической незрелостью, а значит, ответственность не может рассматриваться наравне со взрослой жертвой.

Не претендуя на бесспорность высказываемых Франком положений, он прав в указании на критический возраст 13–15 лет как наиболее уязвимый. Этот вывод подтверждается и данными современной криминологии.

Тем самым, автор разделяет общий подход ученых, так как виктимность несовершеннолетних действительно связана с личностными особенностями подростков, но в первую очередь она отражает неблагоприятные социальные процессы. Поэтому исследование этой проблемы должно строиться так, чтобы исключить перекалывание вины на самих детей.

Значительный научный и практический интерес для Казахстана, проводящего модернизацию правоохранительной системы, представляет изучение зарубежного опыта в данной сфере. Так, изучая зарубежный опыт как стран СНГ, так и дальнего зарубежья и научную литературу о последствиях виктимизации, вытекающий из теоретической концепции, основанной на концепции травматического стресса (Finkelhor, 1988). Автор указывает на то обстоятельство, что самые ранние исследования в этой области начинались с наблюдений за жертвами изнасилования, которые испытывали множество немедленных и долгосрочных трудностей (Burgess & Holmstrom, 1975). Прототипом травматической виктимизации в этой литературе было пугающее, непредсказуемое событие, подобное изнасилованию незнакомцем, произошедшее в остальном безопасном и спокойном человеком.

С тех пор в литературе, посвященной виктимизации в детстве, рисуется гораздо более сложная картина, показывающая, что многие случаи детской виктимизации не являются единичными травмирующими событиями, а являются частью системы постоянных или множественных виктимизаций (Clausen & Crittenden, 1991). Дети, ранее подвергавшиеся виктимизации, особенно те, кто подвергся жестокому обращению или насилию в семье, также, по-видимому, подвержены большему риску повторной виктимизации (Duncan, 1999a, Duncan, 1999b).

Структура виктимологической характеристики в зарубежных исследованиях [4, С. 91] включает:

- социально-демографический портрет жертв (*возраст, пол, социально-экономический статус, принадлежность к меньшинствам*);
- поведенческие паттерны, связанные с риском виктимизации (*теория «образа жизни»*);
- характер взаимоотношений «жертва-преступник», что особенно важно для анализа семейно-бытового насилия;
- географическую и временную привязку для выявления «горячих точек» (*crime hot spots*).

Полагаем, что указанную структуру виктимологической характеристики целесообразно применить к виктимологическим исследова-

дованиям, проводимым в Республике Казахстан. При этом, под виктимологическим исследованием автор понимает, исследование предрасположенности индивида в силу различных причин и обстоятельств становиться жертвой уголовного правонарушения.

Исследуя состояние виктимологической статистики и правовые основы в Республике Казахстан, автор отмечает, что основным источником данных о жертвах преступлений остается официальная статистика органов правовой статистики. Согласно данным Комитета по правовой статистике Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан, в 2024 году жертвами преступлений стали 147 465 человек [5]. Однако эти данные отражают только зарегистрированные случаи.

Правовой основой для развития виктимологического подхода выступают:

– Уголовный кодекс Республики Казахстан, где обстоятельства, связанные с характеристикой жертвы (беспомощное состояние, малолетство и т.д.), признаются квалифицирующими признаками многих составов преступлений.

– Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия» (от 4 декабря 2009 года), который акцентирует внимание на защите потерпевших.

– Концепция правовой политики Республики Казахстан на 2023-2030 годы, предусматривающая усиление защиты прав граждан, пострадавших от преступлений.

Проводимые отдельно некоторые исследования носят фрагментарный характер и не в полной мере позволяют сформировать репрезентативную общенациональную картину.

Решение проблемы видится в комплексной унификации зарубежного опыта, которая должна опираться на адаптацию эффективных моделей правового регулирования, внедрение современных организационно-процессуальных механизмов, активное использование цифровых технологий и развитие кадрового потенциала.

Для реализации вышеуказанных механизмов автор предлагает следующие направления:

1. *Разработка и внедрение Казахстанского национального виктимологического обследования*, которое заключается в получении полной и объективной картины о преступности, «взгляд со стороны жертвы», который позволяет более эффективно бороться с этим социальным злом. В России аналогом в определенной степени является «Обследование населения по проблемам виктимизации», которое периодически проводит Росстат, однако оно не является таким же регулярным и масштабным, как NCVS в США. Это потребует методологической поддержки со стороны Бюро национальной ста-

тики Агентства по стратегическому планированию и реформам РК и сотрудничества с научно-исследовательскими институтами. Опрос должен быть репрезентативным для всех регионов страны.

2. *Создание виктимологических паспортов территорий.* На основе данных КНВО и официальной статистики можно формировать детальные характеристики, выделяя группы населения и территории с повышенным риском виктимизации. Это позволит реализовывать принцип целевой профилактики.

3. *Совершенствование законодательства.* Полученные данные могут стать основой для инициатив по криминализации отдельных видов деяний (например, усиление ответственности за stalking, кибербуллинг), развитию институтов реституционного правосудия и системы защиты свидетелей и потерпевших, что соответствует духу Послания Главы государства о построении Справедливого Казахстана. При этом передовой зарубежный опыт демонстрирует, что виктимологическая характеристика, основанная на данных национальных обследований, является незаменимым инструментом для адекватной оценки состояния преступности и разработки эффективной, адресной профилактической политики. Для Республики Казахстан внедрение элементов данной модели является необходимой для:

- преодоления разрыва между официальной статистикой и реальным уровнем виктимизации населения;
- приведения казахстанской практики в соответствие с международными стандартами в области защиты прав жертв преступлений.

Первым практическим шагом должна стать разработка пилотного проекта национального виктимологического обследования преступности против несовершеннолетних в крупных городах (Астана, Алматы, Шымкент) с последующей его масштабизацией на всю территорию страны.

Список литературы:

1. *Шестаков Д.А.* Семейная криминология: криминофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003.
2. *Полубинский В.И.* Криминальная виктимология : монография. Москва : Всероссийский научно-исследовательский ин-т, 2008. 208 с .
3. *Шнайдер Г.Й.* Криминология / пер. с нем. Ю.А. Неподаева. Москва : Прогресс: Универс, 1994. 502 с.
4. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977. 237 с.

5. Hentig Hans von. Criminal and His Victim: Studies In the Sociobiology of Crime. New Haven: Yale University Press, 1948. 461 p.
8. Talan V. M., Dunin N.O. Conceptions of self-defense in the criminal law of the Russia and the United States // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, no. 6. P. 652–656. DOI: <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7697>.
6. Поливиктимизация – игнорируемый компонент детской виктимизации // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0145213406003346> (дата обращения: 30.09.2025).
7. *Lynch J. P., & Addington A. A.* (2021). Understanding Crime Incidence Statistics: The Role of Victim Surveys. Cambridge University Press.
8. Office for National Statistics (2023). Crime Survey for England and Wales: Annual Report. ONS.
9. *Walklate S.* (2019). Gender, Crime and Criminal Justice. Routledge.
10. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры РК (2024 г.). О состоянии правопорядка в Республике Казахстан за 2024 год : статистический сборник. Астана.
11. О профилактике бытового насилия : Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214_ (дата обращения: 29.09.2025).
12. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан на 2023–2030 годы : Указ Президента Республики Казахстан от 30 сентября 2022 г. № 1117 // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 29.09.2025).

Белоусова Елена Владиславовна,
*преподаватель специальных дисциплин
Государственного профессионального
образовательного учреждения Тульской области
Тульского государственного технологического колледжа
e-mail: bella_belkina@mail.ru*

Казакова Елизавета Евгеньевна,
*студентка 2-го курса
Государственного профессионального
образовательного учреждения Тульской области
Тульского государственного технологического колледжа
e-mail: kazakovaelizaveta999@gmail.com*

Реализация государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности

Аннотация

Цель написания статьи – рассмотрение и изучение проблем реализации государственной политики в сфере судебной экспертной деятельности в Российской Федерации, формирования механизмов ее успешной реализации и решения задач, стоящих перед государством, направленных на обеспечение качественной экспертной помощи в процессе уголовного и гражданского судопроизводства. Были изучены современное состояние нормативной правовой базы, которая регулирует судебную экспертную деятельность, а также проблемы кадрового потенциала, технического оснащения, материального обеспечения судебных экспертных учреждений в системе МВД России. В результате проведенного анализа полученных данных нами были предложены возможные практические рекомендации по преодолению изученных и выявленных трудностей, встречаемых в судебной экспертной деятельности.

Ключевые слова: *судебно-экспертная деятельность; государственная политика; уголовное право; криминалистика; образовательный процесс; правоохранительные органы.*

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что часто от экспертного заключения зависит весь процесс судопроизводства. В рамках современности растет уровень квалификационных требований, предъявляемых к судебным экспертам. Мы предполагаем, что это связано с активным ростом научно-технического прогресса

в нашей стране и, как следствие, возрастанием совершения отдельных видов преступлений.

Кроме того, на протяжении длительного времени рассматривается вопрос о введении унифицированного (единого) законодательства для всех ведомственных судебных экспертных учреждений.

Основные требования к проведению судебных исследований были сформулированы еще в XIX веке. С тех пор судебная экспертиза претерпела значительные изменения и существенное развитие как в научно-методической, так и в технической составляющей [2, с. 1].

Следует отметить, что сегодня в нашей стране функционирует значительное количество государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций. Это связано с тем, что применение специальных знаний имеет широкую востребованность практически во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем существуют и серьезные проблемы, решение которых возможно только при едином комплексном подходе и реализации единой государственной политики в сфере экспертной деятельности.

Стоит обратить внимание, что основным нормативным правовым актом, определяющим правовую основу, принципы организации и основные направления государственной судебно-экспертной деятельности на территории Российской Федерации, остается Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (далее №73-ФЗ) [1, с. 3-5].

Внимания заслуживает тот факт, что при рассмотрении нормативно-правового регулирования судебно-экспертной деятельности, большинство законодательных актов направлено на координацию, стабилизацию деятельности государственных судебно-экспертных учреждений. Так, 16.11.2021 было опубликовано распоряжение Правительства Российской Федерации №3214-р «Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», в котором в соответствии со **статьей 41** №73-ФЗ утверждается перечень видов судебных экспертиз, проводимых только государственными судебно-экспертными учреждениями [4, с. 318].

Следует отметить, что наряду с государственными судебными экспертными организациями активно осуществляют свою деятельность и негосударственные специалисты в изучаемой области, которые проявляют заинтересованность к желаниям заказчика (инициатора) проведения судебной экспертизы.

Таким образом, изложенный факт позволяет предположить, что деятельность негосударственных экспертных организаций подрыв-

вает основы квалифицированной экспертной деятельности ведомственных учреждений. Это дает основание полагать, что необходим глубокий, продуманный и взвешенный подход к реформированию системы нормативно-правового регулирования в области судебной экспертной деятельности.

На наш взгляд, следует рассмотреть и четко указать в №73-ФЗ, либо ином нормативном правовом акте, правовой статус негосударственных, т.е. частных экспертов, обозначить их права и обязанности, а также ответственность за дачу экспертного заключения. Кроме того, на наш взгляд, для частных экспертов, также необходимо четкое рассмотрение механизма получения допуска к исследованиям разных материальных объектов и следов.

Нельзя не согласиться с Александром Третьяковым, ректором Института судебных экспертиз и криминалистики: «Очень важно решить такие вопросы:

- введение стандартов для экспертной деятельности (для части экспертиз они уже приняты);
- внедрение научно обоснованных методик;
- единообразие в классификации видов экспертиз;
- создание реестра экспертов;
- утверждение критериев оценки квалификации экспертов» [3].

Исходя из вышесказанного, возможно сделать вывод о том, что изменения и дополнения к Федеральному закону №73-ФЗ должны быть проведены в сотрудничестве со всеми заинтересованными лицами, подразделениями: министерствами, судами, представителями адвокатских сообществ, специалистами в области гражданского и уголовного права, судебными экспертными организациями. Только при тесном контактировании всех заинтересованных сторон можно создать современную, качественную организационную систему, которая будет отвечать научным и техническим целям и задачам, а также значительно повысит уровень выполнения судебных экспертиз и исследований на новую, более высокую ступень.

Кроме нормативного правового регулирования государственной судебной экспертной деятельности, к числу составляющих государственной политики в изучаемой сфере, относится научное понимание и обобщение практического опыта судебных экспертов.

Авторы считают, что генерализация практического экспертного опыта является методическим процессом, который позволит изучать схожие экспертные случаи, выявлять проблемные вопросы при проведении различных видов экспертиз, и на основе этого, дополнять уже имеющиеся методические разработки в исследуемой сфере.

Обобщенные экспертные знания позволяют расширить и увеличить разработку методических рекомендаций, что, несомненно, положительно отразится на полученных исследовательских выводах судебных экспертов.

Соответственно, теория судебной экспертизы собирает материалы, занимается их изучением, предлагает пути совершенствования, улучшая механизм применения специализированных экспертных знаний.

Хочется отметить, что несмотря на высокий уровень развития судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, существует ряд вопросов, требующих глубокого анализа.

1. Сложности межведомственного взаимодействия при назначении, проведении и использовании результатов судебных экспертиз и исследований, заключаются не только в проведении комплексных и комиссионных исследований. Здесь просматривается отсутствие взаимосвязанности между различными государственными ведомствами при рассмотрении задач уголовного и гражданского судопроизводства. Данный факт влечет за собой невозможность принятия наиболее быстрого и точного решения должностными лицами в уголовном и гражданском судопроизводстве.

2. Недостаточная техническая оснащенность, а также острый дефицит высококвалифицированных кадров в государственных судебно-экспертных организациях. Сегодня данная проблема особенно актуальна для субъектов Российской Федерации.

Зачастую технико-криминалистические средства не соответствуют современным научным и техническим требованиям. Не хватает производительности систем для ведения различных видов учетов. Для решения этой проблемы на государственном уровне был разработан Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025», который стандартизирует использование технических средств и методов исследования независимо от судебно-экспертного учреждения.

Подводя итог вышесказанному, хочется обратить внимание на то, что эффективный поиск путей решения проанализированных проблемных вопросов зависит от полного взаимодействия государственных ведомств и соблюдения единого государственного подхода в области судебно-экспертной деятельности.

Государственная политика в сфере судебно-экспертной деятельности должна быть реализована в законодательном и научно-методическом комплексном подходе в судебно-экспертной деятельности Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Абдуллин Р. Р.* О проблемах и перспективах развития негосударственных судебно-экспертных организациях в России // «КиберЛенинка». 2023.
2. *Россинская Е. Р.* Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М. : Проспект, 2019. 318 с.
3. *Аристеев М. С.* Государственная политика в сфере судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве // «КиберЛенинка». Вестник Российской таможенной академии. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/viewer> (дата обращения: 18.09.2025).
4. *Владимиров В. Ю.* Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // «КиберЛенинка». 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sudebno-ekspertnoy-deyatelnostiv-rossiyskoy-federatsii?ysclid=mhknxb9n142200734> (дата обращения: 18.09.2025).
5. *Третьяков А. Г.* Судебно-экспертная деятельность: как ее реформируют // Электронный журнал «Право.ru». 2023. URL: <https://pravo.ru/story/244597/> (дата обращения: 18.09.2025).

Голикова Виктория Владимировна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: golikova_v.v@mail.ru*

Информационное обеспечение судебной налоговой экспертизы: комплексный подход

Аннотация

Настоящая статья посвящена определению информационного обеспечения судебной налоговой экспертизы. Подчеркивается, что успешное проведение данного рода экспертизы требует от эксперта глубокого понимания налогового законодательства. В процессе исследования эксперт опирается на нормативные акты и разъяснения государственных органов не с целью их правовой оценки, а для решения конкретных задач, связанных с правильностью применения налогового законодательства при исчислении и уплате налогов в бюджет. В статье отмечается, что информационное обеспечение судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогам представляет собой комплексную и постоянно развивающуюся систему. Качество и эффективность судебной налоговой экспертизы напрямую зависит от умения эксперта ориентироваться в этом информационном массиве, правильно оценивать полученные данные, основываясь на совокупности нормативных актов, правоприменительной практики и научной литературы. Только такой всесторонний подход к информационному обеспечению гарантирует обоснованность и достоверность заключения эксперта.

Ключевые слова: *судебная экспертиза; судебная налоговая экспертиза; информационное обеспечение; налог; судебная экспертология; специальные знания.*

Судебная налоговая экспертиза – это исследование первичных учетных документов, используемых при определении элементов налогообложения, регистров учета и отчетности, основанное на использовании специальных знаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства и направленное на установление правильности исчисления и полноты уплаты налогов, сборов и страховых взносов, а также выявление нарушений от требований налогового законодательства [1, с. 17-18].

Судебная налоговая экспертиза требует от эксперта глубоких специальных знаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства, то есть требует умения пользоваться обширным массивом информации в области налогообложения. Правильно подобранное информационное обеспечение является неотъемлемой частью алгоритма производства судебной налоговой экспертизы, позволяя обеспечить объективность, всесторонность и полноту исследований.

Информационную базу, используемую при производстве судебной налоговой экспертизы, усматривается структурировать по следующим категориям [2, с. 199]:

1. *Нормативные акты и документы, регламентирующие деятельность эксперта*: к ним относятся Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», процессуальные кодексы, уголовный кодекс, инструкции и приказы, изданные Министерством юстиции РФ, Министерством внутренних дел РФ, Следственного комитета России, определяющие порядок проведения судебных экспертиз, права и обязанности эксперта.

2. *Нормативные акты, судебная и правоприменительная практика, регламентирующие порядок исчисления и уплаты налогов в бюджет*: эта категория включает в себя Налоговый кодекс РФ, федеральные законы, постановления Правительства РФ, а также судебную практику и разъяснения уполномоченных органов, регулирующие порядок ведения бухгалтерского учета и исчисления налогов.

3. *Методические материалы*: сюда входят методические рекомендации, справочная литература, научные статьи и другие источники, содержащие информацию о методах и приемах проведения судебной налоговой экспертизы.

Особое внимание следует уделить роли судебной и правоприменительной практики в формировании информационной базы. Разъяснения Министерства финансов РФ и Федеральной налоговой службы РФ, а также решения судов различных инстанций, являются важными источниками информации, позволяющими правильно интерпретировать и применять нормы налогового законодательства при производстве судебной налоговой экспертизы.

Несмотря на то, что разъяснения уполномоченных органов не являются нормативными актами, они играют значительную роль в правоприменительной практике. Они позволяют истолковать применение норм Налогового кодекса РФ и избежать

ошибок при определении налоговой базы по налогу. Эксперт, проводящий экспертизу, должен учитывать эти разъяснения при производстве судебной налоговой экспертизы, поскольку они фактически определяют порядок применения налогового законодательства на практике. Письменные разъяснения Министерства финансов Российской Федерации по вопросам применения налогового законодательства, согласно пункту 1 статьи 34.2 Налогового кодекса РФ, носят обязательный характер для налоговых органов. Это обусловлено тем, что налоговые органы, в соответствии с подпунктом 5 пункта 1 статьи 32 НК РФ, обязаны руководствоваться такими разъяснениями при исполнении своих полномочий¹. Аналогичную роль играют и разъяснения Федеральной налоговой службы России. Таким образом, приказы и письма указанных ведомств являются неотъемлемой частью информационного поля, в рамках которого осуществляется налоговый контроль и, соответственно, судебная налоговая экспертиза.

Вполне логично, что для единообразия применения норм налогового кодекса необходимы пояснения компетентных госорганов. Приведем пример некоторых из актуальных разъяснений ФНС нацеленных на правильность определения налоговой базы по налогу: Письмо ФНС № БС-4-21/14532@ от 17.11.2023 «О применении федеральных стандартов бухгалтерского учета в целях определения налоговой базы по налогу на имущество организаций (в части обоснованности обесценения)», Письмо ФНС от 14 августа 2024 г. № СД-4-21/9306@ «О применении особенностей определения налоговой базы по земельному налогу для налогового периода 2023 года в случае изменения характеристик земельного участка», Письмо ФНС России от 23.03.2018 N СД-4-3/5412@ «О документальном подтверждении расходов по налогу на прибыль организаций» и другие. Ответы на эти вопросы нужны не только налогоплательщику, но и судебному эксперту. Ведь эксперт, проверяя правильность формирования налоговой базы, должен руководствоваться достаточным перечнем информации.

Так вопрос юридической силы разъяснений рассматривался Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, по его мнению, «...разрешение вопроса о том, носит ли тот или иной акт органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица нормативный характер, должно производиться независимо от его формы и других

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ.

условий, например, государственной регистрации, опубликования в официальном издании. Суд должен выяснить, рассчитан ли оспариваемый акт на многократное применение, затрагивает ли он права налогоплательщиков, соответствует ли актам законодательства о налогах и сборах»¹.

Конституционным Судом Российской Федерации был рассмотрен вопрос юридической силы разъяснений ФНС, обязательных для применения налоговыми органами. Суд указал, что «обязательность содержащихся в них разъяснений для налогоплательщиков нормативно не закреплена. Вместе с тем - поскольку в силу принципа ведомственной субординации территориальные налоговые органы обязаны в правоотношениях с налогоплательщиками руководствоваться исходящими от Федеральной налоговой службы разъяснениями норм налогового законодательства – такие акты опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов, приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков»².

Если продолжать логическую цепочку, которая указана в позиции Конституционного Суда Российской Федерации, то получается, что и разъяснения Минфина Российской Федерации по своей сути приобретают обязательный характер для налогоплательщиков, так как согласно пункту 1 статьи 34.2 НК РФ Минфин России дает письменные разъяснения налоговым органам по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, а на основании подпункта 5 пункта 1 статьи 32 НК РФ налоговые органы обязаны руководствоваться письменными разъяснениями Минфина России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Таким образом, логическая цепочка, выстроенная Конституционным Судом Российской Федерации, позволяет утверждать,

¹ Об оставлении без изменения определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.04.2006 N 10539/04, которым было прекращено производство по заявлению о признании недействующим абзаца седьмого письма Министерства финансов Российской Федерации от 10.06.2004 N 03-02-05/2/35 «О налоговом учете лизинговых операций»: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 19 сентября 2006 г. № 13322/04.

² По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П.

что разъяснения Министерства финансов Российской Федерации, направленные на обеспечение единообразного применения налогового законодательства, приобретают, по сути, обязательный характер для налогоплательщиков. Это обусловлено тем, что налоговые органы, руководствуясь этими разъяснениями при взаимодействии с налогоплательщиками, фактически транслируют их в правоприменительную практику. Эксперт, проводящий судебную налоговую экспертизу, не может игнорировать этот аспект, поскольку его задача – определить правильность исчисления и уплаты налогов в бюджет в контексте действующего налогового законодательства и сложившейся практики его применения.

Важно отметить, что противоречия между разъяснениями различных органов, а также между разъяснениями и судебной практикой, могут усложнить производство судебной налоговой экспертизы. В таких ситуациях эксперт должен провести тщательный анализ всех имеющихся источников, выявить наиболее актуальные, авторитетные и последовательные позиции, а также обосновать свой выбор в заключении. Например, если разъяснение Минфина Российской Федерации противоречит сложившейся судебной практике, эксперт должен проанализировать, на чем основано такое противоречие, и какой из источников имеет большую юридическую силу в конкретной ситуации. В большинстве случаев, решения высших судебных инстанций, а также постановления пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (до его упразднения), имеют приоритет над ведомственными разъяснениями.

Например, вопросы, касающиеся порядка учета доходов или расходов при исчислении налога на прибыль, часто находят отражение в решениях судов различных инстанций [5, с. 221]. Важно отметить, что в случае расхождения между разъяснениями Минфина России (или рекомендациями ФНС России) и актами высших судебных инстанций (Высшего Арбитражного Суда РФ, а ныне Верховного Суда РФ), налоговые органы обязаны руководствоваться именно судебными решениями. Это подчеркивает значимость судебной практики как источника информации для эксперта¹.

¹ См.: Определение от 18 декабря 2018 г. № 307-КГ18-15605; Определение от 17 декабря 2018 г. № 308-КГ18-21056; Определение от 15 марта 2018 г. № 306-КГ18-594; Определение от 23 декабря 2021 г. № 307-ЭС21-24536.

Некоторые могут возразить, что анализ судебной и правоприменительной практики выходит за рамки компетенции эксперта. Однако, как справедливо отмечает Е.Р. Россинская, в условиях динамично развивающегося и порой противоречивого законодательства, знание тонкостей правоприменения становится критически важным для полного, объективного и всестороннего установления истины [4, с. 234].

Верным, на наш взгляд, является мнение, высказанное И.Л. Петрухиным, который отметил, что если специальные правила являются одновременно и правовыми, то эксперт не может прийти к заключению, не указав эти нормы, не разъяснив их смысл, не применив их для анализа обстоятельств уголовного дела, относящегося к предмету экспертизы [3, с. 125].

Следует подчеркнуть, что судебная налоговая экспертиза опирается не только на глубокие знания налогового законодательства, но и на теоретические знания и практические навыки бухгалтерского и налогового учета. Эти две области знаний тесно взаимосвязаны и составляют основу специальных знаний эксперта в данной области. Эксперт использует указанные акты и письма органов государственной власти не для оценки их соответствия законодательству, а для решения конкретных задач, связанных с правильностью применения налогового законодательства налогоплательщиком при исчислении налогов, а также отражения в бухгалтерском и налоговом учете хозяйственных операций.

Кроме того, информационное обеспечение судебной налоговой экспертизы включает в себя и специализированную литературу, научные публикации, а также материалы конференций. Эти источники могут содержать новые подходы к толкованию норм, анализ сложных налоговых ситуаций при производстве судебной налоговой экспертизы и рекомендации по их разрешению. Они помогают эксперту оставаться в курсе последних изменений в налогообложении и судебно-экспертной практике, а также формировать собственное профессиональное экспертное мнение.

Таким образом, информационное обеспечение судебной налоговой экспертизы представляет собой динамичную и многоуровневую систему. Успешное проведение судебной налоговой экспертизы напрямую зависит от способности эксперта ориентироваться в этом информационном массиве, правильно оценивать полученные данные и формулировать обоснованные выводы, опираясь на совокупность нормативных актов, правоприменительной практики и методической литературы. Только при таком

комплексном подходе к информационному обеспечению эксперт может обеспечить обоснованность и достоверность сделанных выводов.

Список литературы:

1. *Голикова В.В.* Судебная налоговая экспертиза : учебник. Москва : Издательство Проспект, 2025. 208 с.

2. *Голикова В.В.* Методическое обеспечение судебной налоговой экспертизы расчетов с бюджетом по налогу на прибыль // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина. К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста : сборник научно-практической конференции (Москва, 22–23 ноября 2017 г.).

3. *Петрухин И.Л.* Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. // Цит. по: Федорова А. Н. Допустимость судебно-правовых экспертиз в уголовном судопроизводстве.

4. *Россинская Е.Р.* Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы. М. : Изд-во МГЮА, 2006. Т. 2.

5. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений : научно-практическое пособие / отв. ред. М.В. Жижина. Москва : Проспект, 2021. 264 с.

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон,
*доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии МВД Республики
Таджикистан по науке
e-mail: reefat@yandex.ru*

Профессор В. А. Михайлов как наставник-консультант, который смог изменить стереотипы учеников

Аннотация

В данной статье автор вспоминает первую встречу, а также последующее научно-творческое сотрудничество со своим будущим научным консультантом – доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Михайловым Виктором Александровичем еще при очном обучении на факультете подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России в качестве адъюнкта. Первая встреча изменила представление и преодолела в достаточной степени авторские стереотипы как при обучении, так и в процессе подготовки и защиты диссертационного исследования. Спустя годы автор в юбилейный год не только тепло и душевно поздравляет своего научного консультанта, но и осмеливается рассказать некоторые жизненные истории, советы и рекомендации, которыми профессор В. А. Михайлов охотно делился при каждой встрече.

***Ключевые слова:** профессор В. А. Михайлов; юбилей; наука; правоприменительная практика; учитель; наставник; подготовка кадров.*

14 ноября текущего года свое 90-летие отметил заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Виктор Александрович Михайлов. Профессор В. А. Михайлов родился 14 ноября 1935 г. на хуторе Манойлин Клетского района Сталинградской (ныне Волгоградской) области.

В 1962 г. с отличием окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. В 1968 г. начал служить в органах внутренних дел. Тогда же под научным руководством профессора В. Е. Чугунова защитил в Воронежском государственном университете кандидатскую диссертацию «Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе». В 1996 г. В. А. Михайлов успешно

защитил докторскую диссертацию «Меры пресечения в уголовном судопроизводстве».

С 1980 г. профессор В.А. Михайлов осуществлял научно-педагогическую деятельность в Академии МВД СССР – Академии МВД России – Академии управления МВД России вплоть до 1991 г. будучи доцентом кафедры организации расследования преступлений Академии МВД СССР, заместителем начальника данной кафедры, с 1991 г. по 1992 г. – исполняющим обязанности начальника кафедры уголовного процесса, криминалистики и организации расследования преступлений Академии МВД СССР – Академии МВД России и с 1992 г. по 2012 г. – профессором кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Профессор В.А. Михайлов является ярким представителем юридической науки. Его оригинальные идеи составляют концептуальную основу совершенствования уголовного судопроизводства, его теории и практики. Научный потенциал профессора В.А. Михайлова широко востребован и за пределами России.

Профессором В.А. Михайловым в течение свыше пятидесятилетней научной и педагогической деятельности внесен существенный вклад в отечественную юридическую науку и систему подготовки кадров для органов внутренних дел, таможенных органов, органов прокуратуры, органов расследования, юстиции и других правоохранительных органов, высших учебных заведений СССР, России и иных стран – участников СНГ.

Профессором В.А. Михайловым создана научная школа комплексного исследования проблем борьбы с преступностью в досудебном и судебном производстве по уголовным делам с позиций уголовно-процессуального и оперативно-розыскного права, криминалистики, судебной экспертизы, управления, процессуального контроля, прокурорского и судебного надзора, а также проблем профилактики преступлений и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Уважаемый наш юбиляр известен не только в России, но и далеко за ее пределами. Под научным руководством доктора юридических наук, профессора В.А. Михайлова защитили кандидатскую диссертацию 33 соискателя, 7 соискателей – докторскую диссертацию. Профессором В.А. Михайловым опубликовано свыше 500 научных и методических работ, в числе которых 18 монографий, 11 учебников, 27 учебных, методических, научно-практических пособий. Участвовал в работе научно-консультативного совета, созданного при Следственном комитете МВД России, и являлся экс-

пертом в совете комитета по безопасности Госдумы России – проводил экспертизу как проектов федеральных законов РФ, так и проектов постановлений Пленума Верховного Суда России. Удостоен ряда государственных и ведомственных наград [5].

Профессор В. А. Михайлов является главным редактором, составителем и председателем редакционного совета журнала «Публичное и частное право», который входит в перечень рецензируемых журналов. Он также избран действительным членом Академии педагогических и социальных наук (2009), Почетным профессором Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева (2006) и Почетным профессором Академии МВД Республики Таджикистан (2020).

Регалии и достижения нашего уважаемого юбиляра – Учителя, наставника, консультанта, руководителя можно продолжать и на нескольких страницах. Но ограничимся лишь несколькими фрагментами наших ярких воспоминаний, хотя таковых является абсолютное множество – встреч, телефонных звонков и даже электронной переписки посредством электронной почты. К сведению, для многих наших адъюнктов (из Таджикистана) электронная переписка с глубокоуважаемым профессором В. А. Михайловым была в те времена невероятным достижением, так как наш юбиляр в контексте соблюдения современного модного тренда «цифровой гигиены» всегда пользовался электронным обменом рукописей статей и других материалов, которые мы планировали опубликовать в журнале «Публичное и частное право». Аналогичных привычек, традиций и форматов общения со своими и другими учениками профессоров наш юбиляр всегда придерживался тактично, элегантно и всегда на серьезном уровне. Общение, а тем более руководство было всегда связано с мощнейшей подготовкой, так как на каждой встрече задавались вопросы по диссертации, изучению и разработке различных современных и традиционно устоявшихся вопросов науки и практики, передовому опыту. Предлагались в качестве возможного решения проблемных вопросов диссертационного исследования традиционно зарекомендованные и хорошо апробированные практикой научно-практические решения.

Юбилей нашего Учителя в кругу родных, близких, коллег, друзей и учеников стало заметным событием уходящего года. Организация и проведение в Академии управления МВД России (5 декабря 2025 г.) международной научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика», приуроченная к 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юри-

дических наук, профессора Виктора Александровича Михайлова, научные идеи которого оказали существенное влияние на современное состояние науки уголовного процесса и судебной экспертизы, является данью уважения. В реализации этой идеи, безусловно, наряду с руководством кафедры управления органами расследования преступлений, заметную роль сыграл всеми нами любимый и уважаемый Гаврилов Борис Яковлевич, который также является моим учителем, наставником, консультантом.

Рассуждая и вспоминая наших уважаемых учителей, наставников, руководителей и коллег Академии управления МВД России [6, с. 349–353; 7, с. 73–78; 9, с. 36–37; 10, с. 391–397; 11, с. 66–72], невольно, автоматически вспоминаются их наставления, советы, рекомендации. Понимающий ученик ценит эти советы, копирует их научно-исследовательские действия, видит в своем учителе свет, зажигающий его на дальнейшие действия. Побуждающими в начале научно-исследовательской деятельности является повсеместная поддержка учителя, научного руководителя (консультанта). Это особо чувствуется, так как является основой для дальнейших научных изысканий молодых ученых.

Начиная с нашего очного знакомства, т. е. с 2009 г., профессор В. А. Михайлов не только раскрыл, но и помог в реализации многих идей, инициатив, начинаний в сфере науки и образовательного процесса. Здесь же следует заострить внимание, что главной целью при оказании научно-методической помощи было ее предоставление профессорско-преподавательскому составу не только Академии МВД Республики Таджикистан, но и других вузов республики.

Вспоминаю, что серьезные советы, мудрые наставления, добрые намерения, повсеместная поддержка не только своих учеников, но и учеников с других кафедр стали визитной карточкой нашего юбиляра. Вместе с тем доброта и поддержка нашего Учителя переплетались с жесткой самодисциплиной в научно-исследовательской деятельности, отбором необходимой научной литературы и ее рекомендациями ученикам, а также их тщательное ознакомление с выпусками передовых научных журналов.

Непосредственное участие нашего Учителя на заседаниях кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России всегда волновало многих адъюнктов (очников и заочников), соискателей, докторантов кафедры, которым предстояло выступить с отчетом или научным сообщением по диссертации. Многие, в особенности адъюнкты и докторанты удивлялись разностороннему подходу и обоснованным рекомендациям нашего Учителя. Всегда эти советы, рекомендации или

предложения имели комплексный характер. Представители кафедры всегда признавали «жесткость» и «прямолинейность» нашего Учителя при обсуждении научных и иных вопросов на заседаниях кафедры. Этими и многими другими особенностями характера и нрава отличался наш Учитель. И до настоящего дня этот «культурный код» является особенностью Учителя.

Не могу не сказать несколько слов и о том, как посредством нашего первого общения у автора рассеялись многие сомнения относительно сложности выбранной темы кандидатской диссертации. После короткого разговора профессор В. А. Михайлов предложил свою помощь в форме консультирования по актуальным вопросам выбранной проблематики. Вкратце очертил некоторые контуры и предложил ознакомиться с «классикой уголовно-процессуальной науки». На каждой нашей встрече, которая диктовалась с использованием нужной научной литературы из личной библиотеки Учителя, автору предстояло пройти профессорскую вопросо-ответную стадию. Иногда удачно, а иногда и с треском я проходил эти стадии, за что и получал устно заслуженную оценку. Изучение нужной и необходимой научной литературы также исходило из требований другого нашего Учителя – Божьева Вячеслава Петровича, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного профессора Академии управления МВД России, академика РАЕН, почетного работника МВД России, который проводил для нас занятия по «Уголовному процессу». Общее замечание у профессора В. П. Божьева было одно – «слабая начитанность» адъюнктов – как очников, так и заочников. Старались с этим правильно поставленным общим диагнозом профессора В. П. Божьева бороться, но не всегда получалось идеально это делать. Молодость и влияние современных технологий также играли свою роль.

Каждая встреча и общение с профессорами, именитыми учеными, для меня – молодого адъюнкта – было жизненным уроком, бесценным опытом, руководством для дальнейшего пребывания в качестве адъюнкта, у которого был не только замечательный научный руководитель – Сергей Евгеньевич Егоров, кандидат юридических наук, доцент¹, который поверил, поддержал и принял меня,

¹ Пользуясь уникальной возможностью, также выражаю искренние слова признательности и благодарности своему научному руководителю, который не только помог при подготовке и написании диссертации, но и, несмотря на свою загруженность, – работая в должности заведующего отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве НИИ Университета Генеральной про-

но и уникальный профессор-консультант, который мог в любое время подсказать, подправить, направить, посмотреть и послушать авторскую позицию по тем или иным направлениям проблематики, выбранной в качестве темы для диссертационного исследования.

В таком тандеме, а также с мощнейшей поддержкой профессорско-преподавательского состава 9-й кафедры, где руководство кафедрой осуществлял многоуважаемый мой Учитель Б.Я. Гаврилов, подготовил и защитил кандидатскую диссертацию 10 октября 2013 г. в Диссертационном совете Д 203.002.01 при Академии управления МВД России на тему «Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан» по научной специальности 12.00.09 – Уголовный процесс.

После защиты взаимодействие между нами только усилилось, так как со стороны руководства Академии МВД Республики Таджикистан ставилась задача по подготовке и изданию учебника по уголовному процессу на двух языках (на государственном (таджикском), и на русском языке). Процесс предподготовки и согласования дальнейших действий по выполнению поручения руководства нашей академии шел довольно долго, поэтапно, скрупулезно, с особой осторожностью. Поручение руководства Академии МВД Республики Таджикистан сочеталось с нашими идеями и возможностями. Так получилось, что в процессе согласования содержания учебника, разбивки глав, выбора авторского коллектива успели подготовить и опубликовать коллективную монографию [1, 448 с.].

И, наконец, в конце 2016 г. учебник «Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан» [8, 456 с.] был подготовлен и издан. Учебник был подготовлен с учетом современного состояния системы законодательства Республики Таджикистан об уголовном судопроизводстве, науки уголовного процесса и потребностей практики. В нем были учтены положения Конституции Республики Таджикистан, соответствующих международно-правовых актов, законов Республики Таджикистан и ведомственных нормативных актов, касающихся уголовного судопроизводства. Данному учебнику был присвоен гриф Министерства образования и науки Республики

куратуры Российской Федерации и одновременного замещения должности заместителя начальника управления методико-аналитического обеспечения надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельностью, начальник отдела методико-аналитического обеспечения надзора за процессуальной деятельностью следственных органов и оперативно-розыскной деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации помогал, давал советы, вычитывал текст диссертации, щедро делился опытом и своими знаниями.

Таджикистан об использовании в качестве учебника для высших учебных заведений. Это было заметным достижением в Республике Таджикистан.

Применительно к науке и практике уголовного судопроизводства Таджикистана нашим Учителем были подготовлены и изданы ряд научных статей [2, с. 101–126; 3, с. 127–139; 4, с. 107–126], которыми активно сегодня пользуются молодые ученые, начинающие адъюнкты и соискатели.

Другим заметным нашим достижением стала защита моей докторской диссертации. Так, 25 февраля 2023 г. в Диссертационном совете 6D.КОА-019 при Таджикском национальном университете успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан» по научной специальности 12.00.09 – Уголовно-процессуальное право. Научными консультантами выступили мои уникальные Учителя: Виктор Александрович Михайлов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Борис Яковлевич Гаврилов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, генерал-майор юстиции (в отставке).

И в заключение о сомнениях. Сомнением для меня лично был тот факт, что без практического опыта смогу ли защитить кандидатскую диссертацию, тем более еще и докторскую?! Советов было много, но всегда возникал вопрос относительно возможного выбора. После долгих раздумий, консультаций, ознакомления с автобиографическими данными выдающихся ученых-процессуалистов этот миф рассеялся. Рассеиванию мифа не только помог, но и посодействовал наш юбиляр. Стал теоретиком. Открыто не мог в то время сказать, да и сейчас не осмелюсь об этом и о многом другом спрашивать, так как чрезмерно уважаю Учителя и соблюдаю дистанцию при общении. Хотя, несмотря на расстояние и не частое общение, всегда чувствуется поддержка. Каждый телефонный разговор с Учителем придает уверенность и заряжает на новые свершения. Традиционно чтить память об Учителях для любого ученика является священным долгом.

В этот юбилейный год от имени многих учеников и коллег желаем нашему Учителю-юбиляру дальнейшей реализации научного и творческого потенциала, новых интересных идей, профессиональных достижений, воплощения в жизнь всех задуманных планов, здоровья, благополучия, счастья и уверенности.

Список литературы:

1. Конституционно-правовые основы уголовного судопроизводства: моногр. / Михайлов В. А., Юлдошев Р. Р., Нозиров Н. А. [и др.]. Душанбе, 2014.
2. Михайлов В.А. Отдельные положения о мерах пресечения в уголовном процессе Республики Таджикистан // Публичное и частное право. 2017. Вып. II (XXXIV).
3. Михайлов В.А. Заключение под стражу в уголовном процессе Республики Таджикистан (статьи 111, 112 УПК) // Публичное и частное право. 2017. Вып. II (XXXIV).
4. Михайлов В.А. Иные меры процессуального принуждения в уголовном процессе Республики Таджикистан // Публичное и частное право. 2017. Вып. III (XXXV).
5. Михайлов В.А. Выдающиеся ученые МВД России. URL: <https://мвд.рф/ученые/item/58383995/> (дата обращения: 27.10.2025).
6. Рахмаджонзода Р.Р. Вклад профессора Гаврилова Б.Я. в развитие уголовно-процессуальной науки // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Б.Я. Гаврилова, Ю.Е. Салеевой, Ю.В. Шпагиной. М., 2023.
7. Рахмаджонзода Р.Р. Вклад профессора В.П. Лаврова в подготовку юристов-криминалистов Таджикистана // Научная школа профессора В.П. Лаврова: история и современность (к 90-летию ученого) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2024.
8. Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан : учеб. / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова, Р.Р. Юлдошева. Душанбе, 2017.
9. Юлдошев Р.Р. Роль Академии управления МВД России в подготовке научных, научно-педагогических и руководящих кадров для системы МВД Таджикистана // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3 (31).
10. Юлдошев Р.Р. Сотрудничество Академии управления МВД России и Академии МВД Таджикистана в подготовке научных и научно-педагогических кадров // Трудный путь в науку : материалы междунар. юбилейной науч. конф. М., 2017.
11. Юлдошев Р. Р., Самиев Н.М. Достижения профессора Бориса Яковлевича Гаврилова и их значение в современной юридической науке и практике // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 3 (39).

Криминалистически значимые признаки голосовой информации

Аннотация

В связи со стремительным развитием цифровых технологий, а также ростом количества совершаемых преступлений посредством вербальной коммуникации с помощью сетей связи и информационно-телекоммуникационных сетей у органов предварительного расследования существует потребность получения голосовой информации, криминалистически значимые признаки которой до настоящего времени не были достаточно раскрыты в правовой науке.

***Ключевые слова:** голосовая информация; признаки; преступление; речь; расследование.*

В ходе интервьюирования следователей системы МВД России автором было установлено, что под голосовой информацией они понимают аудиосообщения, передаваемые посредством телефонной (фиксированной), мобильной связи, социальных сетей, сервисов обмена мгновенными сообщениями. В целях раскрытия и интерпретации указанного выше определения рассмотрим ее признаки.

Криминалистически значимая голосовая информация обладает комплексом следующих признаков:

1. Производится голосовым аппаратом человека или является его имитацией. Голосовой аппарат человека представляет собой совокупность органов, участвующих в формировании речи. В процессе создания речи активные органы совершают различные движения, формируя звуки посредством голосовых связок, языка, губ, мягкого нёба, язычка, задней спинки зева, нижней челюсти. К пассивным органам речи относится верхняя челюсть, верхние и нижние зубы, альвеолы, твердое нёбо, полость носа. Поступая из легких через гортань, воздух проходит мимо голосовых связок. Колебания этих связок и создают звук, который передается в упругой среде (твердой, жидкой или газообразной), воспринимаемый человеком с помощью слуха. Резонаторы, форму которых человек может изменять посред-

ством указанных органов речи, формируют звуковую окраску голоса. Голосовая информация может быть имитирована, т. е. сгенерирована искусственным интеллектом, синтезирована посредством специальных программных средств по изменению голоса.

2. Представляет собой звуковые колебания. Звук – это физическое явление, которое распространяется в виде упругих волн в жидкой, твердой либо газообразной среде. В более узком значении под звуком подразумеваются такие волны, которые могут восприниматься органами слуха человека.

Источником звука является тело, которое совершает механические колебания с определенной частотой. Человек может различать фонетические, речевые звуки, из которых и формируется устная речь.

Для генерации звука используются тела, имеющие свойство колебания воздуха. В целях подобной генерации применяются голосовые связки, динамики или камертон.

3. Является одним из видов речевого способа передачи сведений в процессе устной вербальной коммуникации посредством голоса. Устная речь представляет собой такой способ передачи сведений, при котором задействуются просодические и фонетические средства.

Голосовая информация не тождественна вербальной, поскольку последняя может выражаться в виде письменной речи, зафиксированной в рукописном или типографском тексте. К признакам такой речи можно отнести: преобладание научного, публицистического стиля изложения, употребление сложных предложений, соблюдение языковых норм, отсутствие внязыковых элементов. К признакам устной речи можно отнести: преобладание свободы в выборе лексики, применение простых предложений, употребление побудительных, вопросительных, восклицательных предложений, повторов, незаконченность выражения мысли.

4. Криминалистическая значимость, которая выражается в сведениях о юридических фактах (событиях и действиях).

Событие не зависит от воли человека (природное явление, стихийное бедствие и др. [2, с. 492]).

Действие происходит по воле человека. Оно может быть активным и пассивным. В форме действия может быть совершена, например, кража, а в форме бездействия – халатность. Обстоятельства произошедших действий и событий, а также иная информация о совершенном преступлении обладают юридической значимостью.

Совокупность событий и действий образуют юридические факты, которые формируют правовые последствия.

Таким образом, криминалистически значимая голосовая информация – это сведения о юридических фактах (событиях и действиях), передаваемых с помощью устной речи человека посредством звуков.

5. Способность к обработке информационными системами (голосовыми помощниками, автоответчиками на основе технологий искусственного интеллекта), а также воспроизведению на звуковоспроизводящих технических устройствах (компьютеры, ноутбуки, смартфоны, магнитофоны, диктофоны и иные устройства). Кроме того, услышанная и воспринятая человеком голосовая информация, обрабатывается им в его сознании.

6. Содержание голосовой информации свидетельствует также об общем развитии говорящего, его мировоззрении, содержании профессиональных знаний, языке, а также о знании им определенных явлений, процессов, событий, фактов или сведений. О личностных свойствах воспроизводящего голосовую информацию можно судить по структуре высказываний, стилистике, лексике, грамматическом строе и логике говорящего. Эти признаки предоставляют возможность утверждать о физическом, психологическом и социальном образе личности, о его поле, возрасте, анатомических особенностях речеобразующего тракта. Личностная информация отражает также черты характера, образование, интеллект, диалектные особенности, складывающиеся в зависимости от географического района формирования речи, что позволяет диагностировать особенности личности говорящего.

7. Обладание комплексом криминалистически значимых характеристик:

Звуковые колебания голоса – это периодические изменения давления в воздушной среде, возникающие при вибрации голосовых связок. Основная частота колебаний определяет высоту голоса, а спектральные характеристики – его тембр [1, с. 68–72].

Спектр речевого сигнала представляет собой совокупность гармоник (обертонов), частоты которых кратны основному тону.

Форманты – это максимумы энергии в спектре, определяемые резонансными свойствами надставной трубы (ротовой и носовой полостей) и не зависящие от основного тона [1, с. 80–85].

Частота голоса – это периодичность колебаний голосовых связок. Она является ключевым параметром при анализе интонации, эмоциональной окраски и индивидуальных особенностей голоса [1, с. 69].

Высота голоса зависит от частоты колебаний голосовых связок: чем выше частота, тем выше тон. У взрослых мужчин основная частота составляет 100–150 Гц, у женщин – 200–250 Гц [6, с. 423].

Громкость голоса зависит от амплитуды колебаний голосовых связок и давления воздуха в трахее. Чем сильнее выдыхательный поток, тем громче голос [4, с. 304].

Тембр – это индивидуальная окраска голоса, зависящая от числа и амплитуды обертонов, а также от резонансных свойств надставной трубы (ротовой и носовой полостей) [1, с. 76–78].

Длительность речевых звуков – важная акустическая характеристика, участвующая в передаче интонации, ударения и ритма речи [5, с. 52].

Сила голоса определяется количеством энергии, передаваемой звуковой волной в единицу времени. Зависит от напряжения голосовых связок и объема выдыхаемого воздуха [3, с. 118].

Тон – эмоционально-экспрессивная окрашенность голоса, которая способствует выражению в речи говорящего его намерений и чувств.

Интонация – изменение высоты тона на протяжении сравнительно большого речевого отрезка (высказывания или предложения).

8. Содержательная сторона голосовой информации позволяет установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу: способ, место, время совершения преступления; виновность лица, форму вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, и другие обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Криминалистически значимые признаки голосовой информации при расследовании преступлений устанавливаются: при производстве фоноскопических, лингвистических, автороведческих судебных экспертиз, осмотре места происшествия, предметов, осмотре и прослушивании фонограмм, предъявлении для опознания по голосу.

Таким образом, криминалистически значимая голосовая информация – это сведения о юридических фактах (событиях и действиях), передаваемые с помощью устной речи человека. Она обладает комплексом следующих признаков:

– способна содержаться на материальных носителях информации и передаваться по сетям связи и информационно-телекоммуникационным сетям;

- образуется посредством звуковых колебаний голосового аппарата человека или его имитации;
- является одним из видов речевого способа передачи информации в процессе вербальной коммуникации;
- содержит сведения о юридически значимых фактах (событиях и действиях);
- представляет собой сведения, предназначенные для слухового восприятия человеком или обработки в информационной системе;
- может быть воспроизведена на звуковоспроизводящих технических устройствах;
- содержит признаки лица, ее передающего;
- обладает такими характеристиками, как частота, сила, высота, тембр, тон, интонация;
- ее содержание позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, в ходе производства по уголовному делу.

Список литературы:

1. *Гринева Л. К.* Акустика речи : учеб. М., 2020.
2. *Енгибарян Р. В., Краснов Ю. К.* Теория государства и права. М., 2007.
3. *Калинина В. Н., Соколова Н. В.* Логопедия : учеб. М., 2019.
4. *Крюков А. И., Пальчун В. Т.* Оториноларингология : национальное руководство / под ред. А. И. Крюкова, В. Т. Пальчуна. М., 2017.
5. *Ревзина А. Г., Белозерова Л. А.* Физиология речи. М., 2010.
6. *Сапин М. Р., Ткаченко Б. М., Никитин Ю. И.* Физиология человека : учеб. / под ред. М. Р. Сапина. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

Гордеев Дмитрий Станиславович,
адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: dsgordeev@list.ru

Криминалистическое обеспечение формирования материалов для судебно-психиатрической экспертизы

Аннотация

В статье исследуется проблема формирования объективного анамнеза для целей судебно-психиатрической экспертизы. Целью работы является теоретическое обоснование и раскрытие содержания сбора объективного анамнеза как комплексной тактической операции, требующей задействования всех элементов криминалистического обеспечения. Сбор объективного анамнеза позиционируется как сложная тактическая операция, включающая организационные, тактические и технические компоненты. В научный оборот вводится и обосновывается понятие «цифрового анамнеза».

Ключевые слова: *криминалистическое обеспечение; судебно-психиатрическая экспертиза; назначение экспертизы; психическое расстройство, не исключающее вменяемости; объективный анамнез; подготовка материалов для экспертизы.*

Эффективность расследования преступлений, совершаемых лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (далее – ПРНВ), напрямую зависит от своевременности и качества назначаемой судебно-психиатрической экспертизы (далее – СПЭ). Процесс подготовки материалов для экспертизы представляет собой целостную «систему процессуальных, организационных и технических действий по собиранию, подготовке и оформлению необходимых для проведения экспертизы исходных данных» [2, с. 182]. В судебно-психиатрической доктрине указанный массив сведений является для эксперта объективным анамнезом – совокупностью данных о жизни, поведении и психическом состоянии лица, полученных от третьих лиц и из материалов уголовного дела [4, с. 91].

В свою очередь, следует отметить, что само понятие объективного анамнеза и его примерное содержание находят свое нормативное закрепление в ведомственном нормативном акте, регулирующем

порядок производства судебно-психиатрической экспертизы. Так, в Порядке проведения судебно-психиатрической экспертизы¹ указано, что психиатрическое обследование включает в себя сбор как объективного, так и субъективного анамнеза. В объективный анамнез законодатель включает «данные о наследственной отягощенности психическими расстройствами, об особенностях психического развития, о семейном и социальном статусе, об особенностях реагирования на различные жизненные ситуации, о психических травмах, об особенностях психического состояния и поведения во время производства судебно-психиатрической экспертизы и в период действий, по поводу которых ведется производство». При этом законодатель не устанавливает исчерпывающего перечня сведений (как и в случае с отсутствием четкого перечня обстоятельств для обязательного назначения судебно-психиатрической экспертизы), а лишь очерчивает основные направления сбора информации, что, с одной стороны, предоставляет следователю вариативность действий при принятии тактических решений по перечню материалов объективного анамнеза, а с другой – возлагает на него ответственность за предоставление экспертам максимально полной и всесторонней картины.

Отметим тот факт, что недавние изменения в нормативном регулировании, связанные с утверждением нового Порядка проведения СПЭ, который заменил ранее действовавший акт², не затронули данный фундаментальный аспект. Норма, регламентирующая содержание объективного анамнеза, была воспроизведена практически в неизменной редакции.

Важно отметить, что объективный анамнез, в отличие от потенциально искаженного субъективного анамнеза самого подэкспертного, служит для экспертов основным источником информации, «возможности... экспертной комиссии в решении поставленных перед ней вопросов во многом предопределяются правильной подготовкой следственно-судебными органами всех нужных экспертам медицинских и следственных материалов» [4, с. 27].

В специальной литературе отмечается, что объективный анамнез в некоторых случаях является непосредственным основани-

¹ Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы : приказ Минздрава России от 29 апреля 2025 г. № 263н (зарегистрировано в Минюсте России 30 мая 2025 г. № 82460). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020028> (дата обращения: 25.09.2025).

² Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы : приказ Минздрава России от 12 января 2017 г. № 3н. URL: <http://base.garant.ru/71622294/> (дата обращения: 25.09.2025).

ем для назначения судебно-психиатрической экспертизы, позволяя следователю на базе объективизированных данных (справок из медучреждений, характеристик, показаний о странностях в поведении) обосновать сомнения в психической полноценности лица [4, с. 18]. Во-вторых, он является основным предметом исследования для самих экспертов, которые, сопоставляя клинические данные с объективными сведениями о поведении лица в реальной жизни, реконструируют динамику его психического состояния. В-третьих, он выступает гарантией объективности экспертного заключения, поскольку «эксперт не может односторонне использовать содержащиеся в уголовном деле противоречивые данные, иначе суд может определить проведение повторной экспертизы» [4, с. 24].

Проведенное исследование показало, что тактические особенности сбора следователем объективного анамнеза сопряжены с организационно-правовыми аспектами, требующими разрешения. В литературе отмечается, что зачастую следователи, назначив экспертизу, «ошибочно полагают, что они свое дело сделали, а в остальном эксперты разберутся сами». Такой формальный подход приводит к тому, что эксперты получают неполные, фрагментарные материалы. Как следствие, они вынуждены ходатайствовать о предоставлении дополнительных данных, что является «одной из причин необоснованного удлинения сроков проведения экспертизы» [9, с. 83]. Как отмечает профессор А. А. Ткаченко, «под недостаточностью материалов подразумевается не число объектов исследования, а количество содержащейся в ней информации» [7, с. 21–22].

Важно понимать, что эксперты-психиатры ограничены в возможностях самостоятельного сбора информации. Законодатель четко разграничил функции расследования и исследования, прямо указав, что эксперт не вправе «вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела», и, что наиболее важно, «самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы». В отличие от клинической практики, «традиционный для общепсихиатрической практики опрос врачом-психиатром родственников и знакомых пациента... для судебно-психиатрической экспертной практики неприемлем» [8, с. 8]. Отдельно следует обозначить позицию С. Н. Шишкова, который указывал, что эксперт не вправе проводить следственные действия [9, с. 36–37], но «на практике некоторые эксперты-психиатры проводят так называемые беседы с родственниками испытуемых, т. е. по существу самостоятельно допрашивают свидетелей, что является недопустимым» [9, с. 103].

Таким образом, по мнению С. Н. Шишкова, «анамнез экспертом не собирается, а сведения о прошлой жизни и истории болезни испытуемого эксперт получает из материалов дела [9, с. 104].

Из этого процессуального разграничения компетенций следует ключевой методологический вывод: главным и единственным субъектом формирования объективного анамнеза для целей СПЭ является следователь (дознатель). Именно он реализует активную организующую роль по целенаправленному сбору, систематизации и процессуальной фиксации всего комплекса криминалистически значимой информации. Однако для следователей сбор материалов для СПЭ является сложной тактической задачей, выявленной в ходе анкетирования. На вопрос о наиболее значимых проблемах расследования данной категории дел 53 % опрошенных следователей указали именно на «сбор характеризующих материалов и медицинской документации», а также отметили, что эта процедура «иногда вызывает сложности и требует дополнительных усилий».

Таким образом, тактические ошибки следователя в подготовке материалов для проведения экспертизы оказывают непосредственное влияние на результаты судебно-психиатрической экспертизы. Данный аспект был исчерпывающе раскрыт профессором Р. С. Белкиным, который провел принципиальное разграничение между ошибкой экспертной и ошибкой следственной: «Причина ошибочного заключения эксперта не всегда лежит в области допущенных им ошибок. Экспертное исследование может быть проведено безупречно и сделанные выводы полностью соответствовать полученным результатам, но, если исходные для экспертизы данные были ошибочными или фальсифицированными, либо исследуемые объекты не имели отношения к делу, заключение – в аспекте установления истины по делу – окажется ошибочным. В этом случае не может быть речи об экспертной ошибке, поскольку это либо ошибочные действия органа, назначившего экспертизу, либо его умышленно неправильные действия» [1, с. 190].

Приведенный вывод профессора Р. С. Белкина подтверждает гипотезу о том, что сбор объективного анамнеза – это не отдельное действие, а сложная, многокомпонентная тактическая операция, требующая задействования всех элементов криминалистического обеспечения. Теоретико-прикладные аспекты этапа сбора объективного анамнеза позволяют наполнить элементы криминалистического обеспечения следующим содержанием.

1. Организационно-криминалистическое обеспечение отвечает за выстраивание эффективного взаимодействия с широким кругом учреждений. Это не формальный запрос, а целенаправлен-

ный поиск. При выявлении факта нахождения лица на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере необходимо не только произвести выемку его амбулаторной карты, но и, проанализировав содержащиеся в ней выписные эпикризы, незамедлительно истребовать истории болезни (медицинские карты стационарного больного) из психиатрических и наркологических стационаров. Кроме того, в этот контур учреждений входят и общесоматические медицинские организации (для выявления данных о черепно-мозговых травмах), учебные заведения (особенно учреждения для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии), военные комиссариаты (для получения сведений о негодности к военной службе по состоянию психического здоровья), а также суды (для истребования материалов прошлых дел и ранее проведенных экспертиз). Кроме этого, отмечается, что следователю необходимо запрашивать психоневрологический диспансер или иное психиатрическое учреждение не о «состоянии на учете», а о наличии в учреждении медицинской документации гражданина в связи с его психиатрическим обследованием или иными видами психиатрической помощи, если таковые ему оказывались в данном или ином учреждении [6, с. 9].

2. Тактико-криминалистическое обеспечение вооружает следователя инструментарием для решения конкретных тактических задач, ключевой из которых на данном этапе является формирование полного и объективного анамнеза. Эта задача решается преимущественно в рамках такого следственного действия, как допрос. На основе анализа следственной ситуации (наличие пробелов в информации о личности субъекта) следователь принимает тактическое решение о проведении допросов лиц из окружения подозреваемого (обвиняемого) – близких родственников, коллег, соседей.

Основным тактическим приемом, применяемым в ходе указанных допросов, выступает детализация показаний. Цель его применения – получить исчерпывающую криминалистически значимую информацию, необходимую для всестороннего изучения личности лица с возможным психическим расстройством. Эта информация включает в себя не только сведения об аномальном поведении, но и данные о его раннем развитии, перенесенных заболеваниях, особенностях характера, акцентуациях, употреблении алкоголя и наркотических веществ, а также о его трудовом маршруте (частая смена мест работы, профессиональное снижение, переход на неквалифицированный труд).

Особое внимание в ходе допроса уделяется установлению фактических данных о поведении лица в период, непосредственно пред-

шествующий событию преступления, поскольку именно эти сведения являются ключевыми для последующей экспертной реконструкции его психического состояния в юридически значимый момент. Тактически грамотная реализация этого приема предполагает целенаправленное выяснение конкретных признаков отклоняющегося поведения: появилась ли замкнутость, немотивированные перепады настроения, разговоры без собеседника, нецеленаправленные действия, страхи, бессонница и т. д.

Аналогичный тактический подход применяется и при работе с документами. Задача следователя заключается не в простом приобщении справок, а в целенаправленном поиске и анализе криминалистически значимых сведений, отражающих динамику психического состояния.

3. Техничко-криминалистическое обеспечение предоставляет средства для объективной фиксации. Помимо видеозаписи следственных действий, сюда относится сбор и анализ материальных носителей информации, которые становятся частью объективного анамнеза. Эксперты прямо указывают на необходимость приобщения к материалам дела фото- и видеосъемок, а также письменной продукции подэкспертного (личных дневников, записок) [5, с. 11]. В современных условиях критически важным становится анализ цифровых следов.

4. Методико-криминалистическое обеспечение должно содержать четкие алгоритмы, которые позволят систематизировать информацию о том, какие именно обстоятельства должны вызывать у следователя сомнение в психическом здоровье лица и служить основанием для назначения СПЭ. К таким обстоятельствам, например, относятся данные о получении в прошлом черепно-мозговых травм, странности в поступках и высказываниях, или сам факт обучения в коррекционной школе. Методическое обеспечение помогает не только собрать информацию, но и правильно сформулировать экспертное задание, используя выверенные перечни вопросов для каждой процессуальной фигуры (подозреваемого, потерпевшего, свидетеля), что напрямую влияет на качество и полноту будущего заключения. Только такой комплексный, системный подход, реализуемый в рамках адаптивной модели, способен преодолеть существующие трудности и обеспечить экспертов исходными данными, необходимыми для дачи полного и обоснованного заключения.

Как мы уже отмечали, одним из компонентов технико-криминалистического обеспечения становится применение информационных технологий для сбора объективного цифрового анамнеза. Под «цифровым анамнезом», по аналогии с понятием, используемым

в судебной психиатрии для сбора объективных сведений о жизни пациента, в криминалистическом контексте предлагаем понимать систематизированную информацию о поведении, интересах, круге общения и психоэмоциональном состоянии лица, извлеченную из цифровых источников и имеющую значение для расследования.

Его формирование предполагает целенаправленную работу следователя по поиску, фиксации и анализу данных, характеризующих личность, полученных из социальных сетей, форумов, мессенджеров и других интернет-ресурсов. Указанные сведения являются своего рода «цифровыми маркерами», под которыми мы предлагаем понимать конкретные проявления личности в цифровом пространстве, которые могут косвенно указывать на наличие психического расстройства. Как справедливо отмечает Е. Г. Дозорцева, «самопрезентация в виде оформления аккаунта, аватара, размещения рисунков и фотографий, высказываний, выбора музыки и групп... говорит о его интересах, предпочтениях, отношении к другим людям и самому себе» [3, с. 5–6]. Таким образом, «цифровой анамнез» предоставляет следователю дополнительный характеризующий материал для выдвижения версий, планирования тактики следственных действий и, что особенно важно, для формирования полной и объективной информационной базы для последующей судебной психиатрической (психолого-психиатрической) экспертизы.

Полагаем, что сбор объективного анамнеза является не вспомогательной, а важной тактической операцией, входящей в исключительную компетенцию следователя. Успешность этой операции напрямую зависит от комплексного задействования всех элементов криминалистического обеспечения: организационного, тактического, технического и методического.

Список литературы:

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
2. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000.
3. *Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сыроквашина К. В.* Использование информации цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних в уголовном процессе: методические рекомендации. М., 2022.
4. *Жариков Н. М., Морозов Г. В., Хритинин Д. Ф.* Судебная психиатрия : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

5. *Одноколкин И. А., Кадис Л.Р.* Назначение и производство судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз в уголовном процессе : методическое руководство для следователей. СПб., 2016.
6. Подготовка следователем материалов для судебно-психиатрической экспертизы : практ. пособие / Т. Б. Дмитриева, С. Н. Шишков, Е. Я. Шукина [и др.]. М., 2010.
7. *Ткаченко А.А.* Судебная психиатрия: консультирование адвокатов. М., 2006.
8. *Шишков С.Н.* Судебно-психиатрическая экспертиза: понятие и виды : учеб. пособие. М., 1996.
9. *Шишков С.Н.* Доказывание психических расстройств в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

Гринева Светлана Романовна,
курсант
Воронежского института МВД России
e-mail: Svetlanagrin05@mail.ru

Есина Анастасия Валерьевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Воронежского института МВД России
e-mail: aleshinaav02@yandex.ru

Применение фотографии в расследовании преступлений: методы и средства

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения судебной фотографии в расследовании преступлений. Освещаются исторические предпосылки возникновения судебной фотографии, вклад отечественных и зарубежных ученых в ее становление и развитие. Раскрываются задачи и классификация судебной фотографии, анализируются современные методы и средства фотофиксации в следственной деятельности. Особое внимание уделено возможностям цифровой обработки изображений и ее роли в повышении качества и достоверности доказательственной информации. Делается вывод о том, что судебная фотография, прошедшая путь от традиционных методов к современным цифровым технологиям, остается важнейшим элементом криминалистической техники и играет большую роль в обеспечении объективности расследования.

***Ключевые слова:** судебная фотография; криминалистика; доказательства; цифровая обработка изображений; уголовное судопроизводство; фиксация.*

Фиксация доказательственной информации является одним из центральных направлений криминалистической техники. Среди технических средств, применяемых в уголовном судопроизводстве, значительное место занимает судебная фотография. Она обеспечивает объективность и наглядность фиксации обстановки места происшествия, обнаруженных следов, вещественных доказательств, а также хода и результатов следственных действий.

Судебная фотография в современном понимании представляет собой систему методов и средств, основанных на достижениях фото-

графии и цифровых технологий, адаптированных к задачам уголовного судопроизводства. Она сочетает в себе как традиционные подходы, сформировавшиеся в конце XIX – начале XX вв., так и новейшие средства цифровой фиксации и обработки изображений.

Одним из первых отечественных исследователей, заложивших основы научной и судебной фотографии, был Е.Ф. Буринский. В 1894 г. по поручению Российской академии наук он организовал лабораторию фотографического восстановления древних писем. Им был разработан метод, позволявший визуализировать угасшие тексты грамот XIV века за счет ступенчатого повышения контраста, что ранее считалось невозможным.

Значительный вклад в развитие судебной фотографии внесли зарубежные криминалисты. Так, Г. Гросс, Э. Локар и А. Рейс исследовали возможности использования фотографии в раскрытии преступлений, а А. Бертильон разработал метод измерительной съемки. Суть его заключалась в установке фотоаппарата в строго горизонтальном положении на фиксированной высоте. Полученные снимки наклеивались на бланки со шкалами, что позволяло определять масштаб объектов и обеспечивало точность фиксации.

Судебная фотография является составной частью криминалистической техники наряду с видеозаписью, звукозаписью, трасологией и криминалистическим моделированием. Ее особенность заключается в сочетании технических средств фиксации с научно обоснованными методами, обеспечивающими воспроизводимость результатов. В отличие от иных средств визуализации, фотография объединяет оперативность и высокую детализацию, что делает ее универсальным инструментом фиксации доказательств.

Использование фотографии в расследовании преступлений закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹. В ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия» установлено, что при производстве следственных действий могут применяться фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Таким образом, законодатель прямо указывает на допустимость применения фотосъемки в качестве способа фиксации процессуально значимой информации.

Судебная фотография выполняет ряд задач, главными из которых являются:

- фиксация обстановки места происшествия;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - N 52. - Ст. 4921.

- запечатление следов преступления и вещественных доказательств;
- документирование хода и результатов следственных действий;
- обеспечение возможности последующего анализа объектов.

В структуре судебной фотографии выделяют три раздела:

– запечатлевающая фотография, обеспечивающая фиксацию хода и результатов следственных действий. Она включает съемку лиц, трупов, мест происшествий, предметов, документов и иных объектов;

- исследовательская фотография, применяемая для выявления скрытых деталей, восстановления утраченных надписей, изучения микрообъектов;
- общая фотография, содержащая базовые технические принципы фотосъемки.

Запечатлевающая фотография, будучи наиболее распространенной, подразделяется на несколько видов:

- регистрационная съемка живых лиц и трупов;
- фиксация мест происшествий и обысков;
- фотографирование следов человека и транспортных средств;
- съемка вещественных доказательств (документов, предметов).

В следственной практике используются различные методы запечатлевающей фотографии:

- измерительная съемка позволяет зафиксировать объект с указанием его размеров;
- панорамная съемка применяется для отображения общей картины места происшествия;
- опознавательная съемка используется при идентификации лиц и объектов;
- макросъемка предназначена для фиксации мелких деталей и следов;
- телесъемка обеспечивает съемку на значительном расстоянии;
- стереосъемка позволяет получить объемное изображение;
- репродуктивная съемка используется для копирования документов и других плоских объектов.

К числу приемов фотосъемки относятся: съемка с нормальной точки (горизонтальный ракурс); съемка с нижней и верхней точек (перспективные ракурсы); встречная, диагональная и фронтальная съемка. Каждый прием применяется в зависимости от цели фиксации и особенностей объекта.

Существенное влияние на развитие судебной фотографии оказали цифровые технологии. Цифровая обработка изображений (далее – ЦОИ) позволяет повысить информативность снимков, выделить значимые детали, устранить искажения.

В криминалистике используются различные типы цифровых изображений:

- полутоновые (градации серого);
- бинарные (черно-белые изображения);
- полноцветные (RGB), отражающие восприятие цвета человеческим глазом.

Современные методы ЦОИ включают ретушь, настройку цветового баланса, коррекцию яркости и контраста, устранение геометрических искажений. Однако применение необратимых способов обработки ограничено, так как они могут снизить доказательственную ценность изображения.

Важным элементом цифровой фотофиксации является оформление фототаблиц. Каждое изображение сопровождается пояснительным текстом, содержащим сведения об объекте, условиях съемки и примененных технических средствах.

Результаты судебной фотографии находят применение не только при фиксации следственных действий, но и в экспертной деятельности. Фотографии используются в почерковедческих, трасологических, медико-криминалистических экспертизах, а также при исследовании документов. Применение макро- и микрофотографии позволяет выявлять признаки подделки, скрытые повреждения и детали, не видимые невооруженным глазом. Таким образом, судебная фотография выполняет не только фиксационную, но и исследовательскую функцию.

Несмотря на широкое применение судебной фотографии, на практике возникают вопросы, связанные с допустимостью и достоверностью изображений. Основная проблема заключается в возможности внесения изменений в цифровые файлы, что создает риск их подделки. В связи с этим актуальной является разработка средств верификации: цифровых подписей, хэш-сумм, а также обязательного протокольного закрепления условий съемки и примененной аппаратуры [1–3].

В международной практике фотография признана одним из основных способов фиксации доказательств. В большинстве стран процессуальное законодательство предусматривает обязательность фотофиксации определенных действий: осмотра места происшествия, обыска, следственного эксперимента. Европейские стандарты (включая рекомендации Совета Европы) подчеркивают необходимость при-

менения сертифицированных цифровых технологий и сохранения аутентичности изображений. Российская практика в целом соответствует международным тенденциям, однако требует дальнейшего развития в части стандартизации цифровой фиксации [4–6].

Современные направления развития судебной фотографии включают интеграцию с трехмерным моделированием, применение искусственного интеллекта для автоматического анализа изображений, использование беспилотных летательных аппаратов для фиксации крупных территорий. Эти технологии открывают новые возможности для криминалистической визуализации и позволяют рассматривать судебную фотографию как часть более широкой системы цифровой криминалистики.

Судебная фотография прошла путь от простого способа визуализации объектов до сложного комплекса методов фиксации доказательственной информации. На современном этапе ее развитие связано с цифровыми технологиями, которые значительно расширяют возможности криминалистической практики.

Применение судебной фотографии обеспечивает объективность, полноту и достоверность доказательственной информации, что делает ее неотъемлемым инструментом расследования. Совмещение традиционных методов съемки и цифровой обработки изображений позволяет достигать высокого уровня точности и информативности, обеспечивая эффективность уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. *Булгаков В. Г., Курин А. А., Зотчев В. А.* Судебная фотография и видеозапись : учеб. / под ред. В. Г. Булгакова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018.
2. *Дмитриев Е. Н., Иванов П. Ю., Зудин С. И.* Исследование объектов криминалистических экспертиз методами цифровой обработки изображения. М., 2000.
3. *Дмитриев Е. Н.* Судебная фотография: курс лекций. М., 2010.
4. *Ищенко Е. П.* У истоков цифровой криминалистики // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55).
5. *Мураховский В. И., Симонович С. В.* Азбука цифрового фото. СПб., 2005.
6. *Мураховский В. И., Симонович С. В.* Секреты цифрового фото. Улучшение снимков на компьютере. СПб., 2008.

Гришина Анна Борисовна,
адъюнкт адъюнктуры
Уфимского юридического института МВД России
e-mail: AnnaBorisovna2025@yandex.ru

Информационные технологии в уголовном судопроизводстве: на стыке права и цифровых инноваций

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования сферы информационных технологий и их применения в уголовном судопроизводстве России. Автор констатирует системное отставание специального законодательства от стремительного технологического развития, а также точечное и непоследовательное законотворчество в уголовно-процессуальной сфере. В заключении обосновывается необходимость перехода к превентивному нормотворчеству и предлагается поэтапная модернизация законодательства путем внесения в действующий УПК РФ базовых принципов использования цифровых технологий с их последующей детализацией в подзаконных актах.

***Ключевые слова:** цифровизация; информационные технологии; уголовное судопроизводство; содействие правосудию; уголовно-правовое законодательство.*

Современное законодательство в сфере информационных технологий характеризуется фрагментарностью и отсутствием единой системообразующей концепции. Как отмечает М. Н. Степанова, существующие механизмы правового регулирования демонстрируют свою неэффективность перед лицом технологических вызовов [3, с. 44]. Нормативное воздействие на указанную сферу общественных отношений осуществляется преимущественно в форме декларации общих принципов, тогда как регламентация конкретных правоотношений остается недостаточно разработанной и детализированной. На международном уровне регулирование рассматриваемой сферы осуществляется посредством заключения международных договоров, а также путем принятия стандартов и рекомендаций, обладающих в основном мягким правовым характером.

В качестве примера можно привести «Окинавскую хартию глобального информационного общества» от 21 июля 2000 г.¹, которая обосновывает необходимость преодоления электронно-цифрового разрыва как на международной арене, так и внутри отдельных государств, формирует основные принципы построения информационного общества и определяет приоритетные направления его развития.

«Монреальская конвенция об ответственном развитии искусственного интеллекта» от 4 декабря 2018 г.² вводит базовый понятийный аппарат в сфере искусственного интеллекта и устанавливает принципы функционирования интеллектуальных систем.

«Рекомендации по искусственному интеллекту» № OECD/LEGAL/0449, принятые советом ОЭСР 22 мая 2019 г.³, закрепляют межправительственные руководящие начала в области искусственного интеллекта, а также международные стандарты, направленные на обеспечение надежности, устойчивости, справедливости и безопасности интеллектуальных систем.

Наиболее конкретизированный нормативный характер носит «Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям», принятая резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24 декабря 2024 г.⁴, которая содержит материально-правовые нормы, криминализирующие отдельные виды киберпреступлений, устанавливает отдельные процессуальные меры противодействия им и детально регламентирует механизм международного сотрудничества в данной области.

¹ «Окинавская хартия глобального информационного общества» от 21 июля 2000 г. URL: <http://base.garant.ru/2560931/> (дата обращения: 25.09.2025).

² «Montreal Declaration Responsible AI». URL: <https://www.montrealdeclaration-responsibleai.com/the-declaration> (дата обращения: 23.07.2025)

³ «Recommendation on Artificial Intelligence». URL: LEGALINSTRUMENTS.OECD.ORG (дата обращения: 23.07.2025)

⁴ «Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям» принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г. URL.: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 25.09.2025).

Национальное правовое регулирование отношений в сфере информационных технологий в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую, но внутренне противоречивую конструкцию. Его основу составляют конституционные положения, в частности ст. 29 Конституции Российской Федерации, которая с одной стороны гарантирует право на свободный поиск, получение и распространение информации любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации), а с другой – вводит запрет на пропаганду или агитацию информации, способной вызвать социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду (ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации). Эти нормы, наряду с принципом неприкосновенности частной жизни (ст. 23, 24 Конституции Российской Федерации), формируют основу правового регулирования, выступая в качестве непосредственно действующих принципов и правовых ориентиров. Однако их чрезвычайно широкий характер создает почву для системной коллизии на практике, когда принцип свободы распространения информации вступает в противоречие с широкими основаниями для ее ограничения, что зачастую приводит к произвольному правоприменению и использованию запретительных норм в целях цензуры, а не соразмерной защите публичных интересов.

Более детальную регламентацию содержат специализированные федеральные законы. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149) закрепляет терминологическую базу (ст. 2 ФЗ № 149), основные принципы правового регулирования в сфере информационных технологий (ст. 3 ФЗ № 149), а также вопросы защиты данных (ст. 16 ФЗ № 149) и ограничения доступа к информации (ст. 9 ФЗ № 149). Детальный анализ представленного закона выявляет его архаичность и реактивность: он не оперирует юридически значимыми феноменами современного информационного общества (например, большие данные, интернет вещей, искусственный интеллект) и закрепляет устаревшую парадигму, в которой внимание сфокусировано на «распространении информации», а не на процессах ее алгоритмической обработки и использования.

Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (далее – ФЗ № 126) устанавливает правовые основы функционирования цифровых коммуникаций, регулируя вопросы лицензирования, оказания услуг связи и обеспечения их конфиденциальности. С правовой точки зрения данный закон формирует нормативную базу, регулиующую вопросы генерации, обработки и передачи

информационных данных. Однако, аналогично вышерассмотренному Федеральному закону, ФЗ № 126 не соответствует современным технологическим реалиям и демонстрирует технократический подход. Закон не учитывает произошедшие изменения в сфере информационных технологий, например: появление Интернета вещей, где связь является не услугой, а частью комплексных технологических решений; использование технологий блокчейн и децентрализованных сетей; развитие IP-телефонии и видеосвязи и др.

Немаловажное влияние на формирование информационных отношений оказывают указы Президента Российской Федерации, формирующие стратегические направления цифровой трансформации государственного управления и правоохранительной деятельности. К числу ключевых документов стратегического планирования относятся: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», определяющий долгосрочные ориентиры цифровой трансформации государственного управления; Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 231 «О создании, развитии и эксплуатации государственных информационных систем с использованием единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех»; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» предопределяет развитие системы противодействия преступлениям, совершенным с использованием инновационных технологий; Указ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», устанавливающий основы внедрения технологий машинного обучения в государственной сфере, и др. Однако следует отметить, что указы Президента Российской Федерации носят стратегический и декларативный характер и не содержат детализированных механизмов имплементации провозглашенных положений.

Особое значение в контексте цифровизации правоохранительной деятельности приобретает анализ правового регулирования применения информационных технологий непосредственно в уголовном судопроизводстве. С учетом специфики уголовного судопроизводства представляется обоснованной конкретизация самого понятия «информационные технологии» применительно к уголовно-процессуальной деятельности.

Под информационными технологиями в уголовном судопроизводстве предлагаем понимать совокупность применяемых в уголовном судопроизводстве технических и программных методов и про-

цессов, имеющих уголовно-процессуальную регламентацию оснований и порядка применения и направленных на создание, сбор, обработку, хранение и другие операции с данными, значимыми для уголовного дела, а также для реализации прав и исполнения обязанностей субъектами уголовного процесса.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) демонстрирует фрагментарный и во многом архаичный подход к регулированию информационных технологий. Анализ положений УПК РФ позволяет констатировать отсутствие целостной концепции цифровизации уголовного процесса, поскольку существующие нормы носят точечный характер и не образуют комплексной системы регулирования.

Так, примером данного тезиса выступает ст. 474.1 УПК РФ, которая, несмотря на формальное закрепление электронного документооборота, ограничивается регламентацией узкого круга процессуальных действий. В данной норме предусматривается возможность подачи ходатайств, заявлений, жалоб и представлений через информационные системы (в частности, через «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»), при этом указывается, что они не должны содержать «сведений, составляющих охраняемую законом тайну». Однако в рассматриваемой норме не уточняется перечень таких сведений, что создает возможность излишне широкого толкования данной статьи, и, по мнению А. Ю. Чуриковой, может выступать коррупциогенным фактором [5, с. 198], поскольку, согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», к коррупциогенным факторам относятся положения нормативных правовых актов, «устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения»¹.

Регламентированная ст. 189.1, 241.1 УПК РФ технология видеоконференцсвязи (далее – ВКС) значительно расширяет возможности участия в уголовном процессе удаленно. Однако, по мнению исследователей, данная правовая конструкция содержит ряд правовых пробелов. В частности, О. В. Вольнская и Е. В. Семенкова указывают на такую проблему, как неопределенность в субъектном составе лиц, которые могут быть допрошены посредством ВКС.

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609 ; 2022. № 50. Ч. 3. Ст. 8792.1.

Например, остается не до конца ясным, распространяется ли этот порядок на несовершеннолетних участников процесса или экспертов, специалистов по представленному заключению [1, с. 23].

Косвенные предпосылки для внедрения современных информационных технологий в уголовное судопроизводство формируются положениями ст. 166 УПК РФ, легитимирующей применение технических средств при производстве следственных действий, а также нормами ст. ст. 259, 303 УПК РФ, регламентирующими их использование в судебном производстве. Однако указанные правовые конструкции характеризуются дефицитом детализации, поскольку не предусматривают: перечня допустимых технологических средств и не упоминают возможность использования программно-аппаратных комплексов; оснований их применения в зависимости от характера процессуальных действий; пределов использования соответствующих технологий с учетом требований соразмерности и сохранения баланса публичных и частных интересов.

Кроме того, следует отметить, что в УПК РФ наблюдается значительный уклон цифровизации деятельности участников со стороны обвинения, в то время как процессуальные возможности использования информационных технологий стороной защиты и иными участниками остаются без должного внимания, что может привести к нарушению принципа состязательности сторон в уголовном процессе. Данная проблема требует разработки законодательных положений, предусматривающих внедрение информационных технологий в контексте реализации функции содействия правосудию, что позволит обеспечить равный доступ к цифровым процессуальным инструментам всех участников уголовного судопроизводства.

Проведенный анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что действующее законодательство Российской Федерации демонстрирует системное отставание от современных технологических реалий. Нормативная регламентация применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве характеризуется фрагментарностью, отсутствием единой концептуальной основы и непоследовательностью правовых новаций. По нашему мнению, генезис данной проблемы детерминирован дисбалансом между стремительным и динамичным развитием информационных технологий и медлительными темпами законотворческого процесса. В условиях повсеместной цифровизации технологические инновации возникают и распространяются со скоростью, многократно превышающей традиционные темпы правотворчества. В результате нормотворчество происходит бессистемно и непоследовательно, правовое регулирование не успевает адекватно реагировать на технологические новеллы,

что, в свою очередь, создает правовые пробелы в юридическом обеспечении цифровой трансформации уголовного процесса.

В условиях стремительной технологической эволюции традиционный подход к нормотворчеству, при котором механизмы правового регулирования формируются постфактум, показывает свою системную несостоятельность. В связи с этим обоснованной представляется точка зрения В.Ф. Ужова, аргументирующего необходимость перехода к превентивному нормотворчеству в эпоху искусственного интеллекта и автоматизированных систем [4, с. 360]. Представленный в его работе подход предполагает разработку правовых норм до момента возникновения самих регулируемых общественных отношений. Его реализация позволит обеспечить своевременную адаптацию нормативно-правовой базы, исключая необходимость создания законодательства в экстренном порядке, что зачастую детерминирует снижение его качества, продуманности и системности.

В научной дискуссии предлагаются и более радикальные предложения по законодательному урегулированию цифровизации уголовного судопроизводства. Например, С.М. Якубова предлагает для достижения этой цели разработать принципиально новый Уголовно-процессуальный кодекс [6, с. 152]. Схожей концепции придерживается С.В. Зуев, концепция которого предполагает создание цифрового Уголовно-процессуального кодекса. Под ним автор понимает нормативный правовой акт, предназначенный для регулирования уголовно-процессуальных отношений в цифровой среде, включая использование машиночитаемых правовых текстов [2, с. 76].

Хотя инициативы по созданию нового кодекса, безусловно, отражают актуальный запрос на глубокую модернизацию уголовно-процессуального законодательства, их реализация на современном этапе сопряжена со значительными трудностями. По нашему мнению, уголовное судопроизводство в частности и общество в целом на данный момент времени не готово к таким масштабным изменениям. В качестве более сбалансированной и реализуемой альтернативы представляется целесообразным поэтапное совершенствование действующего законодательства. На первом этапе необходимо дополнить действующий УПК РФ базовыми нормами, закрепляющими общие условия и принципы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Конкретные технические и процедурные вопросы при этом будут детализироваться в специальных подзаконных актах. Такой подход позволит более гибко адаптировать законодательство к цифровым инновациям, минимизируя риски, связанные с полномасштабной реформой.

Список литературы:

1. *Волынская О. В., Семенова Е. В.* Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве по уголовным делам: перспективы и реальность // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5.
2. *Зуев С. В., Зазулин А. И.* Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1.
3. *Степанова М. Н.* Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1.
4. *Ужов Ф. В.* Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.
5. *Чурикова А. Ю.* Электронный документооборот в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3.
6. *Якубова С. М.* Уголовный процесс в эпоху цифровизации. URL: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/5606/1/jakubova.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

Давыдовская Марина Владимировна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
e-mail: marri@list.ru

Заявление ходатайств как общее право участников при производстве следственных действий

Аннотация

В настоящей статье анализируются положения ч. 5 ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в части касающейся необходимости разъяснения прав участникам уголовного судопроизводства, привлекаемым к производству следственных действий. Автором обосновывается вывод о необходимости разъяснения права на заявление ходатайств, как общего при проведении любых следственных действий.

Ключевые слова: следственные действия; общие правила производства следственных действий; участники уголовного судопроизводства; право на заявление ходатайств.

В уголовном процессе одним из наиболее распространенных способов собирания доказательств являются следственные действия (ч. 1 ст. 86 УПК РФ). Именно в ходе их производства устанавливаются имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, реализуются права граждан, и, в строго определенных законом случаях, допускается их ограничение. Вместе с тем при всей значимости данного способа собирания доказательств в тексте УПК РФ до настоящего времени не содержится ни определения, ни перечня следственных действий [6, с. 3–4; 7, с. 123], а в положениях ст. 164 УПК РФ урегулированы только общие правила их производства.

Так, в ч. 5 ст. 164 УПК РФ законодатель, действуя на основе принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ), возложил на следователя (дознавателя) обязанность по разъяснению прав участникам уголовного судопроизводства, которая, к сожалению, не всегда выполняется им, а иногда и вовсе игнорируется [7, с. 201–202].

С.Б. Россинский верно отмечает, что закрепленное в ч. 5 ст. 164 УПК РФ правило, предусматривающее необходи-

мость разъяснения прав, обязанностей и ответственности является действенным механизмом преодоления правовой безграмотности участников уголовного судопроизводства, привлекаемых к производству следственных действий, направленным на реализацию предоставленных им правовых гарантий [7, с. 203]. Это, безусловно, так. Вместе с тем полагаем, что, наряду с обязанностью разъяснения прав участникам уголовного судопроизводства, для повышения уровня обеспечения прав и законных интересов, среди общих правил должны найти законодательную регламентацию и общие права, разъясняемые следователем (дознавателем) всем без исключения участникам при производстве любых следственных действий.

В качестве общего права, требующего разъяснения участникам при проведении любых следственных действий, следует выделить право заявлять ходатайства.

Обратим внимание на то, что ходатайство является одним из наиболее значимых средств защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [4, с. 165], реализуемых посредством официального обращения (просьбы) к следователю, дознавателю, прокурору либо в суд [1, с. 38].

В своих трудах А. К. Зебницкая справедливо приходит к выводу о том, что ходатайство представляет собой правовое средство, позволяющее соблюсти баланс интересов в сфере уголовного судопроизводства, и непосредственно заявление ходатайства участниками уголовного судопроизводства выступает важнейшим способом достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) [3, с. 52].

Прав и О. А. Максимов, указывая на то, что именно ходатайство выступает одним из основных средств достижения состязательного уголовного судопроизводства, а право на ходатайство стоит отнести «к процессуальным гарантиям прав участников уголовного судопроизводства» [5, с. 183].

Положения ст. 119 УПК РФ четко устанавливают, что все лица, чьи права и интересы затрагиваются в ходе досудебного или судебного производства, наделены правом заявлять ходатайства. Предмет ходатайства в ст. 119 УПК РФ определен как производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; обеспечение прав и законных интересов лиц, заявивших ходатайство, или представляемых ими лиц и организаций.

В ходе производства следственного действия у участников может возникнуть необходимость заявить ходатайство как для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, так и для обе-

спечения прав и законных интересов. Так, участник, привлеченный к производству следственного действия, может обратиться с ходатайством о приобщении предметов и документов, внесении в протокол дополнительных сведений, оставленных без внимания следователя (дознателя), проведении осмотра предметов и документов, дополнительном разъяснении своих прав, принятии мер по обеспечению безопасности и т. д. [2, с. 134–135].

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что право на заявление ходатайств следует отнести к общим правам, требующим разъяснения всем участникам при проведении любых следственных действий.

Список литературы:

1. *Алексеев А. Г., Гавло В. К.* Ходатайство как институт уголовно-процессуального права // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2004. № 7.
2. *Давыдовская М. В.* Общие правила производства следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
3. *Земницкая А. К.* Ходатайства на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
4. *Максимов О. А.* Основы построения механизма реализации права на ходатайство и жалобу в современном уголовном процессе Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2021. № 11 (203).
5. *Максимов О. А.* Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2022.
6. *Победкин А. В., Яшин В. Н.* Следственные действия : моногр. М., 2016.
7. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : моногр. М., 2021. 408 с.

Формирование новых родов (видов) судебной экспертизы в условиях современных вызовов

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования новых родов (видов) судебной экспертизы в условиях современных вызовов: цифровой трансформации преступности, изменений в ее уровне, структуре, динамике, появлении новых объектов исследования, а также организационных особенностей экспертно-криминалистической деятельности.

Ключевые слова: криминалистическая техника; судебная экспертиза; цифровая трансформация.

Противодействие преступности, использующей новейшие технологии, невозможно без оснащения современной криминалистической техникой органов внутренних дел. Само понятие «криминалистическая техника» традиционно рассматривается в двух аспектах: как раздел криминалистической науки и как совокупность технических средств, используемых для собирания, изучения и исследования доказательств [3, с. 150]. При этом техническое оснащение органов расследования преступлений и экспертно-криминалистических подразделений определяется, в первую очередь, текущими потребностями практики и вызовами, исходящим от преступного мира, с учетом достоверных прогнозов структуры и динамики преступности. Обоснование возможности использования новых методов и средств получения доказательственной информации является одной из главных задач криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений и предпосылкой формирования научно-технической политики в названной сфере [1, с. 82].

Криминалистика, основываясь на положениях других областей знания, призвана обеспечить совершенствование существующих и разработку новых экспертных методик исследования как материально-фиксированных, так и цифровых следов преступления [4], а также использования в процессе доказывания новых объектов, включая геномную информацию [5]. Следует согласить-

ся с мнением профессора А. Г. Филиппова, что «появление новых технико-криминалистических средств в каждом случае обуславливается, с одной стороны, потребностями практики, а с другой – достигнутым уровнем развития науки и техники» [2].

Расширение Перечня родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации¹, наглядно демонстрирует тенденцию следования криминалистической науки за потребностями практики. Так, за последние 10 лет названный Перечень пополнился строительно-технической, психофизиологической, товароведческой, радиотехнической и лесотехнической экспертизами, появление которых сопровождалось научными исследованиями в ЭКЦ МВД России и потребностями следственной практики.

Обращает на себя внимание межведомственная методическая разобщенность в вопросах производства различных видов экспертиз между МВД России, Минюстом России и иными субъектами государственной судебно-экспертной деятельности. Налицо отсутствие единых подходов к способам и приемам исследования однородных объектов и формулированию выводов. Отсутствие единого подхода к наименованию видов экспертных исследований, проводимых по однородным объектам, наряду с различием в используемых методических рекомендациях приводят к формулированию неоднозначно трактуемых экспертных выводов.

Таким образом, формирование единого подхода к экспертным методикам, консолидация научных разработок и практики их применения, является еще одним направлением совершенствования криминалистического обеспечения в условиях цифровой трансформации.

Еще одной тенденцией криминалистического обеспечения является обеспечение технологического суверенитета при производстве и поставках средств криминалистической техники. Сформировавшаяся с начала 90-х гг. XX в. зависимость отечественных поставщиков криминалистической техники от иностранных производителей и незаконная санкционная политика со стороны недружественных стран оказывает негативное влияние на техническую оснащенность экспертно-криминалистиче-

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : прилож. 2 к приказу МВД России от 29 июня 2005 г. № 511.

ских подразделений, использование иностранного программного обеспечения, приобретение расходных материалов и обслуживание уже имеющейся криминалистической техники иностранных производителей. Так, с 2019 г. отсутствует возможность полноценного использования программного обеспечения и оборудования АПК «UFED», производимых израильской компанией Cellebrite для работы с цифровой информацией. Прекращены поставки генетических анализаторов, произведенных в Японии, видеоспектральных компараторов фирмы Foster+Freeman (Великобритания), оборудования для обнаружения и изъятия следовой информации голландской фирмы BVDA, а также американского производителя расходных материалов Sirshe. Ограничения коснулись также широкого спектра оргтехники, фото- и видеооборудования иностранного производства. В этих условиях обеспечение технологического суверенитета и импортозамещения, переход на отечественное программное обеспечение, расходные материалы, оборудование, снижение зависимости от иностранных производителей является приоритетной задачей криминалистического обеспечения.

Положительным примером ее решения в части, касающейся дактилоскопических исследований, является опыт компании «Папилон» (г. Миасс Челябинской области), продукция которой по ряду параметров превосходит зарубежные аналоги. Так, в программном обеспечении «Папилон 9» реализована технология обработки больших объемов данных и искусственного интеллекта. Компонент «Нейропоиск» позволяет устанавливать совпадение следов рук по меньшему количеству идентифицируемых признаков, но с учетом их большей идентификационной значимости, анализируя также ряд дополнительных параметров.

Таким образом, основными факторами, определяющими направления совершенствования криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений, являются цифровая трансформация преступности; изменение механизма преступлений; совершаемых бесконтактным способом; изменения в механизме следообразования за счет сокращения числа следов – материально фиксированных отображений и роста числа цифровых следов; отсутствие единого научно-методического подхода в сфере судебной экспертизы вследствие ведомственной разобщенности субъектов государственной судебно-экспертной деятельности; потребность в технологическом суверенитете и импортозамещении в области производства криминалистической техники.

Список литературы:

1. *Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е.* О концепции государственной научной и научно-технической политики в области криминалистического обеспечения борьбы с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68).
2. Криминалистика. Полный курс : учеб. / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
3. Криминалистика : учеб. / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. М., 2000.
4. *Пастухов П. С.* Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4.
5. *Рывкин С. Ю.* Криминалистические основы применения ДНК-исследований // Право и практика. 2023. № 2.

Дармаева Валентина Дашеевна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
e-mail: vdarmaeva@mail.ru*

Процессуальная самостоятельность следователя как залог эффективности предварительного расследования

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы процессуальной самостоятельности следователя и обеспечения его независимости при расследовании преступлений на основе работ профессора Виктора Александровича Михайлова. Анализ его трудов позволяет определить основные процессуальные гарантии данного правового института, перспективы их обеспечения. Делается вывод о том, что многие предложения, высказанные в научной литературе, позже нашли закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве. Идея о создании единого следственного аппарата в системе государственных органов была реализована путем создания Следственного комитета Российской Федерации.

***Ключевые слова:** следователь; процессуальная самостоятельность; процессуальная независимость; гарантии обеспечения; теория уголовно-процессуального права; перспективы совершенствования.*

Вопросы совершенствования процессуального статуса следователя, оптимизации его функций и полномочий, укрепления процессуальной самостоятельности и независимости являются одним из острых и актуальных проблем на протяжении длительного времени и становится предметом рассмотрения как теоретиков уголовно-процессуальной науки, так и практических работников. Процессуальная фигура следователя как ключевого участника уголовного судопроизводства являлась одной из центральных тем научных интересов профессора Виктора Александровича Михайлова. Под его авторством вышло множество работ, посвященных разработке процессуальных гарантий укрепления процессуальной самостоятельности следователя, механизмов реализации независимости

следственных органов. Рассуждая о правовой природе процессуальной самостоятельности следователя, в своих работах профессор В. А. Михайлов указывает, что она следует из содержания самой деятельности, которая «...вполне самостоятельна» [2, с. 118].

Одним из решений проблемных вопросов он считал необходимость создания единого следственного аппарата. Спустя годы имеется возможность проанализировать научную глубину и перспективность научных исследований таких ученых, как профессор В. А. Михайлов. В работе «К вопросу об улучшении деятельности органов предварительного расследования» он писал, что необходимо сблизить процессуальную самостоятельность и независимость следователя с процессуальной самостоятельностью и независимостью судей [10, с. 107]. Такие предложения поддерживались многими специалистами в области уголовно-процессуального права [1, с. 111; 7, с. 81]. В. С. Шадрин указывал, что обеспечение процессуальной самостоятельности, в свою очередь, является важным условием надлежащего обеспечения прав и интересов личности при производстве расследования [14, с. 100]. Б. Я. Гаврилов считает, что конституционные права граждан должны обеспечиваться и путем совершенствования института процессуальной самостоятельности и независимости следователя [3, с. 6]. Спустя десятилетия эти идеи частично были реализованы путем создания Следственного комитета Российской Федерации¹.

Профессор В. А. Михайлов поддерживал идею выделения следственного аппарата из какого-либо ведомственного влияния, обеспечения процессуальной независимости следователя через организационное построение органов предварительного следствия, определения его места в системе государственных органов. Профессор В. М. Михайлов в обоснование создания обособленного следственного аппарата, указывает на разность методов управления в различных правоохранительных органах. По его мнению, на деятельность следователя не могут распространяться методы руководства и контроля, принятые в деятельности производственной и административной. Сюда более подходят те методы, которые применимы к деятельности судебной [10, с. 108].

Следующая идея профессора В. А. Михайлова, с учетом анализа нынешнего состояния уголовно-процессуального законодательства, также является «пророческой». В одной из своих работ

¹ Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 14 января 2011 г. № 38 (ред. от 21.08.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109295/ (дата обращения: 20.08.2025).

он писал: «Назначение прокурора в будущем – надзор за исполнением законов в деятельности органов предварительного следствия. Однако осуществлять это он должен не методами процессуального руководства предварительным следствием, как это предписано для него в настоящее время, а методами, принятыми в общенадзорной деятельности». Изменения, которые были внесены в Уголовно-процессуальный закон, в том числе Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ¹, изменили существовавшую правовую конструкцию процессуального руководства, осуществляемого прокурором в отношении следователя, делегировав его полномочия руководителю следственного органа.

Сбывается научное предвидение профессора В. А. Михайлова о том, что «с созданием единого следственного аппарата те ведомства, в которых он сейчас сосредоточен, получают возможность не распылять усилий, а сконцентрировать их на решении только своих коренных, т. е. присущих только данному ведомству задач». Результаты деятельности Следственного комитета Российской Федерации демонстрируют эффективность и своевременность его создания. При подведении итогов 10-летней работы по раскрытию и расследованию преступлений Председатель Следственного комитета А. И. Бастрыкин подчеркнул, что выстроена мобильная, четко работающая и криминалистически оснащенная система следственных органов [12]. В 2024 г. Следственным комитетом направлено в суды свыше 94 тыс. уголовных дел в отношении почти 104 тыс. обвиняемых. В массиве переданных для судебного рассмотрения дел 11,5 тыс. – о коррупционных деяниях, большинство из которых – о взятках. Велась активная работа по расследованию экономических преступлений: направлена в суды почти 21 тыс. дел о таких деяниях [11].

На сегодняшний день Следственный комитет Российской Федерации – единственный правоохранительный орган, в котором не смешиваются различного рода функции и полномочия. Тем не менее, для эффективного решения задач, стоящих в ходе раскрытия и расследования преступлений, имеются основания для создания в ведомстве подразделений, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью. Такое предложение было высказано профессором В. А. Михайловым в одной из его работ: «Если в составе

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/ (дата обращения: 20.08.2025).

следственного аппарата создать специализированные подразделения для оказания помощи следователю..., то при таком объединении решение задач раскрытия преступлений, их предупреждения будет сконцентрировано в том органе, который в полном объеме должен отвечать за судьбу расследуемого дела» [10, с. 110]. Это, по его мнению, устранил дублирование в следственной и оперативной работе, обеспечит четкое выполнение следственных и оперативных функций и др. Мы также считаем, что требует проработки вопрос о создании в структуре Следственного комитета Российской Федерации подразделений, занимающихся оперативно-розыскной деятельностью [4, с. 70–73].

В той же работе, профессор В. А. Михайлов предложил, что такое подразделение может именоваться следственной инспекцией, а его сотрудники – следственными инспекторами. Основные полномочия таких сотрудников должны быть регламентированы в законе и заключаться в выполнении непосредственных (прямых) поручений и указаний следователя о производстве розыскных, оперативно-розыскных и следственных действий.

Как одну из процессуальных гарантий самостоятельности следователя можно выделить его полномочие на принятие решения о возбуждении уголовного дела. В связи с реализацией данного полномочия иными участниками уголовного процесса профессор В. А. Михайлов отмечает, что «наибольший эффект дает такой порядок, когда расследование уголовного дела от его возбуждения до окончания ведет один и тот же следователь» [8]. Такая идея находит отклик у многих процессуалистов, которые считают, что такой порядок способствует расследованию в полном объеме, проявлению творческой инициативы, целеустремленности и активности следователя, его оперативности при расследовании преступлений [6, с. 15; 9, с. 84].

Необходимо отметить определенное единство теоретиков уголовно-процессуальной науки и практических работников в вопросах обеспечения процессуальной самостоятельности и независимости следователя. Имеются сотни научных исследований, в которых содержатся различные предложения по совершенствованию правовых норм в целях их укрепления. Некоторые из них реализуются спустя года и десятилетия, большинство же из них пока сохраняются лишь в теории [5]. Но обращение к трудам известных ученых-процессуалистов, в данном случае – профессора В. А. Михайлова, подтверждает истинность и дальновидность результатов их теоретических исследований.

Отсутствие гарантий процессуальной самостоятельности и независимости следователя приводит к ограничению объектив-

ности и беспристрастности расследования уголовных дел, самостоятельности в принятии процессуальных решений, ограничению за результаты расследования. Негативные последствия заключаются в значительном уменьшении инициативы и активности следователя. Как указывал М. С. Строгович, «пока следователю не будет обеспечена определенная сфера независимости, проблема предварительного следствия не может быть решена» [13, с. 8].

Идеи и труды профессора В. А. Михайлова о процессуальной самостоятельности и независимости следователя нашли отклик у следующих поколений процессуалистов, которые продолжают исследования в области уголовно-процессуальной науки. И передавая знания новому поколению, через свои уста передают идеи профессора и поддерживают преемственность идеи сильной фигуры следователя. Принципиальная позиция профессора В. А. Михайлова по поводу наделяния следователя истинной процессуальной самостоятельностью реализуется в современном уголовном процессе, но тем не менее остаются серьезные проблемы с ее обеспечением.

Список литературы:

1. *Власов А.А.* Полномочия следователя в советском уголовном процессе : дис. ...канд. юрид. наук. М., 1979.
2. *Вьдря М.М., Михайлов В.А.* Процессуальные функции в стадии предварительного расследования // Труды Академии МВД Российской Федерации. М., 1993.
3. *Гаврилов Б.Я.* Реализация органами предварительного следствия правовых норм о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001.
4. *Дармаева В.Д.* Реализация следователем полномочий при взаимодействии с субъектами ОРД // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения / под общ. ред. А. М. Багмета. М., 2018.
5. К вопросу об улучшении деятельности органов предварительного расследования // 24 съезд КПСС о задачах дальнейшего укрепления социалистической законности : материалы конф. Волгоград, 1972.
6. *Колоколов Н.А.* Проект УПК РФ: суждено ли нам сейчас пройти тернистый путь от иллюзий к реальности // Следователь. 2001. № 4.

7. *Кудинов Л.Д.* Независимость как основа уголовно-процессуального положения следователя в правовом государстве / Формирование правового государства и вопросы предварительного следствия : сб. высшей следственной школы. Волгоград, 1992.
8. Курс уголовного судопроизводства : учеб. / под ред. В.А. Михайлова. 2006. Т. 1.
9. *Ларин А.М.* Преступность и раскрываемость преступлений // Государство и право. 1999. № 4.
10. *Михайлов В. А.* К вопросу об улучшении деятельности органов предварительного расследования // 24 съезд КПСС о задачах дальнейшего укрепления социалистической законности : материалы конф. Волгоград, 1972.
11. Председатель СК России провел заседание коллегии по итогам работы ведомства в 2024 году. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1951309/> (дата обращения: 20.08.2025).
12. Следственный комитет подводит итоги работы за 10 лет. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1529344/> (дата обращения: 20.08.2025).
13. *Строгович М.С.* Самостоятельность следователя // Социалистическая законность. 1946. № 7-8.
14. *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 4.

Евдокимова Ольга Владимировна,
адъюнкт адъюнктуры
Уфимского юридического института МВД России
e-mail: olga.evдокимова_2018@mail.ru

Причины и условия, способствующие совершению мошенничества на платформах онлайн-знакомств

Аннотация

В статье рассматривается анализ причин и условий, способствующих совершению мошеннических действий на платформах онлайн-знакомств. Исследование фокусируется на выявлении технических, виктимологических и организационно-управленческих причинах. Автором предлагаются рекомендации, направленные для оптимизации безопасности платформ онлайн-знакомств.

***Ключевые слова:** мошенничество; сайты знакомств; потерпевший; причины; условия.*

В современном мире интернет-технологии играют ключевую роль в повседневной жизни, включая сферу знакомств. Платформы онлайн-знакомств предоставляют пользователям расширить круг общения, познакомиться с новыми людьми, найти партнера для построения серьезных отношений и создания семьи. Однако с ростом популярности таких сервисов увеличивается и количество мошеннических схем, направленных на обман пользователей.

Согласно статистическим данным МВД России в январе – июне 2025 г. зарегистрировано 371,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что на 0,7 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 38,5 % в январе – июне 2024 г. до 39,5%, а из них больше половины – мошенничества, предусмотренные ст. 159 УК РФ (183, 6 тыс.) [3].

Все это обусловлено причинами и условиями, способствующими совершению преступлений данного вида, которые необходимо изучить для дальнейшего совершенствования методики расследования уголовных дел и предупредительных мер. Причинами преступлений являются социальные явления и процессы, инициирующие преступные намерения и формирующие у правонарушителей

отрицательные установки. Например, корысть, стяжательство, алчность, стремление к наживе, обогащению, завладению чужим имуществом и т. п. Условия, способствовавшие совершению преступлений, объективно выражаются в виде конкретных недостатков, упущений, невыполнения или ненадлежащего выполнения требований закона, правил и обязанностей, предусмотренных соответствующими уставами, инструкциями и положениями, в деятельности организаций, учреждений, предприятий и отдельных должностных лиц [4, с. 6–7].

Как отмечал М.Д. Шаргородский, «причинами преступности в широком смысле этого слова можно считать все те обстоятельства, без которых она не могла бы возникнуть и не может существовать. Но не все эти обстоятельства играют одинаковую роль. Одни из них создают лишь реальную возможность преступных мотивов, а другие превращают эту возможность в действительность. Поэтому первые следует рассматривать как условия, а вторые как причины. Причинами преступности являются, как и вообще причиной, те активные силы, которые своим действием порождают ее существование. Причины конкретного преступления – это, таким образом, те активные силы, которые вызывают у субъектов интересы и мотивы для его совершения» [1, с. 167].

Социально-экономические причины способствуют преступной активности, среди них: низкие доходы населения; высокий уровень цен на продукты и иные необходимые товары; быстрый заработок; задолженности по кредитам; уровень образования.

Условия, создающие благоприятную среду для преступников на платформах онлайн-знакомств, необходимо разделить на три составляющие: технические, виктимологические, организационно-управленческие.

1. *Технические.*

Отсутствие надлежащего контроля модераторами интернет-ресурсов, осуществляющих услуги в сети «Интернет» за идентификацией пользователей при регистрации на сайте знакомств; наличие в свободном доступе средств анонимизации в сети «Интернет» (VPN-сервисы и т. п.). Эти причины способствуют анонимности, легкости создания поддельных профилей и информации о себе. Преступники скрывают свою истинную личность, используя вымышленные имена, фотографии и биографию, чтобы создать убедительный образ, зарегистрировать несколько аккаунтов, используя разную информацию о себе. Они представляются успешными, привлекательными, благородными, чтобы вызвать доверие. Часто придумывают истории о себе, о трудных жизненных обстоятельствах,

которые вызывают сочувствие, или о совместных планах и мечтах на будущее, которые укрепляют эмоциональную связь. Ярким примером мошенничества является уголовное дело в отношении жительницы Севастополя. Потерпевшую на сайте знакомств впечатлила его биография и фотографии, которые на самом деле принадлежали другому человеку. Он представился пилотом гражданской авиации и создал образ одинокого, состоятельного иностранца, обманывая жертву [2].

2. Виктимологические.

Отсутствие у граждан базовых знаний о безопасности в сети «Интернет»; легкомысленное отношение населения к доводимой профилактической информации о популярных способах мошеннических действий данной категории и методиках противодействия им. Тем самым это позволяет мошенникам без затруднений использовать разнообразные схемы обмана.

3. Организационно-управленческие.

Недостаточная подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в этой сфере затрудняет реагирование на случаи мошенничества; слабая координация между сотрудниками правоохранительных органов с представителями сайтов знакомств, операторами сотовой связи, кредитными организациями, экспертными учреждениями, провайдерами, Роскомнадзором и иными компаниями; неэффективная организация международного сотрудничества; отсутствие необходимой материально-технической базы для борьбы с мошенническими действиями данной категории [5, с. 196].

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о высоком уровне латентности рассматриваемого вида. Несообщение информации о совершении мошенничества обусловлено чувством стыда, сохранением иллюзии любви, основанной на манипулятивном воздействии со стороны злоумышленника, отрицанием факта мошенничества со стороны лица, с которым установлена эмоциональная связь [6, с. 105]. Потерпевшие, осознавая сложность расследования таких преступлений, часто избегают обращения в правоохранительные органы [7, с. 43–46]. Однако скрытые и незафиксированные факты противоправных действий мошенничества формируют у преступников ощущение безнаказанности. Это, в свою очередь, побуждает их к совершению новых преступлений. В результате к моменту разоблачения правонарушителя он уже успевает совершить множество подобных преступлений и накопить значительный опыт, что, в конечном итоге, способствует увеличению уровня преступности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [8, с. 82–84].

Исходя из анализа рассмотренных аспектов, для оптимизации безопасности платформ онлайн-знакомств следует принять следующие меры:

- разработка системы обязательной верификации профилей путем подтверждения номера телефона, электронной почты или даже предоставления документов, удостоверяющих личность. Это значительно усложнит создание множества поддельных аккаунтов;
- внедрение систем автоматической проверки фотографий на соответствие личности пользователя, а также на наличие использования чужих фотографий;
- усиление модерации контента с целью выявления подозрительных шаблонов общения и автоматической и автоматической блокировки потенциальных мошенников;
- развитие удобной и эффективной системы обратной связи и жалоб, позволяющей пользователям сообщать о подозрительных профилях и действиях, а также реагировать на эти сообщения;
- авторизация на сайте знакомств через «Госуслуги», которая позволит повысить уровень безопасности и доверия среди пользователей. Использование единой системы идентификации допускает избежать создания фальшивых аккаунтов и обеспечит большую защиту личных данных.

Анализ причин и условий, способствующих совершению мошенничества на платформах онлайн-знакомств, позволяет сделать вывод о комплексном характере данной проблемы. Она обусловлена как техническими возможностями и уязвимостями самих платформ, так и психологической, эмоциональной и, порой, недостаточной цифровой грамотностью пользователей. Преступники умело используют эти факторы, выстраивая изощренные схемы обмана. Предложенные меры, охватывающие как платформы, так и самих пользователей, призваны минимизировать риски и создать более безопасную среду для онлайн-знакомств.

Список литературы:

1. *Гачава М.Л.* Криминология : учеб. пособие. Владимир, 2022.
2. Документальный фильм «Брачные аферисты. От любви до смерти». Канал «Россия 24». Выпуск от 8 января 2023 г.
- 3 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/66517593/> (дата обращения: 10.09.2025).

4. *Передерий В.А.* Криминалистическая профилактика преступлений органами предварительного следствия : методич. рекомендации / под ред. А.М. Багмета. М., 2017. 30 с.
5. *Молчанова Т. В., Аксенов В.А.* Факторы, обуславливающие мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2.
6. *Нугаева Э.Д.* Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг : дис. ...канд. юрид. наук, 2019.
7. *Степанов-Егиянц В.Г.* Современная уголовная политика в сфере борьбы с компьютерными преступлениями // Российский следователь. 2012. № 24.
8. *Тутуков А.Ю.* Основные детерминанты компьютерной преступности в Российской Федерации // Пробелы в Российском Законодательстве. 2018. № 3.

Ильюхов Алексей Александрович,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
e-mail: alexsmol672019@yandex.ru*

Необходимость оптимизации процессуального статуса прокурора в досудебном производстве, в том числе и по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей

Аннотация

В статье исследуется процесс трансформации надзорной деятельности прокурора за следствием в рамках производства по уголовным делам, которые, согласно закону, могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей. Соотносится процессуальный контроль и прокурорский надзор, раскрывается их влияние на качество предварительного следствия. Анализируются мнения сторонников и противников возвращения прокурору его прежних надзорных полномочий за соблюдением законов органами предварительного следствия и предлагаются способы разрешения правовых и организационных проблем, возникающих между прокурором и руководителем следственного органа. Делается вывод о том, что следует не столько расширять надзорные функции прокурора, а скорее укреплять ныне существующие, в том числе и через призму взаимодействия с руководителем следственного органа.

Ключевые слова: *процессуальный контроль; прокурорский надзор; взаимодействие; предварительное следствие; следователь; прокурор; руководитель следственного органа.*

Деятельность органов прокуратуры Российской Федерации направлена на обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, охраняемых законом интересов общества и государства, что обеспечивается надзорной деятельностью прокуратуры и за органами предварительного следствия и дознания.

Вместе с тем Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Рос-

сийской Федерации»¹, были значительно перераспределены полномочия между прокурором и руководителем следственного органа (начальником следственного отдела по ст. 39 УПК РФ в первоначальной редакции), и в большей степени это коснулось организационного разграничения функций в сферах осуществления надзора за следствием и дознанием.

В результате чего существенно изменилась расстановка сил между прокурором и руководителем следственного органа, значительно повлияв на дискреционные начала полномочий последнего, когда подавляющая часть полномочий прокурора была передана руководителю следственного органа. Вместе с тем изменения процессуального статуса прокурора были призваны не подменять, а, скорее, дополнять совместную процессуально-надзорную деятельность руководителя следственного органа и прокурора, повышая этим качество расследования уголовных дел, в том числе и тех дел, рассмотрение которых возможно в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ судом присяжных заседателей.

Единственным процессуальным «рычагом» воздействия прокурора на следователя осталось возвращение им уголовного дела следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Это правомочие прокурора выступает существенной гарантией от ошибок и злоупотреблений следователя и соблюдения интересов граждан в уголовном процессе.

При этом, как справедливо отмечают Б. Я. Гаврилов, У. В. Садилова, С. А. Минаева и другие ученые-процессуалисты, предусмотренный УПК РФ объем надзорных полномочий прокурора позволяет добиваться устранения любого нарушения федерального законодательства, допускаемого следователем в ходе производства по уголовному делу, что положительно влияет на качество предварительного следствия, снижая количество незаконно и необоснованно привлеченных к уголовной ответственности лиц, в том числе содержащихся под стражей [3, с. 32; 15, с. 12; 18, с. 125].

Однако указанной позиции придерживаются не все, и дискуссия о полномочиях прокурора среди ученых и практиков продолжается. Часть их полагает, что после принятия Федерального

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ ныне принадлежащие прокурору полномочия не позволяют тому эффективно реализовывать свою надзорную деятельность. Изъятие у прокурора таких правомочий, как возбуждение и прекращение уголовного дела, возможность смягчать отдельные пункты обвинения при утверждении обвинительного заключения, решение вопроса о заключении под стражу, снизило, по мнению отдельных авторов, уровень обеспечения законности при производстве по уголовному делу. В то же время, полагают они, нарушение законности при производстве по уголовным делам сохраняется, сказываясь на качестве и результатах расследования, а значит, и передача указанной выше части полномочий от прокурора руководителю следственного органа ошибочна и их следует ему вернуть [1, с. 105; 14, с. 557; 19, с. 8; 20, с. 167].

Свои доводы сторонники возвращения полномочий прокурора по контролю за процессуальной деятельностью следователя подтверждают данными статистики, свидетельствующими, что прокуратура выявляет значительно большее число нарушений законности, допускаемых органами предварительного следствия, чем руководители следственных органов, а расширение контрольных полномочий только подтверждает, по их мнению, этот факт.

В частности, в 2012 г. руководителями следственных органов СК РФ следователям было возвращено 334 уголовных дела, в 2013 г. – 827 уголовных дел, в 2014 г. их количество составило уже 485 уголовных дел, в 2015 г. – 498 уголовных дел, в 2016 г. – 482 уголовных дела, а в 2017 г. – уже 495 уголовных дел, тогда как прокурором количество уголовных дел было возвращено многократно больше: в 2012 г. – 3 118 уголовных дел, в 2013 г. – 3 873 уголовных дела, 2014 г. – 3 968 уголовных дел, в 2015 г. – 3 476 уголовных дел, в 2016 г. – 3 148 уголовных дел, а в 2017 г. – 2 930 уголовных дел¹. В качестве другого примера: за 2018 г. следователями СК РФ принято 136 521 решение о возбуждении уголовного дела, из которых прокурорами отменено 530. Следователями СК РФ принято 519 247 решений об отказе в возбуждении уголовного дела, из которых прокурорами отменено 46 439, при этом возбуждено уголовных дел только 344 (0,74 % от числа отмененных)².

¹ Материалы к расширенному заседанию коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2012–2017 гг. и стоящих задачах». С. 29.

² О результатах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации с обращениями за 2018 год и мерах по повышению ее эффективности: информационное письмо. М., 2019.

Поддерживая позицию расширения надзорных полномочий прокурора за следствием, И. Б. Михайловская полагает, что передача части полномочий прокурора по осуществлению процессуального руководства за следствием снизила роль прокурора на стадии предварительного расследования. Ранее, при наличии у него этих полномочий, прокурор выполнял роль «дополнительного фильтра», способствующего формированию обоснованного обвинения [16, с. 38].

Видится, таким «дополнительным фильтром» выступает обвинительная деятельность прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде, как элемента его надзорной деятельности, с чем также согласны и другие авторы, которые отмечают единство функции обвинения в суде и надзора [2, с. 43; 9, с. 12; 14, с. 73; 15, с. 127].

Анализ позиций сторонников возвращения прокурору изъятых у него Федеральным законом от 5 июня 2007 г. №87-ФЗ полномочий по надзору за следствием позволяет подвергнуть критической оценке их точку зрения, поскольку существующие полномочия руководителя следственного органа по процессуальному контролю за следствием в случае их должной реализации позволяют эффективно охватывать весь спектр процессуальной деятельности следователя, определять целесообразность выбранных им сил, средств и методов ведения следствия. При выявлении нарушений закона со стороны следователя руководители следственных органов незамедлительно реагируют на них, в том числе и путем письменных указаний по уголовному делу, которые в силу положений п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ для следователя являются обязательными, за некоторым исключением¹.

Так, следователям следственных органов СК РФ прокуратурой в 2016 г. было направлено 18 301 требование об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства, из которых последними удовлетворено более 16 717 или 91 %². В условиях современной действительности, исходя из анализа практики рассмотрения прокурорских требований, фактически 99 % требований прокурора, бесспорно, признаются следственными органами обо-

¹ Так, по уголовному делу, рассмотренному в 2020 г. Смоленским областным судом с участием присяжных заседателей по обвинению Н. по ч. 2 ст. 105 УК РФ, следователем СУ СК России по г. Смоленску не в полном объеме истребован характеризующий материал на обвиняемого Н., неправильно осуществлена квалификация содеянного, вместо ч. 1 ст. 105 УК РФ, ч. 4 ст. 111 УК РФ, что послужило основанием возвращения уголовного дела следователю на дополнительное расследование // Архив Смоленского областного суда. Уголовное дело № 20105 по обвинению Н. по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

² Статистика Следственного комитета Российской Федерации // Материалы к расширенному заседанию Коллегии Следственного комитета РФ «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2016 г. и задачах на 2017 г.». С. 4.

снованными и впоследствии подлежат удовлетворению, что отмечается рядом ученых-процессуалистов [7, с. 119; 5, с. 34; 9, с. 31–32].

Реформа уголовного судопроизводства указанным выше федеральным законом № 87-ФЗ повысила уровень надзорной деятельности прокурора, о чем возможно судить не только на основании мнений ученых, но и данных статистики, свидетельствующих об уменьшении количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УК РФ (табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные о качестве расследования уголовных дел за период 2006 и 2018 гг. [5, с. 36].

Период	Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования				Возвращено дел судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (судом для доследования)	
	Следователям МВД	Удельный вес (в %)	След. прокурат. и СК РФ	Удельный вес (в %)	Всем органам расследования	В том числе следователям / удельный вес (в %)
2006	18 373	3,3	1 286	0,8	35 930	29 300 – 3,9
2018	17 791	5,6	3 562	3,6	6 468	4 668 – 1,1

Поэтому, как полагает Б.Я. Гаврилов, с момента принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ статистические показатели состояния законности и качества предварительного следствия многократно улучшились [4, с. 37; 5, с. 39].

В целом, освобождение следственных органов от избыточного надзора прокуратуры повысило инициативность, творческий подход следователей к расследованию преступлений, соответственно улучшилась результативность расследования уголовных дел, что подтверждается данными статистики, которые свидетельствуют о сокращении числа реабилитированных судами граждан. Так, в 2017 г. этот показатель составил 2 223 подсудимых, в 2018 г. – 2 083 подсудимых, в 2019 г. – 2 257 подсудимых, в 2020 г. – 1 932 подсудимых, а в 2022 г. – 983 подсудимых [13, с. 126] по уголовным делам, расследуемых вначале следователями прокуратуры Российской Федерации, а затем и следователями СК РФ. Повышение качества расследования уголовных дел позволило сократить и количество уголовных дел, возвращенных прокурору судом в порядке

ст. 237 УК РФ с 41 340 уголовных дел в 1999 г. до 17 702 уголовных дел в 2010 г. и далее до 6 466 в 2019 г., в 2020 г. – 9 201 уголовное дело, в 2021 г. – 10 280 уголовных дел [11, с. 33].

Исследуя вопросы соотношения полномочий прокурора и руководителя следственного органа, ученые-процессуалисты указывают и на присутствие у прокурора надзорных и организационно-распорядительных полномочий [6, с. 38; 8, с. 116; 10, с. 29–34], позволяющие применять меры прокурорского реагирования с возвращением прокурору Федеральным законом от 30 декабря 2010 г. № 404-ФЗ¹ полномочий по истребованию и проверке законности и обоснованность постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела, приостановлении предварительного следствия или прекращении уголовного дела и принятия по ним решения (ч. 6 ст. 148; ч. 1 ст. 211; ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Сохранилась возможность и возвращать уголовное дело с письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, изменении объема обвинения или квалификации действий обвиняемых, пересоставления обвинительного заключения или обвинительного акта и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Этот факт свидетельствует о сохранении за прокурором статуса гаранта соблюдения законности в процессуальной деятельности следователя в ходе производства по уголовному делу.

В целом, сам статус и полномочия руководителя следственного органа и прокурора по реализации ими своих процессуально-надзорных функций следует сформировать так, чтобы они, действуя каждый в своем правовом пространстве, но с учетом приоритетных интересов преследовали единую цель, которая направлена на качественное расследование преступлений и изобличение лиц, причастных к их совершению по тем уголовным делам, которые могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей.

При этом следует решать вопрос не в плоскости расширения надзорных функций прокурора, а в укреплении существующих через взаимодействие с руководителем следственного органа. При этом учитывать приоритетные интересы этих участников процесса, что уменьшит внутренние противоречия между ними, когда следователь опирается на мнение своего руководства при обжаловании указаний прокурора [12; 17].

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : Федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ // Рос. газ. 2010. № 296.

Для этого следует привлекать прокурора к участию в разрешении ключевых процессуальных вопросов еще на досудебной стадии производства по уголовным делам, и особенно это актуально по уголовным делам, которые могут быть рассмотрены судом присяжных заседателей.

Подобная практика нашла применение во взаимодействии прокуратуры г. Санкт-Петербурга и Следственного управления СК РФ по г. Санкт-Петербургу, где руководству следственных органов предлагается выступать с инициативой перед заместителем прокурора города о закреплении за каждым расследуемым уголовным делом, которое может быть рассмотрено судом с участием присяжных заседателей, государственного обвинителя из числа работников управления по обеспечению участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами г. Санкт-Петербурга. Представленная форма взаимодействия проявляется в изучении уголовного дела государственным обвинителем и выдвигании им выводов о полноте и объективности проведенного предварительного следствия, правильности квалификации с тем, чтобы при необходимости подготовить для следователя письменные рекомендации по устранению недостатков, допущенных в ходе производства по уголовному делу.

Такого рода форма взаимодействия между прокурором и руководством следственного органа направлена не на расширение надзорных полномочий прокурора, а, скорее, на повышение эффективности поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей, одновременно снижая уровень противоречий между ними.

Для разрешения разногласий прокуратуры с руководством следственного органа касательно хода и результатов расследования уголовного дела следует проводить и совместные оперативные совещания, касающиеся результатов проведенного расследования уголовного дела, в которых принимает участие прокурор, на которого в последующем будет возложена обязанность по поддержанию государственного обвинения в суде. Данный факт обяжет следователя согласовывать как с надзирающим прокурором, так и с прокурором, поддерживающим государственное обвинение в суде присяжных заседателей, значимые для хода расследования процессуальные действия и принимаемые решения.

Этими мерами возможно на системном уровне эффективно реализовать надзорную деятельность прокурора, одновременно содействуя в координации поведения представителей стороны обвинения по уголовным делам, которые в силу закона подлежат рассмотрению судом присяжных заседателей.

Список литературы:

1. *Васягина М.М.* Проблемы прокурорского надзора за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия // Законность и правопорядок в современном обществе. 2017. № 35.
2. *Воронин О. В.* О содержании функции участия прокурора в рассмотрении дела судами // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 3 (9).
3. *Гаврилов Б. Я.* О полномочиях прокурора в досудебном производстве: современное состояние и пути совершенствования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (Вологда). 2011. № 3 (15).
4. *Гаврилов Б.Я.* Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве // Вестник МВД России. 2010. № 1.
5. *Гаврилов Б.Я.* Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3.
6. *Гаврилов Б.Я.* Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1.
7. *Дикарев И. С.* Требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства: процессуальное значение их необязательности для следственного органа // Уголовная юстиция. 2017. № 10.
8. *Жук О.Д.* Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовное право. 2003. № 4.
9. *Каретников А.А.* Требования прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия // Законность. 2016. № 1.
10. *Ковтун Н. Н.* К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссии? // Российская юстиция. 2010. № 5.
11. *Колтакова Л.А.* Институт возвращения уголовных дел для проведения дополнительного расследования: проблемы правовой регламентации и правоприменения // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4.
12. *Костенко Н.И.* Место прокуратуры в государственном механизме // Государство и право. 1995. № 11.

13. *Мальшева О.А.* Процессуальная форма участия защитника в оказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5.

14. *Масленникова Л.Н.* УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // LEXRUSSICA. Научные труды Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 2010. № 3.

15. *Минаева С.А.* Актуальные направления процессуальной деятельности руководителя следственного органа по обеспечению законности при производстве предварительного следствия // Известия Тульского Государственного Университета. Серия: Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 1.

16. *Михайловская И.Б.* Изменение законодательной модели российского уголовного судопроизводства : моногр. М., 2015.

17. *Петрухин И.Л.* Функции прокурора в суде // Советское государство и право. 1990. № 6.

18. *Садикова У.В.* Об эффективности дифференциации процессуальных полномочий властных субъектов уголовного судопроизводства и дальнейшем совершенствовании их процессуальных взаимоотношений // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47).

19. *Серебрянникова М.В.* Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование : дис.канд. юрид. наук. М., 2013.

20. *Силкин В.П.* Практика и проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 5.

Кетенчиева Елена Сергеевна,
*кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: ketenchiyeva00@bk.ru*

Правовые и технические вопросы использования переписки в мессенджерах при доказывании IT-преступлений

Аннотация

В условиях цифровизации общества и роста IT-преступлений, составляющих около 44,9 % от общего числа преступлений при низкой раскрываемости (около 25 %), возникает острая необходимость совершенствования механизмов использования переписки в мессенджерах как доказательств. В статье исследуются правовые и технические аспекты применения электронных доказательств в уголовном судопроизводстве по IT-преступлениям. Анализируется отсутствие в российском законодательстве четкого закрепления электронных доказательств как самостоятельного вида, что создает правовые коллизии при их использовании. Особое внимание уделяется проблемам получения информации из мессенджеров, уязвимости скриншотов к подделке и сложностям взаимодействия с иностранными компаниями – владельцами мессенджеров. В работе предлагаются меры по совершенствованию законодательства, включая авторскую концепцию «судебного цифрового доверия» – механизма автоматизированной верификации электронных доказательств через специализированный государственный сервис, интегрированный с судебной системой. Данный инструмент позволяет решить проблему отсутствия научно обоснованных рекомендаций по оптимальному получению и оценке электронных доказательств, обеспечивая оперативность при сохранении высокой степени достоверности. Практическая значимость исследования заключается в повышении эффективности доказывания по уголовным делам, совершенным с использованием информационных технологий, и снижении сроков уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *электронные доказательства; мессенджеры; IT-преступления; доказывание; цифровой след; судебное доказательство; уголовный процесс.*

В современных условиях стремительного развития информационных технологий и цифровизации всех сфер жизни общества наблюдается рост IT-преступлений, в которых активно используются мессенджеры как инструмент преступной деятельности. По статистике, преступления с использованием средств мобильной связи составляют около 44,9 % от общего числа преступлений, однако их раскрываемость остается низкой и составляет всего около 25 % [5]. Одновременно с этим, по данным экспертов компании RTM Group, переписка в мессенджерах является ключевым доказательством умысла в 19 % уголовных дел, а по сравнению с 2020 г. использование электронной переписки как доказательства в уголовных делах выросло на 20 % [1]. Это обуславливает актуальность исследования правовых и технических вопросов использования переписки в мессенджерах при доказывании IT-преступлений.

Электронные доказательства представляют собой информацию, зафиксированную в цифровом виде и используемую для подтверждения или опровержения обстоятельств, имеющих значение для дела. Согласно Федеральному закону №149-ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 9 ноября 2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием ЭВМ, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [2]. Под это определение подпадает любая информация, содержащаяся в различных электронных файлах, сообщениях СМС и мессенджеров, аудио- и видеозаписях, и т. п.

В уголовно-процессуальном доказывании электронные документы могут использоваться как вещественные доказательства и как иные документы (в случае если текстовые электронные документы содержат реквизиты) [2]. При этом важно учитывать, что скрепленная квалифицированной электронной подписью информация, содержащаяся на электронном носителе, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, за исключением случаев, когда законодательством предусмотрено обязательное составление документа на бумажном носителе [2].

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует четкое закрепление электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, к доказательствам по уголовному делу относятся показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключение эксперта, вывод

эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы. Электронные доказательства формально не выделены в отдельный вид, что создает правовые коллизии при их использовании [3].

Некоторые ученые, в частности А.А. Балашова, предлагают закрепить в УПК РФ отдельное понятие «электронное доказательство», под которым следует понимать «электронный документ и электронный носитель информации», и дополнить ст. 5 УПК новым термином [1]. Такой подход позволил бы систематизировать правовое регулирование в данной сфере и устранить существующие пробелы.

Для того чтобы электронные доказательства, включая переписку в мессенджерах, имели юридическую силу, они должны отвечать критериям допустимости, установленным уголовно-процессуальным законодательством. Эти требования включают: надлежащий источник (вид) доказательства; надлежащий субъект доказывания; надлежащую процессуальную форму собирания доказательств; соблюдение правил производства следственного действия [1].

Важным аспектом является то, что получение доступа к информации из мессенджеров ограничивает право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [5]. Поэтому сбор таких доказательств должен осуществляться в строгом соответствии с законодательством, включая получение соответствующих разрешений.

При расследовании преступлений, совершенных в сети «Интернет», как правило, основными доказательствами являются материалы из различных социальных сетей и мессенджеров таких, как Вконтакте, Whatsapp, Telegram, и др. [1]. Однако процесс получения такой информации сопряжен с рядом технических сложностей.

Оперативные подразделения нередко обращаются напрямую к поставщику услуг – компании сотовой связи либо компании, владеющей мессенджером, через официальный электронный адрес с запросом об обеспечении сохранности данных. В дальнейшем направляется запрос об оказании правовой помощи [5]. При этом для мессенджеров характерно наличие специфики и индивидуально определенных правил, которые регулируют основания, условия и порядок взаимодействия с правоохранительными органами. Игнорирование подобных правил приводит к отказу со стороны иностранного поставщика услуг предоставить запрашиваемую информацию в силу ее отсутствия [1].

Одной из ключевых проблем при использовании переписки из мессенджеров как доказательства является ее уязвимость к под-

делке. Скриншоты переписок в мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Viber и т. д.) легко изменить и исправить [4]. Это создает серьезные сложности при установлении подлинности представленных доказательств.

В судебной практике уже встречаются случаи, когда суды отклоняют скриншоты переписки в качестве доказательства, ссылаясь на то, что они не были надлежащим образом удостоверены, что препятствует оценке их достоверности. Для надлежащей аутентификации электронных доказательств необходимо установить определенные правила и методы, с помощью которых суд и участники процесса смогут определить достоверность доказательной информации [4].

В последнее время увеличиваются случаи, когда в качестве доказательств по уголовным делам используются скриншоты – изображение, полученное компьютером и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода в конкретный момент времени. Однако процедура предоставления скриншотов в качестве доказательств осложняется заявлением ходатайств о недопустимости данной категории в качестве доказательств, подкрепляя это отсутствием первоначального источника информации [1].

Существует неопределенность в правовой квалификации скриншотов: их могут относить как к письменным, так и к вещественным доказательствам. В законодательстве четкое разграничение отсутствует. В то же время, по мнению некоторых экспертов, электронная переписка, заверенная нотариусом в порядке, установленном законом, может быть признана доказательством. Однако на практике может возникнуть проблема отсутствия возможности нотариально заверить электронную переписку из-за определенных временных затрат [4].

Большинство популярных мессенджеров зарегистрированы за пределами Российской Федерации, что создает дополнительные сложности при получении информации. В таком случае получить данные из переписки можно лишь посредством направления запроса об оказании правовой помощи, который направляется в правоохранительные органы иностранного государства, в котором определяется местонахождение искомого объекта и (или) компании, владеющей мессенджером [1].

Этот процесс может быть длительным и не всегда приводит к положительному результату, так как разные страны имеют различные правовые режимы в области защиты персональных данных и взаимодействия с иностранными правоохранительными органа-

ми. В связи с этим возникает необходимость в развитии международного сотрудничества и унификации процедур получения электронных доказательств [5].

Для решения выявленных проблем считаем необходимым предпринять следующие предложенные учеными меры:

- закрепить в УПК РФ понятие «электронное доказательство» как самостоятельный вид доказательств, что позволит систематизировать правовое регулирование в данной сфере [1];

- разработать и внедрить единые методические рекомендации по фиксации, изъятию и исследованию электронных доказательств, включая переписку в мессенджерах [2];

- установить четкий порядок получения информации из мессенджеров, включая прямое взаимодействие правоохранительных органов с компаниями – владельцами мессенджеров в экстренных случаях [5];

- внедрить специальные технические средства для фиксации и аутентификации электронной переписки, которые позволят подтвердить подлинность представленных доказательств [4];

- развивать международное сотрудничество в области обмена электронными доказательствами, заключая соответствующие соглашения с иностранными государствами [1].

Помимо уже предложенных мер, представляется необходимым ввести институт «судебного цифрового доверия» как новый механизм легитимизации электронных доказательств, полученных из мессенджеров. Данный институт предполагает создание системы автоматизированной верификации электронных доказательств через специализированный государственный сервис, интегрированный с судебной системой.

Суть предложения заключается в следующем: при получении электронных доказательств следователь направляет их в Центр цифровой верификации при Верховном Суде Российской Федерации, который в течение 48 часов проводит техническую экспертизу доказательств на предмет подлинности, целостности и неизменности с момента получения. После успешной проверки система автоматически генерирует уникальный цифровой сертификат доверия с QR-кодом, который прикрепляется к доказательству в электронном деле.

Особенностью данного механизма является то, что суд, рассматривающий дело, при оценке доказательств руководствуется не результатами отдельной судебной экспертизы (как это происходит сейчас), а наличием или отсутствием сертификата цифрового доверия. Сертификат создает презумпцию подлинности доказательств

ства, опровергнуть которую может только комплексная экспертиза, инициированная стороной защиты с предоставлением весомых технических аргументов.

Эта мера принципиально отличается от уже предложенных, так как:

- не требует от следователя глубоких технических знаний для первичной оценки доказательств;
- значительно сокращает сроки судебного разбирательства за счет предварительной верификации;
- создает единый стандарт оценки электронных доказательств для всех судов;
- устраняет субъективизм в оценке подлинности электронных доказательств;
- обеспечивает прозрачность процесса верификации через публичный реестр сертификатов.

В отличие от предложений о нотариальном заверении электронной переписки, которые, как отмечает П. Д. Семелькина, сопряжены с «определенными временными затратами» [4], данный механизм обеспечивает оперативность при сохранении высокой степени достоверности. Также он решает проблему, указанную А. А. Поддубняком и А. А. Алиевой, об «отсутствии полноценных научно обоснованных рекомендаций по оптимальному получению, оценке и использованию электронных доказательств» [2], предлагая конкретный технико-правовой инструмент.

Введение института «судебного цифрового доверия» позволит преодолеть ключевую проблему современного правоприменения – несоответствие скорости технологического развития и темпов адаптации правовой системы, что особенно актуально при расследовании ИТ-преступлений, где, по данным С. В. Страховой, раскрываемость составляет всего около 25% [5].

Использование переписки в мессенджерах при доказывании ИТ-преступлений представляет собой сложную область, требующую как правового, так и технического подхода. Отсутствие четкого законодательного регулирования, уязвимость электронных доказательств к подделке, сложности получения информации от иностранных компаний создают серьезные препятствия для эффективного расследования ИТ-преступлений.

Для повышения эффективности доказывания по уголовным делам, при совершении которых использовались ИТ-технологии, необходима качественная регламентация процессуального механизма собирания, проверки и оценки различных видов электронных доказательств [2]. Законодательное закрепление электрон-

ного доказательства как самостоятельного вида доказательств, разработка единых методических рекомендаций и развитие международного сотрудничества позволят повысить раскрываемость IT-преступлений и обеспечить справедливое правосудие в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. *Коновалова К. В., Суренская М. С.* Доказательства из мессенджеров в работе следователя // *Word in science.* 2022. № 10.
2. *Поддубняк А. А., Алиева А. А.* Специфика доказательственного значения отдельных видов электронных носителей информации // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.* 2020. Т. 4 (70). № 4.
3. *Попов А. П., Попов А. А.* Электронные доказательства в уголовно-процессуальном доказательственном праве // *Пробелы в российском законодательстве.* 2020. № 1.
4. *Семелькина П. Д.* Электронные доказательства как самостоятельный вид доказательств // *Форум молодых ученых.* 2023. № 6 (82).
5. *Страхова С. В.* О некоторых вопросах обеспечения законности доказывания и соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства по уголовным делам о мошенничестве, совершаемом с использованием средств мобильной связи // *Искусство правовередения. THE ART OF LAW.* 2024. № 59.

Киселев Дмитрий Эдуардович,
адъюнкт заочной формы обучения
Академии ФСИН России;
старший инструктор группы кадров
ФКУ СИЗО-1 ФСИН России
e-mail: ikiselev-1@yandex.ru

История развития технологий видеоконференцсвязи в уголовном процессе России

Аннотация

Актуальность выбора темы научной статьи обусловлена самой ролью исторического метода исследования. Для того чтобы грамотно выстроить работу по преобразованию того или иного объекта исследования, необходимо иметь представление о его сущности, знать, что послужило началом и как дошло до современного состояния. Этот процесс важен и тем, что в рамках изучения исторического пути можно выделить некоторые закономерности, которые помогут в дальнейшем исследовании.

В последнее время большое внимание в рамках уголовного процесса, как со стороны законодателя, так и в научных кругах, уделяется технологиям видеоконференцсвязи (далее – ВКС), однако фрагментарное нормативно-правовое регулирование затрудняет процесс ее изучения и не позволяет сформировать целостную картину.

В связи с этим видится необходимость всестороннего изучения ВКС в уголовном процессе России, в том числе исторического аспекта, что, по мнению автора, поможет сформировать понимание ее сущности и определить пути дальнейшего развития, в том числе, в перспективе, ответить на вопрос о том, целесообразно ли продолжать уже начатую тенденцию к расширению применения технологий ВКС.

Цель настоящей научной статьи следует определить как исследование исторического развития системы ВКС в двух аспектах: техническом и нормативно-правовом, что будет способствовать формированию целостного представления об их сущности и значении в уголовном процессе.

Методологией исследования послужили система общенаучных и частных научных методов, преимущественно использовался исторический метод. В заключение статьи автор обобщает результаты проведенного исследования и поднимает вопрос важности изучения истории ВКС в уголовном судопроизводстве и систематизации имеющихся знаний и опыта в этой области.

Ключевые слова: *видеоконференцсвязь; уголовный процесс; историческое развитие; этапы; цифровизация; судебные заседания; технологии.*

История использования технологии ВКС в уголовном процессе России насчитывает уже более 20-ти лет, за которые она показала себя с надежной стороны и прочно закрепилась в практической и законодательной деятельности, поэтому в настоящий момент трудно представить себе работу судебной системы без использования дистанционных технологий.

ВКС – это один из способов осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, основывающийся на использовании технических средств двухсторонней передачи аудио- и видеoinформации в режиме реального времени между двумя и более абонентами [5, с. 111].

В рамках исследования истории создания технологии ВКС необходима для понимания того, как она появилась и с чего начала свой путь в уголовном процессе, в связи с чем изучение указанных вопросов будет проходить именно в этом порядке.

В техническом плане годом изобретения технологий видеосвязи принято считать 1930 г., тогда был представлен первый полноценный вариант двусторонней аудиовизуальной телекоммуникационной системы американской компании AT&T. В то время в качестве демонстрации видеозвонки проводились между двумя офисами этой компании на Манхеттене [6].

Сама технология была сложной, ненадежной и дорогостоящей, было очевидно, что для ее массового распространения необходимы серьезные доработки, поэтому работа над совершенствованием системы продолжалась. Значительного прогресса удалось добиться только спустя несколько десятилетий. Основными причинами задержки послужили такие исторические события, как Великая депрессия 1930 г. и Вторая мировая война 1939–1945 гг.

В целом, в XX в. было много прототипов видеосвязи, отличающихся разной степенью качества, но объединенных одними недостатками – неудобство использования и высокая стоимость.

Стоит отметить, что в России того времени также велись разработки в данном направлении, но менее успешно. Среди наиболее удачных можно выделить только «Медицинский видеотелефон», который создавался для общения посетителей с пациентами инфекционных, ожоговых и травматологических отделений, в местах, где исключался прямой контакт.

Они ограниченно использовались (несмотря на то что стоили около 44 тыс. рублей), начиная со второй половины 70-х гг., и в некоторых родильных домах фигурировали в документах под названием ВТМ-01 [6].

В мировом масштабе процесс разработки надежной системы ВКС значительно продвинулся вперед, когда ее начали создавать на базе персональных компьютеров (1991 г., совместно IBM и PictureTel). IBM предоставляла платформу – ПК PS/2 с операционной системой OS/2, а PictureTel превращал ее в терминал видеосвязи, оснащая камерой, микрофоном, динамиками и специальным ПО.

Первая рабочая версия для компьютеров Macintosh появилась в 1992 г., хоть и не поддерживала передачу звука (до 1994 г.), а в 1995 г. была разработана полноценная версия для ОС Windows [6].

Последний временной промежуток можно считать завершающим в процессе создания стабильной, рабочей и недорогой системы ВКС. Безусловно, она продолжила свое развитие: технология улучшалась, становилась проще, возрос радиус действия, качественные показатели и т. д., однако именно технологии видеосвязи второй половины 90-х гг. положили начало дистанционному судопроизводству, что позволило перейти ко второму блоку истории ВКС: процесс имплементации в уголовно-процессуальную деятельность.

Интересен тот факт, что как только технология ВКС стала относительно стабильно выполнять свои основные функции, то практически сразу начали предприниматься попытки включения ее во все сферы жизни общества, в том числе в уголовный процесс.

О. П. Александрова и Л. Г. Иванова в своей работе в качестве отправной точки рассматриваемой имплементации называют положения, содержащиеся в международных нормативно-правовых документах, таких как «Рекомендации группы старших экспертов по транснациональной организованной преступности совещания министров “Группы восьми”» (1996 г.) и «Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью» (2000 г.) [1, с. 23]. Оба документа в качестве основной цели применения дистанционных технологий называют обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших.

По своей сути, система ВКС позволяет решить множество задач, стоящих перед судебной системой, поэтому желание внедрить ее в уголовный процесс можно связать не столько с попытками попробовать что-то новое, сколько с поиском решения наиболее актуальных проблем.

В России того времени такие проблемы вытекали из положений постановления КС РФ от 10 декабря 1998 г., которые закрепили возможность участия осужденных в судах кассационной инстанции, это привело к необходимости их этапирования на судебные слушания. Очевидно, что указанное нововведение потребовало от госу-

дарства дополнительных расходов и увеличило нагрузку на суды и сотрудников правоохранительных органов [4, с. 32]. Ситуация усложнялась и ограниченностью сроков рассмотрения кассационной жалобы, которые регулярно нарушались, что повышало сопутствующий ущерб.

Как итог, менее чем через год после опубликования рассмотренного постановления в России уже предпринимались попытки делегировать обеспечение присутствия осужденных на судебном заседании цифровым технологиям, с чем последние отлично справились: после пробного заседания в Челябинске состоялись первые слушания в удаленном режиме посредством ВКС в ВС РФ по трем уголовным делам 19 апреля 2000 г. (3-х часовой сеанс между ВС РФ и СИЗО-77/3 Главного управления исполнения наказаний г. Москвы). С того времени в России проведен большой объем работы по оснащению судов федерального уровня системами ВКС для проведения судебных заседаний в режиме видеоконференции [3].

В целом, историю развития ВКС в уголовном судопроизводстве России можно разделить на 3 основных этапа:

- 1) Экспериментальный этап (1998–2000 гг.);
- 2) Информационно-техническое и нормативно-правовое обеспечение (2000–2012 гг.);
- 3) Качественные преобразования и расширение сфер деятельности (с 2012 г. по настоящее время).

Основные значимые даты первого этапа были перечислены выше. В целом, его название говорит само за себя: это проведение пробных судебных заседаний для проверки эффективности и надежности применения технологий ВКС, соблюдения при этом прав и свобод участников, а также принципов уголовного судопроизводства. Первый этап характеризуется малой продолжительностью, что обусловлено положительными результатами, которые позволили сделать выводы о готовности ВКС к выполнению задач, которые ставит перед ней российская судебная система.

Второй этап продолжался около 12-ти лет. За это время ВКС прочно закрепилась в уголовном процессе России, подтвердив на практике свою пользу, в связи с чем и была проведена работа по ее распространению по всем регионам страны. Помимо прочего, было и много изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства:

- 1) 16 мая 2001 г. – первое слушание кассационного дела по телемосту между Верховным судом и СИЗО г. Челябинска;
- 2) 1 июля 2002 г. – введение нового Уголовно-процессуального кодекса;

3) 12 февраля 2003 г. – первое заседание в надзорной инстанции по ВКС (Президиум ВС Челябинской области);

4) Утверждение постановления Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы» (среди основных задач программы указаны развитие материально-технического и информационного обеспечения судебной системы);

5) Утверждение Постановления Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» (много внимания уделено цифровизации российских судов);

6) ФЗ от 14 марта 2009 г. № 37-ФЗ (дополнение в ст. 407 УПК РФ – предоставлена возможность участия в судебном заседании надзорной инстанции лица, содержащегося под стражей или осужденного посредством ВКС);

7) ФЗ от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ (дополнение в ст. 376 УПК РФ – возможность участия в судебном заседании по рассмотрению кассационной жалобы по ВКС лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера);

8) ФЗ от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ (дополнение ст. 240 УПК РФ – свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференцсвязи, а также введение ст. 278.1 «Особенности допроса свидетеля путем использования систем видеоконференцсвязи»);

9) 2012 г. – ВКС в рамках уголовно-процессуальной деятельности внедрена во все регионы страны.

Второй этап был достаточно продолжительным и заложил те основы, на которых сейчас строится применение ВКС, в тот период решались наиболее актуальные вопросы, связанные с цифровизацией и информатизацией судебной системы России, в том числе и применения ВКС.

Третий этап, в отличие от второго, содержит в себе меньшее количество значимых законодательных преобразований. Теперь на первый план выходит вопрос качества и оптимизации правового регулирования уже имеющейся системы. Из важных событий здесь стоит отметить дополнение в УПК РФ в 2014 г.: ч. 6.1 ст. 241¹, которая предоставляла возможность в отдельных случаях проводить судебное заседание с участием подсудимого посредством ВКС

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 апреля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

(в настоящее время утратила свою силу), ст. 293 УПК закрепляла право подсудимого на последнее слово с использованием ВКС (утратила силу). Исходя из факта последующей утраты своей силы указанных положений, справедливым будет утверждение, что законодатель не определился окончательно с назначением ВКС в уголовном процессе и все еще находился в поиске наиболее эффективного ее применения.

2015 год ознаменовался утверждением приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи при подготовке и проведении судебных заседаний»¹ (далее – Регламент), который подробно рассматривал технические и организационные вопросы судебных заседаний с использованием ВКС, при этом, отчасти охватывая теоретическую составляющую (глава «Общие положения», которая включает в себя термины и понятия, а также нормативно-правовую основу Регламента).

Начиная с 2019 г., развитие технологий ВКС перешло на качественно новый уровень, причиной чему выступила пандемия COVID-19. Это время характеризуется резким спросом на средства видеоконференцсвязи во всем мире. Появилась острая необходимость в дистанционном проведении судебных заседаний в целях соблюдения новых противоэпидемиологических требований, в связи с чем со времен начала пандемии и по настоящее время в разы возрос научный и практический интерес к технологиям ВКС, что повлекло новые изменения и дополнения в уголовно-процессуальном законодательстве [2].

Одним из таких дополнений является Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ, который допустил применение ВКС в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (ст. 189.1. «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференцсвязи»).

Также стоит отметить Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», закрепивший в УПК РФ ст. 241.1 «Участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи».

¹ Об утверждении Регламента организации применения видеоконференцсвязи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 (ред. от 30 декабря 2020г.) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374166/2b0ba7755ccd285c7ca8ad469e5134a2d470a877/ (дата обращения: 10.10.2025).

Рассмотренные этапы демонстрируют эффективность и стабильность дистанционных технологий. С каждым годом интерес к ним как к объекту исследований лишь возрастает. При этом их законодательная оптимизация все еще далека от завершения, поэтому научная разработка данной сферы была и остается актуальной.

Таким образом, в рамках исследования был рассмотрен исторический путь технологий ВКС в российском уголовном судопроизводстве. Это богатый событиями процесс развития, который оказывал влияние на всю судебную систему. В настоящее время он продолжается, и для того чтобы грамотно и качественно преобразовывать рассматриваемую сферу деятельности, необходимо уделять внимание его историческим и теоретическим аспектам, а также систематизировать имеющиеся знания и опыт, и на их основе выдвигать соответствующие предложения.

Список литературы:

1. *Александрова О. П., Иванова Л.Г.* Исторические аспекты и перспективы развития использования возможностей видеоконференцсвязи в уголовном процессе // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия : материалы Межвузов. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Псков, 2020.
2. Видеоконференцсвязи в российских судах 10 лет. URL: <https://cnews.ru/link/n152596> (дата обращения: 10.10.2025).
3. ВС РФ отмечает 20-летие использования видеоконференцсвязи. URL: <https://www.garant.ru/news/1361912/> (дата обращения: 10.10.2025).
4. *Гринь Д.С.* Правовые основы применения видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2020. № 4 (146).
5. *Киселев Д. Э.* К вопросу о теоретических основах видеоконференцсвязи в уголовном процессе России // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика : материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2025.
6. Краткая история видеосвязи: от зарождения до полноценного коммерческого использования. URL: <https://trueconf.ru/blog/news/kratkaya-istoriya-videosvyazi.html> (дата обращения: 10.10.2025).

Кошман Владимир Алексеевич,
кандидат юридических наук
e-mail: almazdeus@gmail.com

Проблемы осуществления прокурором надзора при проверке соблюдения законодательства при регистрации сообщений о преступлении по законодательству КНР

Аннотация

Статья посвящена пробелам в регулировании при осуществлении прокуратурой КНР надзора за соблюдением регистрации сообщений о преступлении. Анализируются основные недостатки действующего законодательства КНР и их последствия для установления законности.

***Ключевые слова:** уголовный процесс Китая; прокурор; органы общественной безопасности; регистрация сообщений.*

Изучение законодательства Китая и его проблем приобретает все большее значение для отечественной науки в связи с углублением экономических связей с этой страной и развитием межгосударственного сотрудничества. Поскольку китайская модель государственности заимствовала советский опыт середины XX в., в ее практику также перешла модель надзорной прокуратуры. В этих условиях представляет научный интерес исследование проблем, возникающих в деятельности прокуратуры КНР в сфере уголовного судопроизводства, а также выработка предложений и решений на основе опыта отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Основным источником сведений о факте совершения преступления являются сообщения граждан и иных лиц, которые выступают в качестве повода для возбуждения уголовного дела и играют ведущую роль на начальном этапе уголовного преследования. В связи с этим УПК КНР содержит ряд существенных пробелов. Восполняя этот недостаток, прокуратура посредством своей деятельности и нормативных актов – в частности, «Правил уголовного судопроизводства Народной прокуратуры КНР», принятых 2 декабря 2019 г., – способствует укреплению социалистической законности. Более того, ввиду отсутствия специальных правил проверки самих фактов регистрации сообщений о преступлениях данное направление деятельности осуществляется в рамках

проверок решений о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Ст. 112 УПК КНР возлагает на органы общественной безопасности, народные суды и народные прокуратуры обязанность проводить проверку сведений о наличии оснований для возбуждения уголовного дела. Ст. 110 УПК КНР, в свою очередь, обязывает эти органы принимать любое заявление о преступлении.

Однако положения ст. 112 УПК КНР содержат ряд специфических для китайского законодательства критериев, являющихся основаниями для возбуждения уголовного дела. Помимо наличия фактов, подтверждающих необходимость уголовного преследования, требуется также установить, не является ли деяние малозначительным и подлежит ли оно вообще привлечению к уголовной ответственности. Такой подход предоставляет органам общественной безопасности, которые осуществляют расследование подавляющего большинства преступлений, широкие усмотрительные полномочия при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Эта ситуация давно стала одной из острых проблем правоприменительной практики в КНР. Полномочия народной прокуратуры по надзору за возбуждением уголовных дел были впервые закреплены в УПК КНР лишь в 1996 г. [2, с. 4]. Ст. 113 Кодекса наделила прокуратуру правом вмешиваться в случае, если органы общественной безопасности отказались возбудить уголовное дело при наличии к тому оснований либо, напротив, возбудили его без достаточных оснований. Вместе с тем ни порядок, ни сроки проведения такой проверки в законе не установлены.

Отсутствие четко регламентированной процедуры породило дополнительную проблему: в уголовном процессе отсутствуют единые правила, обязательные для всех участников, включая правоохранительные органы и лиц, чьи права затрагиваются решением о возбуждении дела. Особенно уязвимым в этой системе оказывается положение потерпевшего, который может лишь подать жалобу в прокуратуру. Эта слабость дополнительно усугубляется тем, что народная прокуратура не вправе отменить решение органа общественной безопасности о возбуждении уголовного дела. Более того, орган общественной безопасности обязан лишь рассмотреть уведомление прокуратуры и принять по нему решение, но не обязан безусловно следовать ее указаниям.

Такая ситуация свидетельствует о недостаточной урегулированности вопроса баланса между правами заявителя и потерпевшего, с одной стороны, и целями стадии возбуждения уголовного дела как своеобразного «фильтра» сообщений о преступлениях – с другой. Основная проблема заключается в том, что органы общественной безопасности могут

возбудить уголовное дело даже в тех случаях, когда деяние не требует привлечения к уголовной ответственности.

В своей статье Пэн Убин [7, с. 96] приводит различные подходы к решению этой проблемы. В частности, заслуживает внимания позиция сторонников отмены проверки необходимости привлечения к уголовной ответственности на стадии возбуждения дела. По сути, они предлагают ограничить полномочия правоохранительных органов первичной оценкой наличия фактов, свидетельствующих о совершении преступления. На наш взгляд, такой подход является наиболее рациональным выходом из сложившейся ситуации. На это корректно указывает Чжу Цзяньюй [9, с. 42], подчеркивая также необходимость усиления надзора со стороны прокуратуры за деятельностью органов общественной безопасности.

В то же время сохранение требования оценки малозначительности деяния на стадии возбуждения уголовного дела ведет, с одной стороны, к росту правовой неопределенности, а с другой – создает условия для уклонения от уголовной ответственности лицами, совершившими преступления. Дело в том, что на момент проведения доследственной проверки невозможно собрать достаточное количество сведений для обоснованного решения подобного вопроса. Поэтому в КНР прокуратуре отводится ведущая роль в решении этой задачи, а ее надзор является основным механизмом выявления подобных проблем.

Соответственно, в надзорной деятельности прокуратуры определяющее значение имеет четкость и определенность законодательных норм. Однако и здесь проявляется еще одна проблема современного состояния китайского законодательства: регулирование сроков принятия процессуальных решений осуществляется не УПК КНР, а подзаконными нормативно-правовыми актами. Отсутствие прямого регулирования в Кодексе приводит, с одной стороны, к дублированию норм на уровне ведомственных приказов, а с другой – к установлению ведомственных критериев осуществления процессуальной деятельности.

Порядок действий прокурора в случае несогласия с решением органа общественной безопасности регулируется ст.ст. 557–566 «Правил уголовного процесса Народной прокуратуры КНР», а также совместным приказом Народной прокуратуры КНР и Министерства общественной безопасности от 26 июля 2010 г. Процедура выглядит следующим образом:

1. Жалоба заявителя рассматривается отделом по работе с обращениями граждан при народной прокуратуре. При наличии оснований для запроса разъяснений от органа общественной безопасности материалы передаются в отдел, отвечающий за аресты и поддержание государственного обвинения.

2. Орган общественной безопасности обязан в течение семи дней с момента получения уведомления от прокуратуры представить мотивированное пояснение, содержащее обстоятельства, послужившие основанием для принятого решения.

3. После получения ответа проводится проверка, по итогам которой принимается решение. В случае согласия с решением органа общественной безопасности заинтересованные стороны уведомляются в течение 10 дней с момента получения ответа.

4. В течение 15 дней после получения уведомления прокуратуры орган общественной безопасности принимает окончательное решение. В случае несогласия он вправе в течение 5 дней потребовать повторной проверки материалов.

5. При получении такого запроса прокуратура рассматривает его в течение 7 дней.

6. Если орган общественной безопасности остается несогласен с повторным решением прокуратуры, он вправе в течение 5 дней подать запрос в вышестоящую прокуратуру, которая обязана рассмотреть его в течение 15 дней.

7. В случае выявления нарушений в решении нижестоящей прокуратуры вышестоящая инстанция направляет соответствующее предписание, и нижестоящая прокуратура обязана незамедлительно исправить свое решение. Если же вышестоящая прокуратура согласна с решением нижестоящей, оно направляется в орган общественной безопасности, который обязан либо возбудить уголовное дело, либо прекратить производство.

Такой порядок не предусматривает обязанности органа общественной безопасности немедленно исполнить требование прокуратуры и предоставляет ему возможность затягивать рассмотрение вопроса, дважды иницилируя перепроверку решения прокуратуры. С учетом совокупности установленных сроков окончательное решение может быть принято более чем через месяц – срок, достаточный для завершения расследования многих уголовных дел [5–8].

Следовательно, модель, при которой прокуратура районного уровня не обладает полномочиями принимать окончательное, обязательное для исполнения решение, не соответствует целям, стоящим перед Народной прокуратурой КНР, в частности – реализации политики, направленной на сокращение необоснованных ограничений в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию [4]. Кроме того, такая система приводит к перегрузке прокуратур более высокого уровня, поскольку только они вправе выносить решения, обязательные для органов общественной безопасности. По нашему мнению, было бы целесообразно наделить этими полномочиями прокуратуры районного уровня.

Действующие должностные лица Народной прокуратуры КНР занимают позицию, достаточно необычную для российской правовой системы: они предлагают имплементировать в правоприменительную практику ряд идеологических принципов [3], включая учение Си Цзиньпина. Это ярко отражает специфику китайской правовой системы, в которой значительную роль играют идеология и политические лозунги. Однако это не должно служить основанием для отказа от детального изучения подобных положений.

Так, Генеральный прокурор КНР Ин Юн с особой тщательностью предлагает использовать положения концепции Си Цзиньпина о «трех умениях» и выявлении фундаментальных противоречий при осуществлении надзора за возбуждением уголовных дел. Он обращает внимание на необходимость глубокого анализа гражданско-правовых споров на предмет наличия в них признаков преступления [1]. По сути, речь идет о том, что отраслевое деление права является условным, а работа в органах уголовного преследования требует не только знания уголовного права, но и умения применять нормы других отраслей права в их взаимосвязи и совокупности.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что надзор прокуратурой за регистрацией сообщений об преступлениях в КНР неразрывно переплетено с институтами возбуждения уголовного дела и не рассматривается в качестве самостоятельного направления работы. Уголовно-процессуальное право Китая все еще находится на стадии становления, имея существенные пробелы на уровне УПК КНР, которые закрываются на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. Это создает ряд проблем и противоречий, которые требуют разрешения в праве КНР. Требуется уточнение роли прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела и наделение ее надлежаще регламентированными полномочиями на уровне Уголовного процессуального кодекса. Нами предлагается ввести полномочие прокуратуры по отмене решений органов общественной безопасности и устранение дублирующего порядка перепроверки решения прокуратуры.

Список литературы:

1. *Ин Юн*. Учебные размышления об изучении идеологии Си Цзиньпина по правовому управлению: содействие высококачественному и эффективному рассмотрению каждого уголовного дела в соответствии с «тремя умениями». URL: http://www.xz.jcy.gov.cn/jcyw/202405/t20240516_6468903.shtml (дата обращения: 11.09.2025)

2. *Е Цин*. Исследования по механизму прокурорского надзора за незаконным возбуждением уголовных дел // Журнал Национального института прокуратуры. 2024. Вып. 1.

3. *Лань Нань*. Правовое регулирование надзора за уголовным преследованием: необходимость соблюдения четырех ключевых. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/llyj/202508/t20250813_703610.shtml (дата обращения: 11.09.2025).

4. *Лю Юнцзюнь, Ли Гуйфан*. Исследование реформы уголовного преследования в условиях политики «меньше арестов, осторожного обвинения и ограниченного содержания под стражей» // Журнал Хубэйского полицейского института. 2023. Вып. 3.

5. Правила Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности КНР по вопросам надзора за возбуждением уголовных дел (испытательный порядок). URL: http://jsjc.gov.cn/wsyc/dyjc/flfgsib/201903/t20190326_769945.shtml (дата обращения: 12.09.2025).

6. Правила уголовного процесса Народной прокуратуры КНР. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/xwfbh/wsfbh/201912/t20191230_451490.shtml#1 (дата обращения: 11.09.2025).

7. *Пэн Убин*. Повторное исследование условий уголовного преследования в контексте судебного усмотрения // Журнал Хэбэйского педагогического университета науки и техники (социальные науки). 2023. Вып. 1.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-11/05/content_2065631.htm (дата обращения: 11.09.2025).

9. *Чжу Цзяньюй*. Анализ свободы усмотрения в уголовном преследовании органов внутренних дел: взгляд на «существенно незначительные обстоятельства, не считающиеся преступлением» // Полицейское образование. 2023. Вып. 6.

Красильников Алексей Владимирович,
*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: krass-al@yandex.ru*

Доктрина уголовно-процессуального принуждения: научное наследие В. А. Михайлова и его современное значение

Аннотация

В статье проведен анализ монографии В. А. Михайлова «Меры пресечения в российском уголовном процессе», которая занимает особое место в отечественной уголовно-процессуальной науке. Автор рассматривает меры пресечения как самостоятельный институт уголовного процесса, обеспечивающий баланс между задачами уголовного судопроизводства и защитой прав личности. В работе раскрываются философские, правовые, политические и организационные аспекты применения мер пресечения, проводится сопоставление с международными стандартами. Показано, что идеи В. А. Михайлова сохраняют актуальность и в условиях действия современного УПК РФ, оказывая влияние на судебную практику и доктрину.

***Ключевые слова:** меры пресечения; уголовный процесс; процессуальное принуждение; права личности; правовая реформа; В. А. Михайлов.*

Действующий уголовно-процессуальный закон в качестве назначения уголовного судопроизводства определяет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Очевидным представляется, что решение указанных задач невозможно без обеспечения оптимальных правовых условий для быстрого полного и всестороннего исследования всех обстоятельств уголовного дела и изобличения лиц, виновных в совершении преступления. Протекающая в условиях объективно существующего острого конфликта интересов уголовно-процессуальная деятельность государственных органов должна быть обеспечена специальными средствами, позволяющими в случае необходимости преодолеть негативное воздействие на ход расследования со стороны иных заинтересованных

субъектов, и гарантировать решение задач уголовного судопроизводства независимо от их воли. Таким образом, принуждение, т. е. физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных органов государства и их должностных лиц на сознание и поведение субъектов уголовно-процессуальных отношений есть объективно присущий атрибут уголовно-процессуальной деятельности.

Рассматривая сущность государственного принуждения, следует выделить его основные признаки: государственное принуждение всегда урегулировано правом, представляющим нормативную основу данного вида принудительного воздействия; необходимость в принуждении возникает при несовпадении государственной воли и воли принуждаемого субъекта, что, как правило, объективно выражается в совершении лицом нормативно закрепленного правонарушения; оно имеет своей целью сформировать у лица состояние подчиненности, заставить его выполнить предписываемые законом действия либо, напротив, воздержаться от противоправных поступков; оно состоит из различного рода ограничений личного, имущественного и организационного характера; фактическое реальное действие государственно-правового принуждения происходит в правоприменительной деятельности органов государства, что требует предусмотренных законом процессуальных форм его осуществления [2].

Вместе с тем необходимо отметить, что государственное принуждение в сфере уголовного судопроизводства может рассматриваться в нескольких аспектах: как элемент механизма реализации ретроспективной юридической ответственности; как элемент системы профилактического воздействия на волю и поведение субъектов уголовно-процессуальных правоотношений; в качестве средства обеспечения установленного законом порядка производства по уголовному делу.

Кроме того, следует подчеркнуть, что принуждение в уголовном судопроизводстве как родовое понятие охватывает все виды воздействия на участника процесса, в том числе психическое воздействие под угрозой применения не только процессуальных, но и уголовно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, дисциплинарных и общественных санкций. По отношению к этому видовое понятие «уголовно-процессуальное принуждение» включает только те средства воздействия на участников судопроизводства, которыми располагают уголовно-процессуальное право и применяющие его органы.

Проблемы теории уголовного процесса в части, касающейся правовой природы уголовно-процессуального принуждения, его назначения, оснований, условий и пределов всегда привлекали пристальное внимание виднейших российских ученых-правоведов.

В связи с этим рассмотрение данных вопросов представляется целесообразным начинать с исторического опыта теоретического осмысления и познания соответствующих закономерностей.

Замечательный отечественный ученый Сергей Иванович Викторский отмечал: «Раз судебная деятельность прозвана необходимой для охраны существующей общественной формы жизни, следует допустить и право судебной власти на принятие целого ряда мер, которые способны обеспечить ей надлежащие условия для правильного отправления этой самой деятельности». Однако, понимая важное значение обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства, он подчеркивал: «С другой стороны, эти принудительные меры... могут оказаться слишком стеснительными; поэтому нужно более или менее строго ограничить круг таких мер и указать случаи их применения» [1, с. 300].

Принудительные меры С.И. Викторский дифференцировал следующим образом: предпринимаемые для собирания разного рода доказательств; обеспечивающие присутствие подсудимого на суде; имеющие цель охранить от нарушений правила судопроизводства и порядок на суде; для решения вопроса о разумении несовершеннолетних.

К мерам «по собиранию доказательств» относились, соответственно, меры, осуществляемые в отношении участников судопроизводства, и меры, объектом которых становились предметы, вещи и документы. Учитывая, что наиболее распространенными и ценными доказательствами в то время являлись показания свидетелей, вызов их на допрос был обеспечен властными полномочиями лица, осуществляющего расследование и судебное разбирательство. Таким образом, само по себе требование явиться к следователю либо в суд, оформленное повесткой или предъявленное вербально, рассматривалось как принудительная мера. Повестка в данном случае выступала как гарантия явки свидетеля к судебной власти еще и потому, что уведомленное лицо предупреждалось в ней об ответственности в случае неисполнения требования – штраф или привод. Что же касается мер, предпринимаемых в отношении предметов, то они выражались в следственных действиях – осмотрах, обысках и выемках, носивших очевидно принудительный характер, т. е. производившихся независимо от воли лиц, владеющих, пользующихся или распоряжающихся соответствующими объектами.

В свою очередь, меры, предпринимаемые по отношению к обвиняемому с целью обеспечения его участия в производстве по уголовному делу, заключались в направлении все тех же повесток, «словесных требованиях» и приводе. Причем привод, в зависимости от ряда

обстоятельств (строгость меры наказания; обвиняемый скрылся или не имеет постоянного места жительства), мог применяться и без предварительного уведомления повесткой. Интересно, что уже в тот период подчеркивалось, что «применяя привод... надо избегать всего, что может казаться злоупотреблением власти, и помнить, что эта мера крайне стеснительна и что сам закон считает ее мерой факультативной» [1, с. 306]. Решая вопрос о приводе, требовалось учитывать и важность собранных улик, и возможность уничтожить следы преступления, состояние здоровья, пол, возраст и общественное положение обвиняемого.

Кроме вызова и привода, в отношении обвиняемого могли быть применены меры пресечения способов уклоняться от следствия и суда. Отсюда и возник современный правовой термин – меры пресечения.

Указанные меры подразделялись на три категории: отнимающие физическую возможность уклоняться (домашний арест и взятие под стражу, т. е. лишение свободы); создающие препятствия, затрудняя свободу передвижения (отобрание вида на жительство; подписка о неотлучке и явки к следствию; отдача под особый надзор полиции); создающие особый мотив не уклоняться (взятие залога; отдача на поруки).

Схожую, но все же оригинальную позицию представлял Иван Яковлевич Фойницкий.

Сущность мер принуждения он видел в том, что для достижения целей правосудия суду предоставляется налагать на частных лиц различные ограничения, доходящие в некоторых случаях до степени, близкой к наказанию. Основанием всех этих мер он считал именно необходимость правосудия, отправление которого нередко представлялось бы невозможным, если бы судебная власть не располагала правом принуждения. При этом, подчеркивал ученый, меры судебной деятельности вообще и, в частности, меры судебного принуждения могут быть принимаемы лишь настолько они необходимы и если необходимы для достижения целей правосудия [5, с. 314].

И.Я. Фойницкий предлагал следующую систему принудительных мер: меры получения доказательств; меры обеспечения явки подсудимого; допрос подсудимого; меры обеспечения судебного разбора.

Как общее требование, условие ко всем мера принуждения Фойницкий рассматривал возможность их применения только судом. При этом суд действует самостоятельно, не дожидаясь разрешения какой-либо иной власти. Изъятия из этого правила он допускал только в исключительных случаях.

Единственным основанием мер пресечения И.Я. Фойницкий считал фактическую необходимость предупреждения побега обви-

няемого, уклонение его от суда или реальную возможность такого уклонения. К условиям применения мер пресечения Фойницкий относил: законность, зависящая от компетенции органа, избравшего меру; соблюдение формальных условий; необходимость избрания в данном конкретном случае.

В теории советского уголовного процесса интерес к классификации мер принудительного характера, применяемых в ходе производства по уголовному делу, нисколько не угас.

Например, Юрий Данилович Лившиц предлагал следующую систему мер процессуального принуждения: меры пресечения; меры, направленные на обнаружение, изъятие и закрепление доказательств; меры, обеспечивающие порядок судебного разбирательства; иные меры принудительного характера [3].

В свою очередь Михаил Александрович Чельцов-Бебутов под мерами принуждения понимал: меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия; меры, направленные на обеспечение средств доказывания; меры, обеспечивающие порядок судебного разбирательства; средства представления к следователю и в суд (вызов, привод, задержание [6].

Таким образом, проблематика мер пресечения на протяжении многих десятилетий занимает центральное место в отечественной теории уголовного процесса. Монография В. А. Михайлова «Меры пресечения в российском уголовном процессе» [4] представляет собой одно из наиболее полных исследований, в котором впервые предпринята попытка системного анализа этого института в контексте судебно-правовой реформы и формирования правового государства. Работа создавалась в сложный переходный период, когда происходил демонтаж советской модели уголовного судопроизводства, а на первый план выходили задачи обеспечения прав личности и укрепления судебного контроля над процессуальным принуждением. Именно в этом контексте идеи профессора В. А. Михайлова приобретают особое значение.

Актуальность труда В. А. Михайлова определяется не только историческим моментом его создания, но и тем, что вопросы применения мер пресечения остаются в числе наиболее дискуссионных и на современном этапе. В условиях возрастания роли суда в обеспечении гарантий личной свободы и соблюдения прав обвиняемого обращение к фундаментальным положениям этой работы имеет не только научное, но и практическое значение.

В своей монографии В. А. Михайлов использовал комплексный междисциплинарный подход, включающий сравнительно-правовой, историко-правовой и системный анализ. Он опирался на материалы

судебной практики, статистические данные, ведомственные акты прокуратуры и МВД России, а также результаты собственных социологических исследований. Такой подход обеспечил сочетание теоретической глубины и эмпирической достоверности выводов.

В работе применены категории философского уровня: причинность, необходимость и случайность, содержание и форма. Через них автор раскрывает диалектику между публичными интересами государства и индивидуальными правами личности. Эта методология позволила рассматривать меры пресечения не только как юридический, но и как социально-политический феномен.

Одним из ключевых достижений профессора В.А. Михайлова стало утверждение идеи о существовании самостоятельной подотрасли уголовно-процессуального права – права о мерах пресечения. По его мнению, данная подотрасль имеет собственный предмет регулирования, цели и метод. Меры пресечения рассматриваются как механизм поддержания равновесия между эффективностью расследования и защитой прав личности.

Автор подчеркивает, что меры пресечения являются разновидностью государственного принуждения, но при этом не сводятся к карательным средствам. Они применяются не к виновным лицам, а к обвиняемым, вина которых еще не установлена судом. В этом В.А. Михайлов видит их превентивную, а не репрессивную природу, что согласуется с принципом презумпции невиновности.

Особое внимание уделено классификации мер процессуального принуждения. Ученый выделяет пять групп, включая меры, направленные на предупреждение преступной деятельности, обеспечение сбора доказательств, участие обвиняемого в процессе, исполнение приговора и возмещение ущерба. Такая типология позволила выстроить логическую систему, в рамках которой меры пресечения занимают центральное место.

Важным положением является концепция соразмерности мер пресечения. Государственное принуждение, ограничивая свободы личности, допустимо только при строгом соблюдении условий законности и необходимости. В.А. Михайлов предостерегает от практики произвольного применения ареста как универсальной меры воздействия и настаивает на приоритете менее строгих мер.

Особый интерес представляет анализ философских и этических аспектов применения мер пресечения. Профессор исходил из идеи, что меры процессуального принуждения, ограничивая права личности, должны опираться на нравственные принципы права. Государственная власть, по его мнению, не вправе использовать принуждение иначе как в рамках закона и с уважением к человеческому достоинству.

Современные исследователи отмечают, что предложенный В. А. Михайловым системный подход к мерам пресечения позволяет по-новому осмысливать проблемы правового статуса обвиняемого и процессуального равновесия сторон. Тем самым его труд остается не только исторически значимым, но и методологически востребованным.

Монография В. А. Михайлова «Меры пресечения в российском уголовном процессе» является фундаментальным трудом, сформировавшим целое научное направление в отечественной юриспруденции. Автору удалось объединить философскую глубину, системность анализа и практическую ориентированность. Его идеи легли в основу современных научных и законодательных подходов к регулированию мер процессуального принуждения.

В современных условиях, когда судебная власть становится гарантом конституционных прав личности, обращение к научному наследию В. А. Михайлова способствует дальнейшему развитию доктрины уголовного процесса, ориентированной на баланс между эффективностью и гуманизмом. Таким образом, монография профессора В. А. Михайлова не только не утратила своей актуальности, но и по-прежнему служит методологической опорой для исследователей и практиков.

Список литературы:

1. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. М., 1912.
2. *Кудин Ф.М.* Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985.
3. *Лившиц Ю.Д.* Меры процессуального принуждения в уголовном процессе : дис. ...канд. юрид. наук. М., 1958.
4. *Михайлов В.А.* Меры пресечения в российском уголовном процессе : моногр. М., 1996.
5. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.
6. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1962.

Куандыкова Мадина Райкульевна,
докторант, магистр права
Академии правоохранительных органов
при Генеральной Прокуратуре
Республики Казахстан
e-mail: madya0701@gmail.com

Противодействие транснациональной незаконной предпринимательской деятельности: использование искусственного интеллекта и потенциал сотрудничества государств СНГ

Аннотация

В статье анализируются актуальные вызовы транснациональной незаконной предпринимательской деятельности в странах Содружества Независимых Государств в 2023–2025 гг. и возможности применения искусственного интеллекта для их предотвращения и пресечения. Рассмотрены новейшие изменения нормативно-правового регулирования, в том числе на международном уровне, проблемы виртуальных активов, shell-компаний, вопросы, связанные с деятельностью фиктивных юридических лиц, трансграничным движением капитала.

Предложены направления совершенствования межгосударственного сотрудничества Содружества Независимых Государств с использованием искусственного интеллекта: создание цифровых платформ, стандартизация правовой базы, механизмы обмена данными, этические рамки и контроль.

Ключевые слова: *незаконная предпринимательская деятельность; искусственный интеллект; транснациональная преступность; передовые цифровые решения.*

В условиях глобализации в области транснациональной преступности, в частности незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой в обход налогового, финансового и корпоративного регулирования в различных юрисдикциях, объективно необходимыми становятся меры, направленные на интеграцию передовых цифровых решений и углубление межгосударственного взаимодействия.

Следует отметить, что страны – участники Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) сталкиваются с общими рисками и проблемами в этой сфере, что обуславливает необходимость

в укреплении консолидации усилий, в том числе с использованием новых технологий, включая искусственный интеллект.

Анализ последних исследований позволяет выявить наиболее актуальные угрозы транснациональной незаконной предпринимательской деятельности, которые, в свою очередь, классифицируются на определенные формы:

- создание фиктивных компаний для уклонения от налогообложения;
- незаконное трансграничное перемещение капитала и отмывание доходов;
- использование «офшорных зон» и подставных лиц (номинальных директоров);
- нелегальная торговля, включая цифровую (через т. н. «Даркнет» и криптовалютные платформы) [1, с. 3; 2, с. 7].

Зачастую на пространстве СНГ данные формы деятельности приобретают региональную специфику: активное использование приграничных территорий, теневые логистические схемы, участие транснациональных организованных групп и вывод цифровых активов под иными видами деятельности либо дробления [4, с. 22].

В процессе выявления подобных видов правонарушений правоохранительными органами, а также при их раскрытии и расследовании органы досудебного расследования все чаще сталкиваются с такими трудностями, как длительный период поиска материалов, сложности при составлении схем и моделей противоправной деятельности. Немаловажное значение имеет и ряд человеческих факторов, которые негативно сказываются на эффективности и качестве деятельности правоохранительных органов.

Сталкиваясь на практике с такими делами, как, например, использование фиктивных юридических лиц в трансграничных схемах, при детальном исследовании аналогичных форм правонарушений было выявлено, что одним из наиболее опасных и распространенных инструментов транснациональной незаконной предпринимательской деятельности на пространстве СНГ остается использование фиктивных юридических лиц.

Данные криминальные структуры создаются с целью:

- уклонения от уплаты налогов;
- легализации (отмывания) доходов;
- незаконного трансграничного перемещения капитала;
- участия в тендерных махинациях.

В ходе расследований правоохранительными органами выявляется, что чаще всего фиктивные фирмы регистрируются на подставных лиц (пенсионеров, иностранных граждан, лиц без постоян-

ного дохода), а координация их деятельности осуществляется через офшорные центры или через приграничные территории.

В частности, при расследовании указанных видов преступной деятельности возникает множество проблем, затрудняющих оперативное расследование преступлений и эффективное цифровое сотрудничество.

Вспомним, как в 2023 г. при взаимодействии Агентства Республики Казахстан по финансовому мониторингу с Федеральной налоговой службой Российской Федерации была выявлена устойчивая транснациональная схема, в которую входили более 70 юридических лиц, зарегистрированных в приграничных регионах (Костанайская, Актюбинская области Республики Казахстан, а также Оренбургская и Челябинская области Российской Федерации).

Было выявлено, что через данные структуры осуществлялись фиктивные экспортно-импортные операции, в ходе которых из Казахстана под видом расчетов за услуги было выведено свыше 6,3 млрд тенге. Часть компаний была зарегистрирована на один и тот же адрес, а Internatoinal Protection (IP)-адреса подачи документов совпадали, что указывало на единый центр управления [4, с. 25; 6, с. 8].

Тем не менее, несмотря на очевидные признаки координации, расследование сталкивалось с определенными трудностями:

- отсутствием автоматизированного обмена данными о регистрации и финансовой активности компаний между странами;
- различиями в законодательстве о доступе к банковской и налоговой информации;
- невозможностью оперативной блокировки расчетных счетов фиктивных компаний в другой юрисдикции.

Исследование вопросов совершенствования противодействия транснациональной незаконной предпринимательской деятельности государств СНГ с использованием возможностей искусственного интеллекта позволило сформулировать ряд рекомендаций.

Во-первых, проработать создание единой цифровой платформы анализа рисков регистрации юрлиц, объединяющей базы данных Казахстана, России, Беларуси и других стран СНГ с применением искусственного интеллекта (далее – ИИ) для автоматического выявления подозрительных регистраций (повторяющиеся адреса, учредители, IP-источники подачи, связь по телефонным номерам).

Во-вторых, отредактировать и усовершенствовать межгосударственное соглашение о признании результатов ИИ-анализа в качестве основания для проведения проверок, блокировки счетов и проведения оперативных мероприятий стран СНГ.

В-третьих, оптимизировать процесс обмена «черными списками» фиктивных юрлиц в рамках Совета министров внутренних дел СНГ, внедрив автоматизированные обновления и алгоритмы для поиска взаимосвязанных структур.

Таким образом, это иллюстрирует, что решение проблем возможно лишь при координации усилий в области технологий, законодательства и институционального соглашения и взаимодействия между странами – участниками СНГ.

В наше время, в эпоху цифровизации, потенциал искусственного интеллекта можно использовать в ускорении процесса выявления схем противоправной деятельности и борьбы с незаконным предпринимательством.

В самом деле, ИИ представляет собой перспективный инструмент для выявления, прогнозирования и пресечения незаконной предпринимательской деятельности. Среди ключевых направлений применения ИИ можно выделить следующие:

- анализ больших данных (Big Data): ИИ способен обрабатывать массивы финансовой, налоговой, таможенной и корпоративной информации с целью выявления аномалий [3, с. 11];

- машинное обучение: используется для прогнозирования подозрительной активности компаний на основе поведенческих моделей;

- нейросетевые технологии: позволяют сопоставлять данные из разных источников (банковские транзакции, контракты, уставные документы) и выявлять скрытые связи [5, с. 14];

- Natural Language Processing (NLP) анализирует тексты договоров, судебных решений, сообщений в открытых источниках.

Примером успешного использования ИИ может служить инициатива по созданию единой базы подозрительных юридических лиц с автоматическим выявлением рисков в Казахстане и ряде других стран СНГ [4–5].

Для эффективного противодействия транснациональной незаконной предпринимательской деятельности при сотрудничестве государств СНГ с использованием ИИ представляется целесообразным:

- гармонизация законодательства (принятие межгосударственных норм или соглашений по обязательной регистрации бенефициарного собственника; признание результатов ИИ-анализа другими государствами СНГ как легитимных оснований для проверок; внедрение обязательных стандартов Anti-Money Laundering (AML)/CFT (Центр Финансовых Технологий) для виртуальных активов и Virtual Asset Service Providers (VASPs), в соответствии с Financial Action Task Force (FATF));

– создание общей цифровой платформы (объединение данных юридических лиц, банков, налоговых, миграционных реестров всех стран СНГ; модуль Risk-Analysis с ИИ для автоматической идентификации подозрительных компаний (фиктивных, shell-структур) по типовым признакам);

– применение механизмов верификации учредителей (биометрия, цифровая подпись, обязательное присутствие, лицензирование; ограничения на удаленную регистрацию без проверки данных; контроль миграционного статуса иностранных учредителей);

– этический и правовой контроль ИИ-систем (разработка этических рамок и стандартов (прозрачность, explainability, защита данных, право на обжалование решений, ответственность за ошибки); аудиты систем; контроль за ложными срабатываниями);

– институт совместных учений и обмена опытом (проведение совместных кибер- и финансовых учений, создание центров экспертизы по ИИ, обучение работников – правоохранителей, налоговиков, контролеров по новым технологиям);

– мониторинг и оценка эффективности (выработка Key Performance Indicators (KPI): число выявленных схем, объем предотвращенных финансовых потоков, время реагирования, качество юридических дел; регулярные отчеты СНГ; участие международных организаций как наблюдателей).

Сформированные в ходе исследования данного вопроса рекомендации ориентированы, прежде всего, на интеграцию средств искусственного интеллекта в систему противодействия транснациональной незаконной предпринимательской деятельности, что может стать важным шагом в сотрудничестве по укреплению безопасности на пространстве СНГ.

Однако максимальный эффект от применения ИИ возможен только при условии глубокой координации между государствами, наличии доверия, прозрачности деятельности, единого стратегического видения и соблюдения национальных интересов каждого государства.

В контексте координации цифрового сотрудничества особая роль отводится Совету министров внутренних дел СНГ как координирующему органу, способному инициировать конкретные механизмы цифрового взаимодействия.

Список литературы:

1. Конвенция СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступностью. URL: <https://cis.minsk.by/page/180> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Рекомендации FATF по борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatfrecommendations.html> (дата обращения: 02.10.2025).
3. Доклад ООН о цифровой экономике и преступности. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/global-report.html> (дата обращения: 02.10.2025).
4. Государственная программа «Цифровой Казахстан». URL: <https://digitalkazakhstan.kz> (дата обращения: 02.10.2025).
5. *Кожакметов А.Ж.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: вызовы и перспективы. Алматы, 120 с.
6. Совместный аналитический отчет МВД РФ и ЕЭК по вопросам теневой экономики. URL: <https://ees.eaunion.org> (дата обращения: 02.10.2025).

Кувшинов Алексей Николаевич,
*преподаватель кафедры уголовно-правовых
дисциплин и судебно-экспертной деятельности
Пятигорского государственного университета
e-mail: prof.kuvshinov@ya.ru*

Международные механизмы сотрудничества в области уголовного судопроизводства

Аннотация

В статье исследуются современные формы и механизмы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, его правовые основы, функциональные направления и вызовы, обусловленные ростом трансграничной преступности и глобализацией правовых отношений. Анализируются инструменты сотрудничества: взаимная правовая помощь, передача материалов для осуществления уголовного преследования и выдача лиц для уголовного преследования и исполнения приговора, исполнение судебных актов и обмен информацией между компетентными органами. В работе выделяются принципы суверенности, равноправия сторон и защита фундаментальных прав обвиняемых, своевременного доступа к справедливому разбирательству и эффективной ответственности за преступления в рамках международного сотрудничества. Особое внимание уделяется проблемам трансграничной коррупции и киберпреступлениям. Обсуждаются современные проблемы, такие как дипломатическая защита, кросс-граничные расследования и обеспечение соблюдения национального законодательства при взаимодействии государств. В заключение предложены направления дальнейшего регионального и глобального развития институциональных механизмов.

***Ключевые слова:** международное сотрудничество; уголовное судопроизводство; трансграничная коррупция; киберпреступления; экстрадиция; правовая помощь.*

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства представляет собой совокупность правовых и организационных механизмов взаимодействия государств и международных организаций, направленных на расследование преступлений, уголовное преследование виновных и исполнение приговоров. Основными формами такого сотрудничества являются: экстрадиция, международная правовая помощь, совместные следственные группы, взаимодействие через международные организации и т. д.

Несмотря на очевидные достижения, международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства сталкивается с рядом сложностей:

- различия в национальных правовых системах;
- принцип невыдачи собственных граждан;
- политический характер некоторых уголовных дел;
- риск нарушения прав человека при экстрадиции;
- необходимость защиты персональных данных при трансграничном обмене информацией.

В целях более эффективной борьбы с транснациональной преступностью, защиты законных прав и интересов отдельных лиц и организаций, одной из возможностей может стать создание специальных учреждений или назначение существующих институтов ответственными за вопросы международной уголовно-правовой помощи, чтобы обеспечить наличие единой платформы для координации и управления связанными с этим вопросами. Данное учреждение должно обладать достаточными полномочиями и ресурсами для эффективного сотрудничества с соответствующими учреждениями в других странах [3, с. 125].

Кроме того, следует подробно оговорить конкретные процедуры и условия рассмотрения просьб о международной помощи в уголовном судопроизводстве. В то же время должен быть создан прозрачный механизм надзора и оценки для обеспечения того, чтобы все операции соответствовали правовым нормам и подлежали общественному надзору. Наконец, в целях повышения эффективности и качества международного сотрудничества следует также поощрять и поддерживать обмен информацией и техническое сотрудничество между соответствующими национальными ведомствами, включая, но не ограничиваясь этим, органы общественной безопасности, прокуратуры, суды и органы финансового регулирования. Таким образом, можно будет лучше интегрировать внутренние ресурсы и сформировать последовательную стратегию внешних действий. Это может обеспечить международную прочную правовую основу для борьбы с транснациональной преступностью и способствовать международному судебному сотрудничеству, совместному поддержанию мира и безопасности мирового сообщества [4, с. 118].

В настоящее время наиболее актуальной правовой проблемой для многих стран является трансграничная коррупция. Международное сотрудничество играет жизненно важную роль в борьбе с трансграничной коррупцией. С углублением глобализации коррупционная деятельность все чаще приобретает транснациональ-

ные черты, охватывая множество стран и регионов, что затрудняет эффективное решение этой проблемы усилиями одной страны.

Для решения данной проблемы необходимо решить следующие вопросы: приведение соответствующего внутреннего законодательства в соответствие с международными договорами и международными обязательствами; каким образом национальные ведомства могут сыграть свою роль в более эффективной борьбе с трансграничной коррупцией. В борьбе с трансграничной коррупцией участвуют многие ведомства, включая, но не ограничиваясь этим, суды, органы прокуратуры, надзорные комиссии, министерства иностранных дел, органы общественной безопасности, торговые комиссии, финансовые учреждения, аудиторские учреждения, SASAC и т. д. Органы прокуратуры должны и далее играть определенную роль в координации противодействия трансграничной коррупцией и осуществлении надзора данным направлением деятельности. Объектами борьбы с коррупцией являются не только извлечение прибыли государственными должностными лицами внутри страны, подкуп за рубежом, извлечение прибыли за рубежом и подкуп внутри страны, но также и незаконное присвоение, частный раздел государственных активов, неисполнение служебных обязанностей и должностные преступления, совершенные государственными должностными лицами за рубежом, и использование других методов, которые посягают на охраняемые законом общественные блага. В условиях сложной международной обстановки необходимо думать о верховенстве права, в том числе о том, как сочетать наказание в соответствии с законом и равную защиту.

Участие органов прокуратуры в борьбе с трансграничной коррупцией обеспечивает законность привлечения к уголовной ответственности трансграничных бизнес-единиц и отдельных лиц за организацию, планирование, осуществление, участие в трансграничной коррупции или оказание содействия в ее совершении.

Укрепляя сотрудничество, международное сообщество совместно разработало и внедрило антикоррупционную политику и законы, которые стали необходимым средством борьбы с трансграничной коррупцией. Многосторонние организации, такие как страны БРИКС, играют активную роль в развитии международного сотрудничества в борьбе с коррупцией. Например, страны БРИКС укрепили сотрудничество между государствами-членами в области возвращения активов и обмена информацией в рамках инициативы «Отказ от убежищ коррупции» / «Безопасных гаваней». Это не только помогает повысить эффективность борьбы с коррупцией в различных странах, но и помогает построить справедливую и разумную международную систему управления борьбой с коррупцией.

Китай, к примеру, внес значительный вклад в развитие международного сотрудничества в борьбе с коррупцией. Являясь активным участником и вкладчиком в глобальное антикоррупционное противодействие, Китай не только продолжает содействовать борьбе с коррупцией внутри своего государства, но и активно продвигает международное сотрудничество в области борьбы с коррупцией, участвуя в многосторонних механизмах, таких как Организация Объединенных Наций. Инициатива «Чистый Шелковый путь», предложенная Китаем, направлена на содействие сотрудничеству в борьбе с коррупцией в странах, расположенных вдоль «Пояса и пути», демонстрирует лидерство и влияние Китая в глобальном противодействии коррупции [5, с. 36].

Таким образом, международное сотрудничество является незаменимым средством борьбы с трансграничной коррупцией. Благодаря укреплению многостороннего и двустороннего сотрудничества, обмену оперативной информацией и ресурсами и содействию по совершенствованию глобальной системы управления борьбой с коррупцией можно более эффективно решать проблемы, связанные с трансграничной коррупцией.

В настоящее время, в связи со стремительным развитием интернет-технологий, места совершения преступлений постепенно перемещаются из традиционного физического пространства в киберпространство. Существует множество онлайн-аудиторий и быстрое распространение информации. Они не ограничены временем и пространством. И международное сотрудничество способствует расширению масштабов борьбы с киберпреступностью [1, с. 600].

Именно поэтому необходимо укреплять международное сотрудничество, чтобы страны могли прийти к консенсусу относительно вредоносности киберпреступности, укреплять взаимное доверие в борьбе с ней, формировать совместные силы и служить сдерживающим фактором для киберпреступников в глобальном масштабе. Во-первых, сократить и ликвидировать случаи киберпреступности, ущемляющие общественные интересы. Во-вторых, международное сотрудничество способствует повышению эффективности противодействия киберпреступности. На первый взгляд киберпреступность и традиционная преступность – это всего лишь изменения в криминальном пространстве, но на самом деле их криминальные формы также претерпели фундаментальные изменения. Сеть начала постепенно эволюционировать от места совершения преступления к орудию преступления, объекту преступления и т. д. Такие изменения требуют изменения мышления и повышения эффективности противодействия киберпреступности с помощью многоцелевых,

многоканальных и всесторонних средств борьбы. Поэтому в процессе борьбы с киберпреступностью очень важно международное сотрудничество. Благодаря международному сотрудничеству можно своевременно обмениваться информацией о динамике киберпреступности, научно и точно прогнозировать криминогенную ситуацию, детально и всесторонне собирать доказательства по уголовным делам и объединять усилия многих стран для совместной борьбы с киберпреступностью, чтобы целенаправленно сдерживать распространение киберпреступности [2, с. 195].

Столкнувшись с серьезной ситуацией с киберпреступностью, страны по всему миру должны отказаться от своих разногласий, усовершенствовать соответствующее внутреннее законодательство и активно укреплять международное сотрудничество для более эффективного предотвращения киберпреступности и борьбы с ней. Киберпреступность ставит под угрозу интересы пользователей Интернета по всему миру, поэтому укрепление международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью отвечает не только национальным интересам, но и общим интересам международного сообщества.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства является неотъемлемым условием эффективной борьбы с преступностью, выходящей за рамки национальных юрисдикций. Его развитие должно основываться на балансе интересов государств, уважении прав личности и принципах справедливости. В настоящее время наиболее острыми вопросам в сфере международного сотрудничества являются транснациональная коррупция и киберпреступления. Усиление роли международных организаций, внедрение цифровых технологий и гармонизация правовых норм открывают новые перспективы для укрепления глобальной системы уголовного правосудия.

Список литературы:

1. *Васяев А.А.* Особенности правового регулирования международного сотрудничества при использовании цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства // *Право и государство: теория и практика.* 2024. № 12 (240).
2. *Клычев Р.А.* Вопросы цифровизации в сфере Уголовного права / *Р.А. Клычев* // *Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : материалы III Всерос. науч.-практи. конф.* Пятигорск, 2022.

3. *Колмаков Н. Е., Позняк А.В.* Реализация права на защиту в процессе международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 7.

4. *Рябинина Т. К., Лясковец А. В.* О некоторых проблемах международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 4 (58).

5. *Чирьев И. С., Жукова П. С.* Актуальные вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства при уголовном преследовании обвиняемых // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 107-6.

Курилов Сергей Иванович,
кандидат юридических наук,
докторант 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: skurilov78@mail.ru

К вопросу о повышении эффективности возмещения ущерба, причиненного преступлениями, совершаемыми с использованием информационно- телекоммуникационных технологий

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с эффективностью возмещения ущерба, причиненного преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Предлагаются конкретные пути решения указанных проблем, имеющие практическую значимость для органов внутренних дел.

***Ключевые слова:** возмещение ущерба; информационно-телекоммуникационные технологии; проблемные вопросы; эффективность.*

Повышение эффективности возмещения ущерба, причиненного преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТ-преступления), является в настоящее время одним из актуальных приоритетов в деятельности МВД России.

Так, согласно статистическим сведениям, ущерб, причиненный ИТ-преступлениями с каждым годом растет. В 2023 г. он составил 156 млрд руб. [11], в 2024 г. – более 203 млрд руб. [12], а за семь месяцев 2025 г. вырос на 16 % по сравнению с предыдущим годом и составил 119,6 млрд руб., несмотря на небольшое (2,3 %) снижение количества регистрируемых деяний [5].

О повышении эффективности возмещения ущерба, причиненного ИТ-преступлениями, в своих выступлениях говорят Президент Российской Федерации [10], Министр внутренних дел [2] и другие представители правоохранительных органов России [9].

В связи с этим необходимо отметить, что эффективное возмещение вреда не только восстанавливает нарушенные права потерпевших, но и способствует достижению целей уголовного наказания, укрепляет доверие к правоохранительной системе и является важным показателем состояния правовой системы в целом.

Однако данная деятельность сопровождается наличием проблем теоретического и практического свойства, связанных с правовой регламентацией и правоприменительной практикой возмещения вреда, причиненного преступлениями.

Так, привлечение виновных к ответственности затруднены в связи с быстро развивающимися технологиями и изощренными методами совершения ИТ-преступлений.

Современные киберпреступники действуют более изощренно, используя новые схемы и эффективные точечные атаки, причиняющие значительный ущерб.

Например, мошенники разработали новую схему атак на семьи участников СВО, ветеранов и членов их семей [3].

Так, киберпреступники создают сайты-двойники благотворительных фондов, на которых под предлогом финансовой поддержки бойцов и их родных предлагают получать по 500 тыс. руб. ежемесячно за счет участия в фейковой инвестиционной программе. Для обмана пользователей скамеры размещают на сайтах видеодипфейки с отзывами от имени участников спецоперации.

Конечной целью мошенников может быть не только хищение денег, которые под предлогом участия в программе требуется внести на депозит. Как необходимое условие открытия вклада пользователю могут предложить установить мобильное приложение, которое на самом деле окажется вредоносным и получит контроль над устройством для списания денег со всех счетов. Кроме того, под предлогом верификации для вывода «доходов» из фейковой инвестпрограммы у пользователя могут запросить скан паспорта и другие персональные данные. В случае согласия эта информация окажется у злоумышленников и может быть использована киберпреступниками для других атак.

Еще одним способом интернет-мошенников является новый сценарий инвестскама с благотворительными фондами [7].

Так, под предлогом участия в фейковых программах злоумышленники уговаривают потенциальных жертв перечислить первый взнос на счета реальных благотворительных фондов. Только в «Русфонд» с февраля по август 2025 г. поступили переводы как минимум от 356 человек на общую сумму свыше

4,6 млн руб. – теперь организация возвращает эти деньги пострадавшим от действий мошенников.

За счет переводов фондам киберпреступники пытаются укрепить доверие потенциальных жертв, чтобы получить полный доступ к их банковским счетам и похитить максимальную сумму.

Следующим новым способом обмана, который придумали мошенники, является наклеивание поддельных QR на самокаты и велосипеды, которые можно взять в аренду. Отсканировав такой код, попал на фишинговый сайт-ловушку – потерял личные данные и деньги [8].

Также новой схемой мошенников является рассылка поддельных уведомлений о взломе почты Mail.ru [6].

Ключевой признак подделки – подозрительный адрес электронной почты отправителя, не соответствующий официальному домену mail.ru.

Имя отправителя выглядит убедительно – «Mail», но подвох легко обнаружить, посмотрев адрес. Если пройти по ссылке, откроется фишинговая форма для смены пароля. Заполнив ее, все данные для авторизации окажутся у преступника. А с почтой часто связаны другие значимые сервисы, получив к которым доступ, можно потерять имеющиеся на счетах денежные средства.

Кроме того, проблемы включают в себя сложности доказывания причинной связи между противоправными действиями и наступившими последствиями, определение точного размера ущерба, а также отсутствие эффективных механизмов принудительного исполнения судебных решений о возмещении вреда. Несовершенство законодательства в этой сфере приводит к длительным судебным разбирательствам и низким показателям реального возмещения.

Решением вышеуказанных проблем, связанных с эффективностью возмещения вреда, причиненного преступлениями, занимались различные специалисты [1; 4; 13], однако каждый из них исследовал данную проблематику в контексте только одной отрасли права.

В связи с этим представляется целесообразным и необходимым проведение научного исследования, целью которого будет являться разработка соответствующего межотраслевого механизма возмещения вреда, причиненного преступлениями, что представляется весьма эффективным направлением в связи с современными вызовами в рассматриваемой сфере, которая позволит создать систему средств уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства, а также криминали-

стического обеспечения данной деятельности. Межотраслевой механизм определит предпосылки, содержание и порядок уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства, практики его применения и криминалистического обеспечения в рассматриваемом аспекте, что позволит в общем повысить эффективность возмещения вреда, причиненного всеми преступлениями и, в частности, совершаемыми с использованием информационно- телекоммуникационных технологий.

Список литературы:

1. *Афанасова М.С.* Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024.
2. Заседание общественного совета при МВД России. Колокольцев оценил долю преступлений, совершаемых с помощью IT-технологий. URL: <https://ria.ru/20250611/kolokoltsev-2022242189.html> (дата обращения: 19.09.2025).
3. Злой двойник: мошенники разработали новую схему атак на семьи участников СВО. URL: <https://habr.com/ru/companies/F6/news/947392/> (дата обращения: 18.09.2025).
4. *Малиновская Е.А.* Криминалистическое обеспечение гражданского иска на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020.
5. МВД: за семь месяцев мошенники дистанционно выманили у россиян 120 млрд рублей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8005787> (дата обращения: 18.09.2025).
6. МВД предупредило о рассылке поддельных уведомлений о взломе почты. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25163613> (дата обращения: 18.09.2025).
7. Мошенники используют новый сценарий инвестскам с благотворительными фондами. URL: <https://habr.com/ru/companies/F6/news/944158/> (дата обращения: 18.09.2025).
8. Мошенники стали подменять QR-коды для аренды самокатов и велосипедов URL: https://www.1tv.ru/news/2025-03-23/504849-moshenniki_stali_podmenyat_qr_kody_dlya_arendy_samokatov_i_velosipedov (дата обращения: 18.09.2025).
9. Петербургский международный экономический форум. Заместитель начальника Следственного департамента МВД России Данил Филиппов выступил в рамках сессии фестиваля «Т-Двора» на Петербургском международном экономическом форуме. URL: <https://www.interfax.ru/forumspb/1031896> (дата обращения: 18.09.2025).

10. Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 18.09.2025).

11. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс1.pdf (дата обращения: 18.09.2025).

12. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (дата обращение: 18.09.2025).

13. *Тагиров А.Н.* Уголовно-процессуальная деятельность следователя по розыску и установлению имущества : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2024.

Легостаев Сергей Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Академии ФСИН России
e-mail: servalleg@yandex.ru

О некоторых аспектах установления органом расследования причин и условий, способствующих совершению побегов из исправительных учреждений

Аннотация

В статье проанализированы современные детерминанты совершения побегов осужденными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях, выявляемые при расследовании преступлений данного вида. Целью работы является раскрытие процессуальной функции органов расследования по предупреждению пенитенциарной преступности, являющегося самостоятельным и обязательным предметом доказывания по уголовному делу. В результате исследования установлена обусловленность результативности процессуального предупреждения побегов необходимостью установления всех обстоятельств их совершения и своевременностью принимаемых процессуальных мер по устранению причин и условий, которые способствовали этим криминальным проявлениям. Сделан вывод о необходимости совершенствования механизма реализации процессуальных полномочий по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению побегов и повышению эффективности принимаемых мер.

***Ключевые слова:** расследование пенитенциарных преступлений; побег из мест лишения свободы; уголовно-процессуальная функция; уголовно-процессуальное предупреждение побегов; доказывание обстоятельств, способствующих совершению преступлений.*

Органы предварительного расследования, являясь важным звеном правоохранительной системы, при реализации своих полномочий в сфере борьбы с преступностью выполняют стратегическую общегосударственную задачу по обеспечению своевременного раскрытия и расследования преступлений, а также их предупреждения. Не вызывает сомнения тот факт, что от правильной организации и эффективности профилактической работы, проводимой органами

расследования, во многом зависит достижение положительных критериев оценки результатов их деятельности.

В связи с тем, что уголовно-процессуальным законом обстоителства, способствующие совершению преступлений, включены в перечень, подлежащий доказыванию (ч. 2 ст. 73 УПК РФ), и их установление является обязанностью лица, производящего расследование, их бесспорно можно отнести к самостоятельному и обязательному элементу предмета доказывания, следовательно, «их установление всегда является обязательным в такой же мере, как и других фактов, относящиеся к данному делу. Поэтому данная процессуальная функция является для следователя обязательной» [4, с. 37]. Помимо этого, важно подчеркнуть, что вытекающая из задач уголовного процесса органическая взаимосвязь общепредупредительной функции органов расследования с применением специальных мер профилактики, в частности выявление в процессе расследования обстоятельств, способствующих совершению преступления, повышает целенаправленность следственной работы и является ее логическим завершением. Как справедливо подчеркивают некоторые авторы, «предупредительная деятельность следователя является важнейшим направлением в обеспечении задач уголовно-процессуального судопроизводства» [1, с. 36].

Рассматривая вопросы предупреждения побегов, нужно учитывать, как отмечают отдельные исследователи, что «специфика профилактического воздействия на пенитенциарную преступность определяется ключевыми факторами, находящимися в области теоретической интерпретации и практической значимости профилактических мероприятий, основанных на соответствующих принципах» [5, с. 4].

В России побег из колоний происходит регулярно, как показывает практика их расследования, чаще всего заключенные сбегают из колоний-поселений. Несмотря на то что нарушителей режима практически всегда находят и добавляют им срок от двух до семи лет, даже угроза уголовного наказания и увеличение срока его отбывания не останавливает лиц, замысливающих побег или совершивших его.

Причинам и условиям совершения побегов из мест лишения свободы учеными, исследующими пенитенциарную преступность, в настоящее время уделяется определенное внимание. В данной статье будут проанализированы некоторые причинно-образующие факторы данного вида преступлений. Предлагается подробно рассмотреть вопросы практической плоскости проблемы, а также состояние законности в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы РФ по предупреждению побегов из исправительных учреждений.

Согласно ст. 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»¹, указанные учреждения обязаны создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях. Важное место в системе мер, направленных на выполнение данной задачи, занимают меры предупредительного характера, рассмотрение которых во взаимосвязи, с точки зрения соблюдения законности при их осуществлении, показывает императивное законодательное закрепление требований к их основам.

Результаты расследования уголовных дел по фактам совершения побегов осужденных, например, из колоний-поселений свидетельствуют о некоторых негативных тенденциях в деятельности администраций исправительных учреждений. Например, сотрудниками УИС не всегда обеспечивалось принятие должных мер, направленных на организацию действенной воспитательной работы, исправление лишенных свободы граждан и профилактику повторной преступности. Об этом свидетельствуют имевшие место в колониях-поселениях и на участках колоний-поселений многочисленные факты побегов. Например, за последние три года в пенитенциарных учреждениях отмеченной категории совершено в среднем около ста уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных ст. 313 УК РФ. Так, в одном из исправительных учреждений в результате ненадлежащего исполнения сотрудниками обязанностей по осуществлению надзора на территории временного производственного объекта осужденные пользовались средствами мобильной связи, употребляли алкоголь и в итоге совершили побег.

Представляется, что обозначенную ситуацию с состоянием преступности в указанной сфере можно рассматривать как результат неисполнения в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы требований уголовного закона и Федерального закона, регулирующего вопросы организации оперативно-розыскных мероприятий.

Как пример, среди негативных обстоятельств, создающих условия для противоправных действий, по результатам расследований отмечаются серьезные просчеты в организации администрациями мест изоляции от общества обысковой работы и охраны. Например, в одном из субъектов РФ осужденный совершил побег из участ-

¹ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : Федер. закон от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 30. Ст. 4532.

ка колонии-поселения. С места преступления он скрылся на такси, вызванном с помощью мобильного телефона, переданного ему супругой на длительном свидании. Беспрепятственно покинуть режимную территорию ему позволило отсутствие видеонаблюдения у ворот, расположенных с тыльной стороны учреждения. В этом же учреждении вследствие неудовлетворительной организации службы дежурной смены совершен побег другим осужденным путем преодоления ограждения, не оборудованного по всему периметру армированной колючей лентой.

В ряде случаев преступным действиям отбывающих лишение свободы предшествовало употребление алкогольных напитков в жилых секциях. Имеют место факты ненадлежащей профилактической и воспитательной работы с отбывающими наказание лицами, несоблюдения порядка предоставления им свиданий. К примеру, несмотря на то что в материалах личного дела одного из осужденных имелся приговор суда, содержащий сведения о том, что он скрылся с места совершения преступления, вопрос о постановке лица на профилактический учет администрацией не рассматривался. Более того, в результате надзорных мероприятий обнаружена тетрадь, содержащая записи о планировании противоправных действий.

В одном из случаев причиной оставления УКП явилось изменение взаимоотношений со стороны иных заключенных, воспринятое осужденным как угроза его личной безопасности. При этом о переменах администрация не была осведомлена. К тому же согласно карточке учета свиданий, выдаче передач, посылок и бандеролей осужденный воспользовался краткосрочным свиданием с матерью по истечении длительного времени нахождения в учреждении. Вместе с тем, исходя из его объяснений, за время отбывания наказания к нему на краткосрочные свидания прибывали иные граждане, но этими сведениями сотрудники исправительного учреждения не располагали.

Кроме этого, в отсутствие надлежащего контроля со стороны должностных лиц уголовно-исполнительной системы зафиксированы побег с выводных участков колоний-поселений. Так, один из осужденных в дневное время покинул территорию объекта деревообработки и, используя попутный транспорт, уехал в другой населенный пункт, где скрывался несколько суток. Отмеченные обстоятельства очевидно свидетельствуют об имеющихся просчетах в организации и осуществлении ведомственного контроля со стороны территориальных органов ФСИН России.

На состоянии контроля за лицами, находящимися в местах принудительного содержания, есть основания остановиться отдельно.

Показательным является факт побега из следственного изолятора № 1 г. Екатеринбурга, совершенного двумя особо опасными преступниками, обвиненными в терроризме. По одной из версий осужденные могли открыть запираемые помещения ключами, которые либо украли, либо получили от сотрудников.

По мнению специалистов, сбежать из любого следственного изолятора достаточно сложно. Поэтому причины, из-за которых удался побег, могут быть разными. Как один из возможных вариантов, можно рассматривать и преступную халатность сотрудников, где-то оставивших ключи. Однако система безопасности в учреждениях подразумевает многоуровневую защиту, следовательно, на каком-то этапе беглецов бы обязательно задержали. Конечно, возможна и коррупционная составляющая, так как столь «дерзкий» побег двух осужденных за терроризм вряд ли мог состояться без помощи изнутри. Представляется, что такие точки зрения небезосновательны, однако нужно учитывать, что только расследование устанавливает истинные причины, а суд делает вывод о виновности либо невиновности лица.

Как известно, результат расследования конкретного уголовного дела, в частности и побега, во многом зависит от правильной организации расследования и взаимодействия с другими правоохранительными органами. Вполне можно согласиться с мнением о том, что «организационная составляющая субъектов взаимодействия носит основополагающий характер, поскольку она показывает объективную необходимость объединения, прежде всего, усилий всех субъектов правоохранительной деятельности» [2, с. 184].

Применительно к данному тезису уместно рассмотреть вопрос о межведомственном взаимодействии органа расследования с учреждениями УИС в вопросах установления причин и условий совершения побегов. Важная и основная информация о допреступной деятельности аккумулируется в оперативных подразделениях учреждений. Можно предположить, что, поскольку побег все-таки совершен, ее, возможно, было недостаточно либо администрация исправительной колонии вообще не располагала такими сведениями; в то же время после совершения побега в обязательном порядке принимаются соответствующие меры на ведомственном уровне по выяснению причин и условий, способствующих совершению побегов.

Конечно, орган расследования при производстве следственных действий в соответствии с методикой расследования и необходимостью решения процессуальных функций должен самостоятельно выяснять обстоятельства, способствующие совершению преступления. Однако выполнение этих задач для лица, производящего рассле-

дование, во многом будет облегчено, если в результате налаженного взаимодействия с администрацией учреждения (формального и неформального) такие сведения будут представляться ему администрацией оперативно и своевременно. В совокупности с установленными и проверенными следственным путем общие сведения о детерминантах побега, совершенного конкретным лицом, позволят проанализировать их органу расследования, установить истинные обстоятельства, способствующие совершению преступления, и, как результат, принять конкретные и реальные меры по их устранению.

В профилактической деятельности органа расследования следует отметить значение взаимодействия органа расследования с прокуратурой, осуществляющей надзор за исполнением закона в исправительных учреждениях. Материалы прокурорской практики содержат солидный объем важной для расследования информации. Так, изучение практики прокурорского надзора показывает, что прокурорами в колониях-поселениях ежегодно проводятся более тысячи проверок. В результате проведенных мероприятий вскрываются несколько тысяч отступлений от закона, связанных с обеспечением режима и с организацией воспитательной работы. Впечатляют и меры прокурорского реагирования. Вносятся сотни представлений и протестов. Начальникам пенитенциарных учреждений объявлялись предостережения, перед органами расследования инициировались проверки в уголовно-процессуальном порядке. В результате прокурорского реагирования к дисциплинарной ответственности привлечено более тысячи должностных лиц, а также возбуждено несколько уголовных дел. Как видим, меры прокурорского реагирования имеют положительный результат, и они достаточно эффективны.

Таким образом, взаимодействие органов расследования с органами прокуратуры и администрациями исправительных учреждений является одним из определяющих элементов механизма по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению побегов. Результаты расследования в этой части в конечном счете обретают форму представления, внесение которого в адрес органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, на наш взгляд, по делам данной категории является обязательным. Здесь можно поддержать позицию М. И. Федорова о том, что «профилактическое значение представлений во многом зависит от своевременности их внесения в органы, которые по роду своей деятельности правомочны предпринимать необходимые меры реагирования. Эффективность представлений в конечном итоге зависит от фактически принятых по ним мер» [6, с. 20].

Поскольку при расследовании преступлений данного вида общей и основной причиной совершения осужденными к лише-

нию свободы побегов определено необеспечение надлежащего режима и надзора, для исключения подобных фактов в представлении органа расследования должно содержаться требование о необходимости разработки и реализации дополнительных мер по усилению и активизации ведомственного контроля в уголовно-исполнительной системе. Отмечая комплексный характер профилактических мер, есть основания согласиться с точкой зрения О. Г. Ковалева о том, что «предупреждение побегов и преодоление побеговой активности представляет собой многогранное явление, состоящее из правовых, организационных, психолого-педагогических, оперативно-режимных, надзорных, охранных и других направлений» [З. с. 71]. В то же время проанализированные в данной работе детерминанты побегов и обстоятельства их совершения позволяют нам склонить вектор причинности в сторону организационных направлений предупреждения побегов, которые должны разрабатываться и реализовываться с иными мерами профилактики, чтобы в конечном результате обеспечить исключение любой возможности незаконного оставления исправительного учреждения.

Список литературы:

1. *Александров А. Н., Рудов Д.Н.* Предупредительная деятельность следователя как один из важнейших аспектов обеспечения задач уголовного судопроизводства // Наука. Теория. Практика. 2013. № 1.
2. *Князьков А. С., Польгерт А.В.* Взаимодействие как элемент организации криминалистической деятельности следователя по делам о незаконном сбыте наркотических средств с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415.
3. *Ковалев О.Г.* Пути преодоления побеговой активности осужденных в современных условиях развития УИС // Вестник Кубанского института. 2022.
4. *Кукушкин Ю.А.* Общие вопросы организации следственной работы // Волгоград. 1978.
5. *Лушиников Д. А., Джавадян Ю.Р.* Особенности профилактики преступлений в пенитенциарной сфере // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. № 2.
6. *Федоров М.И.* Внесение представления следователем как одна из мер, направленная на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2012. №16.

Лифанова Лилия Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного
процесса и криминалистики
Краснодарского университета МВД России
e-mail: laliy@mail.ru

Электронный документооборот как одно из средств, способствующих решению задач уголовного судопроизводства

Аннотация

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в современную социальную среду существенно влияет на различные области жизнедеятельности, включая сферу права. Под влиянием процессов цифровизации претерпевают изменения уголовно-процессуальные отношения, возникающие между субъектами на всех этапах уголовного судопроизводства. Использование электронного документооборота в уголовном судопроизводстве существенным образом позволяет упростить отдельные процессуальные процедуры, создавая при этом предпосылки для более быстрого и качественного расследования уголовных дел и рассмотрения их в суде.

***Ключевые слова:** назначение уголовного судопроизводства; задачи уголовного процесса; электронный документ; электронный документооборот; предварительное расследование.*

Современная редакция ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Назначение уголовного судопроизводства») подвергается обоснованной критике в научной юридической литературе ввиду ее недостаточной информационной насыщенности, что порождает разночтения относительно точного толкования указанной правовой нормы. В среде ученых-правоведов высказываются разные точки зрения касательно соотношения понятия «назначение» с задачами уголовного судопроизводства [6, с. 10], его целями [1, с. 16; 5, с. 388], процессуальными принципами [2, с. 54–55].

Мы солидарны с точкой зрения профессора В. А. Михайлова о недопустимости такого расширительного толкования и целесообразности включения в текст УПК РФ самостоятельной статьи, определяющей задачи уголовного процесса, среди которых данный

автор указывает «быстрое, всестороннее, полное и объективное раскрытие преступлений и исследование обстоятельств уголовного дела, избличение виновных и выявление как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его наказание обстоятельств» [4, с. 8].

Предлагаемая норма в определенной степени коррелируется со ст. 2 УПК РСФСР 1961 г. «Задачи уголовного судопроизводства», в которой был сделан акцент на быстром и полном раскрытии преступлений, избличении виновных и обеспечении правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Быстрое и полное раскрытие преступлений соотносится с целым рядом принципов уголовного судопроизводства («Разумный срок уголовного судопроизводства», «Презумпция невиновности», «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» и др.), а также обеспечивает реализацию конституционных прав граждан на доступ к правосудию, равенству перед законом и судом, использованию в доказывании сведений, полученных законным путем, и т. д.

Интеграция информационно-коммуникационных технологий в современное общество обуславливает формирование новых инструментов для решения задач уголовного судопроизводства. В настоящее время осуществляется внедрение потенциала искусственного интеллекта в процесс раскрытия и расследования преступлений, а также активное освоение современных информационных технологий во всех областях функционирования судебной системы Российской Федерации [3].

Цифровые и информационные технологии изначально внедрились в уголовное судопроизводство как инструмент организации документооборота, но в настоящее время их применение охватывает все аспекты деятельности правоохранительных органов и судов. Они активно используются при осуществлении следственных действий, в рамках судебного разбирательства, исполнении судебных решений, обеспечении права граждан на обжалование и в иных случаях.

Применение электронных документов в уголовном процессе было нормативно закреплено с 1 января 2017 г. после вступления в силу Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ¹, которым

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной

внесены соответствующие поправки в УПК РФ. Среди нововведений выделяется введение ст. 474.1 УПК РФ, регламентирующей использование электронных документов органами судебной власти.

Принятие данной нормы можно считать отправной точкой для развития института использования электронных документов в уголовном процессе.

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ в УПК РФ введена ст. 189.1, устанавливающая порядок проведения следственных действий посредством систем видеоконференцсвязи¹. Данное законодательное изменение представляет собой значимый этап внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство и повышения эффективности предварительного расследования.

Ст. 474.2 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства» предусматривает использование электронного документооборота при заявлении ходатайств и подачи заявлений, жалоб, представлений, требований.

Важным является факт, что законодатель из данного перечня императивно исключает заявление о преступлении. Однако это не означает, что пострадавший лишен права на использование электронной среды.

Возможность подачи потерпевшим электронного заявления о совершенном либо готовящемся преступлении существует с 2014 года². Согласно Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, допускается подача такого заявления в электронной форме через официальные сайты ведомства после обязательного заполнения всех установленных реквизитов. Далее электронное заявление распечатывается на бумажном носителе, и дальнейшая работа ведется с ним как с обычным письменным заявлением.

власти : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 20.10.2025).

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405493/ (дата обращения: 20.10.2025).

² Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. (ред. от 9 октября 2019 г.) № 736.

Лицо, направившее обращение, обязано получить в письменной или электронной форме извещение о принятых мерах в срок до 24 часов с момента поступления заявления. Проверка сведений, указанных в электронном заявлении, проводится согласно ст. 144 УПК РФ («Порядок рассмотрения сообщения о преступлении»), однако сроки принятия решений относительно возбуждения уголовного дела, отказа от его возбуждения или направления по подведомственности отличаются – три дня, десять дней и тридцать дней соответственно в особых ситуациях.

На наш взгляд, вышеуказанная инструкция требует уточнения порядка и формы уведомления заявителя, например, целесообразно использовать формулировку типа: «Ваше заявление принято, информация о принятом решении будет сообщена дополнительно в установленном законом порядке». Подобная форма уведомления могла бы служить функциональной заменой талону-уведомлению, который выдается заявителям при личном посещении правоохранительных органов и подтверждает регистрацию обращения.

Редакция ст. 474.2 УПК РФ представляется предпочтительной по сравнению со ст. 474.1 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в ходе судебного производства» ввиду более точного и юридически корректного изложения перечня материалов, запрещенных к представлению в электронном формате. Конкретизировано, что такие материалы не должны включать данные, относящиеся к государственной или иной конфиденциальной информации, защищаемой федеральными законами, а также информацию, ставящую под угрозу национальную безопасность, нарушающую права и законные интересы несовершеннолетних либо касающуюся преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы человека. Указанный список ограничений сформулирован однозначно и исключает возможность чрезмерно расширительного истолкования.

Важным положительным моментом является возможность должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры предоставления копий постановлений, обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и иных процессуальных документов в форме электронного документа (ч. 3 ст. 474.2 УПК РФ). Как правило, итоговые процессуальные решения по уголовным делам отражаются в чрезмерно объемных документах (обвинительное заключение и приложение к нему могут включать несколько томов), изготовление которых в традиционном (бумажном) виде достаточно затратно. При этом следует учитывать, что обозначенные выше документы могут быть направ-

лены участнику уголовного судопроизводства только по его просьбе или согласию (ч. 5 ст. 474.2 УПК РФ).

Одной из серьезных проблем, связанных с использованием электронных документов в уголовном процессе, является отсутствие в УПК РФ механизма для подачи электронных заявлений в суд по делам частного обвинения. Это ограничивает доступ граждан к правосудию через цифровые каналы и создает дополнительные барьеры для развития электронного документооборота.

В целом, электронный документооборот в уголовном процессе является важным инструментом повышения эффективности работы правоохранительных органов и судов в плане решения задачи уголовного судопроизводства – обеспечения быстрого, всестороннего, полного и объективного раскрытия преступлений и исследования обстоятельств уголовного дела.

Список литературы:

1. *Володина Л.М.* Назначение и принципы уголовного судопроизводства - основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. П. Верина, В. В. Мозякова. М., 2004.
3. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации И. Л. Подносовой на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 3 декабря 2024 года. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34065/ (дата обращения: 20.10.2025).
4. *Михайлов В.А.* Проблема целей и задач уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19).
5. *Наумов К.А.* Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 3.
6. Уголовный процесс : учеб. / под ред. А.П. Гуськовой, А. В. Ендольцевой. М., 2007.

Мельникова Екатерина Федоровна,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры предварительного расследования
Нижегородской академии МВД России
e-mail: efmelnikova@yandex.ru*

Салеева Юлия Евгеньевна,
*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: viva13@bk.ru*

Роль прокурора по выявлению и устранению следственных ошибок

Аннотация

В статье рассматриваются отдельные аспекты прокурорского надзора за следственной деятельностью по выявлению и устранению следственных ошибок. В статье предлагается авторское определение понятия «следственная ошибка», изучается судебная практика. Кроме того, авторами статьи высказаны предложения по совершенствованию правовых норм, регулирующих применение мер прокурорского реагирования.

***Ключевые слова:** предварительное расследование; следственная ошибка; следствие; прокурор; меры прокурорского реагирования.*

Для Российской Федерации характерна постоянная модификация правовой системы. При этом вводимые изменения имеют своей целью качественное преобразование работы правоохранительных органов при реализации ими своего назначения в ходе уголовно-процессуальной деятельности и в целом совершенствование организации субъектов уголовно-процессуальной деятельности, укрепление законности, усиление гарантий обеспечения прав личности.

На этом фоне вызывает вопросы ситуация с качеством расследования уголовных дел и рассмотрения их в судах. Субъектами, которые уполномочены вести уголовное судопроизводство, допускаются немало ошибок в ходе установления и исследования всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, нарушаются положения Конституции Российской Федерации,

международно-правовых норм и национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Самое опасное, на наш взгляд, состоит в том, что в результате таких ошибок может иметь место незаконное заключение под стражу, незаконное осуждение или назначение чрезмерно сурового наказания, в том числе реального лишения свободы, или, наоборот, незаконное освобождение от уголовной ответственности или оправдание.

Цена следственных ошибок становится высокой, когда дознаватель, следователь, прокурор, суд не выявляют фактов применения незаконных методов (особенно физического насилия, пыток) в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а также провокаций преступлений со стороны должностных лиц правоохранительных органов государства, и принимают юридически значимые для человека решения, основываясь на материалах, добытых незаконным и провокационным путем.

Необходимость сведения к минимуму ошибок в уголовном судопроизводстве диктует важность изучения на концептуальном уровне природы следственных ошибок и выработки уголовно-процессуальных механизмов их выявления, исправления и предупреждения.

Прежде всего отметим, что категория «следственная ошибка» не закреплена в отечественном законодательстве. Во многом это обусловлено тем, что суть содержания нормы права – наличие точных понятий, а ошибочность действий следователя довольно-таки разнопланова [11, с. 216].

Таким образом, предлагаем сформулировать определение следственной ошибки как непреднамеренное заблуждение при принятии решений, а также неверные суждения и/или оценивание собранной информации, допущенные специальными субъектами, уполномоченными проводить предварительное расследование уголовных дел на досудебных стадиях судопроизводства.

Как показывает практика, зачастую следственная ошибка выявляется несвоевременно, что во многом препятствует ходу расследования и/или снижает его качество.

Ход предварительного расследования по уголовному делу во многом детерминирован местом и ролью его участников. В этом отношении некоторые сложности возникают с пониманием места и роли прокурора, поскольку в норме ч. 1 ст. 37 УПК РФ содержание процессуальной деятельности прокурора, в отличие от иных участников обвинения, составляет, помимо функции уголовного преследования, также и осуществление прокурорского надзора за деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование [1, с. 74].

Поскольку прокурорский надзор за предварительным расследованием относится лишь к уголовно-процессуальной деятельности рассматриваемых субъектов, то и прокурорские полномочия по этому направлению определены в УПК РФ (ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Структурно данные полномочия представлены процессуальными правами прокурора и его процессуальными обязанностями. Причем взаимосвязь между ними обусловлена тем, что при наличии оснований для реализации прокурором процессуальных прав они становятся и его процессуальными обязанностями.

Так, например, в ходе досудебного производства прокурор обладает полномочиями по истребованию решений следователя и может проверить их законность и обоснованность в части отказа в возбуждении уголовного дела, его приостановления или прекращения и принять по ним решение.

В случае несогласия следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений закона, которые были допущены в ходе предварительного следствия, прокурор может обратиться к руководителю вышестоящего следственного органа с требованием устранить данные нарушения.

Если и руководитель вышестоящего следственного органа не согласен с указанными требованиями, то прокурор может обратиться к Председателю Следственного комитета при прокуратуре РФ или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти, а далее – к Генеральному прокурору РФ, чье решение будет окончательным.

Как показывает практика, основным средством устранения прокурором следственных ошибок является отмена прокурором незаконных/необоснованных постановлений со стороны органов и должностных лиц, осуществляющих дознание по уголовному делу (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Приведем пример из судебной практики. Так, Волгодонским районным судом Ростовской области было рассмотрено дело № 2а-2200 (2020) в отношении МУ МВД России «Волгодонское», капитана полиции МУ МВД России «Волгодонское» ФИО1. Судом было выяснено, что в период с декабря 2019 по февраль 2020 г. УУП ОП-1 МУ МВД России «Волгодонское» капитаном полиции ФИО1 неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления, которые отменялись прокуратурой г. Волгодонска Ростовской области. 25 февраля 2020 г. материал № 11051 для проведения проверки и принятия решения в соответствии с действующим законодательством был направлен начальнику ОП № 2 МУ МВД России

«Волгодонское». 28 февраля 2020 г. материал № 11051 был зарегистрирован в КУСП за № 2469 и передан на исполнение УУП ОП-2 МУ МВД России «Волгодонское» капитану полиции ФИО2. 9 марта 2020 г. УУП ОП-2 МУ МВД России «Волгодонское» капитан полиции ФИО2 рассмотрел материал дополнительной проверки, принимая во внимание, что имеются достаточные данные, указывающие на отсутствие признаков преступления по ч. 1 ст. 327 УК РФ, и, руководствуясь п. 2 ч. 1 ст. 24, ст.ст.144–145, 148 УК РФ, постановил отказать в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, за отсутствием состава преступления. Уведомление о вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с разъяснением прав на обжалования направлено прокурору г. Волгодонска. 17 марта 2020 г. заместитель прокурора г. Волгодонска Ростовской области советник юстиции М. Х. Поркшеян, рассмотрев материал проверки № 2469/374, установил, что постановление об отказе в возбуждении уголовного дела подлежало отмене для проведения дополнительной проверки, без проведения которой законное и обоснованное решение не могло быть принято. На основании п.п. 1,2 и 6 ч. 2 ст. 37 и ст. 148 УПК РФ было вынесено постановление об отмене постановления органа дознания (дознавателя) об отказе в возбуждении уголовного дела как необоснованное с последующими указаниями [9].

Подробнее хотелось бы остановиться на выявлении прокурором следственных ошибок на этапе изучения уголовного дела, которое поступило с обвинительным заключением, обвинительным актом (постановлением). Дело в том, что, как показывает практика, в обязанности прокурора входит осуществление надзора в отношении целого ряда уголовных дел, а это, в свою очередь, препятствует методичному контролю за деятельностью дознавателя или следователя, их процессуальных решений или организационных действий, реализуемых для того, чтобы были созданы условия возмещения вреда, который был нанесен конкретным преступлением.

В связи с этим совершенно справедливо мнение В. М. Савицкого, который считает, что факт возвращения прокурором уголовного дела свидетельствует о том, что в ходе расследования именно со стороны прокурора не был осуществлен должный надзор и контроль за деятельностью следователя [10, с. 80].

Генеральная прокуратура РФ в связи с этим в своем обзоре отмечает, что в качестве причин возвращения со стороны прокуроров уголовных дел на дополнительное расследование выступают:

– нарушения, связанные с тем, что расследование не было проведено в полном объеме;

– несоответствие установленным обстоятельствам дела постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения (акта);

– ошибки, касающиеся правовой оценки содеянного правонарушения;

– нарушения, связанные с реализацией прав на защиту, и т. д. [7, с. 4].

В числе причин, по которым уголовное дело возвращается дознавателю/следователю, выступает также потребность пересоставить обвинительное заключение (обвинительный акт). Это происходит, когда произошло изменение обвинения и прокурор делает вывод о том, что оно индивидуализировано недостаточно. Например, если в формулировку обвинения необходимо будет добавить характер вреда, который был нанесен потерпевшему, и его точную сумму.

Приведем пример из практики. Прокурор возвращает уголовное дело в районное СО ОМВД РФ по г. Волгограду для того, чтобы было проведено дополнительное расследование. Причиной возвращения в данном случае является то, что следователь не установил стоимость наручных часов, которые были похищены у потерпевшего [6].

Еще один пример. Прокурор возвращает уголовное дело в районное СО ОМВД РФ по г. Москве, поскольку в процессуальных документах не содержится наименование имущества, которое было похищено у потерпевшего, а также его стоимость [4].

Как показывает практика, в процессе предварительного расследования довольно часто должностные лица, в чьем производстве находятся уголовные дела, не в полном объеме устанавливают обстоятельства, которые подлежат доказыванию, а именно: не устанавливают характер вреда, который был причинен преступлением, и его размер (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), что грубо нарушает положения закона. Бывают и такие случаи, когда прокуроры повторно возвращают уголовные дела на дополнительное расследование. Иными словами, по этим делам уже были сформулированы требования устранить нарушения, но они так и не были устранены [7, с. 4].

Приведем пример из следственной практики. Районным СО при ОВД г. Москвы Б. обвинялся в совершении покушения на грабеж. Прокурор, возвращая уголовное дело, отметил, что из заявления потерпевшей К. следует, что предметом похищенного были денежные средства в размере 35 тыс. руб. Вместе с тем следователем в соответствующих протоколах следственных действий не была указана сумма нанесенного потерпевшей имущественного вреда [5].

О том, что к установлению предмета преступления подходят формально, свидетельствуют и другие примеры. Так, следователю

дважды было возвращено уголовное дело в отношении А. из-за того, что не были устранены имеющиеся противоречия относительно суммы причиненного вреда имуществу потерпевшего, содержащейся в заявлении о преступлении и указанной в обвинительном заключении [3].

По мнению В. Н. Титова, к числу основных проблем относится также недостаточная организация надзорной деятельности прокурора в направлении выявления нарушений закона, которые совершают уполномоченные должностные лица органов предварительного расследования [13, с. 38].

Генеральная прокуратура РФ по этому поводу в решении от 28 мая 2014 г. «О проблемных вопросах участия прокуроров в стадиях уголовного процесса и складывающейся практики судебного рассмотрения уголовных дел» указала, что зачастую прокуроры не в полном объеме исследуют доводы об избрании той или иной меры пресечения в отношении обвиняемых/подозреваемых. Особенно это касается такой меры пресечения, как заключение под стражу. Кроме того, в числе проблем указывались:

- нарушения закона в части возбуждения уголовных дела по факту, а не при наличии необходимых оснований в отношении конкретного лица;
- нарушения закона в ходе ОРМ;
- ошибки в формулировке обвинения, особенно по делам в сфере экономических преступлений, делах о должностных преступлениях;
- ошибки в предмете доказывания и, как следствие, ошибки в собирании доказательств и их закреплении [13].

Полагаем, что в ходе надзорной деятельности на этапе окончания предварительного расследования прокурор, изучив материалы уголовного дела, помимо других требований, обязан проверить все ли мероприятия были проведены следователем, дознавателем в части возможной конфискации имущества и обеспечения гражданского иска. Также прокурор обязан проверить, насколько соблюдены требования законности принятых решений в части возвращения вещественных доказательств законному владельцу [8].

Исходя из положений ч. 5 ст. 220 УПК РФ следует, что данные о мерах, которые были приняты по направлению возмещения вреда от преступления, или предпринятой в отношении обвиняемого конфискации имущества, должны содержаться в справке, которая прилагается к обвинительному заключению.

Вместе с тем, даже в пределах правоохранительного органа, правоприменительная практика может сильно отличаться. Так,

в ходе дознания по уголовному делу о причинении вреда здоровью средней тяжести Т., не был рассмотрен вопрос о том, каким образом будет возмещаться ущерб, который был причинен территориальному фонду ОМС Московской области в связи с расходами на лечение потерпевшего. Как следствие – прокурор возвратил данное уголовное дело на дополнительное дознание. После того как рассматриваемое дело было повторно направлено в Коломенскую городскую прокуратуру. Прокурор указал на то, что дознавателями не должны рассматриваться вопросы о параметрах возмещения ущерба, понесенного ТФ ОМС в связи с лечением потерпевшего, и что запросы в данном случае формулируют сотрудники прокуратуры [14].

На наш взгляд, если у прокурора возникает необходимость в переквалификации обвинения на менее тяжкое либо в исключении отдельных пунктов обвинения, он вправе вынести соответствующее постановление без процедуры возвращения дела следователю. Однако здесь надо учитывать, что такая возможность у прокурора появляется только тогда, когда нет надобности в проведении дополнительного расследования. Это решение исключает излишнюю волокиту, связанную с возвращением уголовного дела, а также с возможным процессом его обжалования следователем и т. п. Существующий же порядок ставит прокурора в зависимое положение, в первую очередь, речь идет о решениях должностных лиц, поднадзорных ему, что, на наш взгляд, не сочетается с процессуальным статусом прокурора и противоречит положениям ч. 1 ст. 37 УПК РФ [12, с. 98].

Получив от прокурора уголовное дело с подобным указанием, в обязанности следователя входит следующее:

- снова начать производство по делу;
- ознакомить всех участников с материалами дела;
- сформировать новое обвинительное заключение.

В результате процесс предварительного следствия неоправданно затягивается, а вся его процедура усложняется. Получаем противоречие, связанное с нарушением принципа разумности сроков уголовного процесса (ст. 6.1 УПК РФ).

Анализ показал, что основные причины, по которым уголовные дела возвращаются на дополнительное расследование, связаны не с тем, что присутствуют какие-либо трудности в доказывании или нет согласия с надзирающим прокурором, а с тем, что следователи и дознаватели элементарно невнимательны, не испытывают должной ответственности за результат, а также с тем, что отсутствует надлежащий контроль со стороны их непосредственного руководства [2].

Также на практике часто возникают ситуации, когда прокурор необоснованно вынес постановление о том, чтобы возвратить следователю уголовное дело для производства дополнительного следствия. В свою очередь, вышестоящий прокурор, исследуя данное дело, установил иные основания возвращения его следователю.

Считаем, что в данном случае в постановлении об отказе в удовлетворении ходатайства следователя (дознавателя) от вышестоящего прокурора должны быть четко указаны новые основания, исходя из которых и возвращается дело. При этом постановление нижестоящего прокурора не будет отменено, так как отмена постановления по закону возможна тогда, когда вышестоящий прокурор утвердил обвинительный акт (постановление) либо обвинительное заключение.

В целях совершенствования правового регулирования по данному вопросу считаем верным внесение изменений в ч. 4 ст. 221, ч. 4 ст. 226, ч. 4 ст. 226.8 УПК РФ, которые позволяли бы вышестоящему прокурору выносить новое постановление о возврате уголовного дела следователю/дознавателю с одновременной отменой незаконного/необоснованного постановления нижестоящего прокурора. Внесение данных изменений будет служить дополнительной гарантией реализации права обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела со стороны следователя или дознавателя, а также позволит исключить излишнюю волокиту в деятельности прокурора на стадии утверждения обвинительного заключения/акта/постановления.

Следует также способствовать формированию практики обжалования судебных решений в условиях пересмотра судебных решений в рамках апелляционного производства по уголовным делам, а также надзорного и кассационного, но только при условии, если налицо будут обстоятельства, которые свидетельствовали бы о том, что уголовный закон применяется неверно, либо имеются существенные нарушения уголовно-процессуальных норм, в результате которых последовали вредные последствия.

В целом считаем необходимым также способствовать регулярному совершенствованию профессиональной квалификации прокуроров, которые реализуют надзорные полномочия за ходом предварительного расследования.

Список литературы:

1. *Закаряева М.М.* Проблемные вопросы участия прокурора при рассмотрении отдельных категорий дел особого производства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 6.
2. Из материалов проверки по факту возвращения уголовного дела № 63814 для производства дополнительного дознания 12 августа 2015 г. Коломна.
3. Из материалов уголовного дела № 278406 // Аналитические данные КМУ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2012 г.
4. Из материалов уголовного дела № 297427 // Аналитические данные КМУ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве за 2015 г.
5. Из материалов уголовного дела № 353845 // Аналитические данные КМУ ГСУ при ГУВД по г. Москве за 2020 г.
6. Из материалов Центрального районного суда г. Волгограда № 1-470/2017 от 16 ноября 2017 г. по делу № 1-470/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BeqwWzpnhJLQ/> (дата обращения: 15.05.2025).
7. *Колоколов Н. А.* В поисках модели уголовного процесса: предварительное расследование – «новое», проблемы – «старые» // *Уголовное судопроизводство.* 2018. № 2.
8. Постановление о возвращении уголовного дела № 63814 для производства дополнительного дознания от 17 июля 2015 г. Коломна.
9. Решение Волгодонского районного суда Ростовской области № 2А-2200/2020 2А-2200/2020~М-1893/2020 М-1893/2020 от 16 сентября 2020 г. по делу № 2А-2200/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V0MqrjMddx5v/> (дата обращения: 15.05.2025).
10. *Савицкий В.М.* Действия прокурора при решении вопроса о направлении дел в суд // *Законность.* 1958. № 8.
11. *Семенов Е. А., Сидорова Е.И.* Следственная ошибка: понятие, классификация // *Вестник Воронежского института МВД России.* 2024. № 1.
12. *Соловьев А. Б., Токарева М.Е.* Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства // *Уголовный процесс.* 2021. № 4.
13. *Титова В.Н.* Применение законодательства о возмещении вреда, причиненного преступлением // *Вестник академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.* 2013. № 6 (38).

Моргачёва Лариса Алексеевна,
*преподаватель кафедры уголовного процесса
имени профессора Л.Д. Кокорева
Воронежского государственного университета
e-mail: laris777444@yandex.ru*

Необходимость назначения судебной экспертизы как основание процессуального решения: некоторые проблемы понимания

Аннотация

В целях внесения предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения в статье исследуется проблема понимания того критерия, благодаря которому следователь, дознаватель, суд убеждаются в том, что установление фактических обстоятельств по уголовному делу требует специальных не юридических знаний и исследований. Делается вывод: решить вопрос о том, что искомые факты могут быть установлены только с помощью судебной экспертизы может только дипломированный специалист в данной области знаний. Мнения специалистов должны учитываться законодателем и практиками.

***Ключевые слова:** судебная экспертиза; постановление о назначении судебной экспертизы; заключение эксперта; исследование; основание; достоверность.*

Согласно требованию ч. 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в дальнейшем – УПК РФ) постановления, в частности, судьи, следователя, дознавателя должны быть обоснованными. В ч. 1 ст. 195 УПК РФ закреплено, что в постановлении о назначении судебной экспертизы указывается основание назначения судебной экспертизы. Таковым в соответствии с этой же нормой является установленная следователем необходимость в ее назначении. Данная формулировка закона не содержит специальных юридических терминов, за которыми стояли бы определенные в официальных источниках или юридической наукой конкретные фактические обстоятельства, подлежащие установлению для принятия данного решения, такие, как например, состав преступления, виновность, прямой умысел, невменяемость, физический вред, близкие родственники и т. д.

Определенный набор обстоятельств, мотивы, которые обуславливают потребность в назначении судебной экспертизы, каждый правоприменитель определяет по своему усмотрению, руководствуясь положениями УПК РФ, подзаконных нормативно-правовых актов, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, данными следственно-судебной практики. В результате этого они по-разному излагаются в постановлениях о назначении судебной экспертизы и, к сожалению, не всегда полно и правильно, что делает постановление, по сути, необоснованным. Анализу встречающихся в следственной практике вариантов изложения описательно-мотивировочной части постановления о назначении судебной экспертизы посвящено отдельно исследование автора данной статьи [8, с. 55–56]. Кроме того, нами также указывались негативные последствия необоснованных решений о назначении судебной экспертизы, а также выводы о том, как обосновать и мотивировать данное решение, логично и лаконично описать сделанные умозаключения в документе [9, с. 315].

Проблематика обоснованности постановления о назначении судебной экспертизы побуждает к изучению и других вопросов, возникающих в судебно-следственной практике.

Как известно, необходимость в назначении судебной экспертизы возникает, если для установления каких-либо обстоятельств по уголовному делу требуются специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла и проведение исследований. На сегодняшний день так и нет однозначного ответа на вопрос, чем должен руководствоваться следователь, определяя, что установление данных обстоятельств требует специальных не юридических знаний и исследований? Это вопрос не праздный. Практике известны многочисленные случаи, когда, например, защитник, представитель полагают, что искомые факты могут быть установлены только с помощью судебной экспертизы, а следователь, дознаватель, суд отказывают в удовлетворении их ходатайств о назначении судебной экспертизы, так как считают возможным установить эти обстоятельства, например, «простыми математическими действиями» [6, с. 34], «на основе бухгалтерских документов» [6, с. 34], «сведений о цене» [6, с. 35], «очевидным контекстом» [6, с. 36], «однозначной трактовкой высказываний и жестов» [6, с. 37], «отсутствием разногласий в трактовке видеозаписей» [6, с. 38], «наличием базовых навыков в пользовании компьютером» [6, с. 39], «бытовыми замерами» и «опытом управления транспортным средством» [6, с. 40]. И, в конце концов, даже «наличием достаточной совокупности других доказательств» [6, с. 39]. По этому поводу в литературе приводятся следующие примеры. Суд сделал вывод о наличии золота в ювелирных украшениях

на основании имеющегося на изделиях клейма с цифрами, обозначившими пробу [6, с. 39]; суд посчитал, что для установления причин смерти достаточно допроса патологоанатома, производившего вскрытие [5, с. 84]. В этих двух последних случаях имеется опасная тенденция установления обстоятельств без производства экспертизы даже тогда, когда этого делать категорически нельзя. Такой подход совершенно устраняет необходимость в производстве судебной экспертизы. Такой подход нивелирует особенности заключения эксперта как доказательства, заключающиеся в его «законности, обоснованности и научной достоверности», обеспечиваемой процессуальной формой назначения и производства [7, с. 4]. Какова грань между возможностью установить обстоятельства с помощью любых других доказательств, в том числе косвенных, или только с помощью заключения эксперта?

Специальные знания в той или иной мере может иметь любой человек, а тем более следователь, который каждый день изучает повторяющиеся от дела к делу фактические обстоятельства различных преступлений, контактирует с экспертами. Думается, что для опытного следователя не составит труда определить характер и механизм телесных повреждений лишь на основании осмотра. Но вряд ли кто-то будет спорить, что для установления указанных фактов нужно назначать судебную экспертизу. Так в чем же специфика сведений, получаемых на основании заключения эксперта? Как разделить знания, пусть и специальные (в области науки, техники, искусства, ремесла), но которыми обладает, например, следователь, свидетель, потерпевший в силу тех или иных причин, и знания, для применения которых нужно пригласить эксперта?

Вот что по этому поводу пишут ученые. Профессор Е. Р. Россинская указывает, что проблема решается с учетом «...уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека» [10, с. 11]. Д. В. Зотов отмечает, что специальные знания «...не являются общеизвестными и общедоступными..., могут быть только профессиональными, т. е. приобретаются в рамках специальной подготовки и опыта..., профессионального обучения либо работы по определенной специальности...» [4, с. 20]. Как видим, в приведенных суждениях акцент делается на понимании особенностей специальных знаний. «Требование обязательного проведения судебно-медицинской экспертизы отнюдь не формально, а вытекает из значения выводов эксперта в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, и в их доказывании. Кроме того, по сравнению с таким доказательством, как показание, обоснованное заключение эксперта не динамично, так как правильная науч-

но обоснованная трактовка данных, которые получены в результате корректно проведенных исследований представленных материалов, исключает саму вероятность изменения установленных в результате экспертизы обстоятельств, имеющих значение для дела» [2, с. 15]. Трактуя в 2001 г. нормы еще действующего тогда Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, профессор Е. И. Галяшина писала о том, что экспертиза назначается «...при невозможности установления тех или иных обстоятельств дела путем проведения следственных действий либо при необходимости подтвердить имеющиеся данные объективным методом» [3, с. 8]. Здесь ученые подчеркивают научную обоснованность, объективность и устойчивость знаний о фактах, получаемых в результате производства судебной экспертизы.

Судебная экспертиза представляет собой исследование с использованием специальных знаний, оборудования, инструментов, веществ и т. д. при создании особых условий на основе научно обоснованных методик.

На основе изложенного можно выделить признаки сведений, получаемых в результате производства судебной экспертизы:

- 1) уникальность – сведения не могут быть получены другим путем;
- 2) объективность – сведения не являются субъективной оценкой фактов;
- 3) устойчивость, проверяемость сведений.

Указанные особенности сведений, изложенных в заключении эксперта, обеспечивают наряду с процессуальным порядком назначения и производства судебной экспертизы: реальную возможность получения доказательственной информации; достоверность доказательственной информации; сохранность и возможности проверки доказательственной информации; оптимальность познания обстоятельств дела. И как результат – защиту прав и законных интересов сторон уголовного судопроизводства.

Думается, решить вопрос о том, что искомые факты могут быть установлены только с помощью судебной экспертизы может только дипломированный специалист в данной области знаний. Только он знает, можно ли установить с помощью исследования, и какого именно, те или иные обстоятельства, имеются ли для этого необходимые методики. Представляется, что именно на основании мнения таких специалистов появились положения ст. 196 УПК РФ и постановлений Пленума Верховного Суда РФ об обстоятельствах, которые следует установить именно с помощью заключения эксперта. Указанные официальные источники призваны оказать помощь при решении вопроса о необходимости производства судебной

экспертизы. В связи с этим заслуживает внимания следующее предложение ученых: «Если в практике расследования и разрешения отдельных категорий преступлений систематически возникают ситуации, непосредственно влияющие на всестороннее, полное и объективное разрешение уголовного дела, устранение которых возможно только путем привлечения специальных знаний, то это требует внесения изменений в ст. 196 УПК РФ и (или) в соответствующий Пленум Верховного Суда РФ» [1, с. 11].

В других случаях субъекты, которые наделены правом назначить судебную экспертизу или правом заявить ходатайство о назначении судебной экспертизы должны предварительно проконсультироваться со специалистом как о возможности достоверно установить искомые факты без производства экспертизы, так и о возможности их установления с помощью и какой именно экспертизы. Хотя и здесь могут быть сложности. Наука все время развивается, методики меняются. И не факт, что даже специалист знает ответы на все вопросы о возможности установления тех или иных обстоятельств с помощью экспертизы. В литературе не раз указывалось на проблемы методического обеспечения отдельных видов экспертиз, например, на отсутствие методических рекомендаций по производству инженерно-технологической экспертизы [11, с. 81], на недостаточность научно-теоретической проработки проблем экспертно-криминалистического исследования патронов [13, с. 3] и т.д.

Приветствуется знание субъектами уголовного судопроизводства следственно-судебной практики и научных положений в сфере юриспруденции и других наук. В литературе описан случай, когда адвокатом было заявлено ходатайство о производстве «судоводительской» судебной экспертизы. Следователь отказал в ее назначении, он впервые столкнулся с таким понятием и долго гадал, кто сможет установить длину тормозного пути моторной лодки [12, с. 86]. Думается, здесь обе стороны не правы. В данном случае нужно было вначале проконсультироваться со специалистом.

Список литературы:

1. *Азаренок Н. В., Давлетов А. А.* О необходимости появления нового основания обязательного назначения судебной экспертизы в уголовном процессе // *Российский следователь.* 2025. № 2.
2. *Альшевский В. В.* Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью в современном уголовном судопроизводстве. М., 2004.
3. *Галяшина Е. И.* Судебная фоноскопическая экспертиза. М., 2001.

4. *Зотов Д.В.* Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015.
5. *Лямин А.А.* Ошибки при назначении и проведении судебной экспертизы. Практика кассационных судов // Уголовный процесс. 2023. № 11.
6. *Махтюк С.О.* Когда доказывание по уголовному делу не требует экспертиз и специальных познаний // Уголовный процесс. 2025. №1.
7. *Михайлов В. А., Дубягин Ю.П.* Назначение и производство судебной экспертизы в стадии предварительного расследования : учеб. пособие. Волгоград, 1991.
8. *Моргачёва Л.А.* Обоснованность постановления о назначении судебной экспертизы // Судебная власть и уголовный процесс : сб. научных статей / под ред. Ю.В. Астафьева, В.А. Панюшкина. Воронеж, 2013.
9. *Моргачёва Л.А.* Основание назначения судебной экспертизы и проблемы его изложения в постановлении // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы VII междунар. науч.-практ. конф. М., 2019.
10. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2006.
11. *Сурхов Н. М., Изюмов Р. Н., Сафин М.Р.* Современное состояние, развитие и проблемы судебной инженерно-технологической экспертизы // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2023. № 9.
12. *Тарасов А.А.* Эксперт и специалист в уголовном процессе России : моногр. 2-е изд. перераб и доп. М., 2017.
13. *Яценко С.В.* Экспертно-криминалистическое исследование патронов к стрелковому огнестрельному, пневматическому и ствольному газовому оружию : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009.

Никулина Евгения Сергеевна,
*старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
криминалистики и оперативно-розыскной
деятельности юридического факультета
Вологодского института права и экономики
ФСИН России
e-mail: spring51@mail.ru*

Крымов Виталий Александрович,
*ведущий научный сотрудник отдела по исследованию
проблем отраслевого управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
e-mail: krymov-19@mail.ru*

Оценка дознавателем рисков дальнейшего причинения вреда потерпевшим или иным лицам при расследовании преступлений с признаками превентивных составов

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме реализации превентивной функции уголовного судопроизводства в контексте расследования преступлений, состав которых направлен на недопущение наступления более тяжких общественно опасных последствий. Детально рассматриваются системные ограничения, препятствующие эффективной профилактике преступлений. Особое внимание уделяется критическому анализу существующих мер профилактики. Предлагается концепция законодательных изменений, направленных на расширение превентивных полномочий дознавателя.

Ключевые слова: *расследование преступлений; превентивные преступления; дознаватель; оценка риска; процессуальный статус.*

Современная уголовная политика Российской Федерации все больше смещает акцент с карательной парадигмы на превентивную, признавая приоритет предупреждения преступления над наказанием за его совершение. Особую значимость этот подход приобретает в контексте так называемых «превентивных» составов преступлений, конструкция которых изначально направлена на недопущение наступления более тяжких общественно опасных последствий. К их

числу относятся угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), а также ряд иных преступлений, совершаемых зачастую в сфере семейно-бытовых отношений. Расследование таких преступлений требует от правоприменителя не только установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и проведения непрерывной оценки рисков причинения виновным лицом дальнейшего вреда потерпевшим, свидетелям, а также иным лицам.

В настоящее время учеными-криминологами и работниками правоохранительных органов повышенное внимание уделяется проблеме изучения личности и поведения жертв преступлений, их роли в зарождении и развитии криминальной ситуации, а также использования полученных знаний для выработки эффективных мер предупреждения преступности [1, с. 23].

В контексте превентивных составов преступлений именно дознаватель выступает центральным звеном механизма уголовно-процессуального реагирования. Как субъект процессуальной деятельности, он одним из первых осуществляет анализ информации, потенциально обладающей доказательственным значением, на этапе доследственной проверки, принимает процессуальное решение по ее результатам и осуществляет последующее расследование преступления, находясь в состоянии постоянного взаимодействия со всеми участниками совершенного преступного деяния. Данные аспекты определяют ключевую роль дознавателя в предупреждении совершения лицом, подвергнутым уголовному преследованию за совершение деяний указанной направленности, новых преступлений в будущем.

Семейно-бытовое насилие – специфический, один из самых скрытых видов преступлений, происходящих в стенах дома. Основными его мотивами остаются ревность, злоба, зависть и иные личностные и бытовые причины. Поводом, как правило, служат ссоры, скандалы, неприязненные взаимоотношения в результате семейных неурядиц, жилищно-бытовой неустроенности [5, с. 113].

По результатам изучения специфики межличностных отношений, выстроенных между виновным лицом и иными участниками противоправного деяния, процессуальный статус дознавателя наделяет его исключительными полномочиями по оценке криминогенной динамики и принятию решений, направленных на недопущение эскалации противоправной деятельности. В отличие от иных участников уголовного процесса, дознаватель обладает компетенцией не только по констатации факта совершения преступления, но и по прогнозированию развития криминальной ситуации. Особую значимость приобретает его способность к идентификации

латентных рисков причинения вреда на ранних стадиях уголовного процесса, что позволяет осуществлять своевременное применение профилактических мер.

Следует отметить, нередко агрессивно-насильственное поведение в конфликтных ситуациях обуславливается особым состоянием психики человека, вызванным непреодолимыми для данного индивида трудностями, препятствиями на пути к осуществлению его планов и целей. Такое конфликтное эмоциональное состояние именуется фрустрацией, она нередко является непосредственной причиной агрессивного посяательства на ее источник и даже на людей, не имеющих отношения к возникновению фрустрации и оказавшихся рядом [2, с. 86]. При производстве следственных действий (в частности допросов) дознаватель, обладая развитой профессиональной наблюдательностью, способен идентифицировать признаки фрустрационного состояния допрашиваемого лица через анализ вербальных и невербальных маркеров, что позволяет сформировать прогностическую оценку потенциальной поведенческой агрессии и своевременно применить превентивные меры.

В настоящее время главной составляющей работы по превентивным составам преступлений, направленной на предупреждение их повторности и совершения более тяжких преступных деяний, является профилактическая работа, которая зачастую не оказывает значительного воздействия на граждан. Данная тенденция проявляется наиболее выражено при наличии у виновных лиц склонностей к частым скандалам в семье ввиду особенностей характера, злоупотребления алкоголем, психических расстройств.

Основным средством радикального профилактического воздействия дознавателя в рамках уголовного судопроизводства остается избрание меры пресечения, предусмотренной главой 13 УПК РФ¹. Данный институт, обладая значительным превентивным потенциалом, направлен на нейтрализацию рисков совершения подозреваемым либо обвиняемым новых преступлений. Однако его эффективность при расследовании дел с признаками превентивных составов оказывается существенно ограниченной в силу правовых и практических противоречий. Согласно ст. 97 УПК РФ применение меры пресечения допустимо исключительно в отношении конкретного процессуального субъекта – подозреваемого или обвиняемого. Однако на этапе проверки сообщения о преступле-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

нии (ст. 144 УПК РФ) такое процессуальное положение лица еще не сформировано, отсутствует как формальное процессуальное оформление статуса, так и достаточная доказательственная база, требуемая для обоснования необходимости ограничения конституционных прав.

Тем самым возникает процессуальная коллизия: с одной стороны, превентивный характер многих составов преступлений требует немедленного вмешательства для нейтрализации реальных рисков, а с другой – дознаватель лишен законных инструментов для воздействия на потенциального правонарушителя до момента возбуждения уголовного дела. Фактически правоприменитель оказывается в положении наблюдателя за развитием криминальной ситуации до тех пор, пока не соберет достаточные данные для формального начала уголовного преследования. При этом после возбуждения уголовного дела дознаватель также остается существенно ограничен в возможностях применения эффективных мер превентивного воздействия. Несмотря на появление на данном этапе формального процессуального статуса подозреваемого, избрание меры пресечения, связанной с реальным ограничением свободы (заключение под стражу, домашний арест), остается исключительной редкостью в практике дознания по указанной категории преступных деяний, поскольку они являются преступлениями небольшой тяжести.

Принятие решения об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении формально может оказывать предупредительное воздействие, но существенно ограничивает дознавателя в процессуальном сроке, сокращая его до 10 суток, в течение которых ему необходимо предъявить обвинение посредством вынесения обвинительного акта или постановления. В этой правовой парадигме дознаватель вынужденно ограничивается применением иной меры процессуального принуждения – обязательства о явке (ст. 112 УПК РФ), которая обладает крайне низким превентивным потенциалом. По факту обязательство о явке не содержит реальных механизмов предотвращения новых противоправных деяний, обязывает подозреваемого лишь соблюдать процедурные требования (являться по вызовам) и, наиболее важное, не обеспечивает защиту потерпевших и иных лиц от потенциальных угроз.

Помимо перечисленного, деятельность дознавателя по профилактике правонарушений включает в себя ряд других направлений: установление предусмотренных ст. 421 УПК РФ обстоятельств по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними; выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность; информирование подразделений по делам

несовершеннолетних о каждом факте совершения преступления несовершеннолетним и об избрании в отношении него меры пресечения; оперативная передача в соответствующие подразделения органов внутренних дел и органов государственной власти информации, имеющей значение для предупреждения и раскрытия преступлений; выступление в средствах массовой информации по вопросам предупреждения преступлений и т. д. [3, с. 59].

Следует констатировать, что одной из детерминант рецидивного и пролонгированного характера семейно-бытового насилия выступает недостаточность законодательной базы для его пресечения. Отсутствие специализированного федерального закона о противодействии насилию в семье создает правовой в сфере раннего профилактического воздействия, ограничивая возможности правоохранительных органов и, в частности, дознавателей по оперативному вмешательству в кризисные ситуации. Действующий УПК РФ не предусматривает превентивных инструментов воздействия на лиц, в отношении которых проводится доследственная проверка, а также иных действенных способов профилактики повторного совершения преступных действий в отношении подозреваемых и обвиняемых, за исключением мер пресечения.

Приказом МВД России от 4 марта 2020 г. № 119¹ в практику правоохранительной деятельности введен институт официального предостережения, направленный на профилактику правонарушений и антиобщественного поведения. Так, уполномоченные сотрудники полиции получили право объявлять предостережения лицам, чьи действия создают условия для совершения преступлений или административных правонарушений, либо продолжающим антиобщественное поведение. Однако анализ содержания предостережения выявляет ряд негативных аспектов. Во-первых, по своей сути данное предостережение является не чем иным, как разъяснением норм законодательства под роспись. Согласно тексту приказа, предостережение содержит информацию о том, какие конкретно действия лица могут привести к нарушению обязательных требований, а также предложение о принятии мер по обеспечению соблюдения данных требований. Это свидетельствует о том, что предостережение носит информационно-разъяснительный характер и не обладает достаточной принудительной силой для эффективного профи-

¹ О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения : приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119.

лактического воздействия. Во-вторых, в перечне должностных лиц системы МВД, уполномоченных объявлять официальное предостережение, отсутствуют дознаватели. Это существенно ограничивает потенциал данного инструмента в контексте профилактики преступлений.

Дознаватель, являясь субъектом профилактики правонарушений, в соответствии с требованиями ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ¹ уполномочен проводить лишь узкий круг мероприятий: правовое просвещение, правовое информирование, профилактическую беседу, вносить представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления, а также оказывать помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

Анализ процессуальной практики свидетельствует о том, что дознавателями представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений превентивной направленности, вносятся преимущественно в адрес подразделений участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних, что не приводит к значимым профилактическим результатам в силу системных ограничений, формального характера представлений, отсутствием должных механизмов межведомственного контроля за их исполнением.

Кроме того, указанные подразделения осуществляют профилактику в отношении широкого круга лиц, что не позволяет выработать адресные подходы к пресечению именно превентивных преступлений. Параллельно дознавателями оказывается поддержка лицам, пострадавшим от правонарушений или находящимся в группе риска, включающая правовое консультирование, содействие в получении социальной, психологической и медицинской помощи. Однако эффективность данной деятельности существенно нивелируется в ситуациях, когда потерпевшие вынуждены продолжать взаимодействие с лицами, ранее совершившими в отношении них насильственные деяния. Возникает системное противоречие: оказываемая помощь не устраняет ключевой фактор риска – постоянный контакт с источником опасности. Это свидетельствует о необходимости разработки специализированных механизмов защиты.

Таким образом, профилактическая деятельность подразделений дознания реализуется в двух формах: процессуальной и непроцессу-

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26. Ст. 3851.

альной. Первая обусловлена задачами уголовного процесса, принятием соответствующих мер реагирования и реализуется в строгом соответствии с требованиями УПК РФ. Вторая форма профилактической деятельности органов расследования преступлений регламентируются ведомственными правовыми актами [4, с. 69].

В связи с этим перспективным направлением совершенствования законодательства представляется принятие профильного закона, устанавливающего четкие критерии оценки опасности семейно-бытовых конфликтов, а также механизм судебного применения защитных предписаний на досудебных стадиях, а также интеграция в УПК РФ нормы, расширяющей полномочия дознавателя по вынесению официальных предостережений и применению иных мер профилактического характера.

Ключевым нововведением могло бы стать предоставление дознавателю права на осуществление профилактического воздействия в отношении не только подозреваемых и обвиняемых, но и лиц, в отношении которых имеются достаточные данные, указывающие на реальную возможность совершения ими насильственных действий.

Следует констатировать, что в последние годы в Российской Федерации неоднократно предпринимались попытки разработки законопроекта, направленного на профилактику семейно-бытового насилия. Наиболее дискуссионный вариант соответствующего нормативного акта, известный как проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», был подготовлен Советом Федерации Федерального Собрания РФ в 2019 году.

Указанный законопроект подвергся масштабной критике в ходе общественного обсуждения, что побудило председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко объявить о приостановке его дальнейшего рассмотрения. Критика затрагивала как предлагаемую дефиницию семейно-бытового насилия, так и механизмы профилактики, которые, по мнению ряда экспертов, вступали в противоречие с фундаментальными принципами уголовного судопроизводства, в частности, с презумпцией невиновности, несмотря на потенциально высокий защитный потенциал для потерпевших.

В связи с этим представляется необходимым разработка нового, более совершенного с юридико-технической точки зрения нормативного акта, который бы обеспечивал баланс между эффективной защитой жертв и соблюдением базовых правовых гарантий для всех участников правоотношений. Интеграция положений данного нормативного акта в процессуальный статус дознавателя позволила

бы осуществлять раннюю оценку рисков с последующим правомерным реагированием до обострения конфликта.

Таким образом, предлагается концепция, согласно которой наделение дознавателя соответствующими полномочиями и обязанностями станет новым шагом в развитии дознания, превращая его из органа реагирования в активного субъекта превентивной политики, что в конечном итоге может способствовать повышению уровня защищенности личности.

Список литературы:

1. *Артемов Н.С.* Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2018. № 1.

2. *Кейдунова Е.Р.* Детерминация и основные направления предупреждения насильственных преступлений // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 5 (183).

3. *Кульчарова А.В.* Представление дознавателя как средство устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78).

4. *Курилов С.И.* Роль и место подразделений дознания и следствия МВД России в профилактической деятельности // Академическая мысль. 2022. № 1 (18).

5. *Шикула И.Р.* Семейно-бытовое насилие и актуальные вопросы его виктимологической профилактики // Научный портал МВД России. 2010. № 4 (12).

Нуждин Андрей Александрович,
*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника юридического факультета
Академии ФСИН России
e-mail: aanuzhdin@mail.ru*

Проблемы криминалистического предупреждения незаконного оборота наркотиков в местах лишения свободы

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы криминалистического предупреждения незаконного оборота наркотических средств в исправительных учреждениях. Автор анализирует специфику криминалистической характеристики данного вида преступной деятельности, ключевые каналы и способы проникновения запрещенных веществ в места лишения свободы. Особое внимание уделяется современным методам и средствам предупреждения, включая оперативно-розыскные, технические и информационные технологии. Выявляются недостатки существующей системы предупредительной деятельности такие, как недостаточная ресурсная обеспеченность, коррупционные риски и высокая степень адаптивности противоправной среды. На основе проведенного анализа предлагается комплекс криминалистических мер, направленных на повышение эффективности предупреждения незаконного оборота наркотиков в местах лишения свободы.

***Ключевые слова:** криминалистическое предупреждение; незаконный оборот наркотиков; исправительное учреждение; осужденный; криминалистическая характеристика; оперативно-розыскная деятельность; техническое средство.*

Незаконный оборот наркотиков в исправительных учреждениях представляет собой одну из наиболее острых и деструктивных проблем для уголовно-исполнительной системы [10]. Проблема поступления наркотиков на территорию мест лишения свободы, а также преступления, совершаемые в сфере их незаконного оборота, препятствуют достижению целей уголовного (ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации) и уголовно-исполнительного (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) законодательств.

Указать реальные статистические данные по количеству изъятых наркотических средств, их видов, а также наиболее «проблемные» тер-

риториальные органы не представляется возможным ввиду закрытого характера данной информации. Однако с уверенностью можно утверждать, что основная масса наркотических средств изымается при доставке (97–99 % в зависимости от региона) и на охраняемую территорию попадает совсем небольшое количество. Основными каналами поступления наркотиков на территорию исправительных учреждений остаются: переброс через основное ограждение (около 50 % всех случаев); доставка в посылках и передачах (примерно 15 %); оставление на режимной территории, прилегающей к исправительному учреждению, для их последующей доставки (примерно 10 %)¹.

Наркотизация в местах лишения свободы сама по себе является серьезной проблемой, но также способствует формированию криминальной субкультуры, росту числа преступлений внутри учреждений, дестабилизирует оперативную обстановку и наносит ущерб здоровью осужденных [6].

Проблема наличия наркотических средств в исправительных учреждениях связана как с ослаблением контроля со стороны администрации мест лишения свободы, так и с упущениями в работе по профилактике их поступления, в том числе отсутствии упреждающей информации.

Криминалистическое предупреждение пенитенциарных преступлений [5] (понимаемое как деятельность должностных лиц, основанная на закономерностях разработки и применения криминалистических средств, приемов и методов, в целях предотвращения замышляемых (подготавливаемых) преступлений, пресечения совершаемых преступных деяний, выявления и устранения обстоятельств, им способствовавших, минимизации общественно опасных последствий, в том числе преодоления любых форм противодействия) играет в решении этой проблемы ключевую роль, так как традиционные (криминологические) подходы к предупреждению зачастую оказываются неэффективными в условиях высокой латентности, конспирации и адаптивности данной категории преступлений в местах лишения свободы [7].

Цель настоящей статьи заключается в анализе современных проблем криминалистического предупреждения незаконного оборота наркотиков в исправительных учреждениях и разработке на его основе полноценных научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию данного направления деятельности. Однако, с учетом типа научной статьи, сделаем это тезисно.

¹ Информация выявлена в ходе анализа материалов расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Организация эффективного криминалистического предупреждения невозможна без глубокого понимания структуры и механизма преступной деятельности. Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотиков в местах лишения свободы (помимо типичных данных о свойствах личности преступника [1], способах совершения и сокрытия преступлений, обстановке совершения преступного деяния [8]) обладает рядом специфических черт:

1) данные о способах и каналах поступления наркотиков (при использовании транспортных средств; через КПП по пропуску людей; при проведении свиданий; в почтовых отправлениях; в передачах; на режимной территории, прилегающей к исправительному учреждению; при перебросах; при поступлении осужденных в исправительное учреждение; коррупционные каналы с привлечением сотрудников и иных лиц, имеющих беспрепятственный доступ на территорию учреждения);

2) данные о способах сокрытия и хранения (применение тайников в помещениях; на территории исправительного учреждения; в строительных конструкциях; а также так называемые «телесные тайники»; маскировка наркотиков под иные вещества (пропитка бумаги, одежды, растворимые пленки));

3) данные об особенностях субъектов преступления (в преступную деятельность вовлечены как осужденные, находящиеся на режимной территории, так и внешние криминальные элементы. Зачастую наблюдается четкое распределение ролей: организатор, «курьер», хранитель, распространитель. Высокий уровень конспирации и давления на основную массу осужденных);

4) данные о мотивах и целях (основной мотив – получение материальной выгоды; иногда наркотики используются в роли «теневого валюты» для расчетов, подкупа, установления власти и влияния среди осужденных).

Система криминалистического предупреждения незаконного оборота наркотиков в исправительных учреждениях должна выглядеть следующим образом:

1) криминалистическая аналитика и прогнозирование: а) сбор и анализ криминалистически значимой информации (изучение оперативной обстановки, типичных способов совершения данной категории преступлений, личностных особенностей осужденных, склонных к противоправному поведению); б) криминалистическое прогнозирование (разработка прогнозов о возможных способах совершения преступлений, идентификация лиц, представляющих повышенную опасность, и мест повышенного криминального риска (конфликтные отряды, производственные зоны, внешняя и внутренняя запретные

зоны); в) криминалистические методы анализа противоправных деяний (разработка алгоритмов расследования и изучения уже совершенных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков для выявления системных пробелов в организации деятельности исправительных учреждений);

2) технико-криминалистическое предупреждение: а) разработка и внедрение специальных средств обеспечения режима и безопасности (совершенствование запорных механизмов, решеток, средств связи); б) внедрение и использование технических средств охраны и надзора (совершенствование систем видеонаблюдения, повсеместное размещение металлодетекторов и рентгенотелевизионных установок для досмотра передач и корреспонденции, внедрение искусственного интеллекта при надзоре и контроле; в) учеты (использование криминалистических учетов (дактилоскопического, почерковедческого), оперативно-розыскных и справочных учетов для идентификации лиц, причастных к преступлениям, и установления источников поступления наркотиков);

3) тактико-криминалистическое предупреждение: а) тактика обеспечения режима и надзора (разработка рекомендаций по организации патрулирования, обысков помещений и осужденных, проведения проверок); б) тактика вербального взаимодействия (методы получения информации от осужденных (в том числе от отрицательно настроенных), проведения профилактических бесед, выявления лидеров преступных групп [3] и оказания на них психологического воздействия); в) тактика документирования противоправной деятельности (алгоритмы фиксации нарушений для последующего использования материалов в качестве доказательств (например, правила изъятия наркотиков на месте происшествия));

4) методико-криминалистическое предупреждение: а) разработка частных криминалистических методик (создание конкретных руководств и алгоритмов как для дознавателей, следователей [4], так и для сотрудников уголовно-исполнительной системы по предупреждению незаконного оборота наркотиков); б) разработка криминалистических рекомендаций по организации работы с сотрудниками исправительных учреждений (методики обучения сотрудников распознаванию признаков подготовки преступлений, маскировочных действий осужденных);

В рамках криминалистического предупреждение важное значение имеет его направленность: по объекту воздействия а) направленное на предупреждение незаконного оборота наркотиков, совершаемого осужденными (выявление и изоляция лидеров преступных групп [2]; пресечение каналов поступления наркотиков; нейтрализация планов по подготовке совершения преступления); б) направленное

на предупреждение преступлений со стороны сотрудников (криминалистические методы документирования фактов коррупции, злоупотребления служебным положением; системы контроля за действиями персонала); по субъекту реализации предупредительных методов и мер: а) деятельность субъектов расследования (дознавателя, следователя); б) деятельность экспертно-криминалистических подразделений, специалистов; в) деятельность сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы; г) деятельность сотрудников режимных, воспитательных подразделений, охраны; д) деятельность администрации исправительных учреждений (организационная работа на основе криминалистических рекомендаций).

Несмотря на предпринимаемые усилия, система криминалистического предупреждения сталкивается с рядом объективных (иногда субъективных) проблем:

1) недостаточная техническая оснащенность (ряд исправительных учреждений не имеют в достаточном количестве современного досмотрового оборудования, спектрометрических анализаторов для экспресс-идентификации наркотиков, систем подавления сигналов сотовой связи и GPS, а также антидроновых систем;

2) высокая степень адаптивности преступных сетей (любые ужесточения режима и контроля приводят к быстрой модификации способов и каналов доставки наркотиков. Криминальная среда демонстрирует высокую скорость обучения и внедрения новых технологий (использование мессенджеров с шифрованием, криптовалюты для расчетов);

3) коррупционная уязвимость («человеческий фактор» является редким, но одним из ключевых каналов проникновения запрещенных веществ. Недостаточная эффективность системы профилактики коррупционных рисков среди сотрудников исправительных учреждений сводит на нет усилия по техническому, оперативному и режимному укреплению мест лишения свободы);

4) несовершенство правовой и методической базы (существуют проблемы в регламентации применения некоторых оперативно-розыскных мероприятий в условиях исправительных учреждений [9]. Не в полной мере разработаны криминалистические методики работы с цифровыми следами, связанными с оборотом наркотиков;

5) дефицит кадровых ресурсов и низкий уровень специальной подготовки (сотрудники оперативных и режимных служб зачастую перегружены, а их подготовка не всегда успевает за меняющимися тактиками противоправной деятельности.

Для преодоления указанных проблем необходим комплексный криминалистический подход, включающий следующие меры: техническое переоснащение и внедрение современных информационных техноло-

гий (повсеместное внедрение автоматизированных систем досмотра с использованием искусственного интеллекта для анализа рентгеновских изображений; оснащение учреждений стационарными и ручными наркотестерами (ионными масс-спектрометрами, иммунохроматографическими системами); развертывание систем круглосуточного видеонаблюдения с функцией аналитики поведения и распознавания лиц; применение беспилотных летательных аппаратов для патрулирования периметра и прилегающей территории исправительного учреждения); совершенствование оперативно-розыскной деятельности (активное развитие сети агентурного аппарата, ориентированного на выявление каналов поступления наркотиков); разработка и внедрение профильных криминалистических методик по документированию фактов сбыта и хранения наркотических средств; профилактика коррупции (внедрение системы регулярных внезапных проверок и ротации личного состава, имеющего доступ к запрещенным зонам и контакты с осужденными; создание эффективной системы защиты сотрудников, сообщающих о фактах коррупции); информационно-аналитическое обеспечение (создание единой базы данных, аккумулирующей информацию о способах доставки, типах тайников, приметах «курьеров»); применение технологий Big Data для прогнозирования криминальной активности и выявления устойчивых связей между осужденными и внешними контактами); правовое и методическое совершенствование (разработка и законодательное закрепление упрощенной процедуры проведения выборочного или тотального тестирования осужденных на предмет употребления наркотиков; подготовка ведомственных методических рекомендаций, детализирующих тактику проведения оперативно-розыскных и «режимных» мероприятий, следственных действий в специфических условиях исправительного учреждения).

Проблема незаконного оборота наркотиков в исправительных учреждениях носит комплексный и системный характер. Ее успешное решение лежит не в плоскости ужесточения режима как самоцели, а в построении интеллектуальной, технологически оснащенной и проактивной системы криминалистического предупреждения.

Предложенный комплекс мер, включающий техническое перевооружение, совершенствование оперативно-розыскной деятельности, профилактику коррупции и развитие информационно-аналитической работы, способен создать непреодолимые барьеры для проникновения и распространения наркотиков в местах лишения свободы. Реализация данных предложений будет способствовать не только стабилизации оперативно-режимной обстановки в учреждениях уголовно-исполнительной системы, но и достижению основной цели наказания – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

Список литературы:

1. *Акчурина А.В.* Личность осужденного, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков // Наркоконтроль. 2019. № 1.
2. *Жбанков В. А., Михайлов В.А.* Анализ практики выявления, раскрытия, расследования, пресечения контрабанды наркотиков, совершаемой организованными преступными формированиями // Публичное и частное право. 2021. № 1 (44).
3. *Михайлов В. А.* О криминалистической характеристике контрабанды наркотических средств, совершаемой членами организованных преступных формирований // Публичное и частное право. 2021. № 1 (44).
4. *Михайлов В. А., Побегайло Э. Ф., Цопанова И. Г.* О статусе органов дознания и следственных органов // Публичное и частное право. 2019. № 1 (41).
5. *Михайлов В.А.* Функции уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2017. № 1 (33).
6. *Моисеев Н. Д., Бузулукский П.В.* Проблемы профилактики незаконного оборота наркотических средств и их аналогов в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155).
7. *Нуждин А.А.* Криминалистическое обеспечение предупреждения незаконного оборота наркотиков в исправительных учреждениях // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 4 (18).
8. *Нуянзина С.В.* Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ // Московский научный юридический журнал. 2024. № 6 (6).
9. *Серенко Р. С., Тарыкин В.К.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: особенности и актуальные проблемы // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 1.
10. *Шеслер В. А., Качурова Е.С.* Вопросы профилактики пенитенциарных наркопреступлений // Наркоконтроль. 2023. № 1.

Образцов Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Государственного университета просвещения
e-mail: Obraztsov-AB@yandex.ru

Вспомогательные (дополнительные) функции руководителя следственного органа

Аннотация

В статье уделяется особое внимание совершенствованию деятельности руководителя следственного органа с точки зрения разделения такой деятельности на отдельные направления. В статье проводится анализ признаков вспомогательных (дополнительных) направлений деятельности рассматриваемого должностного лица. В статье даются характеристики отдельных таких направлений, рассматриваются их особенности и значение для деятельности органов предварительного расследования.

***Ключевые слова:** руководитель следственного органа; процессуальное руководство предварительным расследованием; направления деятельности руководителя следственного органа; правовые механизмы в деятельности руководителя следственного органа.*

Главное направление в деятельности руководителя следственного органа – процессуальное руководство предварительным расследованием. Для этого руководитель наделен рядом процессуальных и административных правомочий.

Реальная правоприменительная практика показывает, что сфера деятельности руководителя следственного органа (далее – РСО) постоянно расширяется, появляются новые направления деятельности.

Еще на первоначальном этапе применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) ученые указывали на обширный круг задач, без решения которых нелегко преодолеть недоверие граждан к государственной защите и следствию [3, с. 46]. По этой причине правовая система продолжала эволюционировать как в области уголовно-процессуального законодательства, так и других сферах.

Так, современная история развития законодательства в РФ показывает, что, помимо УПК РФ, стали появляться федераль-

ные законы, которые по отношению к УПК РФ носят обеспечительный характер. Примером такого закона является Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹. В процессе реализации названного закона возникают не только, и даже не столько, уголовно-процессуальные правоотношения, сколько другие правоотношения, носящие в целом комплексный межотраслевой характер, или же, например, социальной правовой, поскольку анализируемый закон предусматривает и применение определенных социальных мер в отношении участников уголовного судопроизводства.

Очевидно, что применение мер государственной защиты является не просто приметой времени, очередным этапом в развитии законодательства, как бы с формальных, исключительно умозрительных позиций, а настоящим велением времени.

В постановлении Правительства РФ от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» подчеркивается, что ежегодно в ходе расследования уголовных дел к участникам уголовного судопроизводства, выступающим в качестве потерпевших и свидетелей, применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве².

В период реализации указанных государственных программ с 2006 по 2022 гг. число защищаемых лиц, которые являлись участниками уголовного судопроизводства, составило более 39 тыс. человек. За указанный период в отношении защищаемых лиц осуществлено более 94 тыс. мер безопасности³. Это показывает масштаб проблемы защиты прав участников уголовного судопроизводства, ее динамику, и, соответственно, внимание к этой проблеме со сторо-

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства. 2004. № 34. Ст. 3534.

² Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349851&backlink=1&nd=605903153&rdk=> (дата обращения: 20.10.2025).

³ Там же.

ны Правительства РФ, Уполномоченного по правам человека в РФ, и конечно, правоохранительных органов РФ.

Следует согласиться с Н.С. Томиловой, утверждающей, что вопросы осуществления государственной защиты затрагивают сферы деятельности многих федеральных органов исполнительной власти [4, с. 46].

Поэтому правовой механизм государственной защиты участников уголовного судопроизводства носит комплексный, межведомственный и межотраслевой характер. И одним из ключевых субъектов в этом правовом механизме является РСО. Поскольку решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, РСО или следователь с РСО.

В результате анализа становится понятным, что роль РСО в реализации мер государственной защиты носит определяющий характер. Параллельно возникает и вопрос об ответственности за данное направление деятельности РСО, особенно учитывая то обстоятельство, что осуществление данных мер связано с расходованием бюджетных средств.

Факты указывают на определенную сложность применения государственной защиты как с точки зрения реализации этих мер, так и с точки зрения комплексности и межотраслевого, межведомственного характера этого правового института, вовлеченности в него РСО.

Основная проблема применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства заключается не только в определении правильности их выбора для защиты в конкретной обстановке и применительно к конкретным лицам, но и часто в недостаточной эффективности применяемых мер [5, с. 137].

А.А. Арапова, П.А. Луценко обращают внимание и на трудности, которые возникают в межведомственном воздействии [2, с. 32].

С научной точки зрения все выше сказанное позволяет утверждать, что в отдельных случаях деятельность РСО регулируется не только УПК РФ, но и другими нормативными правовыми актами, носящими комплексный, межведомственный и межотраслевой характер. Соответственно, и деятельность руководителя не всегда носит чисто процессуальный характер, связанной исключительно с процессуальным руководством расследованием, а комплексный, межведомственный и межотраслевой характер.

В то же время меры государственной защиты применяются не по каждому уголовному делу и не в отношении каждого или всех участников уголовного судопроизводства. Эти меры применяются в случае возникновения такой необходимости.

Можно констатировать: деятельность РСО, связанная с применением государственной защиты в отношении участников уголовного судопроизводства, осуществляется по мере необходимости, т. е. нерегулярно. Но эту нерегулярность неправильно отождествлять с необязательностью, некой избирательностью. В этом главное отличие основного направления деятельности РСО (процессуального руководства предварительным расследованием) от других направлений его деятельности (например, по применению мер государственной защиты в отношении участников уголовного судопроизводства).

Такое направление в деятельности РСО (носящее нерегулярный характер) предлагается квалифицировать как вспомогательное, т. е. как существующее дополнительно и помогающее осуществлять основную функцию – процессуальное руководство. Вспомогательная функция носит обязательный, но подчиненный и обеспечивающий характер, поскольку в полной мере способствует реализации основной функции процессуального руководства.

Почему возникает необходимость выделения вспомогательных функций РСО? Такая необходимость обосновывается как с точки зрения теории, так и с точки зрения практики. С точки зрения теории права такой подход позволит более точно описать сферы деятельности РСО, определить предмет такой деятельности, сформулировать ее теоретическое обоснование, выявить тенденции ее развития, усовершенствовать ее правовое регулирование. С точки зрения практики выделение вспомогательных направлений деятельности РСО позволит максимально точно определить масштабы проблемы в области защиты участников уголовного судопроизводства, планомерно организовывать такую деятельность, контролировать ее и направлять вышестоящими должностными лицами, а также развивать государственную программу «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и определять стратегию обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства.

Выделим основные признаки вспомогательных (дополнительных) направлений деятельности РСО:

- носит обязательный, но подчиненный и обеспечивающий характер;

- содействует осуществлению основной функции (процессуальное руководство предварительным расследованием) и тесно с ней связана;

- носит не регулярный, а эпизодический характер, реализуется по мере необходимости;

- правовая регламентация рассматриваемой деятельности носит комплексный, межведомственный и межотраслевой характер;
- реализация такой функции в целом направлена на достижение цели и задач уголовного судопроизводства;
- при ее осуществлении РСО часто взаимодействует с другими должностными лицами (начальником органа дознания, прокурором, судьей и др.).

Таких вспомогательных направлений деятельности РСО достаточно много, мы кратко охарактеризовали одну, чтобы обосновать наличие такой функции и показать ее особенности.

Можно выделить и другие направления деятельности РСО, которые мы рассматриваем как вспомогательные. Приведем следующий пример. Согласно п. 4 ст. 71 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ сотрудник органов внутренних дел обязан в письменной форме уведомить непосредственного руководителя. Ученые обращают внимание на то, что довольно сложно построить «бесконфликтную» модель государственной службы [1, с. 24].

С этой целью, например, на сайте Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Москве размещены «Методические рекомендации по типовым ситуациям конфликта интересов на государственной службе у федеральных государственных гражданских служащих и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»². В данных рекомендациях достаточно подробно описываются ситуации, которые могут привести к конфликту интересов, а также меры предотвращения и урегулирования. И во всех случаях возникновения конфликта интересов следует уведомлять непосредственного руководителя в письменной форме.

Таким образом, на РСО как на непосредственного руководителя возлагается обязанность по выявлению конфликтов интересов у подчиненных сотрудников и применению мер их предотвращения и урегулирования. Такую практику также можно считать вспомогательным (неосновным) направлением деятельности РСО, которая по отношению к процессуальному руководству расследованием носит обеспе-

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер.закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.

² Методические рекомендации по типовым ситуациям конфликта интересов на государственной службе у федеральных государственных гражданских служащих и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. URL: https://гсу77.мвд.рф/GSU_GU_MVD/ (дата обращения 02.10.2025)

чительный характер, предотвращает среди подчиненных сотрудников нарушения законности при производстве расследования.

Еще раз подчеркнем, что вспомогательные (дополнительные) направления деятельности РСО мы определяем не в том смысле, что должностное лицо действует исходя из своего усмотрения, а в том смысле, что такая деятельность носит обязательный, но подчиненный и обеспечительный характер по отношению к основной функции РСО.

Вспомогательные (дополнительные) направления деятельности РСО присутствовали всегда в деятельности следственных аппаратов, но масштаб проблем, стоящих перед органами предварительного расследования в XX в., был другим (тогда государственные органы функционировали в другой социально-экономической формации), что не требовало столь интенсивного реагирования на них и формирования соответствующих правовых механизмов как в настоящее время.

В текущий момент времени мы видим, как сформировались правовые механизмы, направленные на борьбу с коррупцией, по применению мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. Рассматриваемые механизмы соответствуют современным вызовам обществу и государству и продолжают развиваться в приоритетном порядке на основе долгосрочных стратегических планов государства. Они носят все более комплексный, межведомственный и межотраслевой характер, позволяя системно и упорядоченно решать задачи, стоящие перед правоохранительными органами.

Список литературы:

1. *Амаран А.А.* Проблемы и недостатки урегулирования конфликта интересов на государственной гражданской службе // Вестник магистратуры. 2021. № 2-2 (113).
2. *Арапова А.А., Луценко П.А.* Проблемы применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 10-3 (67).
3. *Крюкова Н.И.* Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Российская юстиция. 2012. № 2.
4. *Томилова Н.С.* Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. *Сердюк П.Л.* О проблеме государственной защиты потерпевшего и свидетеля // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45).

Петрова Галина Борисовна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии
e-mail: petrova.gala2010@yandex.ru*

Кирдина Наталия Анатольевна,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии
e-mail: nataliyakirdina@yandex.ru*

Теорема обоснования необходимости заключения под стражу

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме обоснования необходимости избрания наиболее строгой меры пресечения – заключения под стражу в российском уголовном процессе. Предмет исследования – правовая категория «обоснованность решения об избрании меры пресечения» в контексте ограничения конституционных прав личности и ее отличие от категории «основания для избрания меры пресечения» по УПК РФ. Цель работы – разработать системные правила формирования вывода о необходимости изоляции лица, виновность которого не установлена приговором суда, и, опираясь на фундаментальные научные аксиомы профессора В.А. Михайлова, изложить их в виде теоремы. Результаты исследования показывают, что текущая правоприменительная практика, основанная на личном усмотрении и «дежурных обвинениях», часто нарушает конституционные гарантии. Выводы: обоснованное избрание заключения под стражу возможно лишь при подтверждении доказательствами суммы четырех обстоятельств: 1) причастности к преступлению, 2) наличия предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, 3) невозможности избрания иной меры пресечения, 4) наличия общих и специальных условий.

***Ключевые слова:** меры пресечения; заключение под стражу; обоснованность ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.*

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Виктор Александрович Михайлов внес существенный вклад в формирование и развитие фундаментальных научных представлений о мерах пресечения [4–5]. Особое внимание профессор уделил наиболее строгой, а потому крайне ответственной мере пресечения – заключению под стражу [5]. Сформулированные в докторской диссертации концептуальные теоретические выводы и практические рекомендации о понятии, целях, видах, основаниях и процессуальном порядке применения органами расследования, прокурорами и судами мер пресечения ортодоксальны. Они позволили расширить общие положения востребованной современниками уголовно-процессуальной доктрины. Несмотря на то что с момента исследования прошло около 30 лет, в течение которых произошла смена «уголовно-процессуальных эпох», и УПК РФ, пришедший на смену УПК РСФСР, продолжает кардинально меняться в направлении прогрессии условий мер процессуального принуждения [3], научные аксиомы профессора В. А. Михайлова сохраняют свою актуальность и не должны забываться в современных правовых реалиях [4–5].

Неоспоримая ценность трудов профессора В. А. Михайлова – в подходе к рассмотрению вопроса обоснования решений об избрании меры пресечения сквозь призму глубокого понимания того, что применение любой меры пресечения, особенно такой строгой, как заключение под стражу, «сопряжено с серьезными ограничениями прав личности, ее свободы, чести, достоинства, имущественных интересов» [4, с. 33–34]. При этом затрагиваются права и законные интересы не только самого подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого применяется мера пресечения, но и членов его семьи. В указанных условиях ставить решение вопроса об избрании меры пресечения в зависимость не от достоверных, а от вероятных, предположительных суждений органов уголовного судопроизводства о противодействии обвиняемого расследованию и судебному рассмотрению уголовного дела значит грубейшим образом нарушать конституционные гарантии прав личности [4, с. 34; 7, с. 170–171].

Государство обязано гарантировать законное и обоснованное избрание и применение мер пресечения. Законодатель, действуя от имени государства, со своей стороны регулирует виды, основания, условия, процессуальный порядок избрания и применения мер пресечения (раздел VI УПК РФ). Однако автоматически правильное применение норм закона не гарантировано со стороны следователя, дознавателя, суда, поскольку нынешняя практика, к сожалению, свидетельствует о том, что из процесса правоприменения

не исключается личное усмотрение, а в отдельных случаях и грубый произвол со стороны властного субъекта правоприменения. В этой связи очевидна насущность высказывания профессора В. А. Михайлова о том, что «необходимы надежные гарантии беспристрастности и юридической грамотности, профессионализма субъектов уголовного процесса, применяющих меры пресечения, их высокой нравственности и гражданственности» [4, с. 31].

Наименование настоящей статьи продиктовано стремлением обратить внимание правоприменителей (настоящих и будущих) на системные правила формирования вывода о необходимости изоляции человека, виновность которого еще не установлена обвинительным приговором суда. «Теорема обоснования необходимости заключения под стражу» столь же фундаментальна для следователя, дознавателя, прокурора и судьи, сколько для архитектора, инженера и астронома теорема Пифагора. Предложенная авторами теорема, как и любая другая, опирается на исходные положения (аксиомы), которые не требуют доказывания, но нуждаются в разъяснении.

Итак, в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ, любое решение следователя, дознавателя и судьи, оформляемое постановлением, должно быть обоснованным. Категория «обоснованность решения об избрании меры пресечения» (или «обоснованность избрания меры пресечения») не является тождественной понятию «основания для избрания меры пресечения». Обосновать решение означает привести доводы, убеждающие в его необходимости и законности, которые основаны на относимых, допустимых, достоверных, а также достаточных для этого доказательствах. Наличие в материалах уголовного дела и изложение в постановлении указанных в ст. 97 УПК РФ оснований избрания меры пресечения являются обязательным элементом обоснованности решения, но не единственным.

Правильное определение предмета доказывания при вынесении любого процессуального решения имеет важное не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку обуславливает его законность и обоснованность в каждой конкретной ситуации. Процедура доказывания обязательно предшествует вынесению постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. К выводу о необходимости применения этой исключительной меры воздействия следователя или дознавателя может привести лишь установленное им наличие всех подлежащих доказыванию обстоятельств. В данной процессуальной форме отсутствуют элементы состязательности и сторона защиты лишена возможности обжаловать постановление о возбуждении перед судом вышеуказанного ходатайства, инициирующее процедуру избрания заклю-

чения под стражу. После официального обращения следователя или дознавателя в суд следует состязательный процесс, в котором доказательства каждого из обстоятельств предъявляются прокурору, стороне защиты и суду, и именно они – доказательства – должны убедить суд в необходимости заключения обвиняемого (подозреваемого) под стражу. И снова уместна цитата профессора В. А. Михайлова: «суждения лица или органа, принимающего решение о применении меры пресечения, должны основываться не на интуиции, а на базе конкретных доказательств, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения» [4, с. 33]. Теперь на первый план выступает вопрос: что же именно подлежит доказыванию? При обосновании утверждения о вызванной процессуальными обстоятельствами потребности и доказанной при этом возможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, обвиняемого понимание предмета доказывания – определяющий фактор.

В структуре предмета доказывания при обосновании ходатайства об избрании заключения под стражу выделяют обстоятельства, без установления которых избрание меры пресечения юридически невозможно [3, с. 198]. Решение об избрании заключения под стражу будет обоснованным при надлежащем подтверждении посредством доказательств (отраженных в приложенных к ходатайству материалах уголовного дела) следующих обстоятельств: 1) причастности лица к совершению преступления («разумного подозрения» и обоснованного обвинения); 2) предусмотренных законом общих для всех мер пресечения оснований (ст. 97 УПК РФ); 3) обстоятельств, влияющих на выбор конкретной меры (ст. 99 УПК РФ), в частности, на заключение под стражу и невозможность избрания более мягкой меры пресечения; 4) предусмотренных законом общих и специальных условий в определенных случаях.

Ходатайство и приобщенные к нему материалы должны обязательно содержать конкретные сведения, указывающие на причастность подозреваемого к совершенному преступлению, или сведения, подтверждающие обоснованность предъявленного обвиняемому обвинения.

В свое время профессор В. А. Михайлов справедливо писал о необходимости доказать материалами уголовного дела факт совершения преступления и установить лицо, в отношении которого в предусмотренном законом порядке вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого [4, с. 32]. Поэтому для принятия решения об избрании меры пресечения необходимо, чтобы

данные обстоятельства органами уголовного преследования были установлены посредством относимых, достоверных и допустимых доказательств. Следовательно, вывод о причастности подозреваемого к совершению преступления первичен и обуславливает возможность в принципе постановки вопроса об избрании меры пресечения. А вывод о том, что подозреваемый может совершить противоправные с точки зрения уголовного процесса действия, указанные в ст. 97 УПК РФ, т. е. скрыться от расследования, совершить новое преступление и т. п., вторичен, и допускается лишь после того, когда подозрение именно его в причастности к совершению преступления подтверждается достаточными данными.

Позиция Пленума Верховного Суда РФ в этом вопросе однозначна, так как содержит разъяснения о том, что судам необходимо проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению и не подходить к такой проверке поверхностно, формально, просто дублируя выводы органов предварительного расследования о наличии у них достаточных данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению [2].

Правовым последствием оставления судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению является так называемая «санкция отмены». Поэтому постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть отменено, если обоснованность подозрения лица в совершении конкретного преступления судьей не проверялась. По мнению Верховного Суда РФ, данное нарушение процессуальной формы расценивается в качестве существенно-го нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

При этом Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание на то, что, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица. И вот здесь достаточно тонкая грань между проверкой обоснованности подозрения и запретом вторжения в исключительную прерогативу суда первой инстанции по рассмотрению дела по существу и разрешению основного вопроса о виновности подсудимого в совершении преступления. Задача суда – проверить достоверность суждений органов уголовного преследования о причастности лица к совершенному преступлению. Пленум Верховного Суда РФ предлагает пойти по пути проверки «...данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на дан-

ном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т. п.)». Речь идет о данных, которые положены в основу принятия решения о процессуальном задержании и которые должны быть отражены в протоколе задержания. Однако большинство протоколов содержат формальные ссылки на п. 1-3 ст. 91 УПК РФ, зачастую даже не раскрывая их содержания применительно к данной конкретной ситуации. Например, «потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление» и все. Из данной формулировки непонятно, кто потерпевший, а кто очевидец, являлся ли потерпевший очевидцем, о каком преступлении идет речь и прочие обстоятельства. А некоторые правоприменители вовсе лениво указывают в графе об основаниях задержания ссылку на норму ст. 91 УПК РФ, даже не раскрывая ее диспозицию. Что здесь проверять суду?

Позиция Пленума Верховного Суда РФ сформулирована и обязывает судью «...проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении»¹. Таким образом, проверка причастности лица к совершенному преступлению должна сосредоточиться вокруг сведений, содержащихся в протоколах допросов подозреваемого, свидетелей, потерпевшего, протоколах осмотра места происшествия и т. д. Иными словами, обосновывая ходатайство, следователь обязан приобщить к нему все материалы, подтверждающие выводы о причастности подозреваемого к совершению преступления.

Избрание в отношении подозреваемого любой меры пресечения, а уж тем более самой строгой, такой как заключение под стражу, по мысли законодателя (ст. 100 УПК РФ) должно быть явлением исключительным. По мнению профессора В. А. Михайлова, оно может быть оправдано только совокупностью исключительных обстоятельств: «лицо подозревается в тяжком, особо опасном преступлении; на виновность лица указывают серьезные улики; только срочный, немедленный арест может быть единственным эффективным способом обеспечения общественной безопасности и успешного расследования; предъявление обвинения еще не может быть произведено, так как для этого еще необходимо выяснить ряд обстоятельств дела, проверить собранные по делу данные, уточ-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 20.08.2025).

нить квалификацию» [4, с. 34–35]. Таким образом, только совокупность данных о наличии подобных обстоятельств может быть положена в основу ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого.

Однако следственная практика последних лет, в ситуации задержания лица по подозрению в совершении преступления, идет по простому пути, не обременяя себя обоснованием исключительности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, а до истечения 40 часов с момента фактического задержания (с учетом нормы ч. 3 ст. 108 УПК РФ о необходимости возбуждения ходатайства не позднее 8 часов до истечения срока задержания) предъявляет так называемое «дежурное обвинение» лицу и возбуждает перед судом ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении уже не подозреваемого, а обвиняемого. Совершенно очевидно, что в условиях колоссальной спешки, в течение 40 часов с момента задержания, в которые включено время доставления, личного обыска, составления протокола задержания, допроса, невозможно просто физически собрать ту достаточную совокупность доказательств, проверить и оценить их с точки зрения достоверности, относимости и допустимости, которая необходима следователю для установления обстоятельств события преступления, виновности лица в совершении преступления и других (п.п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), а также для подтверждения отсутствия обстоятельств, исключающих преступность деяния, чтобы обосновать выдвинутое обвинение. Но следователь не очень озадачен этой проблемой, он понимает, что обвинение «дежурное», на скорую руку сформулированное, в расчете на то, что суд только формально проверит наличие постановления о привлечении в качестве обвиняемого. И лучше профессора В. А. Михайлова не сказать: «Стереотипы мышления следует менять не только у следователей..., но и у руководителей, прокуроров, судей, ибо от безразличного отношения к данной проблеме меры пресечения, в том числе заключение под стражу, зачастую избираются не столько на основе собранных доказательств, сколько на основе волеизъявления правоприменителей, не подкрепленного материалами уголовного дела» [4, с. 127].

Примером грубейшего нарушения закона и безразличного отношения к проверке причастности обвиняемого к совершенному преступлению является резонансное уголовное дело по обвинению Цветкова¹.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/cases/docs/content/abc184b0-79b2-11ee-963b->

Следующим в алгоритме доказывания при обосновании избрания заключения под стражу является установление предусмотренных законом общих для всех мер пресечения оснований (ст. 97 УПК РФ).

Однако единообразного понимания этой категории до сих пор нет. Неправильное понимание оснований избрания меры пресечения порождает в доктрине и на практике искаженное представление о них как о каком-то гипотетическом прогнозе. Так, в учебно-методическом пособии, предназначенном прежде всего для практических работников, авторы пишут об основаниях как о риске [1, с. 44–45]. Термин «риск» с точки зрения этимологии русского языка означает возможную опасность [6, с. 555]. Но для избрания меры пресечения нужен не просто прогноз, не просто возможная опасность, которая может так и не наступить, а совокупность доказательств, сведений, на основе которых правоприменитель установит возможность совершения действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Профессор В. А. Михайлов точно указал на возможность принятия данного решения не на основе интуиции правоприменителя, а «на базе конкретных доказательств, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения» [4, с. 33]. О реальных помыслах каждого лица можно судить лишь по его действиям, о которых свидетельствуют фактические данные [4, с. 33].

Недопустимо путать бдительность с готовностью применить принуждение, во-первых, к любому, гипотетически невиновному лицу, во-вторых, на почве собственных интуитивных опасений. В основе принятия решения об избрании любой меры пресечения должно быть соблюдение требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и исключение обвинительного уклона, ведущего к ошибкам в выводах об избрании меры пресечения.

Отсутствует единообразие в толковании оснований для избрания мер пресечения и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 правильно говорится об основаниях как о достаточных данных полагать, что подозреваемый, обвиняемый скроется от дознания, следствия или суда, а вот в п. 5 того же постановления основания употребляются через «фактические обстоятельства», что, безусловно, не способствует правильному

усвоению правоприменителем этой категории¹. Судебная практика по данному вопросу также свидетельствует о том, что не всегда и судьи правильно понимают категорию основания избрания меры пресечения. Так, по ряду дел суды в ситуации отсутствия оснований, закрепленных в ст. 97 УПК РФ, правильно принимали решение об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, но при этом необоснованно избирали в отношении подозреваемого, обвиняемого другую меру пресечения в виде домашнего ареста, несмотря на то что в ходатайстве следователя таких оснований не содержалось².

Анализ обстоятельств, обуславливающих невозможность выбора никакой меры пресечения, кроме самой строгой, должен основываться на законах логики и достоверных доказательствах. Он должен приводиться в соответствующем процессуальном акте отдельно.

Что касается условий заключения под стражу, то они существенно усложнились Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ, что требует особого внимания при избрании данной меры пресечения³.

Подводя итог, отметим, что наша задача как преподавателей высшей школы научить студентов, которые станут юристами и будут своими властными решениями влиять на судьбы людей, важным истинам о законности, справедливости и о пути к их достижению. Одна из таких истин в том, что вывод компетентного должностного лица о необходимости заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу возможен лишь при подтверждении доказательствами суммы следующих обстоятельств: 1) причастности к совершению преступления, 2) факта оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, 3) невозможности избрания иной меры пресечения, 4) наличия общих и специальных условий. Это и есть «Теорема обоснования необходимости заключения под стражу».

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 20.08.2025).

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 июля 2018 г. по делу № 10-12475/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1024905#nvJv0ySC8VsZb1Jn> (дата обращения: 20.08.2025).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_499971/ (дата обращения: 20.08.2025).

Список литературы:

1. *Вдовцев П. В., Казаков А. А., Каркошко Ю. С.* Составление процессуальных документов в ходе досудебного производства по уголовным делам : учеб.-методич. пособие. Екатеринбург, 2018.
2. *Кирдина Н. А., Петрова Г. Б.* «Прогрессия» условий применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6 (155).
3. *Кирдина Н. А., Петрова Г. Б.* Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничений конституционных прав личности // Вестник СГЮА. 2022. № 5 (148).
4. *Михайлов В. А.* Меры пресечения в Российском уголовном процессе. М., 1996.
5. *Михайлов В. А.* Меры пресечения в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.
6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1989.
7. *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.

Категории «участник» и «субъект» в уголовно-процессуальных исследованиях

Аннотация

В статье анализируется позиция профессора В. А. Михайлова по вопросу о соотношении категорий «участник уголовного процесса» и «субъект уголовного процесса», отражается научная дискуссия по данному вопросу, которая долгие годы ведется в теории уголовно-процессуального права. Автор подчеркивает, что закрепленные в УПК РФ процессуальные статусы – это высокой степени нормативные абстракции, отражающие в нормах УПК РФ правовые модели (по сути – правовые потенции), которые могут воплотить в жизнь путем вступления в конкретные правоотношения те или иные лица. Обосновывается, что категория «участник уголовного судопроизводства» отражает деятельностный аспект реального правового бытия конкретного индивида (или органа, организации) в уголовном судопроизводстве путем вступления им в конкретные правоотношения. Подчеркивается «дискретное» действие уголовно-процессуального статуса участников уголовного процесса.

Ключевые слова: участник уголовного процесса; субъект уголовного процесса; процессуальный статус; уголовное судопроизводство; уголовно-процессуальные правоотношения.

Категориальный аппарат любой правовой науки представляет собой ядро научного знания в соответствующей отрасли, требующее детального исследования, конкретизации применительно к современным условиям развития. Именно на разработках, касающихся тех или иных терминов, вовлекаемых в научный оборот, выстраиваются современные концепции совершенствования правовых институтов, уточняются нормативные смыслы, вкладываемые законодателем в ту или иную легальную дефиницию.

С этих позиций автора настоящей статьи интересуют категории «участники» и «субъекты» в науке уголовно-процессуального права. Смысловое наполнение их во многом зависит от словосочетаний, в которых они комбинируются и в качестве компонентов которых они вовлекаются в научную лексику.

Следует подчеркнуть, что данная проблематика была предметом исследования профессора В.А. Михайлова, широта научных интересов которого весьма впечатляет: от цели и задач уголовного процесса, мер процессуального принуждения, доказывания – до института судебной экспертизы, теории следственных действий и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

В журнале «Публичное и частное право» в № 3 за 2010 г. Виктор Александрович опубликовал масштабную статью, раскрывающую современные представления об этих категориях, отражающую подробнейшую классификацию участников уголовного судопроизводства [5]. Спустя 15 лет данная работа не утратила своей актуальности, она служит ориентиром в научных исследованиях, посвященных указанной проблематике.

Попробуем и мы в настоящей статье обозначить собственную позицию по вопросу о сущности категорий «участники» и «субъекты» в науке уголовно-процессуального права.

Профессор В.А. Михайлов в начале упомянутой публикации приводит список из 15 терминов, которые в синонимичном значении употребляются наряду с категорией «участник уголовного судопроизводства»¹. При этом он резонно замечает, что «Термин “участник уголовного процесса”..., употребляемый в единственном числе, является понятием собирательным, родовым и его содержательное значение заключается в том, что им обозначается субъект, физическое лицо или организация, которые наделены соответствующими уголовно-процессуальными правами и обязанностями, реализуя которые данный субъект вступает в уголовно-процессуальные правоотношения с другим субъектом уголовного процесса и тем самым осуществляет уголовно-процессуальную деятельность либо участвует в этой деятельности» [5, с. 45].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участник уголовного судопроизводства существует именно в рамках уголовно-процессуальных отношений: вне пределов этих правовых отношений лицо утрачивает свой специфический статус участника уголовного процесса. Описанные в законе процессуальные статусы (подозреваемого, следователя, эксперта, потерпевшего и др.) – это лишь в высокой степени нормативные абстракции, закрепляющие

¹ В настоящей статье исходим из того, что «участник уголовного процесса» и «участник уголовного судопроизводства» – категории идентичные, с учетом традиционного соотношения понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство».

в нормах УПК РФ¹ правовые модели (по сути – правовые потенции), которые могут воплотить в жизнь путем вступления в конкретные правоотношения те или иные лица.

Именно поэтому, говоря об участниках уголовного процесса, нужно иметь в виду конкретных субъектов вполне реальных правоотношений, в ходе которых они или используют свои права (в активной или пассивной форме), или исполняют предписанные кодексом обязанности, или соблюдают установленные законом запреты. На это обстоятельство обращает внимание и Д. С. Мерлаков, ассоциируя участников уголовного судопроизводства именно в трактовке УПК РФ со всеми субъектами уголовно-процессуальных отношений [4, с. 162]. При этом указанный автор заявляет, что «категории “участник” и “субъект” (уголовного процесса, уголовно-процессуальной деятельности, уголовно-процессуальных отношений) отождествлять не стоит» [4, с. 162–163]. Данное утверждение в отношении категорий «участник уголовного процесса» и «субъект уголовно-процессуальных отношений» видится нам ошибочным, ибо, как мы установили ранее, участие в уголовном процессе согласно п. 58 ст. 5 УПК РФ априори предусматривает вступление в те или иные уголовно-процессуальные отношения – по-другому лицо не может реализовать свой статус участника уголовного судопроизводства.

Тогда как вписывается в канву наших рассуждений категория «субъект уголовного процесса»? Здесь все зависит от того, что вкладывать в содержание термина «уголовный процесс». Если вести речь об уголовно-процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу (проверяемому событию), которая протекает не иначе как в форме уголовно-процессуальных отношений, тогда, по идее, объем понятий «участник уголовного процесса» и «субъект уголовного процесса» должен совпадать. Ибо, исходя из традиционной структуры правоотношений (в которой выделяют субъекта, объекта, юридические права и обязанности), все участники (они же субъекты) уголовно-процессуальных отношений выступают в роли участников уголовного процесса по конкретному уголовному делу². Если же говорить об уголовном процессе в абстрактном смысле (подразумевая под этим особый вид государственной деятельности специально уполномоченных должностных лиц и государственных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

² Кстати, в науке уголовно-процессуального права уголовный процесс определялся и через совокупность уголовно-процессуальных отношений [8, с. 34–36; 7, с. 5–7].

органов по расследованию преступлений, изобличению, осуждению виновных, как особый порядок, регламентированный нормами уголовно-процессуального права, возбуждения, рассмотрения и разрешения уголовных дел [9, с. 10]), то данные категории уже обозначают совершенно разные правовые явления: конкретного субъекта уголовно-процессуальных отношений (участник уголовного процесса) и абстрактную правовую модель (субъект уголовного процесса). Видится важным выделять именно контекстное поле, в которое включены данные категории – от его содержания зависит смысловое наполнение анализируемых нами терминов. Это же обстоятельство порождает разнообразие позиций ученых по рассматриваемым нами явлениям.

Безусловно, подходов к соотношению этих важных категорий в науке за долгий период выработано много. Начать можно с М.С. Строговича, ассоциировавшего участников уголовного судопроизводства только с теми процессуальными фигурами, которые реализуют конкретную уголовно-процессуальную функцию [8, с. 205], с чем справедливо не соглашался Р.Д. Рахунов, считавший систему трех основных процессуальных функций недостаточной для охвата всех участников уголовно-процессуальных отношений [6, с. 47–48]. Среди современных исследователей Ю.К. Якимович тоже «избирательно» подходил к определению феномена участников уголовного процесса, исключая из их числа субъектов, способствующих правосудию (экспертов, специалистов, свидетелей, переводчиков) [11, с. 10–15].

А.С. Барабаш тоже дифференцировал участников и субъектов уголовного процесса, но исходя из той роли, которая ими исполняется в ходе судопроизводства: субъектами, по его мнению, являются только должностные лица и государственные органы, реализующие цели уголовного процесса (по сути правоприменители, чья уголовно-процессуальная деятельность выступает «ядром» в традиционном определении правовой природы уголовного процесса), а участниками уголовного процесса являются все остальные частные лица, реализующие в процессе свой частный интерес и вовлекаемые в этот процесс решением властных субъектов [2, с. 223].

Эту идею развивает в своей статье Д.С. Мерлаков, который, опираясь на этимологию слова «субъект», аргументирует тезис об активности в уголовно-процессуальном поле тех лиц, которых он таким образом именуется и к которым относит именно властных субъектов, осуществляющих правоприменение и производство по уголовному делу и вовлекающих в свою активную деятельность иных «участников». Он считает возможным называть субъектами уголов-

ного процесса только властных субъектов [4, с. 165–166]. Выстраивая иерархию категорий «участник» и «субъект», данный автор подчеркивает, что субъекты уголовного процесса являются «особой группой участников уголовного процесса» [4, с. 166] и к ним следует «относить тех участников производства, которые наделены правоприменительными властными полномочиями, правом принятия решений, связанных с применением уголовно-правовых норм, от законности и обоснованности которых зависит начало и последующее движение по уголовному делу» [4, с. 167]. Данные рассуждения справедливы в системе координат, заданных автором этой позиции, однако если исходить из контекстного подхода, изложенного нами выше, аргументация Д. С. Мерлакова выглядит несколько дискуссионно и условно.

Интересно для нас с точки зрения понимания сущности категории «участник уголовного процесса» высказывание В. Н. Шпилева и коллектива авторов учебника, нами выше отмеченного, что эти лица «обладают процессуальными правами, несут определенные обязанности, могут вступать в процессуальные отношения и осуществлять процессуальную деятельность» и являются тем общим признаком, который позволяет объединить всех лиц, участвующих в судопроизводстве, общим понятием «участники процесса» [1, с. 101; 9, с. 96–100; 10, с. 13–14]. Выделенные нами курсивом характеристики указывают не на реальное участие в уголовно-процессуальных отношениях, а на возможность такого участия, что актуализирует проблему определения длительности пребывания лица в статусе участника уголовного процесса в период между участием в конкретных правоотношениях.

Остается ли в таком случае лицо, поучаствовавшее, например, в качестве эксперта в производстве экспертизы на стадии предварительного расследования, экспертом и в судебном разбирательстве? Опять же исходим из базового, нормативного посыла, определяющего участников процесса через реальную вовлеченность в уголовно-процессуальные отношения. В период, когда данное лицо, завершив производство экспертизы составлением заключения эксперта, перестает вступать в уголовно-процессуальные отношения, оно не является участником уголовного процесса по конкретному уголовному делу. Однако после вызова его в суд, когда в подготовительной части судебного разбирательства председательствующий разъясняет приглашенному эксперту его права, эксперт вновь включается в уголовно-процессуальные правоотношения, возобновляя «приостановленный» временно статус. Для описываемой ситуации подходит обозначение «дискретного» действия уголовно-процессуального статуса.

Между тем, если речь идет об эксперте, впервые приглашенном для участия в данном уголовном деле, суд, согласно п. 17 постановления № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹, должен закрепить его статус отдельным постановлением о назначении экспертизы, которое является «документом, определяющим в уголовном процессе статус лица как судебного эксперта» [3].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что, раз вступив в уголовно-процессуальные отношения в определенном качестве, лицо сохраняет потенциальную возможность вновь выступить в роли такого же участника уголовного процесса, пока его статус не будет изменен волевым решением властного субъекта. При этом последнее замечание касается трансформации статуса не только частных лиц, которая фиксируется в постановлениях следователей и дознавателей, закрепляющих их новое правовое положение в уголовном процессе (например, путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого задержанный, а потом заключенный под стражу подозреваемый трансформируется в процессуальную фигуру обвиняемого). Трансформация процессуального статуса властного субъекта также происходит на основании волевого решения других властных субъектов, реализующих контрольно-надзорные полномочия в ходе производства по данному уголовному делу (например, путем отстранения руководителем следственного органа следователя от дальнейшего осуществления расследования по делу – п. 6 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, путем отстранения прокурором дознавателя от производства дознания – п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, путем передачи им уголовного дела другому органу предварительного расследования – п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Итак, на основе проведенного анализа использования категорий «участник» и «субъект» можно сформулировать следующие выводы:

1. Закрепленные в законе процессуальные статусы – это высокой степени нормативные абстракции, отражающие в нормах УПК РФ правовые модели (по сути – правовые потенции), которые могут воплотить в жизнь путем вступления в конкретные правоотношения те или иные лица.

2. Категория «участник уголовного судопроизводства» по большому счету отражает деятельностный аспект реального правового бытия конкретного индивида (или органа, организации) в уголов-

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29 июня 2021 г.) // Рос. газ. № 296. 2010. ; Рос. газ. № 159. 2021.

ном судопроизводстве путем вступления им в конкретные правоотношения.

3. Для корректного определения соотношения категорий «участник» и «субъект» необходимо выделять контекстное поле, в которое включены данные категории – от его содержания зависит смысловое наполнение данных терминов.

4. Исходя из толкования нормативного определения «участники уголовного судопроизводства» (п. 58 ст. 5 УПК РФ), подразумевающего непосредственное участие в конкретных уголовно-процессуальных отношениях, можно констатировать «дискретное» действие уголовно-процессуального статуса участников уголовного процесса, эпизодически вступающих в те или иные правоотношения.

Список литературы:

1. *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

2. *Барабаш А. С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.

3. *Зайцева Е. А.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28: ожидания и действительность // Право и политика. 2011. № 4.

4. *Мерлаков Д. С.* Соотношение понятий «участник» и «субъект» в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94).

5. *Михайлов В. А.* Понятие и классификация участников уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2010. № 3 (7).

6. *Рахунов Р. Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961.

7. Советский уголовный процесс. Общая часть : учеб. / под общ. Ред. Б. А. Викторова, В. А. Чугунова. М., 1973.

8. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.

9. Уголовный процесс : учеб. / отв. ред. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, П. С. Элькинд. М., 1972.

10. *Шпилев В. Н.* Участники уголовного процесса. Минск, 1970.

11. *Якимович Ю. К.* Участники уголовного процесса. СПб., 2015.

Сатдинов Ленар Вазыхович,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
e-mail: LenarSV01@mail.ru

Установление объективной истины в разумные сроки – основной приоритет российского уголовного судопроизводства

Аннотация

В научной статье автором исследуются вопросы, касающиеся установления объективной истины в современном российском уголовном судопроизводстве. Объективная истина является одним из наиболее значимых элементов в системе российского уголовного судопроизводства, позволяющей российскому правоприменителю правильно, справедливо и в разумные сроки разрешать любое уголовное дело. Автором в научной статье делается аргументированный вывод о том, что основным приоритетом современного российского уголовного судопроизводства является не только полное, всестороннее и точное установление всех обстоятельств совершенного преступления, но и реализация данной важной задачи уголовного процесса своевременно и в максимально сжатые сроки.

***Ключевые слова:** объективная истина; установление объективной истины; основной приоритет; уголовное судопроизводство; стадии уголовного судопроизводства; разумный срок.*

Ключевую роль в алгоритме выявления, извлечения, исследования и оценки доказательств играет объективная истина, которая по своей сути является тем положительным результатом, к достижению которого стремится любой правоприменитель на любой из стадий движения уголовного дела [2, с. 217]. В то же время объективная истина представляет собой одну из важных категорий в уголовном судопроизводстве, выступающую, в первую очередь, показателем способности правоохранительных органов устанавливать все обстоятельства совершенного преступления, как они имели место в соответствии с фактической (реальной) действительностью.

Необходимо отметить, что объективная истина также является основной незыблемой ценностью на протяжении всей истории развития

российского уголовного судопроизводства, гарантирующей правильное и справедливое разрешение любого уголовного дела. Для ее своевременного и точного установления организована нормативно регламентированная уголовно-процессуальным законом поэтапная и последовательная уголовно-процессуальная деятельность. Все стадии уголовного судопроизводства, образующие в совокупности систему уголовного судопроизводства в целом, имеющие поэтапный и последовательный характер, направлены на установление объективной картины совершенного преступления. При этом каждая из стадий уголовного судопроизводства имеет своим непосредственным назначением дополнение и уточнение уже имеющейся объективной картины совершенного преступления посредством производства следственных и процессуальных действий.

В истории российского уголовного судопроизводства вопросы, связанные с достижением истины, гарантиями правильного и справедливого разрешения уголовного дела, всегда вызывали живой, неподдельный интерес как со стороны ученых-процессуалистов, так и со стороны практических работников. Данные вопросы не потеряли своей актуальности и в сегодняшние дни, продолжая оставаться востребованными и значимыми в современных реалиях развития отечественного уголовного судопроизводства. Подтверждением этому может служить относительно недавняя законодательная инициатива Следственного комитета Российской Федерации, предложившего внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, связанные с необходимостью установления объективной истины по уголовному делу¹. Разработчики данного проекта глубоко убеждены, что нормативное закрепление института установления объективной истины по уголовному делу позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие, а вместе с тем и повысить степень доверия граждан к правосудию. Указанное предложение Следственного комитета Российской Федерации, безусловно, следует рассматривать исключительно в положительном ключе как позитивное стремление, направленное на объективное и всестороннее познание события совершенного преступления и всех его обстоятельств с целью правильного и справедливого разрешения уголовного дела.

Таким образом, объективная истина в уголовном процессе играет очень важную, системообразующую роль и ее установление без всяких сомнений можно называть положительным результатом всей уголовно-процессуальной деятельности, благодаря которому становится

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу : законопроект № 440058-6. URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136 (дата обращения: 01.10.2025)

возможным реализовать законодательные положения, образующие назначение современного уголовного судопроизводства, и принимать законные обоснованные и мотивированные решения на любом из этапов уголовного судопроизводства. Установление истины в уголовном процессе имеет, кроме того, важное нравственное значение [3, с. 209–223]. Стремление к объективной истине, нацеленность отечественного законодателя, а вместе с ним и отечественного правоприменителя на полное и исчерпывающее установление фактических обстоятельств любого совершенного преступления, являются исконной чертой российского уголовного судопроизводства.

Однако важно отметить, что установление объективной истины представляет собой правовой процесс. В нередких случаях данный правовой процесс бывает довольно затянутым во времени и, как правило, осложнен факторами, препятствующими установлению объективной истины [1, с. 217]. Связано это прежде всего с необходимостью производства большого объема следственных и процессуальных действий по подавляющему большинству уголовных дел, процессуальными требованиями, касающимися проверки и объективной оценки собранных по уголовному делу доказательств, а также нередко фактами противодействия расследованию заинтересованными в исходе уголовного дела лицами.

И нередко, даже несмотря на получение правоохранительными органами положительного результата в виде установления объективной истины, ценность данного достижения кратно снижается по причине несвоевременного и затянутого по времени расследования и разрешения уголовного дела.

Поэтому наряду с вопросами, касающимися установления объективной истины в российском уголовном судопроизводстве, как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях должно внимание уделяется и вопросам, связанным с разумными сроками процесса установления объективной истины. Подтверждением этому является тот факт, что еще в 2010 г. российским законодателем в систему принципов российского уголовного судопроизводства был внесен принцип разумного срока уголовного судопроизводства, который гласит, что уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные Уголовно-процессуальным кодексом¹. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены Уголовно-процессуальным Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумные сроки.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Ключевую роль в процессе установления истины играет криминалистическое обеспечение, которое по своей сути является главным инструментом в руках субъекта доказывания, позволяющим ему беспрепятственно решать приоритетные задачи по беспристрастному отысканию и отражению истины в материалах уголовного дела. Объективная и независимая позиция следователя должна заключаться в том, что ему предписано оставаться полностью и безоговорочно нацеленным на установление объективной истины, даже несмотря на наличие эмоциональных аспектов при расследовании и стремление реализовать субъективные интересы со стороны заинтересованных в исходе уголовного дела лиц.

Успешность деятельности всегда гарантируется лежащим в его основе ресурсом. В уголовно-процессуальной деятельности таким действенным ресурсом является криминалистическое обеспечение, которое, являясь по сути основой современных возможностей уголовно-процессуальной деятельности, призвано с использованием цифровых технологий обеспечить полноценное применение и неукоснительную реализацию современных инструментов уголовно-процессуальной деятельности в разумные сроки.

Значит достижение объективной истины при установлении всех обстоятельств совершенного преступления и обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, вполне осуществимо, как практически реализуемым является и тот положительный результат в виде достижения объективной истины в разумные сроки, что по сути является основным приоритетом в современном российском уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Антонов И. А., Сатдинов Л.В. Факторы, препятствующие установлению объективной истины, и уголовно-процессуальные средства их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61).

2. Анучина О. В., Сатдинов Л. В. Установление объективной истины как гарантия правильного разрешения уголовного дела // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2025.

3. Победкин А.В. Моральные победы не считаются? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).

Предупреждение – принудительная мера воспитательного воздействия: отдельные вопросы теории и практики

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ одной из принудительных мер воспитательного воздействия – предупреждения. Автор, опираясь на системный подход и анализ судебной практики, подвергает критическому осмыслению правовую природу и эффективность данной меры по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Доказывается, что предупреждение, трактуемое в современной правовой доктрине и применяемое в правоприменительной деятельности преимущественно как акт разъяснительного характера, не соответствует сущностным признакам государственного принуждения, что приводит к дисбалансу между тяжестью совершенного деяния и наступившими правовыми последствиями. На основе проведенного исследования формулируется вывод о необходимости исключения предупреждения из перечня принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ.

***Ключевые слова:** принудительные меры воспитательного воздействия; предупреждение; государственное принуждение; уголовная ответственность; цели уголовного наказания; освобождение от уголовной ответственности.*

Институт принудительных мер воспитательного воздействия, закрепленный в гл. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является материально-правовой основой для реализации принципа гуманизма и дифференциации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Законодатель, предусматривая вариативность в выборе конкретных мер (ч. 3 ст. 90 УК РФ), стремится к достижению целей восстановительного правосудия и ресоциализации личности, минимизируя карательное воздействие системы. Однако теоретическая неоднозначность в понимании правовой природы отдельных принудительных мер воспитательного воздействия, в частности предупреждения, и его практическое применение ставят под сомнение эффек-

тивность правового института в целом. В связи с чем рассмотрим принудительную меру воспитательного воздействия – предупреждение – в отдельных ее аспектах.

Аспект 1. Правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия: теоретический дуализм.

Справедливо отмечено в научной литературе, что принудительные меры воспитательного воздействия, несмотря на их воспитательную направленность, являются мерами государственного принуждения [2, с. 71]. Их реализация непосредственно сопряжена с наступлением для несовершеннолетнего определенных правоограничений, представляющихся как отличающийся от их форм воспитательного и педагогического воздействия признак.

Обращаясь к анализу предупреждения (ч. 1 ст. 91 УК РФ), мы сталкиваемся с доктринальным дуализмом. Ряд авторов определяет его сущность исключительно через призму психологического воздействия, сводящегося к официальному порицанию [1, с. 131]. Другие исследователи, расширяя это понятие, включают в него также разъяснение причиненного вреда и возможных последствий повторного совершения преступления [5, с. 98–99].

Важно заметить, что заявка данных подходов на уникальность является малоаргументированной, поскольку первый подход, ограничивающий предупреждение лишь сферой психологического воздействия, выхолащивает его принудительный характер, а второй – хотя и пытается наполнить меру содержанием, подменяет уголовно-правовое воздействие административно-процессуальной деятельностью.

Аспект 2. Предупреждение как мнимая мера государственного принуждения: критический анализ.

Если исходить из общепризнанного понимания, что принудительные меры воспитательного воздействия – это меры государственного принуждения, то предупреждение, редуцированное до акта разъяснения или порицания, не влечет за собой никаких реальных правоограничений. Оно не меняет правовой статус лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, не возлагает на него дополнительных обязанностей имущественного или организационного характера. Следовательно, такая мера не может рассматриваться в качестве принудительной в строгом юридическом смысле этого слова.

Ее назначение не позволяет достичь декларируемых целей института принудительных мер воспитательного воздействия – исправления несовершеннолетнего и предупреждения совершения новых преступных посягательств. Отсутствие элемента принуждения, даже в воспитательном контексте, нивелирует превентивное

значение данной меры, создает у несовершеннолетнего ощущение безнаказанности, вседозволенности.

Аспект 3. Правовой дисбаланс в судебной практике.

Определившись с правовой несостоятельностью предупреждения в теоретическом контексте, стоит также указать на его неэффективность в судебной практике. Анализ конкретных судебных решений (например, постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы от 9 июля 2018 г. № 1-298/2018, постановление Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 2 марта 2016 г. № 1-100/2016) демонстрирует неутешительную тенденцию [2; 4].

Суды, освобождая несовершеннолетних от уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний, ограничиваются назначением единственной меры – предупреждения, содержание которого сводится к разъяснению вреда и последствий.

Данная правоприменительная практика – это яркий пример отсутствия баланса между совершенным преступным деянием и наступившими правовыми последствиями. Фактически суд, используя предоставленное ему право, подменяет собой не воспитательный орган, а лектора, чья функция должна выполняться на досудебных стадиях процесса следователем или дознавателем.

Таким образом, предупреждение, применяемое в его настоящем законодательном истолковании и правоприменительной практике, не обладает признаками меры государственного принуждения, что противоречит природе института принудительных мер воспитательного воздействия в целом. Его применение не обеспечивает достижения целей исправления несовершеннолетнего и частной превенции, а также нарушает принцип соразмерности юридической ответственности совершенному деянию. Разъяснительная работа о недопущении совершения преступных посягательств и потенциальных последствиях – неотъемлемая часть процесса предварительного расследования и судебного разбирательства, которая не должна иметь статуса самостоятельной уголовно-правовой меры.

В связи с изложенным наиболее рациональным решением существующей проблемы представляется:

1. Исключение п. «а» из ч. 2 ст. 90 УК РФ, соответственно ч. 1 ст. 91 УК РФ, т. е. удаление «предупреждения» из системы принудительных мер воспитательного воздействия.

2. Закрепление на законодательном уровне обязанности следователя, дознавателя и суда при принятии решения об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением других принудительных мер воспитательного воздействия в обязательном порядке проводить разъяснительную беседу о характе-

ре и степени общественной опасности совершенного деяния, причиненном вреде и правовых последствиях повторного совершения преступления.

Данные меры позволят сохранить воспитательную составляющую процедуры освобождения от уголовной ответственности, но при этом приведут правовое содержание института принудительных мер воспитательного воздействия в соответствие с его природой, обеспечив действительную, а не мнимую эффективность его применения.

Список литературы:

1. *Гришанин П. Ф., Чапурко Т.М.* Задачи предупреждения преступлений несовершеннолетних мерами уголовно-правового воздействия // Уголовная политика и реформа уголовного законодательства: Труды Академии МВД Российской Федерации. М., 1997.

2. *Кожевников С.Н.* Государственное принуждение: сущностные аспекты // Социально-политические науки. 2017. № 3.

3. Постановление № 1-100/2016 от 2 марта 2016 г. по делу № 1-100/2016 Октябрьский районный суд г. Екатеринбурга (Свердловская область). URL:https://sudact.ru/regular/doc/fq1QUdjk8rG/?regulartxt=®ularcase_doc=№+1100%2F2016+®ularlawchunkinfo=®ulardate_from=®ulardate_to=®ularworkflow_stage=®ulararea=1016®ularcourt=Октябрьский+районный+суд+г.+Екатеринбурга+%28Свердловская+область%29®ular-judge=&_=1747830649130 (дата обращения: 18.09.2025).

4. Постановление № 1-298/2018 от 9 июля 2018 г. по делу № 1-298/2018 Ленинский районный суд г. Махачкалы (Республика Дагестан). URL:https://sudact.ru/regular/doc/Og1jEeHVLSLx/?regulartxt=®ularcase_doc=№+1298%2F2018®ularlawchunkinfo=®ulardate_from=®ulardate_to=®ularworkflow_stage=®ulararea=1055®ularcourt=Ленинский+районный+суд+г.+Махачкалы+%28Республика+Дагестан%29®ularjudge=&_=1747830147235 (дата обращения: 18.09.2025).

5. *Скрипченко Н.Ю.* Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам Архангельской области) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Скляренко Марина Владимировна,
*советник Судебной коллегии
по уголовным делам
Верховного Суда Российской Федерации*

Институт обжалования, проверки и пересмотра судебных решений: о месте и роли заместителя Председателя Верховного Суда РФ в организации кассации

Аннотация

Анализируются некоторые количественные и качественные характеристики в деятельности заместителей Председателя Верховного Суда в РФ в кассационной инстанции. Делается вывод, что при пассивности сторон Председатель Верховного Суда РФ и его заместители должны получить неотъемлемое право на инициацию проверки судебных решений в случае обнаружения явных процессуальных ошибок.

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство; место и роль заместителя Председателя Верховного суда РФ в организации кассации.*

В своих публикациях мы уже уделяли внимание проблемам, связанным с уточнением места и роли заместителей Председателя Верховного Суда РФ в исследуемой нами системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России [1]. Как и отмечалось ранее, в данном случае «предмет нашего углубленного анализа – только выборочная кассация, осуществляемая исключительно лично заместителями Председателя Верховного Суда РФ». Исследуемый вид процессуальной деятельности характеризуется как количественными, так и многочисленными качественными показателями.

В частности, в 2019 г. судьями 4-го судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном порядке всего было рассмотрено – 12.734 жалобы (представления), при этом так называемых «повторных» жалоб (уже на отказ судьи Верховного Суда РФ в передачи первичной жалобы в суд 3-й инстанции для рассмотрения по существу) заместителями Председателя Верховного Суда РФ рассмотрено – 4.440 жалоб. Иными словами, 1/3 авторов первичных жалоб оказались недовольными качеством работы «рядовых» судей Верховного Суда РФ.

Для сравнения в первом полугодии 2020 г. этим же судебным составом было рассмотрено всего 4.005 кассационных жалоб и представлений, при этом повторно на отказ судьи в вышестоящую инстанцию (заместителю Председателя Верховного Суда РФ) было направлено только 1.729 жалоб и представлений (т. е. меньше половины).

Во втором полугодии 2023 г. в 4-ом судебном составе всего рассмотрено 6.136 кассационных жалоб и представлений (в первом полугодии 2022 г. – 5.718), из них «повторных» на отказ судьи было получено – 1.649 жалоб (в первом полугодии 2022 г. – 1.731).

При поступлении «повторной» кассационной жалобы в Верховный Суд РФ, если «отказное» постановление судьи Верховного Суда РФ вызывало сомнение в своей обоснованности, заместителями Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдовым (Председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ) и С.В. Рудаковым (Председатель Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ) принимались решения об истребовании уголовных дел.

За указанный период всего ими было истребовано 26 уголовных дел (1,57 % от числа обжалованных), из которых только по 9 уголовным делам (0,5 % от числа обжалованных) заместителями Председателя Верховного Суда РФ приняты решения об отмене постановления судьи об отказе в удовлетворении кассационных жалоб, представлений и кассационные жалобы (представления) были переданы для рассмотрения в кассационные суды общей юрисдикции (далее – КСОЮ) либо в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ.

Особо следует отметить, что все постановления заместителей Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдова и С.В. Рудакова кассационными инстанциями фактически «были удовлетворены», т. е. с ними согласили соответствующие кассационные инстанции.

С сожалением приходится констатировать, что иные дела даже после обозначения заместителем Председателя Верховного Суда РФ определенной правовой позиции могут годами кочевать из инстанции в инстанцию. Классический пример уголовное дело в отношении врача Б.

Региональный уровень. Первая инстанция. 1 июля 2021 г. – приговором Медведевского районного суда Республики Марий Эл (от 1–2 июля 2021 г.) Б. осуждена (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 327 УК РФ условно). Первая апелляция. 8 сентября 2021 г. – постановлением Верховного Суда Республики Марий Эл приговор в целом изменен, а по ч. 2 ст. 327 УК РФ полностью отменен.

Межрегиональный уровень. Первая кассация. 8 сентября 2021 г. – вышеуказанные судебные решения оставлены без изменения.

Всероссийский (второй) уровень. Инициаторы дальнейшего движения дела: 1) заместитель Генерального прокурора РФ – И. В. Ткачёв и 2) потерпевший Р., оба не согласны с оправданием Б. по ч. 2 ст. 327 УК РФ. Верховный Суд РФ – кассация второго уровня. «Нулевой этап». 31 мая 2022 г. – постановление судьи Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ Х. дело передано в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ¹. Первая кассация второго уровня. 21 июля 2022 г. – определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (председательствующий – судья Б., судьи: И., она же докладчик, С.) – апелляционное постановление и определение Шестого КСОЮ отменены, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе².

Опять региональный уровень. Вторая апелляция. 20 октября 2022 г. – апелляционный оправдательный приговор Верховного Суда Республики Марий Эл в связи с отсутствием в действиях Б. составов преступлений, с признанием за ней права на реабилитацию.

Опять межрегиональный уровень. Вторая кассация первого уровня. 2 февраля 2023 г. – постановлением Шестого КСОЮ – апелляционный оправдательный приговор в отношении Б. оставлен без изменения, а кассационное представление прокурора Республики Марий Эл и кассационная жалоба с дополнениями потерпевшего Р. – без удовлетворения.

Опять всероссийский (второй) уровень. Инициаторы дальнейшего движения дела те же: 1) заместитель Генерального прокурора РФ – И. В. Ткачёв и 2) потерпевший Р. которые не согласны с полным оправданием Б. Верховный Суд РФ – кассация второго уровня. «Нулевой этап». 26 июня 2023 г. – постановление судьи Верховного Суда РФ К. отказано в передаче документов обоих кассаторов для рассмотрения по существу.

¹ Постановление судьи Верховного Суда РФ Хомицкой Т. П. о передаче кассационного представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 31 мая 2022 г. №12-УДП22-4-К6 // Электронный архив Верховного Суда Рос. Федерации за 2022 год.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2022 г. №12-УДП22-4-К6 // Электронный архив Верховного Суда Рос. Федерации за 2022 год.

Всероссийский третий уровень. Инициатор дальнейшего движения дела: 1) заместитель Генерального прокурора РФ – И. В. Ткачёв, который по-прежнему не согласен с полным оправданием Б., поэтому в своем третьем кассационном представлении просил постановление судьи Верховного Суда РФ отменить, направить уголовное дело на повторное рассмотрение в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РФ. Верховный Суд РФ – третий кассационный уровень. 7 сентября 2023 г. – постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ С. В. Рудакова – постановление судьи Верховного Судам РФ отменено уголовное дело вместе с кассационным представлением заместителя Генерального прокурора РФ передано в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ¹. Верховный Суд РФ – второй кассационный уровень. 4 октября 2023 г. – определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (председательствующий и докладчик Т., иные судьи из других составов) – апелляционный оправдательный приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 20 октября 2022 г. и постановление Шестого КСОЮ от 2 февраля 2023 г. отменены, уголовное дело передано на новое апелляционное рассмотрение в Верховный Суд Республики Марий Эл в ином составе судей². Данный документ «рекомендован» в Обзор в качестве «идеальной правовой позиции» (прецедента)!

Опять региональный уровень. Третья апелляция. 24 июня 2024 г. – очередной оправдательный приговор Верховного Суда Республики Марий Эл³.

Вновь межрегиональный уровень. Третья кассация первого уровня. 30 октября 2024 г. – кассационным определением Шестого КСОЮ – по инициативе стороны обвинения второй апелляционный оправдательный приговор в отношении Б. отменен, уголовное дело передано на четвертое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

¹ Постановление заместителя Председателя Верховного Суда РФ Рудакова С. В. об отмене постановления судьи Верховного Суда РФ об отказе в передаче кассационного представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 7 сентября 2023 г. №12-УДП23-7-К6 // Электронный архив Верховного Суда Рос. Федерации за 2023 год.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 октября 2023 г. № 12-УДП23-7-К6 // Электронный архив Верховного Суда Рос. Федерации за 2023 год.

³ Апелляционный приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 24 июня 2024 г. №22-1/2024 // Электронный архив Верховного Суда Республики Марий за 2024 год.

Опять региональный уровень. Четвертая апелляция. 1 апреля 2025 г. – апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл¹ (документ содержит 44 стр.): 1) апелляционное представление прокурора удовлетворено «частично»; 2) приговор Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 1–2 июля 2021 г. в отношении Б. изменен: а) исключена ссылка на ФЗ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ; б) Б. освобождена от наказания, назначенного по ч. 3 ст. 237 УК РФ (в ред. от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) в связи с истечением давности уголовного преследования. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Осужденной разъяснено право на очередную прямую кассацию. Данными о принесении осужденной соответствующей жалобы в Шестой КСОЮ автор не располагает.

В то же время об исключительной эффективности анализируемого нами института свидетельствует тот факт, что заместители Председателя Верховного Суда РФ являются теми субъектами уголовного процесса, которые могут восстановить социальную справедливость по конкретным делам.

Однако имеют место случаи, когда заместители Председателя Верховного Суда РФ отказывают в удовлетворении повторных жалоб, после чего спор переносится в Конституционный Суд РФ, который затем «настоятельно рекомендует» Президиуму Верховного Суда РФ пересмотреть имевшие место все судебные решения. Именно так были выстроены уголовно-процессуальные отношения по жалобе Толкаченко [2].

Заместитель председателя Верховного суда С. В. Рудаков своим постановлением инициировал движение по уголовному делу Ицхакова, который в кассации был фактически оправдан спустя 69 лет после незаконного осуждения [3].

В уголовно-правовом и уголовно-процессуальном плане, безусловно, особый интерес представляет вариант толкование заместителем Председателя Верховного Суда РФ В. А. Давыдовым понятия «крайняя необходимость» (ст. 39 УК РФ)².

¹ Апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Марий Эл от 1 апреля 2025 г. №22-1/2025 // Электронный архив Верховного Суда Республики Марий за 2025 год.

² Постановление заместителя Председателя Верховного Суда РФ Давыдов В. А. об отмене постановления судьи и передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции от 16 октября 2025 г. № 3-УД25-6-КЗ // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2025 год.

Как известно, состязательность в уголовном процессе согласно Конституции РФ (ч. 3 ст. 123) и УПК РФ (ст. 15) провозглашена особым доминирующим признаком. Следовательно, процесс исправления судебных ошибок может быть запущен только по инициативе сторон. На практике стороны, во-первых, могут просто «не видеть» ошибок; во-вторых, они могут быть «инфантильны»; в-третьих, стороны могут злоупотребить правом на обжалование в форме бездействия.

В то же время у Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей полностью отсутствует право на личную инициацию проверки даже явных судебных ошибок, что автоматически приводит к их консервации. Так, при определении подсудности по делу П. судьей Верховного Суда РФ Р. была допущена грубая процессуальная ошибка (ходатайство рассмотрено вне судебного заседания). Генеральная прокуратура РФ на это никак не отреагировала (?), адвокаты «затаились» (!), что автоматически привело к волоките по делу¹.

Не посмеем отрицать очевидного, данный пробел в праве конечно же восполняется, но путем внепроцессуального обращения судей к субъектам процесса, которые наделены правом такой инициации. Например, по делу о ночном ДТП органы предварительного расследования усмотрели смешанную обоюдную форму вины у двух водителей: во-первых, у того, который допустил столкновение, и, во-вторых, у того, который двигался без габаритных огней. Поскольку водителем, допустившим столкновение, являлся судья Н., то обвинительное заключение по уголовному делу было утверждено лично Генеральным прокурором РФ В.В. Устиновым (2000–2006 гг.). Про приговору Верховного Суда РФ в соответствии с обвинением осуждены были оба водителя. Суд второй инстанции данный приговор отменил, поскольку докладчик даже на теоретическом уровне не признавал концепцию смешанной обоюдной вины при ДТП (такая практика была известна и опубликована), а два других судьи не являлись специалистами в области уголовного права. При таких обстоятельствах судья, постановивший приговор в первой инстанции, был вынужден во внепроцессуальном порядке запустить механизм пересмотр дела в порядке надзора. Заместитель Генерального прокурора РФ принес соответствующее представле-

¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 декабря 2015 г. № АПЛ15-590; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11 мая 2016 г. № 43-П16; частное постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11 мая 2016 г. № 43-П16.

ние в Президиум Верховного Суда РФ, и незаконное кассационное определение было отменено, поскольку считалось, что Генеральный прокурор РФ «в формах вины разбирается», правильно утвердил обвинительное, а «случайные» судьи из Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ с этим оказались не согласны [4]. Последующая кассация, «разобравшись» в сути проблемы (форме вины), уже просто «засилила» спорный для кого-то приговор.

Основные научно-практические выводы:

1. Право Председателя Верховного Суда РФ и его заместителей на вмешательство в кассационное производство является реальной и действенной гарантией соблюдения процессуальных прав участников процесса.

2. Имеются все основания для наделения данных субъектов процессе исключительной прерогативой инициации проверки очевидных судебных ошибок.

Список литературы:

1. Колоколов Н.А. Когда взяткодатель не преступник, а потерпевший по делу взяткополучателя // Уголовный процесс. 2025. № 11.

2. Колоколов Н.А. Конституционный Суд РФ: у суда общей юрисдикции могут возникнуть основания для пересмотра уголовного дела в порядке ст. 416–417 УПК РФ, как это делает прокурор и следственный орган // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3.

3. Давыдов В. А., Дорошков В.В. Основания отмены и изменения судебных решений по уголовным делам. Сборник определений и постановлений / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2007.

4. Скляренко М.В. Выборочная кассация: место и роль заместителей Председателя Верховного Суда РФ в системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве // Российский правовой журнал. 2020. № 4 (5).

Стародубова Галина Викторовна,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса
имени профессора Л.Д. Кокорева
Воронежского государственного университета
e-mail: gv_starodubova@mail.ru*

Проблемы избрания и применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в ходе производства по уголовному делу

Аннотация

Рассматривается проблема обоснованности решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и установления оснований для вынесения постановления об этом при помощи доказательств. Анализируется ст. 108 УПК РФ в редакции ФЗ от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ с точки зрения изменения условий избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу (сохраняется условие о наказании в виде лишения свободы за преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо; не требуется устанавливать отсутствие беременности подозреваемой или обвиняемой, а также отсутствие заболевания, препятствующего содержанию подозреваемого или обвиняемого под стражей).

Ключевые слова: *уголовное дело; заключение под стражу; мера пресечения; процессуальное принуждение; основания; условия.*

Государственное принуждение является эффективным способом устранения возникших препятствий уголовному судопроизводству, прежде всего уголовно-процессуальному познанию и доказыванию, а также профилактики их появления. Одно из направлений использования принудительной силы государства – избрание и применение мер пресечения в ходе производства по уголовному делу. Проблематика, связанная с ними, входит в сферу научных интересов профессора В. А. Михайлова [3–5]. Особое внимание в работах ученого уделено наиболее строгой мере, которой является заключение под стражу, предполагающее полную изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества, т. е. максимальное ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Значение и характер заключения под стражу обуславливают довольно подробную регламентацию оснований и порядка принятия

решений о ее избрании. Однако проблема обоснованности применения данной меры сохраняет остроту как с точки зрения чрезмерности применения самых суровых ограничений, так и с точки зрения наличия в конкретном случае оснований для избрания меры пресечения в принципе. Встречаются случаи, когда органы предварительного расследования принимают решение ходатайствовать перед судом об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, исходя из соображений «целесообразности» [1, с. 239], создания благоприятных условий для расследования. Как справедливо отметил В. А. Михайлов, суждение о том, что заключение под стражу призвано обеспечить раскрытие преступлений и изобличение преступников, на законе не основано, таких целей нормы УПК РФ не устанавливают [3, с. 117]. Целью заключения под стражу, как и остальных мер пресечения, является предотвращение неправомерных действий подозреваемого или обвиняемого, представляющих угрозу для правосудия и обозначенных в ст. 97 УПК РФ. Согласимся, что «всякое расширение целей заключения под стражу, какими бы благими намерениями оно не обосновывалось, незаконно и должно влечь ответственность виновных» [3, с. 118].

Специфика нормативной формулировки оснований для применения мер пресечения связана с их прогностическим характером и необходимостью сделать предположение об определенных действиях подозреваемого или обвиняемого и обосновать его. В. А. Михайловым рассматривался вопрос о том, вероятным или достоверным должно быть знание следователя, дознавателя, судьи об опасениях неправомерных действий подозреваемого или обвиняемого, влекущих необходимость их пресечь. Ученый совершенно справедливо указывает на необходимость достоверных знаний [3, с. 124–125]. Более того, необходимо добавить, что такие знания, дающие почву для вывода о высокой степени вероятности противоправного поведения подозреваемого или обвиняемого, должны устанавливаться при помощи доказательств. Как отмечает А. В. Победкин, меры пресечения избираются на основании имеющихся доказательств, свидетельствующих о наличии угроз нормальной процессуальной деятельности [6, с. 147]. Тем более основания для лишения свободы при заключении под стражу должны быть доказаны через представление в судебном заседании относимых, допустимых и достоверных доказательств. Ограничение конституционных прав граждан предполагает гарантии обоснованности его применения, в числе которых очевидно находится надлежащая процедура доказывания оснований. Обобщение судебной практики позволяет утверждать, что судьи в постановлениях дела делают вывод о наличии оснований для избрания меры пресечения, указывая на обстоятельства, ввиду которых, по их мнению, обвиняемый должен содержаться под стражей. Однако анализ доказательств, под-

тверждающих такой вывод, в постановлении, как правило, отсутствует. Есть лишь общее указание о том, что представленные материалы изучены и их достаточно для принятия решения. Фактически этим игнорируются указания Верховного Суда РФ о том, что основания, указанные в ст. 97 УПК РФ, должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами¹.

На протяжении многих лет заключение под стражу было и остается одной из наиболее часто применяемых мер пресечения, несмотря на необходимость судебного контроля. На этот факт неоднократно указывается не только в научных работах [7, с. 205; 9, с. 256], но и с высоких трибун практически неизменно в негативном ключе [2, с. 279].

Некоторые шаги для сокращения применения рассматриваемой меры предпринимаются законодателем. Так, был изменен срок наказания в виде лишения свободы по санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, закрепляющей преступление, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, с двух до трех лет как условие применения заключения под стражу²; введены ограничения применения данной меры в отношении предпринимателей³.

Существенные изменения в ст. 108 УПК РФ внесены Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ⁴. Своей целью они имеют ограничение применения заключения под стражу как общего характера, так и в отношении отдельных категорий подозреваемых или обвиняемых. Однако некоторые вновь введенные нормы вызывают вопросы относительно их толкования и применения.

Как уже было упомянуто, УПК РФ связывал возможность принятия решения о заключении под стражу лица с подозрением или обвинением в отношении него в совершении преступления, за которое предполагается наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, а также менее трех лет при наличии особо оговоренных в законе обсто-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 в ред. от 27 мая 2025 г. (п. 21) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2014. № 2.

² О внесении изменений в статью 108 УПК РФ : Федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 309-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53. Ст. 7634.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ : Федер. закон от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 15. Ст. 1756; О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ : Федер. закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752 и др.

⁴ О внесении изменений в УПК РФ : Федер. закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 9. Ст. 842.

ятельств. В нынешней редакции возможность избрания данной меры пресечения базово связывается с категориями преступлений: средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкие и особо тяжкие. В исключительных случаях заключение под стражу может быть избрано в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения и преступлений небольшой тяжести. Таким образом, ст. 108 УПК РФ более не содержит указания на наказание в виде лишения свободы как на условие избрания этой меры пресечения.

Возникшее противоречие довольно оперативно снял Верховный Суд РФ, разъяснив, что, исходя из взаимосвязанных положений ч. 1–2 ст. 108 УПК РФ, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении лишь такого преступления, за которое ему с учетом санкции соответствующей нормы Особенной части и положений Общей части УК РФ может быть назначено наказание в виде лишения свободы¹. Таким образом, данное важное условие принятия решения о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу остается неизменным. Это правило является проявлением внутренней справедливости уголовно-процессуального закона, потенциал которой реализуется при создании правовых норм. Государство, признающее презумпцию невиновности в качестве конституционного принципа, не считает себя вправе накладывать на подозреваемого или обвиняемого ограничения его прав и свобод более суровые, чем те, которые будут иметь место при исполнении наказания, назначенного вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

Ч. 2 ст. 108 УПК РФ ныне допускает заключение под стражу беременной женщины, подозреваемой или обвиняемой в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и только в исключительных случаях при наличии оговоренных в законе обстоятельств, при подозрении или обвинении в совершении некоторых иных преступлений. Ч. 2.1 той же статьи устанавливает запрет избирать эту меру пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, если он страдает тяжелым заболеванием из утвержденного Правительством РФ перечня заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиня-

¹ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2025. № 7.

емых в совершении преступлений¹. Таким образом, при наличии хотя бы одного из этих двух состояний (беременности и (или) определенного заболевания) органом расследования не должно направляться в суд ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а в удовлетворении направленного ходатайства судом должно быть отказано.

Возникает вопрос о том, должен ли следователь указать об отсутствии беременности или тяжелого заболевания из перечня препятствующих содержанию под стражей, аргументируя необходимость избрания меры пресечения и отсутствие препятствий к тому. В науке высказано мнение о том, что должен. Более того, подчеркивается, что в целях охраны здоровья женщины и вынашиваемого ею ребенка следует обеспечить медицинское обследование женщины для констатации беременности или ее отсутствия. Относительно тяжелого заболевания указывается, что теперь обязательно представление результатов медицинского освидетельствования для рассмотрения ходатайства о мере пресечения [8, с. 55–58].

Не можем согласиться с таким подходом. В случаях, когда беременность либо тяжелое заболевание очевидны (слепота бинокулярная/монокулярная, болезни костно-мышечной системы с выраженным нарушением самообслуживания, некоторые болезни нервной системы и т. п.), следователь, с учетом степени тяжести преступления в первом случае и независимо от характера преступления во втором, не вправе обращаться в суд с ходатайством о заключении под стражу таких подозреваемых или обвиняемых.

В ситуациях, когда явных признаков таких состояний нет, полагаем, что достаточно задать в ходе допроса вопрос о состоянии здоровья, ибо те заболевания, которые препятствуют содержанию под стражей, не напрасно и в УПК РФ, и в утвержденном постановлении Правительства РФ перечне поименованы тяжелыми. В подавляющем большинстве случаев человек о них знает. Кроме того, ч. 2.1 ст. 108 УПК РФ указывает, что наличие заболевания должно быть подтверждено медицинскими документами, что следует понимать как любые медицинские документы из любого учреждения здравоохранения или медицинской организации, имеющей требуемые законом лицензии. В отличие от этой нормы, часть 1.1 статьи 110 УПК РФ для изменения меры пресечения

¹ Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления : утвержден постановлением Правительства Рос. Федерации от 14 января 2011 г. № 3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 4. Ст. 608.

прямо требует удостоверения заболевания медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования.

Вопрос может быть в том, какова степень заболевания, соответствует ли она тем аспектам, которые указаны в примечаниях к наименованиям заболеваний в упомянутом постановлении Правительства РФ. Или же могут быть сомнения в достоверности медицинских документов или сведений в них. В таких случаях целесообразно при наличии оснований обращаться в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и в рамках процедуры разрешения этого ходатайства выяснять вопрос относительно заболевания и его характера. Для этого судебным решением может быть продлен срок задержания с направлением подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование. В настоящее время УПК РФ позволяет продлевать не более, чем на 72 часа срок задержания и устанавливает для этого основания (ч. 7 ст. 106, ч. 7 ст. 108 УПК РФ). Медицинское освидетельствование, согласно правилам¹ его проведения, занимает до 5 рабочих дней со дня поступления в медицинскую организацию направления. Этот срок по заключению врачебной комиссии может быть продлен для дополнительного обследования не более, чем на 30 рабочих дней. В связи с этим необходимо дополнить п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ словами: «а в случае направления подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование для установления обстоятельств, указанных в части 2.1 настоящей статьи – на период его прохождения».

Также нецелесообразно в каждом случае, когда возможно избрание меры пресечения в отношении женщины, подозреваемой или обвиняемой в совершении преступления, направлять ее на медицинское обследование для установления наличия или отсутствия беременности, если нет явных признаков данного состояния. Об этом достаточно задать вопрос в ходе допроса. К тому же невозможность беременности может быть связана с возрастными изменениями организма, хирургическим вмешательством и т. п., поэтому разработать критерии направления женщины на медицинское обследование в рассматриваемой ситуации не получится. Кроме того, не следует забывать, что речь идет об ограничении избрания только заключения под стражу в качестве меры пресечения, но не домашнего ареста, запрета определенных действий.

Подводя итог, отметим, что стабильная критика удовлетворения судом подавляющего большинства ходатайств органов предварительного расследования об избрании в качестве меры пресечения заключения

¹ Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: утверждены постановлением Правительства Рос. Федерации от 14 января 2011 г. № 3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 4. Ст. 608.

под стражу связана не столько с самим количеством, сколько с качеством обоснования этих ходатайств и, как производное от этого, с обоснованностью постановлений об их удовлетворении. Решение этой проблемы находится в плоскости правоприменительной практики, а не законодательства. Однако законодатель предпринял попытку ограничить допустимость применения заключения под стражу, предусмотрев при этом исключения из введенных ограничений. Тем не менее потенциал сокращения применения данной меры пресечения есть. Хотя очевидна необходимость толкования и выработки унифицированных подходов в применении отдельных правил.

Список литературы:

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2023 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2022.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2024 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).
3. *Михайлов В.А.* Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.
4. *Михайлов В.А.* Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации : моногр. М., 1997.
5. *Михайлов В.А.* Методологические основы мер пресечения. М., 1998.
6. *Победкин А.В.* Возможна ли гуманизация гарантий доказывания при установлении оснований для избрания меры пресечения? // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2025.
7. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.С. Мановой. М., 2019.
8. *Стельмах В.Ю.* Изменение нормативной регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2025. № 7.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. М., 2013.

Старцева Екатерина Александровна,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России
e-mail: starceva-ea@yandex.ru*

Особенности деятельности подразделений дознания, направленной на обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями, в стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы повышения эффективности деятельности подразделений дознания по обеспечению возможности причиненного преступлением имущественного ущерба на стадии возбуждения уголовного дела. Рассмотрены типичные причины, связанные с недостаточной эффективностью действий подразделений дознания по обеспечению причиненного преступлением вреда. Проанализировано действующее российское уголовно-процессуальное законодательство. Изучены различные мнения ведущих специалистов в данной области на предмет возможности производства в ходе проверки сообщения о преступлении отдельных следственных действий, направленных на изъятие предметов в качестве обеспечительных мер по возмещению причиненного преступлением вреда. Обозначены практические способы решения возникающих проблемных вопросов правоприменительной практики уполномоченных органов и должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: *возмещение причиненного преступлением ущерба; стадия возбуждения уголовного дела; подразделения дознания; следственные действия.*

Дискуссия относительно значения и важности стадии возбуждения уголовного дела для института уголовного судопроизводства среди ученых длится на протяжении многих лет. Существует позиция, согласно которой данная стадия рассматривается как самостоятельный уголовно-процессуальный институт, объединяющий в себе правовые нормы, регламентирующие порядок приема, регистрации, проверки и разрешения сообщения о преступлении, устанавливающие меры процессуального контроля, надзора прокуратуры и судебных органов за законностью

и обоснованностью принятия должностными лицами процессуальных решений в указанной стадии [10, с. 98].

С точки зрения ряда специалистов, стадия возбуждения заключается в себе важные гарантии личности от незаконного и необоснованного ограничения прав и законных интересов в ходе применения мер процессуального принуждения, таким образом, представляя собой некий процессуальный фильтр и являясь отправной точкой для принятия соответствующих решений [8, с. 133; 9].

Неоспорим тот факт, что стадия возбуждения уголовного дела является сложным правовым явлением, порождающим в доктрине уголовного процесса множество оценок ее сущности и значения. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством стадия возбуждения является частью уголовного судопроизводства, имеющей собственную процессуальную форму, закрепляющую виды принимаемых процессуальных решений, определяемых характером решаемых задач и особым кругом участников, характерных для данной стадии [1, с. 168].

Говоря о деятельности по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлениями, в подразделениях дознания, следует отметить, что оперативность и эффективность действий, осуществляемых на первоначальном этапе, является залогом положительного результата в целом и предопределяет дальнейшую перспективу указанной деятельности. Представляется крайне важным не только принять исчерпывающие меры, направленные на установление и сохранность следов совершенного преступления, но и на установление непосредственного предмета совершения преступления, его качественных характеристик, стоимости и т. д.

Стадия возбуждения уголовного дела и организация деятельности по обеспечению возмещения ущерба в ее рамках имеют принципиальное значение для подразделений дознания в том числе и ввиду сроков расследования уголовного дела, которые значительно короче в сравнении со сроками следствия. Следовательно, дознаватель, осуществляющий производство по уголовному делу, будучи значительно ограниченным во времени, обязан рационально использовать весь комплекс имеющихся ресурсов, начиная с этапа проверки сообщения о преступлении и момента появления повода для возбуждения уголовного дела.

Особенно стоит отметить, что законодатель, позволив выполнение ряда следственных действий до возбуждения уголовного дела (производство осмотров предметов и документов, назначение судебных экспертиз, направление запросов о получении информации, направление поручений и т. п.), обеспечил должностным лицам процессуальную

возможность осуществления обширного комплекса мер, направленных на возмещение ущерба.

Несмотря на вышесказанное, опрос респондентов показал, что большая часть запросов, направленных на установление имущества, подлежащего аресту с целью обеспечения возмещения ущерба, направляется после возбуждения уголовного дела (непосредственно в стадии возбуждения уголовного дела указанные запросы направляют 46,1 % респондентов). При этом респондентами в числе основных действий, направленных на возмещение причиненного ущерба, в стадии возбуждения уголовного дела указываются направление поручений органу дознания с целью производства оперативно-розыскных мероприятий (93,8 %), производство осмотра места происшествия, в ходе которого может быть изъято похищенное имущество (66,1 %).

Необходимость проведения дознавателем мероприятий, направленных на установление похищенного имущества и его характеристик в ходе доследственной проверки, регламентирована такими ведомственными нормативными актами, как приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»; наставление по организации деятельности дежурных частей территориальных органов МВД России, утвержденное приказом МВД России от 12 апреля 2013 г. № 200; инструкция по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел.

В соответствии с вышеперечисленными нормативными правовыми актами при поступившем сообщении о преступлении на дознавателя возлагается обязанность не только установления обстоятельств совершенного деяния, очевидцев и причастных к совершению преступления лиц, но и принятия мер, направленных на обнаружение мест хранения и сбыта похищенного имущества, с целью скорейшего изъятия, что, в свою очередь, предполагает организацию эффективного взаимодействия с сотрудниками оперативных подразделений, участковыми уполномоченными.

Однако немаловажным является тот факт, что при обнаружении следов преступления и в частности похищенного имущества до момента формального возбуждения уголовного дела у дознавателя либо сотрудников органа дознания, выполняющих соответствующее поручение, отсутствует полноправный механизм изъятия похищенного, позволяющий наиболее эффективно организовать деятельность по возмещению ущерба. На сегодняшний день практические сотрудники формализуют

действия по изъятию обнаруженного похищенного имущества, оформляя их в виде протокола осмотра места происшествия, что во многих случаях не соответствует назначению указанного следственного действия (осмотр места происшествия предполагает проведение осмотра участка местности, территории и т. п., где непосредственно произошло противоправное деяние, в то время как место обнаружения похищенного местом совершения преступления не является, ввиду чего обоснованность производства осмотра и изъятие в его ходе имущества представляется крайне спорной).

Более того, в случае составления указанного протокола сотрудником органа дознания, т. е. не процессуально уполномоченным лицом, впоследствии возникают трудности с передачей изъятых материалов дознавателю, так как обязанность хранения возлагается на лицо, непосредственно осуществившее изъятие. Таким образом, сотрудникам правоприменительных органов необходимо производить дополнительные следственные действия в рамках уже возбужденного уголовного дела, направленные на передачу изъятых материалов дознавателю. Далее такое имущество передается в ходе производства выемки, что создает дополнительную процессуальную нагрузку, в то же время нагромождая материалы уголовного дела процессуальными документами, не несущими в себе ценность для формирования доказательственной основы.

О потребности расширения перечня полномочий должностных лиц как подразделений дознания, так и следственных подразделений в стадии возбуждения уголовного дела ведется немало дискуссий, которые в числе одного из вопросов ставят возможность производства обыска и выемки на этапе доследственной проверки [2–7]. Данные дискуссии в большинстве своем сопряжены с вопросом о необходимости сохранения либо ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном судопроизводстве, ввиду чего углубляться в их содержание в контексте настоящего исследования не представляется рациональным.

Полагаем достаточным остановиться на констатации факта значительного ограничения конституционных прав граждан при проведении таких следственных действий, как обыск и выемка, в связи с чем позиция законодателя, согласно которой их производство возможно лишь при наличии достоверных правовых оснований (т. е. после подтверждения повода и оснований для возбуждения уголовного дела в рамках принятия соответствующего решения), представляется обоснованной.

В контексте организации обеспечительной деятельности по возмещению ущерба в подразделениях дознания на стадии возбуждения уголовного дела особенно хотелось бы отметить важность назначения судебных товароведческих экспертиз, позволивших бы в более короткие

сроки своевременно установить размер причиненного ущерба. Согласно проведенному опросу среди сотрудников подразделений дознания, товароведческие экспертизы до возбуждения уголовного дела назначаются лишь в 54,9 % случаев, а одним из оснований продления срока производства дознания выступает необходимость истребования заключения товароведческой экспертизы с целью подтверждения стоимости похищенного имущества (57,8 %), равно как в числе оснований к продлению зачастую указывается и необходимость проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление похищенного (67 %).

Указанные данные только подтверждают важность организации деятельности, направленной на возмещение причиненного ущерба в стадии возбуждения уголовного дела, где ключевым аспектом представляется организация взаимодействия сотрудников, осуществляющих дознание, как с экспертными подразделениями, так и с подразделениями уголовного розыска. Направление поручений с целью обнаружения места нахождения и изъятия похищенного имущества в как можно более короткие сроки и своевременное их исполнение в рамках эффективного взаимодействия представляются важным условием выполнения как задачи расследования уголовного дела, так и возмещения ущерба, причиненного потерпевшему.

Следующим важным фактором деятельности по возмещению причиненного ущерба в стадии возбуждения является своевременность установления размера причиненного ущерба, что подразумевает скорейшее направление необходимых запросов, а также назначения товароведческой экспертизы.

Принимая во внимание вышесказанное, с позиции осуществления организационных мер по возмещению ущерба, причиненного преступлениями в подразделениях дознания, с учетом основной особенности, заключающейся в коротком сроке предварительного расследования, и учитывая процесс целеполагания, где основной целью, как уже отмечалось ранее, является максимальное возмещение ущерба в наиболее короткие сроки, перед руководителем, осуществляющим организационно-управленческую функцию в подразделении ставятся следующие задачи:

- организация эффективного взаимодействия в рамках каждого факта причинения ущерба, направленного на достоверное установление его характера и размера, отыскания и изъятия похищенного имущества;
- организация процессуальной деятельности, направленной на сбор информации относительно предмета преступного посягательства и его собственника, предполагающей своевременное направление необходимых запросов и назначение товароведческих судебных экспертиз.

В заключение следует еще раз отметить, что началом деятельности по обеспечению возмещения вреда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства целесообразно считать момент получения уполномоченным должностным лицом сообщения о преступлении. Это, в свою очередь, детерминирует обязанность дознавателя по принятию процессуальных решений, производству процессуальных действий, осуществлению организационно-правовых мер обеспечительного характера в соответствии с теми сведениями о фактических обстоятельствах совершенного преступления, которыми данный субъект располагает в указанный период, что стимулирует дальнейшее производство предварительного расследования в форме дознания.

Список литературы:

1. *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки уголовного процесса. Воронеж, 1980.
2. *Арестова Е. Н.* Деятельность органа дознания на этапе возбуждения уголовного дела : учеб. М., 2022.
3. *Дершиев Ю. В.* Концепция досудебного производства в правовой доктрине современной России : моногр. Омск, 2004.
4. *Александров А. С., Грачев С. А.* Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31).
5. *Володина Л. М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика: монография. М., 2006.
6. *Гаврилов Б. Я.* Современное уголовно-процессуальное законодательство: концепция развития // Вестник Дальневосточного юрид. ин-та МВД России. 2017. № 1 (38).
7. *Мальшева О. А.* Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы / под ред. Б. Я. Гаврилова. М., 2020.
8. *Григорьев В. Н.* О концепции возбуждения уголовного дела. Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. М., 1994.
9. *Маликова Л. Н.* Совершенствование уголовно-процессуального законодательства на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2008. № 3.
10. *Мальшева О. А.* Возбуждение уголовного дела: теория и практика: Монография. М., 2008.

Ступникова Анастасия Игоревна,
*юрист управления правового обеспечения и
имущественных отношений департамента
по стратегическому развитию
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина
E-mail: Stup.nastya.1999@yandex.ru*

Эволюция мер пресечения, требующих судебного решения, в российском уголовном процессе

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ исторического развития и современного состояния института мер пресечения, избираемых исключительно по судебному решению, в российском уголовном судопроизводстве. Автор прослеживает эволюцию от досоветского периода до современных реалий, выделяя ключевые этапы расширения судебного контроля за мерами процессуального принуждения. Особое внимание уделяется конституционно-правовым основам данного института, связанным с правом на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ). В работе исследуются причины и последствия реформы 2001 г., связанной с введением УПК РФ, которая кардинальным образом изменила баланс между интересами следствия и правами личности. На основе анализа положений УПК РФ, практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ делается вывод о неуклонном движении российского уголовного процесса в сторону усиления гарантий прав человека и состязательности. Однако статья также указывает и на существующие проблемы правоприменительной практики и дискуссионные вопросы, требующие дальнейшего осмысления и законодательного регулирования.

Ключевые слова: *меры пресечения; судебный контроль; заключение под стражу; домашний арест; уголовный процесс; право на свободу и личную неприкосновенность; УПК РФ; конституционализация уголовного судопроизводства; эволюция права.*

Институт мер пресечения является одним из фундаментальных в уголовном процессе, так как затрагивает конституционные права человека на свободу и личную неприкосновенность. Эволюция порядка их избрания, в особенности тех, что связаны с изоляцией от общества, служит точным индикатором общего вектора развития

правовой системы: от репрессивной модели в сторону модели, основанной на верховенстве права и приоритете прав человека.

В контексте современной российской судебной реформы принципиальным изменением стала децентрализация дискреционных полномочий по применению наиболее строгих мер пресечения, которые были переданы из ведения следственных органов в юрисдикцию суда.

Исторически в досоветском уголовном процессе России избрание мер, сопоставимых с современными, носило ярко выраженный административный характер. Парадоксальным образом даже прогрессивные Судебные уставы 1864 г., заложившие основы либеральной правовой модели, не предусматривали обязательного судебного контроля за применением ареста. Данная прерогатива сохранялась за судебным следователем и жандармскими управлениями, что вызывало обоснованные возражения в юридической доктрине дореволюционного периода.

Советский период ознаменовался полным доминированием обвинительной и розыскной идеологии. УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг. закрепили право на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу за органами дознания и следствия, санкционируемого прокурором¹. Прокурорский надзор, формально призванный защищать законность, на практике часто был лишь «печатью одобрения» для решений карательных органов [3, с. 45]. Такой внесудебный порядок был характерен для административно-командной системы и сводил гарантии прав обвиняемого к минимуму.

Катализатором реформирования института мер пресечения выступило принятие Конституции Российской Федерации 1993 года. Ч. 2 ст. 22 Основного закона имплементировала в правовое поле принципиально новую для отечественной практики норму, установив, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются исключительно на основании судебного решения, а срок задержания до его вывода не может превышать 48 часов². Данная конституционная новелла приобрела характер программного установления, детерминировавшего необходимость кардинальной модификации всего массива уголовно-процессуального законодательства. Однако ее реализация растянулась на несколько лет

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. (утратил силу).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

в связи с необходимостью подготовки нового УПК РФ. Важную роль в этом процессе сыграл Конституционный Суд РФ, который в своих постановлениях неоднократно указывал на неконституционность прежнего порядка и обязывал законодателя привести УПК РФ в соответствие с Конституцией.

В соответствии со ст. 108 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу либо домашнего ареста избирается только по решению суда по ходатайству следствия, согласованному с прокурором.

Это ключевое изменение перевело процесс избрания меры пресечения из области административного усмотрения в область состязательного судебного производства. Принцип состязательности непосредственно имплементируется в институт мер пресечения через распределение бремени доказывания: на обвинении лежит обязанность убедительно обосновать перед судом наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Для этого сторона должна представить не предположения, а конкретные факты, свидетельствующие о реальной угрозе со стороны обвиняемого – уклонения от правосудия, продолжения преступной деятельности или противодействия ходу расследования [7, с. 112].

Ключевым элементом обоснования ходатайства об избрании строгой меры пресечения является доказательство неэффективности альтернативных ограничений. Обвинение обязано аргументировать тезис о том, что ни одна из более мягких мер не способна обеспечить требуемое поведение обвиняемого (подозреваемого) и тем самым создать условия для реализации задач уголовного процесса [8, с. 305].

Курс на усиление судебного контроля над мерами процессуального принуждения находит последовательное выражение в законодательной деятельности. Наиболее показательным примером реализации данного вектора развития уголовно-процессуального права явилось закрепление в 2010 г. ст. 107.1 УПК РФ. Данная норма исключила прокурора из числа субъектов, уполномоченных принимать решение о продлении срока домашнего ареста, передав эту прерогативу в юрисдикцию суда¹.

Помимо заключения под стражу и домашнего ареста, к мерам пресечения, санкционируемым в судебном порядке, относится также залог (ст. 106 УПК РФ). Его применение обусловлено наличи-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 1. Ст. 4.

ем судебного решения, выносимого по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства, которое может быть заявлено самим подозреваемым (обвиняемым) либо его защитником¹.

Таким образом, в настоящее время российское уголовно-процессуальное право закрепляет четыре меры пресечения, избрание которых отнесено к исключительной юрисдикции суда: заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ), залог (ст. 106 УПК РФ) и запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ)².

Несмотря на безусловный прогресс, правоприменительная практика сталкивается с рядом частых проблем:

1. Формальность судебного контроля. Нередко суды выполняют роль «штампующей инстанции», удовлетворяя до 90 % ходатайств следствия, не всегда подвергая их достаточной критической проверке [5, с. 14; 6, с. 207].

2. Сложность доказывания «невозможности избрания иной меры». Следствие часто ограничивается шаблонными формулировками, а суды не требуют конкретных и детальных доказательств по этому критерию [2, с. 72].

3. Высокая нагрузка на судей и дефицит времени для глубокого анализа материалов каждого ходатайства [6, с. 15; 9, с. 258].

Тенденции развития указывают на дальнейшую гуманизацию и дифференциацию подхода: расширение применения домашнего ареста и запрета определенных действий с использованием электронных средств контроля (ЭМБРАС) как альтернативы содержанию под стражей [1, с. 78]; поиск и внедрение новых, более мягких мер пресечения, не связанных с изоляцией; повышение активности защиты в судебных заседаниях по избранию меры пресечения, что усиливает состязательность³.

Таким образом, эволюция судебного порядка избрания мер пресечения демонстрирует последовательный переход от административной модели принятия решений к судебной-контрольной. Конституционная реформа 1993 г., закрепившая исключитель-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федер. закон от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27. Ст. 4258.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения мер пресечения в виде залога и домашнего ареста : Федер. закон от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 30. Ст. 4016.

ную прерогативу суда на санкционирование ограничения свободы (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ), получила процессуальную имплементацию в УПК РФ 2001 года.

Суд приобрел статус независимого арбитра, осуществляющего оценку законности и обоснованности ходатайств стороны обвинения на основе системы противовесов. Несмотря на сохраняющиеся проблемы правоприменительного характера, институциональное закрепление судебного контроля создало необходимые предпосылки для обеспечения состязательности и защиты прав личности.

Перспективы совершенствования института связаны с оптимизацией критериев доказывания необходимости избрания строгой меры пресечения, развитием системы процессуальных гарантий и формированием единообразной судебной практики, обеспечивающей баланс публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве [4, с. 29].

Список литературы:

1. *Абрамов Д. С., Загорьян С.Г.* Домашний арест: положительные и отрицательные черты // Уголовно-процессуальные аспекты расследования наиболее социально опасных преступлений : материалы Межвуз. конф. Ростов-на-Дону, 2016.
2. *Ахминова Ю.Ю.* Проблемы законодательного регулирования и реализации положений уголовно-процессуального законодательства в сфере избрания домашнего ареста // Мир юридической науки. 2016. № 9-10.
3. *Бозров В.М.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования: история, современность, перспективы. Екатеринбург, 2006.
4. *Гагиев А.К.* Доступность конституционного правосудия для граждан // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3.
5. *Петрухин И.Л.* Судебный контроль за мерами пресечения // Законность. 2019. № 5.
6. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н. С. Мановой. М., 2019.
7. *Рыжаков А.П.* Меры пресечения в уголовном процессе. М., 2017.
8. *Смирнов А. В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс : учеб. 8-е изд. М., 2020..
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М., 2013.

Сутормина Екатерина Леонидовна,
аспирант
Байкальского государственного университета
E-mail: Ksutormina1@gmail.com

Оказание квалифицированной юридической помощи осужденному при рассмотрении судом вопросов исполнения приговора

Аннотация

В исследуемой работе анализируются законодательные и доктринальные подходы к пониманию функции защиты в стадии исполнения приговора, а также процессуальный статус адвоката, объем его прав и гарантий их реализации при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора. Автор приходит к выводу о несогласованности между собой норм уголовно-процессуального законодательства, позиций высших судов РФ и подходов научного сообщества.

***Ключевые слова:** защита; адвокат; оказание квалифицированной юридической помощи; осужденный; исполнение приговора.*

Принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в 2001 г. законодатель нормативно закрепил принцип состязательности и равноправия сторон, а также триаду уголовно процессуальных функций. Они определены и отделены друг от друга в ст. 15 УПК РФ: обвинение, защита и разрешение уголовного дела. Однако в свете настоящего исследования можно с уверенностью сказать, что УПК РФ содержит ряд противоречий в определении природы функций защиты, круга ее участников и объема прав и гарантий их реализации.

Так, п. 46 ст. 5 УПК РФ установлен круг участников стороны защиты – это обвиняемый, его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель. Ст. 46 УПК РФ участники уголовного судопроизводства со стороны защиты дополнены подозреваемым. При буквальном толковании УПК РФ среди лиц, которым обеспечивается право на защиту, как один из принципов уголовного судопроизводства, подсудимый и осужденный не упоминаются. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право

на защиту в уголовном судопроизводстве» разъяснило, что подсудимый, осужденный, оправданный и другие субъекты обладают правом на защиту по смыслу ст. 16 УПК РФ, а также упомянул и иных лиц, права и свободы которых существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица. Таким образом, Верховный Суд РФ указал, что право на защиту гарантируется каждому, независимо от уголовно-процессуального статуса, если в отношении его прав и свобод направлена обвинительная деятельность.

Приведенная законодательная архитектура и правовая позиция Верховного Суда РФ позволяет заключить, что мажоритарная функция защиты в уголовном судопроизводстве РФ состоит в деятельности по опровержению подозрения, обвинения. Однако подозреваемый, обвиняемый, подсудимый и иные лица, а также их законные представители и защитники осуществляют защиту не только от подозрения, обвинения, осуждения и наказания, но отстаивают и другие законные права и интересы, не охватываемые подозрением и (или) обвинением. Например, В. М. Корнуков исходил из комплексного понимания защиты как активного отстаивания интересов обвиняемого, а не только пассивного отражения обвинений: «Защита от обвинения тоже есть отстаивание обвиняемым своих интересов, потому что суть всякой защиты, в том числе осуществляемой обвиняемым, не только и не столько в отражении, нейтрализации нависшей угрозы. Это лишь один аспект защиты. Всякая защита, представляя собой отражение, опровержение угрозы (обвинения), в итоге всегда означает отстаивание, охрану интересов, непосредственно подвергающихся угрозе [5, с. 178]». Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» придерживается схожей точки зрения: «Обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях» (п. 1), а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. (в ред. от 25 июня 2024 г.) № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»: «Право на судебную защиту не содержит каких-либо изъятий или ограничений в стадии исполнения приговора» (абзац 2 п. 2). Однако некоторые исследователи связывают реализацию функции защиты непосредственно с защитой от обвинения. В. Д. Адаменко указывал: «В стадии исполнения приговора, хотя и есть, кого защищать, защи-

та сама по себе бессмысленна, ибо обвинения тут нет и защищать осужденного не от чего. Участие защитника обвиняемого в этой части желательно для осуществления функции представительства осужденного в целях наиболее полной реализации интересов и прав и охраны их возможного нарушения со стороны органов» [1, с. 49]. Аналогичного подхода придерживаются В. В. Николюк и С. С. Безруков: «Представляется более логичным утверждение об отсутствии в стадии исполнения приговора обвинения (уголовного преследования) и, следовательно, защиты. Несомненно, закон не запрещает адвокату участвовать и при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, однако в данном случае, как нам кажется, он будет выполнять функцию не защиты, а оказания квалифицированной юридической помощи» [7, с. 3–12]. Б. Т. Безлепкин тоже видит роль адвоката в стадии исполнения приговора в качестве представителя, так как функция защиты здесь уже не осуществляется, поскольку не осуществляется и функция обвинения [2, с. 285].

Традиционное понимание защиты, как исключительно противодействия обвинению, искусственно сужает сферу защиты прав и законных интересов, которые не связаны напрямую с подозрением и (или) обвинением. Безусловно, оказание квалифицированной юридической помощи в стадии исполнения приговора обладает своей спецификой. Основной акцент приходится на охрану законных интересов от потенциальных угроз и создание условий, исключающих возможность их нарушения. Тогда как на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства защита направлена преимущественно на восстановление нарушенных прав.

Уголовно-процессуальный закон регламентирует вопросы, разрешаемые судом в стадии исполнения приговора. Кроме вопросов, указанных в главе 47 УПК РФ, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (в ред. от 25 июня 2024 г.) суды вправе в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, разрешать вопросы, которые не затрагивают существо приговора и не влекут за собой ухудшение положения осужденного, например о применении акта об амнистии, если применение его является обязательным и суд при постановлении приговора не входил в обсуждение этого вопроса; об отмене меры пресечения в случаях, когда при оправдании подсудимого или осуждении его с освобождением от наказания в приговоре суда не содержится указание об отмене меры пресечения; о зачете времени содержания под стражей в срок отбывания наказания; вещественных доказательствах, если эти вопросы не решены судом в приговоре. Большинство

из приведенных вопросов должны быть решены при постановлении приговора. Тем не менее встречаются ситуации, когда суд не учитывает их в резолютивной части. Законодатель учел такую возможность и предоставил механизм для урегулирования этих вопросов в рамках исполнения приговора.

Уголовно-процессуальная доктрина не пришла к единству мнений относительно правовой природы вопросов, разрешаемых судом при исполнении приговора. И.Д. Перлов отмечал, что в стадии исполнения приговора могут быть исправлены некоторые ошибки приговоров, которые касаются порядка и сроков фактического исполнения наказания [8, с. 28]. В.Н. Бибило придерживается концепции, что в стадии исполнения приговора суд компетентен рассматривать лишь те вопросы, которые не затрагивают существа приговора [3, с. 17]. Данная позиция приближена к мнению Р.Х. Якупова, который указывал, что корректировки исполняемых предписаний приговоров допускаются только если они не меняют выводов суда о доказанности установленных обстоятельств, виновности лица и определенного судом характера наказания [11, с. 118]. В юридической литературе сформирован ряд классификации вопросов, разрешаемых судом при исполнении приговора [4, с. 24–27; 10, с. 125–129].

Задача адвоката в стадии исполнения приговора, независимо от функции, которую он выполняет (защита или оказание квалифицированной юридической помощи) – это обеспечение прав и законных интересов осужденного. В любом случае есть позиция участников стадии исполнения приговора, например администрации исправительного учреждения, прокурора и (или) потерпевшего, она может даже не противоречить позиции самого осужденного, но роль адвоката неизменна – защита прав, свобод и интересов, а также обеспечение доступа к правосудию (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Положение адвоката в стадии исполнения приговора регламентируется исключительно ч. 4 ст. 399 УПК РФ: «Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката». В свою очередь, абзац 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. (в ред. от 25 июня 2024 г.) № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» устанавливает, что право на судебную защиту не содержит каких-либо изъятий или ограничений в стадии исполнения приговора. Буквальное толкование и юридический анализ позволяют заключить, что существуют те права адвоката и гарантии их реализации, которые предоставлены зако-

ном и они производны от объема прав и гарантий осужденного, и те, которые подразумеваются ст. 49 УПК РФ и Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Не регламентирован УПК РФ также вопрос обязательного участия адвоката в стадии исполнения приговора. В юридической литературе высказывались идеи о законодательном закреплении обязательного участия адвоката в стадии исполнения приговора [6, с. 48–54]. Данное предложение обладает практической необходимостью. Например, нередки случаи, когда осужденный отбывает наказание в местах лишения свободы в регионе РФ, где у него не проживают близкие родственники или другие доверенные ему лица. В связи с чем возникают ситуации, когда, во-первых, сам осужденный не в состоянии заключить соглашение об оказании квалифицированной юридической помощи, находясь на территории исправительного учреждения, во-вторых, в регионе РФ отбытия наказания не проживают лица, которые могли бы заключить такое соглашение. А по смыслу ст. 51 УПК РФ обязательного участия адвоката (защитника) на данной стадии не предусмотрено. УПК РФ не обязывает суд обеспечивать участие защитника при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Возникает правовой парадокс, когда право на квалифицированную юридическую помощь законом предоставлено, но не обеспечено.

Использование термина «адвокат» в ст. 399 УПК РФ обладает собственной логикой. Вопрос о виновности лица решен вступившим в законную силу приговором суда. Защита, в традиционном ее понимании, от обвинения отсутствует. И действительно, УПК РФ не запрещает адвокату участвовать в стадии исполнения приговора для оказания квалифицированной юридической помощи. Однако на сегодняшний день между нормами УПК РФ, правовыми позициями Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ [9] и мнениями исследователей уголовно-процессуального законодательства присутствует несогласованность регламентации правового статуса субъекта, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, объема его прав и процессуальных инструментов для защиты прав и законных интересов. В конечном итоге сформировавшееся правовое двоемирие влияет на качество оказываемой юридической помощи. Так как любая правовая лакуна позволяет правоприменителю принимать решения, руководствуясь больше не законом, а внутренними убеждениями.

Список литературы:

1. *Адаменко В.Д.* Сущность и предмет защиты обвиняемого. Томск, 1983.
2. *Безлепкин Б.Т.* Уголовный процесс России. М., 2003. 478 с.
3. *Бибило В.Н.* Компетенция суда в стадии исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1979.
4. *Даровских С.М.* Механизм реализации принципа самостоятельности в стадии исполнения приговора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 6. Вып. 17.
5. *Корнуков В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987.
6. *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : моногр. Иркутск, 1989.
7. *Николюк В. В., Безруков С.С.* Развитие отечественной доктрины о принципах уголовного процесса в период действия УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49).
8. *Перлов И.Д.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М., 1963.
9. По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 декабря 2003 г. № 20-П // Рос. газ. 2004. № 2.
10. *Тябина Ю.А.* Теоретико-правовые аспекты классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора // Человек: преступление и наказание. 2015. № 2.
11. *Якупов Р.Х.* Уголовный процесс : учеб. М., 2004.

Сухоруков Пётр Петрович,
слушатель,
Академия управления МВД России
e-mail: genialog@bk.ru

Организационное обеспечение в системе МВД России расследования преступлений, совершенных с использованием информационно- телекоммуникационных технологий

Аннотация

Органам, выполняющим функцию расследования, необходимо своевременно и адекватно противодействовать активно развивающейся преступности, которая незамедлительно применяет в противоправной деятельности все новшества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. В этих условиях одной из важнейших задач, решаемых субъектами управления органами предварительного расследования, становится обеспечение упорядоченности и согласованности функциональной и организационной структур указанных органов и соответствие их оперативной обстановке, складывающейся на обслуживаемой территории.

Особенностью организационного обеспечения в системе МВД России расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и выбора его форм, способов является сложность реализации отдельных из них и их эффективного сочетания в связи со спецификой данного вида преступности, наличием определенных требований к компетенции сотрудников, их морально-деловым качествам, ростом некомплекта личного состава органов внутренних дел Российской Федерации.

***Ключевые слова:** расследование; организация; организационное обеспечение; информационно-телекоммуникационные технологии; киберпреступность.*

Перечень преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеет нормативное закрепление. Так, Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11, МВД Российской Федерации № 2 от 25 июня 2024 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» содержит Перечень № 25, в котором приведены статьи Уголовного кодекса Российской Федерации,

предусматривающие преступления, совершенные с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Приведенные в указанном перечне статьи целесообразно классифицировать в соответствии с общественными отношениями, на которые они посягают, аналогично делению на главы Уголовного кодекса Российской Федерации. Таким образом, предполагается деление преступлений на следующие категории: 1) против жизни и здоровья; 2) против свободы, чести и достоинства личности; 3) против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 4) против конституционных прав и свобод человека и гражданина; 5) против семьи и несовершеннолетних; 6) против собственности; 7) в сфере экономической деятельности; 8) против общественной безопасности; 9) против здоровья населения и общественной нравственности; 10) экологические; 11) в сфере компьютерной информации; 12) против основ конституционного строя и безопасности государства; 13) против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; 14) против правосудия; 15) против порядка управления; 16) против мира и безопасности человечества.

Анализ сведений ФКУ «ГИАЦ» МВД России о состоянии преступности в России за период с января 2019 г. по август 2025 г. свидетельствует о росте доли преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, к общему количеству преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации: в 2024 г. их доля составила 40 %. Раскрываемость данного вида преступлений за указанный период находится в диапазоне 18,6–27,3 %, т. е. ежегодно остаются нераскрытыми порядка 75 % преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что свидетельствует о недостаточности принимаемых мер по противодействию данному виду преступности.

Законодателем в целях защиты общественных интересов от преступных посягательств, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, издан Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Кроме того, в обозначенных целях Банком России издан Приказ от 7 августа 2025 г. № ОД-1765 «Об установлении признаков выдачи наличных денежных средств без добровольного согласия клиента с использованием банкоматов».

На международном уровне также озабочены проблемами борьбы с высокотехнологичной преступностью, поскольку лица, совершающие IT-преступления, не считаются в своей противоправной деятельности с границами государств и наносят вред не только физическим лицам и организациям, но и государству. Эта проблема не могла остаться незамеченной, и 24 декабря 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН консенсусом одобрила разработанную по инициативе России Конвенцию против киберпреступности (полное название – «Конвенция против киберпреступности; Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям»). Принятый документ – итог пятилетней кропотливой работы государств – членов ООН. Он стал первым в истории универсальным международным договором в области информационной безопасности, подтвердил востребованность новых норм международного права для справедливого регулирования цифровой сферы в интересах всего мирового сообщества¹. Церемония подписания Конвенции запланирована на октябрь 2025 г. в Ханое (Вьетнам). Конвенция вступает в силу на девяностый день после даты сдачи на хранение сороковой ратификационной грамоты или документа о принятии, утверждении или присоединении (ч. 1 ст. 65 Конвенции), т. е. документ должны подписать и ратифицировать не менее 40 государств.

В то же время появление вышеуказанных нормативных актов, само по себе, не окажет существенного положительного влияния на сложившуюся ситуацию, поскольку массовое использование различных средств обработки огромных объемов информации, внедрение и доступность портативных средств коммуникации, развитие дистанционных способов доступа к различным материальным и нематериальным благам не могли остаться без внимания преступников и их организаций. На этой технологической основе в указанной сфере произошли существенные качественные изменения – от единичных случаев противоправного использования программно-аппаратных средств до не знающей государственных границ киберпреступности [1, с. 34].

Указанное находит свое подтверждение в специфике преступлений, участвовавших с началом специальной военной операции

¹ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989289/ (дата обращения: 20.10.2025).

24 февраля 2022 г.: в правоохранительные органы и иные госучреждения, в том числе образовательные, систематически стали поступать телефонные звонки и электронные сообщения о якобы заложенных в здании взрывных устройствах, которые в действительности отсутствовали, т. е. неустановленные лица в целях дестабилизации деятельности органов власти совершали преступные деяния, предусмотренные ст. 207 уголовного кодекса Российской Федерации – заведомо ложные сообщения об акте терроризма. Количество указанных преступлений продолжало нарастать вплоть до 6 августа 2024 г., когда незаконными вооруженными формированиями Украины было совершено нападение на территорию Курской области, в результате чего решением Национального антитеррористического комитета, в соответствии со ст. 11 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в Курской, Белгородской и Брянской областях с 9 августа 2024 г. введен режим КТО (контртеррористической операции). В зону эвакуации и отселения по решению оперштаба попали восемь районов Курской области общей численностью населения 152 566 человек. Люди размещены в пунктах временного размещения и у родственников. Всего развернуто 524 лагеря временного размещения вместимостью 64 тыс. человек, из них 20 тыс. развернуто Москвой, 25 тыс. – в других регионах [8]. В связи с этими обстоятельствами регистрация сообщений об IT-преступлениях на территории данных районов стала практически нулевой. Так же эвакуированы находившиеся на территории районов органы власти, образовательные, медицинские и другие учреждения, в том числе правоохранительные органы. В связи с чем стало невозможным производство ряда следственных действий, поскольку, согласно ч. 4 ст. 164 УПК РФ, при производстве следственных действий недопустимо создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц.

Кроме того, имеют место следующие преступления. 28 декабря 2024 г. в Курске 70-летняя женщина, используя легковоспламеняющуюся жидкость, подожгла входную дверь в помещение многофункционального центра, а свои действия снимала на телефон. Работники организации сразу увидели происходящее и за считанные минуты локализовали возгорание. Поблизости оказались сотрудники полиции, которым очевидцы указали на женщину, совершившую поджог. В ходе допроса она пояснила, что пойти на преступление пенсионерке указали якобы сотрудники правоохранительного ведомства, с которыми она общалась по телефону. По их версии, в МФЦ находились преступники, пытавшиеся оформить на нее кредит и украсть больше миллиона рублей. При этом ранее женщину

убедили обналичить кредитную карту на сумму почти 200 тыс. рублей. Эти деньги отправить мошенникам она не успела. По телефону преступники уверяли, что после того как женщина совершит поджог, на вертолете прилетит спецназ, высадится и задержит злоумышленников, заблокированных в МФЦ. Отказ пенсионерки от сотрудничества с лжесотрудником ФСБ ей пригрозили рассмотреть как соучастие в преступлении. Женщина, не проявив критического мышления, беспрекословно выполнила все указания. Только после нескольких часов следственных действий в отделе полиции пенсионерка осознала, что действовала по указанию мошенников и поняла, что ее действия создали угрозу жизни многих людей. Таким образом, из роли потерпевшей она стала подозреваемой в совершении тяжкого преступления, поскольку следственным подразделением УМВД России по г. Курску в отношении нее возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ [7].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что противоправные действия лиц, совершающих IT-преступления, направлены на дестабилизацию деятельности органов власти нашего государства и свидетельствуют о своем международном (межгосударственном) характере. При таких обстоятельствах действия указанных лиц, совершающих хищения и переводы денежных средств на банковские счета кредитных учреждений Украины и поддерживающих ее государств, требуют правовой оценки в соответствии с ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, поскольку согласно п. 16 постановления Пленума Верховного РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных

преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц).

Кроме того, анализ сведений об особенностях совершения IT-преступлений категории против собственности указывает на то, что основная их часть остается нераскрытыми, а процент раскрываемости повышается за счет так называемых очевидных преступлений. Рассмотрим несколько примеров.

В апреле 2024 г. 29-летний житель Рыльского района в ходе совместного приобретения и распития спиртных напитков узнал от своего знакомого информацию, необходимую для совершения транзакций с банковской карты последнего. Получив доступ к мобильному телефону потерпевшего, через мобильное приложение банка похитил принадлежащие знакомому денежные средства с его банковского счета путем их перевода через систему быстрых платежей по абонентскому номеру на счет банковской карты другого знакомого, не осведомленного о преступных действиях фигуранта, и в последующем получил от него обналиченные похищенные денежные средства¹.

Также в апреле 2024 г. 25-летняя жительница Кореневского района, используя информацию, необходимую для совершения транзакций с банковской карты знакомого, банковское мобильное приложение, установленное в памяти его мобильного телефона, добровольного переданного ей потерпевшим, под видом одобренной ей операции перевела большую сумму денежных средств на счет банковской карты, к которой у нее имелся доступ, тем самым похитила их.

Приведенные примеры являются наиболее распространенными случаями раскрытия преступных посягательств на имущество лиц, где жертвы знакомы преступникам, соответственно установление причастности последних к совершению преступления не требует сложных оперативно-следственных комбинаций, в то время как квалифицированные преступления, так и остаются нераскрытыми.

В целях раскрытия данных преступлений и привлечения к ответственности лиц, их совершивших, необходим анализ большого объема информации о транзакциях, телефонных соединениях, требуются знания о специфике работы информационно-телекоммуникационных систем для понимания происходящих процессов и прогноза возможности получения информации, способствующей

¹ Архив обвинительных заключений СУ Отд МВД России по Кореневскому району.

установлению виновных лиц и привлечению их к ответственности. Оперативность реагирования на сообщения об IT-преступлениях прямо влияет на возможность возврата похищенных денежных средств, поскольку для их легализации злоумышленники используют цепочки из нескольких электронных средств платежа различных кредитных организаций и дробят первоначальные суммы на меньшие. Такие манипуляции позволяют преступникам обеспечить себе достаточное количество времени для вывода похищенных денежных средств в связи с длительностью получения правоохранными органами сведений об этих транзакциях.

Данные обстоятельства диктуют определенные требования к морально-деловым и профессиональным качествам сотрудников правоохранных органов, занимающихся сбором материалов проверки сообщений об IT-преступлениях и последующим расследованием соответствующих уголовных дел, что напрямую связано с организационным обеспечением их расследования [3–6].

Организационное обеспечение расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – это осуществляемое на основе облаченного в правовую форму управленческого решения создание новых или преобразование уже существующих временных или постоянных организационно-штатных подразделений следственных органов или определение в них категорий должностных лиц, уполномоченных на постоянной или временной основе производить в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации предварительное следствие по уголовным делам о запрещенных под угрозой наказания общественно опасных деяниях, совершенных с использованием возможностей, предоставляемых программно-аппаратными комплексами различного назначения, информационными технологиями и коммуникациями, и выполнять иные возложенные на них функции, непосредственно связанные с предварительным следствием [2].

Применяются 3 основных способа организационного обеспечения:

1) установление специализации следователей на расследовании IT-преступлений;

2) образование в составе следственного органа подразделений, занимающихся исключительно расследованием уголовных дел об IT-преступлениях;

3) создание временных или постоянных следственных или следственно-оперативных групп, объединяющих усилия должностных лиц, выполняющих взаимодополняющие функции.

Первый способ не эффективен, в связи с тем, что зачастую данная специализация является лишь формальной из-за малой численности следственного подразделения и необходимости расследования уголовных дел о различных преступлениях. Второй способ также недостаточно эффективен, в том числе по ранее указанным причинам; еще одним недостатком является ограничение исключительно следственным подразделением, в то время как эффективное противодействие киберпреступности возможно лишь при комплексном подходе и привлечении должностных лиц, выполняющих различные правоохранительные функции (предварительное следствие, дознание, оперативно-розыскная или экспертно-криминалистическая деятельность). В связи с этим целесообразно применение третьего способа организационного обеспечения – создание следственно-оперативных групп, но именно постоянно действующих. Учитывая особенности совершения IT-преступлений, растущий некомплект сотрудников ОВД и наличие вышеуказанных требований к ним, одним из способов перераспределения нагрузки, повышения компетенции сотрудником и эффективности расследования данных преступлений видится создание постоянно действующих межрайонных или межмуниципальных следственно-оперативных групп (далее – МСОГ), состоящих из сотрудников, специализирующихся на раскрытии и расследовании данной категории преступлений. Задачами МСОГ будут являться: первоначальный сбор материалов проверки сообщений об IT-преступлениях, раскрытие преступлений, в том числе прошлых лет и «по горячим следам», оперативное сопровождение и непосредственно расследование уголовных дел, а также реализация оперативных материалов. Создание МСОГ предполагается без образования штатного структурного подразделения за счет штатной численности органов, территорию которых обслуживает МСОГ, что позволит перераспределить нагрузку, обусловленную ростом IT-преступлений, исключить формальную специализацию сотрудников, повысить оперативность реагирования на сообщения о данном виде преступлений, качество сбора первоначальных материалов, формирование доказательственной базы и эффективность последующего расследования уголовных дел. Применение данного способа в настоящий момент требует проработки вопросов реализации положений ст. 39 УПК РФ и отсылающих к ней, в части необходимости включения в состав МСОГ руководителя следственного органа и его полномочий по отношению к сотрудникам следственного подразделения иного территориального органа, вклю-

ченного в состав МСОГ. Также требует проработки реализация положений статей 40.2 и 37 УПК РФ об аналогичных полномочиях начальника органа дознания и прокурора соответственно.

Список литературы:

1. *Валов С.В.* Организация деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений : курс лекций. М., 2014.
2. *Валов С. В.* Организационное обеспечение расследования уголовных дел о киберпреступлениях // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности : сб. статей. Минск, 2020.
3. *Валов С. В.* О содержании понятия «Организация расследования преступлений» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10.
4. *Гаврилин Ю. В., Гаспарян Г.З.* Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий : учеб. пособие. М., 2021.
5. *Гаврилин Ю. В., Парадников А.Г.* Совершенствование выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных с использованием информационных банковских технологий (по итогам всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. № 2 (54). 2020.
6. *Садиокова У.В.* Организационное обеспечение в системе МВД России расследования отдельных видов преступлений подразделениями дознания // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62).
7. Сайт УМВД России по Курской области. URL: <https://46.mvd.rf/news/item/59305763> (дата обращения: 12.10.2020).
8. Сайт irk.ru. URL: <https://www.irk.ru/news/20240823/evacuation/> (дата обращения: 12.10.2020).

Топчиев Александр Александрович,
*адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: totopus@mail.ru*

Содержание понятия отвода в уголовном судопроизводстве России

Аннотация

Проблемы злоупотребления правом на заявление отвода, усеченная и субъективная трактовка положений, регулирующих отвод, вызваны не только недостаточной нормативной урегулированностью данных уголовно-процессуальных правоотношений, но и различным пониманием сущности отвода. В настоящей статье рассматривается авторское видение содержания понятия отвода в уголовном судопроизводстве России в целях формирования единообразного понимания сущности данного явления. Особое внимание уделено в статье объективности, беспристрастности, незаинтересованности, независимости как основополагающим критериям при разрешении вопроса об отводе того или иного участника уголовного процесса. Отстаивается позиция, согласно которой единственным поводом возникновения правоотношений, связанных с отводом, может служить необъективность участника уголовного судопроизводства, которая может выражаться в различных формах: пристрастности, некомпетентности, заинтересованности и т. д.

Ключевые слова: *отвод; заинтересованность; объективность; беспристрастность; процессуальная правосубъектность.*

Формулирование наиболее точного, полного и юридически грамотного определения отвода в уголовном процессе России имеет первостепенное значение, поскольку это позволяет сформировать единообразное понимание сущности рассматриваемых нами правоотношений. В уголовно-процессуальном праве, как отмечает А. В. Агутин, теоретические понятия используются «для управления уголовно-процессуальными процессами и явлениями непосредственно при принятии (непринятии) решений в уголовном судопроизводстве и осуществлении (неосуществлении) процессуальных действий» [1, с. 32–33], ввиду этого единообразное толкование терминов, в нашем случае – отвода, на практике позволяет

наиболее грамотно применять правовые положения, регламентирующие отвод: не допускать злоупотребления правом и в то же время не трактовать нормы права усеченно и субъективно.

Анализируя труды ученых, которые посвятили свои научные исследования отводу как правовому явлению, можно выявить ряд схожих точек зрения. Так, Х. А. Мамедова при раскрытии содержания отвода оперирует понятиями объективности и беспристрастности, рассматривая их как цель, которая достигается путем устранения определенных субъектов уголовного процесса при наличии определенных оснований [7]. А. С. Таран, в свою очередь, дискутирует с позицией вышеназванного автора, указывая, что данные понятия при разрешении отвода являются ключевыми только при отстранении властных субъектов, однако при отводе экспертов и специалистов на основании их некомпетентности объективность и беспристрастность указанных лиц по отношению к конкретному делу не имеет [8, с. 120–124]. Мы не согласны с позицией данного автора, поскольку требования объективности и беспристрастности деятельности экспертов и специалистов служат гарантией надлежащего участия указанных субъектов в уголовном судопроизводстве. Другие ученые также при раскрытии сущности отвода оперируют понятиями объективности и беспристрастности: С. С. Ампов, в частности, выделяет возможную и реальную необъективность и (или) пристрастность [2].

Проанализировав различные позиции авторов к понятию отвода, можно с полной уверенностью сказать, что раскрытие сущности данного правового явления невозможно без уяснения понятий объективности, беспристрастности, независимости, незаинтересованности и их взаимосвязи. В науке уголовного процесса посвящены отдельные труды данным терминам и их роли в уголовном судопроизводстве России. Н. М. Гасанова, рассматривая беспристрастность, объективность и справедливость как стандарты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, приходит к выводу, что применительно к праву объективность предполагает необходимость установления содержания правовых явлений исключительно на основе юридических фактов, относимость и достоверность которых не вызывает у лица, оценивающего правовое событие или явление, сомнений. По ее мнению, в уголовном судопроизводстве объективность проявляется в отсутствии субъективизма в исследовании и оценке всех обстоятельств уголовного дела, входящих в предмет доказывания [4, с. 21]. Мы разделяем ее подход к определению объективности, однако считаем, что стоит трактовать данный термин более широко и не ограничивать его применение лишь

при деятельности в рамках доказывания. Круг субъектов, на которые должно распространяться требование объективности более обширен, чем круг субъектов, осуществляющих сбор и оценку доказательств, например на экспертов, специалистов.

Другие ученые раскрывают содержание объективности через беспристрастность [6, с. 75–76], аналогичную позицию занимал и великий ученый Р.С. Белкин, который отмечал, что «объективность предполагает беспристрастность эксперта, его полную незаинтересованность в исходе дела» [3, с. 625]. Другую точку зрения отстаивает В.Г. Задерако, отмечая, что объективность и беспристрастность «неразделимы и равноценны», т. е. он отождествляет данные термины [5]. Также существуют позиции, согласно которым категорию «объективность» возможно определить через понятие «непредвзятость», которая в свою очередь означает отсутствие у профессионального участника уголовного судопроизводства установки на одностороннее исследование обстоятельств дела [9, с. 40; 10, с. 276].

Понятие «заинтересованность» также выступает ключевым при исследовании целого комплекса проблем уголовного судопроизводства. Особое значение разработка данного понятия приобретает в контексте изучения закономерностей уголовно-процессуальных правоотношений, связанных с отводом отдельных участников процесса. Отличительным признаком заинтересованности в уголовном процессе от других отраслей права является отсутствие материальной или иной выгоды. В противном случае характер и соответствующая квалификация заинтересованности будут рассматриваться в плоскости иных правоотношений – уголовных или антикоррупционных.

По нашему мнению, рассматриваемые нами термины взаимосвязаны, но не равнозначны. Объективность – это более широкое понятие, необъективность может быть порождена не только проявлением пристрастия, но и другими факторами, например, некомпетентностью, предвзятостью, зависимостью и др. Требования объективности, предъявляемые к субъектам уголовного процесса, соблюдаются, по нашему мнению, только в том случае, когда субъект соответствует критериям: беспристрастности – т. е. не обусловленный личной склонностью; компетентности – обладающий достаточными знаниями для надлежащего суждения о чем-либо; непредвзятости – способности оценивать обстоятельства без влияния стереотипов, мнений и эмоций; и независимости – способности принимать решения исключительно самостоятельно, без влияния иных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Нарушение одного из данных критериев позволяет говорить о том, что субъект не соответствует требованиям объективности, что, в свою очередь, может служить

поводом для заявления в отношении него отвода, для соблюдения прав других участников уголовного судопроизводства.

Подводя итог, стоит отметить, что процедура установления и оценки сведений, свидетельствующих о необъективности отстраняемого субъекта, по нашему мнению, представляет собой с точки зрения логической операции процедуру доказывания, что обуславливает необходимость наличия системы аргументов, на основании которых возможно вынести обоснованное решение. В связи с этим рассмотрение понятия объективности как ключевого в системе правоотношений, связанных с отводом, обуславливает дальнейшую научную разработку данного явления в целях разработки эффективной процедуры оценки степени негативного влияния отстраняемого субъекта на производство по уголовному делу.

Список литературы:

1. *Агутин А.В.* Основные положения уголовно-процессуального законодательства: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2020.
2. *Ампенов С.С.* Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010.
3. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. М., 2001. 837 с.
4. *Гасанова У.Н.* Беспристрастность, объективность и справедливость как стандарты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
5. *Задерако В.Г.* Институт отводов в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1978.
6. *Корнакова С.В.* Об установлении истины в уголовном судопроизводстве России в свете принципа состязательности уголовного процесса. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1.
7. *Мамедова Х.А.* Институт отводов в советском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984.
8. *Таран А.С.* Отвод как правовой институт // Вестник СамГУ. 2014. № 11-2 (122).
9. *Федорин В.Е.* Объективность и беспристрастность профессиональных участников уголовного судопроизводства: монография. М., 2016.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М., 2013.

Тучков Ярослав Владимирович,
*адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: yaroslav.tuchkov@mail.ru*

К вопросу о расследовании преступлений, совершаемых с использованием технологий подмены личности

Аннотация

Стремительная цифровизация общественных отношений повлекла за собой становление новых видов противоправных деяний, в частности, основанных на технологиях подмены личности. В данной статье автором предпринята попытка определить некоторые направления развития следственной и экспертной практики, которая необходима в части осуществления эффективного противодействия данной угрозе.

***Ключевые слова:** преступление; расследование; судебная экспертиза; следственное действие; искусственный интеллект; дипфейк.*

За последние несколько десятилетий человечество совершило колоссальное количество открытий в области информационных технологий, которые полностью перевернули его жизнь. Но любое новшество перед тем, как стать мейнстримом, простыми словами «модой» или «трендом» проходило определенный и достаточно длительный путь перед его массовым внедрением, например, радио и телевидению для этого потребовалось около 30 лет, интернету 24 года, смартфонам 16 лет, а технологиям искусственного интеллекта, в частности его генеративным моделям (chatGPT, gigaChat и др.), меньше 5 лет, что, конечно же, вызывает неоднозначное восприятие данного явления.

Действительно, технологии искусственного интеллекта стремительно заполняют собой самые разные сферы человеческой деятельности. К примеру, в медицине искусственный интеллект используется для 3D-моделирования и планирования операций, что позволяет хирургам заранее спланировать ее, предвидеть возможные трудности и снизить риски осложнений [1]; в Китае он нашел свое применение в деятельности судей, которые обязаны консультироваться с системой «умных судов», использующей методы искусственного

интеллекта, перед вынесением решения по какому-либо делу [13]; отмечается возможность использования данной технологии при выявлении, раскрытии и расследовании серийных преступлений [4, с. 141] и ряд иных примеров.

Тем не менее, как и любая технология, искусственный интеллект, оказавшись в руках представителей криминального мира, может применяться в целях совершения таких видов преступлений, как кражи, вымогательства, мошенничества посредством использования технологий подмены личности потерпевшего или иного лица.

Последнее получило название «дипфейк», под которым понимается технология, основанная на искусственном интеллекте, позволяющая редактировать видео, фотографии, голос, создавая на их основе ложные копии реальных кадров [2]. Важно подчеркнуть, что интерес научного сообщества [3; 5; 6] к феномену «дипфейк» прослеживается достаточно отчетливо, что представляется весьма верным в силу неочевидности вызовов, которые он создают для правовой системы.

Так, сегодня уже имеется несколько случаев использования дипфейков в совершении противоправных деяний. Например, в Нижнем Новгороде бухгалтеру фирмы позвонило лицо под видом директора – голос был максимально похож, а также скопирована интонация. Последний попросил взять наличные из сейфа и отправить их ему курьером. Потерпевшая выполнила указание, после чего поняла, что стала жертвой мошенничества, но подозреваемый уже скрылся [11].

Наряду с этим в августе 2024 г. в сети Интернет стал активно распространяться дипфейк с участием губернатора Курской области А.Б. Смирнова, где он призывает всех мужчин данного субъекта явиться в военкомат для получения оружия. Указанный дипфейк был сгенерирован за счет официального видео, где губернатор заявляет о ситуации на границе субъекта Российской Федерации и призывает не поддаваться различного рода провокациям [8], и множество других примеров подобного рода.

Указанная проблема достаточно быстро обратила на себя внимание, в связи с чем осенью 2024 г. был разработан законопроект, направленный на внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. Согласно законопроекту предлагается дополнить ряд статей УК РФ квалифицирующим признаком – совершение преступления с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) и (или) биометрических данных гражданина [7]. Однако он не был поддержан Советом при Президенте РФ в связи с неясностью определения некоторых терминов, что может привести к правовой неопределенности данного законопроекта.

При этом пояснительная записка к нему не содержит в себе статистических данных о количестве и масштабах преступлений, совершаемых с использованием дипфейка, что сегодня не позволяет сделать конкретный вывод о характере и степени общественной опасности такого деяния. Тем не менее стоит поддержать авторов законопроекта, поскольку они предлагают конкретные дополнения в действующий УК РФ с целью противодействия таким деяниям и осуществления законодательного контроля над технологией подмены личности, которая способна стать мощным инструментом в руках преступников. Аналогичное ранее уже наблюдалось, например, с дополнением ряда статей УК РФ (228.1, 242, 242.1) квалифицирующим признаком с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Вместе с тем, помимо уголовно-правовых, необходимо выделить и несколько уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов данной проблемы. Так, появление преступлений, совершаемых с использованием изображения или голоса гражданина, в первую очередь, требует от следователя, дознавателя установления подлинности такого медиаконтента (являются ли они оригиналом или дипфейком), способы и методы которого на сегодняшний день находятся на стадии разработки и входят в круг изучения ученых-криминалистов.

Так, Я.А. Климова перспективным считает создание специальных программ, позволяющих автоматизировать выявление дипфейков, которые следует внедрять в экспертную деятельность. При этом она отмечает, что сегодня специалисты фактически выявляют их «вручную», и полагает, что следователю, дознавателю целесообразно назначать компьютерную, видеотехническую и фоносокопическую экспертизы с целью выявления дипфейка [10, с. 33–34].

По мнению А.Г. Исаковой и А.В. Осина, для установления достоверности и целостности медиаконтента, обработанного с помощью технологии «дипфейк», недостаточно органов чувств человека. В связи с чем следователю, дознавателю или эксперту так или иначе необходимы вспомогательные технические программно-аппаратные средства, в том числе искусственный интеллект, для определения наличия погрешностей и внесенных изменений в медиаконтент. Так, алгоритмы и программные решения искусственного интеллекта могут искать признаки дипфейка (артефакты сжатия, неестественные движения или аномалии в данных) и осуществлять оценку метаданных файла (даты, географическое положение и др.), что в результате должно помочь в определении подлинности видео, изображения или голоса [9, с. 237–238].

Следует согласиться с данными авторами, так как дипфейк – это результат действий искусственного интеллекта, а значит, более точно

его может распознать только он. Следовательно, органы, осуществляющие предварительное расследование и производство судебных экспертиз, должны быть оснащены самыми передовыми технологиями, в частности основанными на искусственном интеллекте, которые позволят должностным лицам данных органов за несколько простых процедур определять дипфейк перед ними или реальное видео, изображение или голос.

При этом важно отметить два варианта развития событий:

– в случае использования такой технологии экспертами полученные результаты целесообразно будет сопоставлять с традиционными способами и методами исследования видео, изображений или голоса и только после этого вносить их в заключение, которое в дальнейшем будет предоставляться следователю или дознавателю и допускаться в качестве доказательства по уголовному делу в соответствии со ст. 74 УПК РФ;

– в случае возможности использования данной технологии следователем или дознавателем самостоятельно, автор статьи предполагает, что в силу отсутствия у таковых специальных знаний потребуются создание нового следственного действия и дополнение УПК РФ ст. 1811 «Порядок осмотра видео, изображения и голоса путем использования технологии искусственного интеллекта» и установление его процессуальной формы. Важным моментом здесь является и то, к какому виду доказательств следует относить результаты деятельности искусственного интеллекта. То ли к стандартному протоколу следственного действия или же выделение нового вида доказательств – сведения, полученные по результатам использования технологии искусственного интеллекта.

Представляется, что на сегодняшний день как использование экспертами современных программно-аппаратных средств, так и их самостоятельное использование следователями, дознавателями является труднодостижимым в силу различного рода факторов – консерватизм уголовно-правовой системы в целом, отсутствие должного финансового и материально-технического обеспечения, недостаточная изученность технологий, наделенных искусственным интеллектом, и др. В связи с чем наиболее целесообразным сегодня и в ближайшем будущем видится проведение компьютерных, видеотехнических и фоноскопических экспертиз с целью выявления признаков дипфейка.

Наряду с этим автору настоящей публикации представляется целесообразным в контексте развития способов и методов установления признаков дипфейка в ходе расследования преступления привести результаты исследования, проведенного А. Оволаби в Великобритании (рис. 1). Он предполагает, что подделки, созданные искусственным

интеллектом, можно обнаружить, анализируя человеческие глаза так же, как астрономы изучают фотографии галактик. Сущность данного метода заключается в том, что лицо, осматривающее искусственно созданное изображение, изучает глазные яблоки человека, и если отражения в них совпадают, то, вероятно, это изображение настоящего человека, если же нет, то по большей части это дипфейк [12].

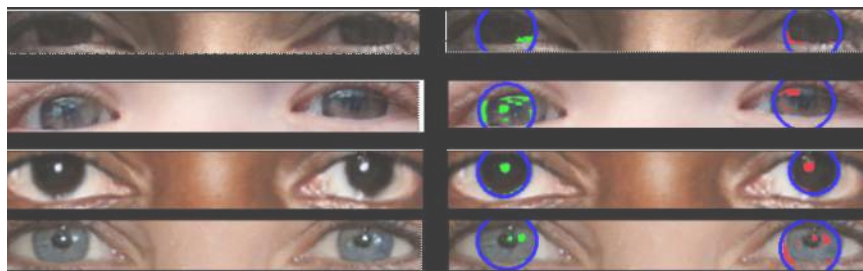

Рис. 1. Серия поддельных глаз, демонстрирующих непоследовательные отражения в каждом глазу (А. Оволаби)

Безусловно, говорить о том, что данный метод является 100 % в установлении признаков дипфейка, нельзя, но он может быть полезен на сегодняшний день для следователя или дознавателя при получении первоначальной информации о совершенном преступлении с помощью такой технологии и выстраивании криминалистических версий, необходимых для дальнейшего планирования хода расследования преступления, а эксперту – в ходе проведения экспертиз.

В заключение следует отметить, что новое явление под названием «дипфейк», изначально придуманное в благих целях (развлекательных, познавательных), достаточно «молодо» и нейтрально, но уже приковало к себе внимание всего мира как с положительной, так и отрицательной стороны. Так, правонарушителями дипфейк используется для распространения ложной информации и др., что в итоге влечет за собой существенное нарушение прав и свобод человека. В связи с чем в Российской Федерации запущен процесс, связанный с разработкой норм, направленных на установление уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности, а также совершенствуется уголовно-процессуальное и криминалистическое обеспечение расследования таких преступлений.

Список литературы:

1. *Бабаян А.* Применение искусственного интеллекта в медицине. URL: <https://clck.ru/3PUPNV> (дата обращения: 30.09.2025).
2. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/dipfeik-f9f89b> (дата обращения: 23.09.2025).
3. *Бьччинская А. А., Иванова С.И.* Deepfake: новая реальность // Новизна. Эксперимент. Традиции. Т. 10. № 2 (26). 2024.
4. *Владимиров В.Ю.* Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику / В.Ю. Владимиров, И.А. Данилов, Н.Н. Ильин // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72).
5. *Добробаба М.Б.* Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11.
6. *Ефремова М. А., Рускевич Е.А.* Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 2 (56).
7. Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 23.09.2025).
8. *Итполитова А. В* интернете появился дипфейк с врио главы Курской области. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/08/07/23626687.shtml> (дата обращения: 23.09.2025).
9. *Исакова А. Г., Осин А.В.* Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // Вестник науки. 2024. №. 1 (70).
10. *Климова Я.А.* Криминалистический анализ преступлений, совершенных с использованием дипфейк-технологии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76).
11. Финансовые мошенники освоили технологию дипфейк. URL: <https://rg.ru/2024/02/28/reg-urfo/ne-svoim-golosom.html> (дата обращения: 23.09.2025).
12. Хотите распознать deepfake? Ищите звезды в их глазах. URL: <https://ras.ac.uk/news-and-press/news/want-spot-deepfake-look-stars-their-eyes> (дата обращения: 24.09.2025).
13. *Чаплыгина М.* Судей в КНР обязали использовать ИИ при вынесении решений. URL: <https://clck.ru/3PUPPY> (дата обращения: 30.09.2025).

Файзрахманов Наиль Фаильевич,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного права
России и зарубежных стран
Марийского государственного университета
e-mail: nfaizer@yandex.ru*

К вопросу об оценке пределов доказывания на досудебной стадии уголовного процесса

Аннотация

В статье рассмотрено содержание понятия «пределы доказывания» в уголовном судопроизводстве, исследованы правоотношения, возникающие в процессе доказывания на досудебной стадии уголовного процесса, изучены отдельные проблемы возвращения уголовного дела для производства дополнительного следствия, даны некоторые рекомендации по совершенствованию межведомственного взаимодействия органов предварительного следствия и прокуратуры в целях обеспечения законности, качества и полноты расследования уголовных дел.

***Ключевые слова:** уголовное дело; досудебное производство; следовательно; прокурор; пределы доказывания; оценка доказательств; организация предварительного расследования*

Термин «пределы доказывания» активно используется учеными и практическими работниками, однако содержание указанной дефиниции в уголовно-процессуальном законе не раскрывается. В теории доказательств также можно встретить различные подходы к формулировке пределов доказывания, отражающие их с точки зрения вероятных и достоверных критериев познания, количественных и качественных характеристик [2, с. 105; 3, с. 68; 4, с. 129; 6, с. 135]. Наиболее удачное определение, по-нашему мнению, дано С. А. Шейфером, который предлагает понимать под пределами доказывания границы познавательной деятельности следователя и суда, определяемые моментом, когда цель доказывания оказывается достигнутой, т.е. когда с необходимой степенью надежности (вероятно либо достоверно) установлены подлежащие доказыванию обстоятельства. В этот момент доказывание прекращается, ибо необходимость в нем отпадает. При этом данную категорию следует отличать от «предмета доказывания», направленного

на конкретизацию обстоятельств, подлежащих доказыванию применительно к условиям отдельного преступления, схематично представленных в ст. 73 УПК РФ [10, с. 85–86].

Тем самым содержание термина «пределы доказывания» носит оценочный характер, а значит, может по-разному восприниматься субъектами уголовно-процессуальной деятельности, на которые возложена обязанность доказывания. «Сакральность» принципа свободы оценки доказательств, регламентированного ст. 17 УПК РФ, в части оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, связана с наделением властных субъектов уголовного процесса возможностью самостоятельно формировать мнение о достижении пределов доказывания посредством субъективного познания, что не в полной мере коррелируется с их процессуальными функциями и полномочиями. Представление о моменте достижения цели доказывания по уголовному делу очевидно может отличаться как у однородной группы участников процесса - отдельных следователей и дознавателей, так и разных групп властных участников уголовного судопроизводства, выполняющих функции контроля, надзора, поддержания обвинения, правосудия (руководителя следственного органа, начальника органа дознания, прокурора, гособвинителя, суда).

Вряд ли можно спорить с утверждением, что производство по одному и тому же уголовному делу разными следователями будет вестись совершенно по-другому, при этом отличаться будут не только сроки, но также качество и результат расследования, который зависит от грамотности, наличия опыта, «нагрузки», совокупности профессиональных и личных качеств сотрудника. Даже при наличии необходимой совокупности доказательств любое уголовное дело можно расследовать необоснованно долго, конечно же, в пределах предусмотренного УПК РФ срока, неоднократно перепроверяя полученные доказательства и собирая новые. В качестве объективного обстоятельства, влияющего на сроки производства по уголовному делу, выступает следственная ситуация, которая может характеризоваться дефицитом или избытком исходной информации, а также поведением его участников, которые либо способствуют раскрытию и расследованию преступления, либо противодействуют этому. Вместе с тем перечень обстоятельств, учитываемых при определении разумного срока досудебного производства по уголовному делу, и тех, которые не могут приниматься во внимание, содержится в ч.ч. 3.1, 3.3, 4 ст. 6.1. УПК РФ.

Существенные противоречия в оценке пределов доказывания, возникающие между представителями органов расследования

преступлений и органов прокуратуры, как правило, реализуются в документах (постановлениях) надзорного органа об отмене процессуальных решений следователя о приостановлении или прекращении уголовного дела или возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. Основания для принятия таких решений можно условно разделить на две группы: 1) нарушения законности, позволяющие признать полученные доказательства недопустимыми; 2) неполнота следствия, что, с точки зрения теории доказательств, можно назвать недостижением пределов доказывания по уголовному делу. Если первая группа оснований является безусловной, предполагая строгое соблюдение уголовно-процессуального закона и прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, то вторая – во многом зависит от субъективных факторов оценки пределов доказывания и, в ряде случаев, может повлечь нарушение прав участников процесса. Именно такие случаи, на наш взгляд, представляют научный интерес и заслуживают более подробного обсуждения.

Реализуя функции ведомственного контроля и прокурорского надзора, руководитель следственного органа и прокурор, соответственно, обеспечивают установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, по уголовным делам. К типичным нарушениям, указывающим на неполноту следствия, можно отнести ситуации по уголовному делу, когда: не проведены судебные экспертизы в отношении изъятых на месте происшествия следов и предметов; не допрошены лица, на которых ссылаются в своих показаниях подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель; не приняты меры к устранению противоречий между показаниями участников и отдельными видами доказательств. Подобные факты позволяют утверждать о неполном установлении следователем обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и подлежат устранению, в том числе посредством возвращения уголовных дел на дополнительное расследование.

Однако анализ возвращенных дел, проводимый в рамках отдельных диссертационных исследований и изучения деятельности территориальных следственных органов, показывает, что в ряде случаев они возвращаются без достаточных оснований. При этом институт возвращения прокурором уголовного дела следователю неразрывно связан с соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Дополнительное следствие всегда приводит к увеличению сроков уголовного судопроизводства, особенно в случаях неоднократного или повторного возвращения дел [5, с. 4].

Так, уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, находив-

шея в производстве территориального следственного органа МВД по Республике Марий Эл, трижды возвращалось на дополнительное расследование – дважды районным прокурором и один раз его заместителем. В очередном постановлении районного прокурора было указано, что следователем не выделен из уголовного дела материал по ч. 1 ст. 139 УК РФ в отношении обвиняемого, а также в обвинительном заключении не указан мотив, которым руководствовался Т. при совершении преступления. Однако указанные недостатки не подтвердились, каких-либо нарушений уголовно-процессуального законодательства и прав участников процесса не выявлено, обстоятельств, требующих изменения объема обвинения или пересоставления обвинительного заключения, не установлено. В результате обжалования прокурору республики указанного постановления о возвращении дела в порядке, предусмотренном п. 5 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 221 УПК РФ, возражение следователя было удовлетворено с одновременным утверждением обвинительного заключения и последующим направлением уголовного дела в суд¹.

Кроме того, встречаются необоснованные решения прокурора об определении подследственности, об отмене постановлений следователя о приостановлении предварительного следствия, а также о прекращении уголовного дела, мотивированные, например, отсутствием ответа на запрос, неполнотой справки сотрудника органа дознания о проведении ОРМ по уголовному делу, замечаниями к мотивировочной части поручений следователя о производстве следственных действий и др. [8, с. 974].

К примеру, в СУ УМВД России по г. Йошкар-Оле из прокуратуры города поступило уголовное дело с постановлением об определении подследственности данного уголовного дела органам предварительного следствия. Изучением установлено, что дело возбуждено в 2012 г. дознавателем по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, по факту умышленного нанесения неустановленным лицом, из хулиганских побуждений, с применением ножа телесных повреждений Ч., повлекших за собой причинение вреда здоровью средней тяжести. В качестве подозреваемого и обвиняемого по уголовному делу никто не привлекался. В 2013 г. предварительное расследование в форме дознания по данному уголовному делу приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. В течение последующих лет дознание не возобновлялось, каких-либо мер прокурорского

¹ Представленная информация основана на результатах изучения отчетных документов и материалов уголовных дел, а также личном опыте работы автора статьи в следственных подразделениях системы МВД России.

реагирования не принималось. В 2019 г. постановление о приостановлении дознания отменено прокурором, затем преступление по данному уголовному делу сразу переквалифицировано дознавателем с п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ на ч. 1 ст. 162 УК РФ, хотя телесные повреждения были причинены ножом, и в этот же день дело направлено заместителю прокурора для передачи по подследственности. Согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, относится к преступлению средней тяжести, в связи с чем, на основании п. б) ч. 1 ст. 78 УК РФ уголовное дело подлежало прекращению по истечении шести лет после совершения преступления, т. е. в декабре 2018 г., однако этого сделано не было. После отмены постановления о приостановлении дознания дознавателем не было проведено ни одного следственного действия в целях уточнения обстоятельств совершенного преступления, т. е. новых доказательств и какой-либо информации в деле не появилось. Тем самым решение о переквалификации преступления и постановление об определении посредственности ничем не мотивированы и не обоснованы. В результате проведенного в следственном управлении контрольного опроса потерпевшего Ч. последний пояснил, что не считает, что в отношении него было совершено нападение с целью хищения имущества, действия девушки носили спонтанный, немотивированный характер и не были ему понятными, реальной угрозы для себя потерпевший не испытал и самостоятельно пресек противоправные хулиганские действия. Обращения в адрес прокурора города и республики с просьбой отменить постановление об определении подследственности данного уголовного дела органам предварительного следствия и передаче уголовного дела не принесли положительных результатов.

Подобные факты хотя и не носят массовый характер, но указывают на отсутствие надлежащего межведомственного взаимодействия между отдельными органами следствия и прокуратурой, что приводит к искусственному затягиванию предварительного следствия, нарушению прав участников процесса на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок, в первую очередь обвиняемых, содержащихся под стражей. Считаем, что реализация надзорным ведомством своих полномочий в этой части не должна использоваться в качестве средства административного воздействия на органы предварительного расследования или осуществляться в целях формального выполнения отдельных показателей оперативно-служебной деятельности.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не содержит прямых правовых оснований для обжалования следователем таких

решений (постановлений) прокурора, как отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; отмена постановления о приостановлении предварительного следствия; отмена постановления о прекращении уголовного дела; направление уголовного дела по подследственности, в связи с чем усматривается целесообразность наделения следователя таким правом путем внесения соответствующих дополнений в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и п. 10 ч. 1 ст. 39, ст. 125, ч. 4 ст. 221 УПК РФ, установив в том числе возможность обжалования решений прокурора в суде.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» существенно расширены основания направления судом дела прокурору с целью устранения выявленных недостатков, что может привести к увеличению числа дел, возвращаемых как прокурору, так и прокурором следователю. Однако, по справедливому утверждению отдельных авторов, уголовный процесс следует рассматривать как постоянное динамическое явление, направленное только в одну сторону – от возбуждения уголовного дела к его судебному рассмотрению, при этом движение в обратную сторону в виде возврата уголовных дел прокурору или на дополнительное расследование может быть вызвано лишь исключительными обстоятельствами [9, с. 25]. Заслуживает особого внимания мнение Б. Я. Гаврилова о том, что возможность возвращения судом уголовного дела прокурору, а последним – следователю, дознавателю для устранения допущенных ими ошибок, нарушений законности, восполнения неполноты расследования, фактически нарушает конституционное право граждан на их доступ к правосудию [1, с. 97].

И следователь, и прокурор являются представителями одной стороны -обвинения, на которых возложена обязанность уголовного преследования от имени государства. Кроме того, законодатель возложил на прокурора и функцию надзора за деятельностью органов и лиц, ведущих предварительное расследование, что влечет некий конфликт интересов, связанный с выполнением несовместимых обязанностей, и возникновение противоречий со следователем.

В связи с этим полагаем, что спорные ситуации, касающиеся пределов доказывания (полноты расследования) по уголовным делам, должны разрешаться между следователем и прокурором путем организации конструктивного сотрудничества, включающего: постоянный обмен информацией и мониторинг судебной практики, проведение совместных оперативных и координационных

совещаний, заседаний коллегий и рабочих групп, межведомственных рабочих встреч, семинаров и консультаций, заслушиваний хода расследования сложных, резонансных уголовных дел [7, с. 98]. В то же время отмена процессуальных решений следователя и возвращение дел на дополнительное расследование должны применяться лишь в случаях существенного нарушения закона или неполноты следствия.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б.Я.* Институт судебного доследования: к чему стремятся законодатель и правоприменители // Публичное и частное право. 2011. № 3 (11).

2. *Зотов Д.В.* Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве (исследование с позиций разумного формализма) // Журнал российского права. 2016. № 2.

3. *Костенко Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006.

4. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном процессе: теория, законодательство, практика. М., 2010.

5. *Муллагалеева Л.Р.* Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

6. *Овсянников И.В.* Пределы доказывания при освобождении от уголовной ответственности на стадии возбуждения уголовного дела // Современное право. 2024. № 9.

7. *Файзрахманов Н.Ф.* Об отдельных вопросах организации расследования преступлений // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47).

8. *Файзрахманов Н.Ф.* Проблемы реализации права следователя на обжалование решений прокурора в ходе уголовного судопроизводства // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : материалы всерос. науч.-практ. конф. М., 2016.

9. *Халиков А.Н.* Возвращение уголовного дела прокурору как основание для дополнительного расследования: проблемы и возможности их решения // Российский следователь. 2025. № 5.

10. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.

Фарахиев Динар Минзиферович,
независимый исследователь
e-mail: dfarakhiev@mail.ru

Некоторые особенности расследования взяточничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация

Расследование преступлений, связанных со взяточничеством, претерпевает существенные изменения в условиях активного внедрения информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) во все сферы государственного управления и коммерческой деятельности. Традиционные методы сбора доказательств, основанные на физическом контроле и прямых свидетельствах, становятся недостаточными. Современное взяточничество часто маскируется под легитимные финансовые операции, осуществляется через зашифрованные каналы связи с использованием криптовалют или сложных схем с подставными организациями в сети Интернет. В рамках исследования рассматриваются специфические трудности, возникающие при расследовании исследуемых видов преступлений. Особое внимание уделяется проблеме цифрового слеодообразования, необходимости применения специализированных криминалистических методик для извлечения и анализа электронных данных, а также вопросам трансграничного сотрудничества при работе с международными хостингами и сервисами. Анализ этих особенностей позволяет определить наиболее эффективные направления совершенствования тактики и стратегии органов внутренних дел в борьбе с «цифровым взяточничеством».

***Ключевые слова:** взяточничество; ИТТ; электронные доказательства; цифровая криминалистика; криптовалюта; расследование; анонимизация.*

Взяточничество, как одно из наиболее латентных преступлений, получило мощный импульс к сокрытию благодаря развитию ИТТ. Если ранее передача незаконного вознаграждения требовала физического контакта и привлекала повышенное внимание, то современные технологии позволяют осуществлять транзакции практически мгновенно и на огромные расстояния без личного присутствия участников. Использование мессен-

джеро (таких, как Telegram, WhatsApp и пр.) с функциями сквозного шифрования значительно усложняет доступ правоохранительных органов к переписке, которая часто содержит прямые указания на предмет взятки, условия сделки или фиксацию договоренностей.

Более того, преступники активно используют инструменты для обеспечения анонимности: прокси-серверы, сети Tor, а также виртуальные частные сети (VPN) [8, с. 251–252]. Данные средства создают многоуровневую защиту от определения реального местоположения отправителя и получателя информации, что требует от следователей применения сложных методов анализа сетевого трафика и привлечения специалистов по кибербезопасности для деанонимизации участников. Отсутствие прямого «бумажного следа» заменяется сложным, распределенным цифровым следом, который необходимо восстановить и корректно интерпретировать.

Одной из наиболее значимых тенденций последних лет стало применение криптовалют (Bitcoin, Ethereum и др.) в качестве средства передачи незаконного вознаграждения [7, с. 127–137]. Криптовалюта привлекательна для коррупционеров по двум основным причинам: их трансграничный характер и псевдоанонимность. Перевод средств через блокчейн позволяет обойти традиционный банковский контроль, связанный с процедурами AML/KYC (противодействие отмыванию денег и идентификация клиента).

Расследование таких случаев требует от следствия глубокого понимания технологии блокчейн [1, с. 84]. Хотя блокчейн является публичным регистром, идентификация владельца кошелька (адреса) часто не совпадает с его реальным именем. Органы предварительного расследования вынуждены применять специализированные аналитические инструменты (например, Chainalysis, Elliptic) для отслеживания цепочек транзакций, выявления «горячих» и «холодных» кошельков, а также попыток «микширования» (смешивания) средств для запутывания следа. Сложность возрастает, когда средства проходят через децентрализованные биржи или сервисы обмена, юрисдикция которых находится вне досягаемости национального законодательства.

Центральным элементом расследования взяточничества с использованием ИТТ являются электронные доказательства: электронная переписка, метаданные файлов, логи серверов, записи IP-телефонии и данные с мобильных устройств и пр.

[3, с. 159]. Однако извлечение этих данных сопряжено с рядом юридических и технических проблем.

Технические сложности включают необходимость обеспечения целостности и неизменности цифровых носителей. Процедура изъятия копии жесткого диска или смартфона должна проводиться с использованием криминалистически обоснованных методов (например, создание побитовых образов), чтобы гарантировать, что полученная копия является точным и полным слепком оригинала. Несоблюдение этих правил может привести к признанию доказательства недопустимым в суде.

Юридические вопросы касаются легитимности доступа к данным, хранящимся у третьих лиц (Интернет-провайдеры, облачные сервисы, иностранные хостинги). Получение данных от зарубежных компаний часто требует длительных процедур международного правового содействия [2, с. 143] (запросы о взаимной правовой помощи), которые могут занять месяцы, в то время как данные могут быть удалены или перезаписаны в течение часов. Кроме того, существует проблема, связанная с защитой персональных данных и конфиденциальностью коммуникаций, что требует строгого соблюдения судебных санкций на проведение обысков и выемок электронных носителей.

В сфере государственных закупок и разрешительной деятельности ИТТ используются для создания видимости законности при получении незаконного вознаграждения [6, с. 50–56]. Взятка может быть замаскирована под:

– консалтинговые услуги: чиновник или его аффилированное лицо регистрирует подставную фирму, которая формально оказывает консультационные услуги компании, получившей государственный контракт. Оплата за эти «услуги» и является формой взятки. Расследование здесь переходит из плоскости IT-криминалистики в сферу финансового аудита и корпоративного расследования, в связи с чем следователям необходимо устанавливать реальных бенефициаров, проверять объемы и обоснованность оказанных услуг, а также анализировать учредительные документы «фирм-прокладок»;

– необоснованно высокие гонорары: использование электронных систем документооборота для фиксации договоров с завышенной стоимостью, где разница между рыночной ценой и оплаченной суммой является частью незаконного вознаграждения.

В таких случаях критически важным становится анализ цифровых следов, оставленных при подготовке этих докумен-

тов: история изменений в файлах (Word, Excel и пр.), метаданные, электронные подписи и логи доступа к корпоративным серверам, которые могут указать на несанкционированное внесение изменений или согласование заведомо невыгодных условий.

Хотя напрямую это не является классическим взяточничеством, часто коррупционные схемы включают элементы вымогательства или шантажа, осуществляемые через ИТТ. Например, угроза публикации компрометирующей информации (полученной путем несанкционированного доступа к почте или облаку) в обмен на финансовое вознаграждение или оказание служебного содействия.

Расследование таких угроз требует не только установления факта передачи угроз (анализ сообщений), но и определения источника «компромата». Если «компромат» был получен путем взлома (хакинга), расследование усложняется необходимостью установления личности хакера, его мотивов и связи с должностным лицом, которое, возможно, выступает в роли заказчика. Рассматриваемый вид расследования требует тесной координации между субъектами борьбы со взяточничеством, совершаемым с использованием ИТТ.

Поскольку современные ИТТ не знают государственных границ, расследование взяточничества, использующего цифровые каналы, неизбежно приобретает международный аспект. Серверы, хранящие ключевые доказательства (электронную почту, данные облачных хранилищ), могут находиться в юрисдикциях, не имеющих договоров о правовой помощи с расследующим государством или имеющих более строгие законы о защите данных [5, с. 218–219].

Эффективное расследование в этих условиях требует постоянного совершенствования механизмов международного сотрудничества, унификации подходов к получению электронных доказательств и, в идеале, гармонизации законодательства в отношении трансграничного доступа к данным. Задержки в получении информации из-за бюрократических или юридических барьеров часто сводят на нет усилия следователей.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что расследование взяточничества, опосредованного ИТТ, представляет собой многоуровневую и технически сложную задачу. Основные трудности связаны с высокой степенью анонимности, обеспечиваемой современными инструментами шифрования и VPN, а также с использованием криптовалют для сокрытия следов финансовых потоков. Цифровые доказательства, хотя

и являются ключевыми, требуют строжайшего соблюдения криминалистических протоколов для обеспечения их допустимости в суде.

Для повышения эффективности борьбы с «цифровым взяточничеством» необходимо:

- инвестировать в специализированную экспертизу: усилить подготовку следователей и экспертов в области блокчейн-анализа, цифровой криминалистики и анализа сетевого трафика;

- ускорить процедуры получения трансграничных данных: совершенствовать двусторонние и многосторонние соглашения о правовой помощи, направленные на оперативное получение электронных доказательств от иностранных провайдеров;

- развивать превентивные меры: внедрять в государственных информационных системах более надежные механизмы аудита и логирования действий пользователей, чтобы фиксировать попытки несанкционированного доступа или манипуляции данными, которые могут служить основанием для коррупционных сделок;

- придерживаться алгоритма действий, направленного на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности по линии борьбы с противоправным использованием ИТТ, в частности криптовалютных активов (разработанного автором [4, с. 81–90]).

Только комплексный подход, сочетающий глубокие знания в области ИТ и строгое следование процессуальным нормам, позволит эффективно противостоять вызовам, которые современные технологии ставят перед расследованием коррупционных преступлений.

Список литературы:

1. *Гумаров И. А., Фарахиев Д.М.* Технология blockchain как средство противодействия коррупции // Научный компонент. 2022. № 1(13).

2. *Парфенов А. В., Фарахиев Д.М.* Некоторые проблемы взаимодействия оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по борьбе со взяточничеством, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 3.

3. *Фарахиев Д.М.* Взятничество в условиях цифровизации: новые вызовы, проблемы и пути решения // Искусство правождения. 2025. № 3 (15).

4. *Фарахиев Д.М.* Деятельность органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов) // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 3.

5. *Фарахиев Д.М.* Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по документированию преступлений, совершаемых с использованием цифровых финансовых и криптовалютных активов // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67).

6. *Фарахиев Д.М.* Некоторые особенности выявления и документирования преступлений коррупционной направленности (на примере государственных (муниципальных) контрактов) // Юридический вестник Самарского университета. 2024. № 4.

7. *Фарахиев Д.М.* Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел в противодействии взяточничеству, совершаемому с использованием цифровых финансовых и криптовалютных активов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. № 1 (59).

8. *Фарахиев Д.М.* Способы и методы деанонимизации лиц, совершающих преступления в информационном пространстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60).

Фомин Василий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научного центра
Академии ФСИН России
e-mail: editor62@yandex.ru

При содействии исправительных учреждений ФСИН России раскрываются тяжкие преступления прошлых лет

Аннотация

В статье рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет, отмечен положительный опыт в данном направлении сотрудников транспортной полиции при содействии исправительных учреждений ФСИН России, сформулированы некоторые пути по раскрытию данного вида преступлений.

***Ключевые слова:** преступления прошлых лет; сложности раскрытия и расследования; взаимодействие; пути решения.*

Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет является одним из наиболее сложных и трудоемких направлений деятельности оперативных подразделений внутренних и следственных органов. Деятельность по расследованию преступлений прошлых лет имеет особую методику и тактику расследования. При расследовании нераскрытых преступлений ранее отработывались определенные версии, проводились следственные и оперативно-розыскные мероприятия. В то же время раскрытие и расследование преступлений прошлых лет осложняется давностью совершения преступления, что часто делает невозможным получение и закрепления новых доказательств, осуществление определенных следственных мероприятий [1, с. 122].

Если следователем и оперативным сотрудником на этапе приостановления уголовного дела следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия были проведены поверхностно и некачественно, требуемые данные не собраны в полном объеме, то в дальнейшем работа по раскрытию преступления осложняется. Это связано с тем, что допущенные ими ошибки могут оказаться трудноустраняемыми, поскольку по истечении определенного времени многие источники оперативно-значимой информации исчезают, другие преобразуются, и тем самым теряют доказательную ценность [2].

Таким образом, чем больше проходит времени с момента совершения преступления, тем существеннее изменения происходят в обстановке места преступления, что в конечном итоге влияет не только на повторный осмотр места преступления, но и на производство проверки наказаний на месте, следственного эксперимента, а также допроса. Со временем вероятно утрата информации о происшедшем, ошибки в показаниях свидетелей, уничтожение следов преступления. Вследствие старения меняются физиологические и внешние признаки человека, что может затруднить его отождествление и последующее процессуальное опознание.

Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет – одна из приоритетных задач, поставленных перед сотрудниками Следственного комитета России. Работа в данном направлении ведется непрерывно. В ней задействованы специализированные межведомственные аналитические группы, подразделения следственных органов по расследованию тяжких преступлений¹.

Благодаря совместным усилиям следователей, оперативных сотрудников, криминалистов значительно повышаются показатели по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет, значительную долю среди них составляют убийства и другие тяжкие и особо тяжкие преступления.

На сегодняшний день в связи с увеличением числа нераскрытых преступлений раскрытие и расследование преступлений прошлых лет – задача по-прежнему остается приоритетной, важной и непростой.

Наличие нераскрытых преступлений вызывает у граждан сомнения в своей безопасности, снижает уровень доверия к правоохранительным органам, а безнаказанность преступников способствует развитию антисоциального поведения в обществе, что в дальнейшем приводит к обострению криминогенной обстановки.

Граждане не видят ответственности за противоправное поведение, что оказывает влияние на их правосознание и отношение к преступным посягательствам, поэтому раскрытие преступлений прошлых лет также играет важную роль в укреплении законности и правопорядка [3].

Нераскрытые преступления прошлых лет не следует рассматривать как преступления, при совершении которых преступ-

¹ Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет : приказ Следственного комитета Рос. Федерации от 31 июля 2014 г. № 65. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171359/ (дата обращения: 17.08.2025).

ник не делает ошибок, поскольку, в конечном итоге, виновные в совершении большинства преступлений рано или поздно устанавливаются. Видимо, вследствие стечения определенных причин и условий сложившиеся обстоятельства не позволили оперативным сотрудникам своевременно, по горячим следам, оперативно раскрыть преступление.

Изучение уголовных дел и дел оперативного учета показывает, что в процессе раскрытия и расследования таких преступлений оперативными сотрудниками и следователями были допущены просчеты в выборе методов, сил и средств или они использовались некомплексно. Следствием этого является то, что выезд на место происшествия был организован несвоевременно, следы, оставленные преступником, не обнаруживались, свидетели совершенного преступления не установлены и преступление оставалось нераскрытым.

В сентябре 2023 г. в приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России»¹ были внесены изменения, касающиеся раскрытия и расследования преступлений прошлых лет. По данному вопросу остановимся на опыте работы в Управлении на транспорте (УТ) МВД России по Центральному федеральному органу (ЦФО).

Раскрытию преступлений прошлых лет в УТ МВД России по ЦФО и до внесения изменений в данный приказ уделялось повышенное внимание, так как ни одно нераскрытое преступление не подлежит забвению. Когда речь идет о тяжких преступлениях, то сроков давности для их раскрытия вообще не существует. Однако время идет, меняются поколения сотрудников ОВД, названия правоохранительных ведомств, но появляются и новые технологии, подходы, взгляды на раскрытие преступлений, что позволяет находить виновных в совершении преступлений спустя десятки лет. Так, в 2024 г. сотрудниками транспортной полиции при совместной работе с ГУУР МВД России и УФСИН России была раскрыта серия особо тяжких преступлений прошлых лет, связанных с деяниями, повлекшими смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

В период с 2004 по 2007 гг. на железнодорожных станциях и в вагонах электропоездов Московского региона были обнаружены тела 14 пассажиров без видимых телесных повреждений. Ценные вещи и деньги у них были похищены. Было установлено, что злоумышленник в алкоголь попутчикам подмешивал нейроленти-

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России (с изм. и доп.) : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. URL: <https://base.garant.ru/70693384/> (дата обращения: 17.08.2025).

ки. Когда пострадавшие теряли сознание, он забирал у них деньги и предметы, которые впоследствии можно было продать, а затем скрывался с места преступления. Пассажиры от передозировки отравляющих веществ, добавленных в алкоголь, в сознание больше не приходили.

На протяжении многих лет оперативниками транспортной полиции по крупницам собиралась информация, способная пролить свет на совершенные преступления и вывести на след предполагаемого преступника. Таким образом, выяснилось, что это 53-летний гражданин из государства Средней Азии, который с 2008 г. отбывает наказание в исправительной колонии Алтайского края за аналогичные преступления. Ему и были предъявлены обвинения в инкриминируемых деяниях.

В 2023 г. оперативным путем также была доказана причастность гражданина Г., отбывающего наказание в местах лишения свободы Республики Хакасия, к совершению преступлений в 2007–2009 гг., предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ (16 эпизодов). В 2022 г. по подозрению в убийстве проводницы, совершенном в 2005 г. в вагоне поезда сообщением Москва – Казань, был установлен и задержан неоднократно судимый уроженец г. Шумерля Республики Чувашия, который дал признательные показания.

Из приведенных примеров видно, что проверки лиц, находящихся в местах лишения свободы, на предмет их причастности к ранее совершенным преступлениям, безусловно, проводилась при содействии сотрудников оперативных отделов исправительных учреждений. Данную работу необходимо продолжать и совершенствовать.

Течение времени с момента совершения преступления может и способствовать установлению истины. Преступник, избежавший разоблачения, успокоившись, теряет бдительность и осторожность, начинает проговариваться о совершенном преступлении. Совершая новые деяния, он вновь оставляет следы, исследование которых в совокупности с прежними нередко позволяет раскрывать преступления прошлых лет.

Спустя большой промежуток времени после совершения преступления найти преступника сложно, но можно. Для этого следователи Следственного комитета совместно с оперативными сотрудниками МВД России пользуются базами ДНК, специалистов-психологов, чтобы активизировалась память свидетелей и потерпевших. Быстрое развитие новых информационных технологий позволяет идентифицировать человека и исследовать следы преступлений.

Таким образом, раскрытие и расследование преступлений прошлых лет требует от следователя широкого арсенала средств и при-

емов, разработанных криминалистикой, знание криминалистической характеристики определенных видов преступлений, учитывая все их признаки и элементы, что позволяет разрабатывать методико-криминалистические рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет. Глубокий анализ материалов приостановленных уголовных дел о нераскрытых преступлениях, выдвижение новых версий, обеспечение тесного и качественного взаимодействия следователей, оперативных сотрудников и экспертов, а также использование содействия и возможности учреждений ФСИН России – вот некоторые направления к раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет.

Следовательно, работа по расследованию преступлений прошлых лет ведется непрерывно, так как обеспечение неотвратимости наказания – это и есть торжество справедливости.

Список литературы:

1. *Заводская К.Н.* Значение расследования преступлений прошлых лет // Уголовная политика Республики Беларусь: состояние и пути совершенствования : материалы междунар. науч.-практ. конф. Барановичи, 2016.
2. *Стукалов В. В., Горбунов А.Н.* Проблемы раскрытия преступлений прошлых лет // Журнал «Общество и право». Краснодар, 2015.
3. *Сучков А. И., Сафронова А.В.* Особенности раскрытия преступлений прошлых лет // Журнал «Современная наука». Орел, 2021.

Цветков Юрий Анатольевич,
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
e-mail: Yutsvet@yandex.ru*

Конкуренция управленческих и процессуальных отношений в уголовном судопроизводстве

Аннотация

В статье правовое поведение публичных участников уголовного судопроизводства, таких, как следователь и государственный обвинитель, рассматривается как результат синтеза требований уголовно-процессуального закона и управленческого воздействия, оказываемого на них как сотрудников государственных органов. В преломлении управленческих отношений рассмотрены назначение уголовного судопроизводства, институт прекращения уголовного дела (уголовного преследования), отказ от обвинения. Внесены предложения по гармонизации управленческих и процессуальных отношений с тем, чтобы они не только не вступали в противоречие друг с другом, но чтобы они взаимно усиливали друг друга, направляя уголовно-процессуальную деятельность к достижению ее истинного назначения.

***Ключевые слова:** назначение уголовного судопроизводства; управление; следователь; государственный обвинитель; следственный орган; прокуратура.*

Регулятивная функция права в целом и уголовно-процессуального права в частности раскрывается через правовое поведение адресатов юридических норм, в том числе и самого правоприменителя. Однако для того чтобы понять поведение правоприменителя, одного лишь внимательного изучения текста уголовно-процессуального закона недостаточно. Практически все участники уголовного судопроизводства по УПК – это единичные субъекты. Среди коллективных в законе упомянут только один – орган дознания. И хотя существует такой участник, как руководитель следственного органа, но самого следственного органа как субъекта уголовного процесса нет. Наряду с понятием «судья» в УПК также используется и понятие «суд»,

но оно обозначает все того же судью либо нескольких судей, участвующих в рассмотрении одного конкретного дела, а не суд как учреждение.

Поведение следователя, прокурора и судьи на основании нормативной модели прогнозируют с точки зрения их процессуального статуса, включая функции, интересы и полномочия. При этом игнорируют один важный аспект: эти лица только в УПК действуют как единоличные участники уголовного судопроизводства. В жизни все они являются частью какой-то организации: следственного органа, прокуратуры и суда. Закон наделяет судей и следователей такими атрибутами их процессуального статуса, как, соответственно, независимость и процессуальная самостоятельность. Однако эти атрибуты вступают в противоречие с природой организации, в которой существуют своя иерархия и система оценки ее результатов, выраженных в статистических показателях. Кроме того, организациям присущи и такие не измеряемые, но при этом весьма чувствительные свойства, как собственная организационная культура. Поэтому участник уголовного судопроизводства, который при этом является сотрудником какой-то организации, ориентируется в своем поведении не только на нормы УПК, но еще и на организационные нормы, ценности и культуру, которые могут не соответствовать тому, чего от них требует закон.

И. Б. Михайловская по этому поводу справедливо указывала: «В публикациях, посвященных отечественному уголовному судопроизводству, не раз отмечалось и ныне отмечается расхождение между законодательной моделью и практикой ее реализации. Однако, констатируя такого рода расхождения, авторы видят их причину либо в несовершенстве закона, либо в неправильных решениях и действиях правоприменителя, либо в том и другом вместе. Для выделения более глубинных механизмов, порождающих разрыв между законом и практикой его применения, средства познания, используемые юриспруденцией, оказываются неадекватными... самый тщательный и квалифицированный анализ закона не дает ответа на вопрос, в каком звене механизма правоприменения происходит сбой, и какие обязательства ему способствуют. Помочь пониманию сложившейся ситуации и разработке предложения по ее устранению способно рассмотрение уголовного судопроизводства как разновидности социальной системы – организации» [4, с. 3].

И. В. Маслов, развивая идеи И. Б. Михайловской, справедливо отмечает, что в отношениях как внутрисистемных (между сле-

дователем и руководителем следственного органа), так и межсистемных (между прокурором и следственным органом) выделить исключительно процессуальную либо только управленческую составляющую практически невозможно – настолько сильно они переплетены между собой [1, с. 137].

Так, назначение уголовного судопроизводства, как оно сформулировано в ст. 6 УПК, может не совпадать с критериями оценки эффективности организации и самого работника. Хрестоматийный пример – это прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию. С точки зрения закона назначение уголовного судопроизводства выполнено: произошел отказ от уголовного преследования и реабилитация невиновного, которое равноценно привлечению к уголовной ответственности и наказанию виновного лица. Но представим себе двух следователей, которые выходят на аттестацию. Оба за год окончили предварительное следствие по равному количеству уголовных дел, например, десяти. Однако если первый все эти дела направил в суд, то второй – прекратил. Соответственно, ко второму следователю у членов аттестационной комиссии возникнут вопросы: не хватило профессионализма доказать наличие состава либо получал взятки, или некачественно провел доследственные проверки? А если в дополнение к этому обвиняемые содержались под стражей и были реабилитированы, то государство понесет убытки, в то время как по уголовным делам, оконченным первым следователем, возмещен причиненный бюджету ущерб. Следователь может оправдываться тем, что руководитель специально поручал ему расследовать только дела «на прекращение». Но и руководитель способен продемонстрировать чудеса софистики и вслед за М. С. Строговичем заявить, что не существует нераскрываемых преступлений, а есть лишь не расследованные надлежащим образом преступления [6, с. 145]. Предположим, аттестационная комиссия не удовлетворится таким объяснением, а изучит дела и согласится со следователем. Но тогда придется признать, что распределение уголовных дел и материалов может служить способом искусственного формирования показателей (не)угодным следователям.

Трудно здесь не согласиться с И. В. Масловым, когда он говорит, что уголовный процесс становится игрой официальных участников судопроизводства, преследующих разные системные цели. Игра идет не по правилам процессуальной процедуры, а по правилам управленческих начал, содержащихся в системной статистике [1, с. 138].

Столь же неоднозначно положение другого единоличного субъекта уголовного процесса – государственного обвинителя. Полномочия его сформулированы таким образом, как будто он живет и работает в социальном вакууме. Он вправе отказаться от обвинения, и этот отказ обязателен для суда. Но ведь государственный обвинитель работает в организации (прокуратуре), у него есть начальники, один из которых и утвердил обвинительное заключение.

Как опять-таки справедливо отмечает И. В. Маслов, прокурор полностью переложил на своих помощников реализацию процессуальной функции, став только руководителем прокуратуры. Особенно ярко это проявляется в крупных прокуратурах, где существует полное разделение труда между помощниками прокурора. Надзор за расследованием осуществляет один помощник, подчиненный одному заместителю прокурора, утверждающему обвинительное заключение, а государственное обвинение поддерживает другой помощник прокурора, подчиненный уже другому заместителю прокурора, и у каждого из них свои показатели работы и соответственно организационные интересы [1, с. 138].

Требуется ли закон учитывать, как отказ от обвинения повлияет на показатели работы прокуратуры, что об этом скажет вышестоящий прокурор и как все это отразится на перспективах дальнейшей службы самого государственного обвинителя? Законодательная модель его поведения этих аспектов не содержит, а его существующее в реальном мире сознание – содержит. Поэтому невозможно понять действия (бездействие) и решения публичных участников уголовного судопроизводства в отрыве от их организационного поведения, что упорно игнорируют приверженцы правового догматизма.

Так, наш опыт изучения организационной динамики в следственных органах А. В. Победкин оценил как «не в полной мере удавшуюся попытку механистически переложить западную теорию менеджмента <...> на управление в следственной деятельности...» [5, с. 81]. На чем основано утверждение о том, что данный подход удался не вполне, если только не на субъективных ощущениях автора, как и другие оценки традиционалистов? На протяжении многих лет проводилось обобщение отзывов руководителей следственных органов разного уровня о повышении квалификации в нашем вузе. В них на вопрос о том, какие полезные для себя знания они получили, опытные практики в подавляющем большинстве отвечали, что приобрели новые знания именно по вопросам управления.

Предложенная нами научная стратегия, хотя и была в силу ее новизны изначально рискованной, в конечном счете оправдалась в полной мере, причем именно потому, что никакого механического перенесения менеджмента на следственную деятельность в ней нет. Достижения в области этой науки использовались выборочно и при этом тщательно адаптировались к специфике работы следственных органов. Сегодня в теории и практике управления набирает влияние такое течение, как *New Public Management*. В его русле происходит избирательное применение в деятельности органов государственной власти тех инструментов, которые доказали свою эффективность в управлении коммерческими организациями [2, с. 26–31]. Реальные условия, в которых вынуждены работать и добиваться результатов современные руководители следственных органов, заставляют их мыслить себя и свою деятельность в категориях не большого начальника, а эффективного менеджера. Показательно, что появляются публикации наших руководителей, в которых они прямо так себя и называют [3, с. 140–144].

На острие критики оказалось предложение не подменять научные методы аксиологическими подходами и не отождествлять следственную деятельность ни с искусством, ни с социальным служением. Исходить надо из того, что следствие – такая же операционная деятельность, как и любая другая производственная деятельность. Ведь идя на службу, следователь не рассуждает в таких высокопарных категориях, как социальная миссия или поиск истины. Его мысли заняты тем, удастся ли собрать всех необходимых участников запланированной на сегодня проверки показаний на месте: будет ли транспорт, доставят ли обвиняемого вовремя из изолятора, приедет ли адвокат, и т. д. Он озабочен, как успеть продлить процессуальные сроки по другим делам, сколько дел он сможет окончить в отчетном периоде, чтобы не попасть под критику со стороны своего руководителя, не нагрузят ли новыми делами или материалами перед уходом в отпуск, позволят ли в отпуске полноценно отдохнуть и восстановиться? Вот такими мыслями занят мозг следователя, идущего утром на работу.

Таким образом, общественные отношения в уголовном процессе представляют собой органический синтез правовых, управленческих и межличностных отношений, неразделимый в реальной действительности на отдельные «чистые» составляющие. Тем не менее в идеальной модели следует стремиться к тому, чтобы управленческие воздействия стимулировали уго-

ловно-процессуальную деятельность в направлении реализации ее назначения и основных процессуальных функций ее участников, а никак не наоборот.

Список литературы:

1. *Маслов И.В.* Уголовный процесс и управление // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (11).

2. *Маркварт Э., Маслов Д. В., Лаврова Т.Б.* САФ: модель управления качеством для организаций публичной сферы // Государственная служба. 2020. №5 (127).

3. *Махтук С. О.* Топ-менеджмент в современном уголовном процессе: новые аспекты привычного понятия (ст. 39 УПК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2 (20).

4. *Михайловская И.Г.* Процессы управления в судебной системе: учебное пособие / И.Б. Михайловская. М., 2012.

5. *Победкин А.В.* Уголовно-процессуальное законодательство России: идейное содержание, форма, качество // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1.

6. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2.

Чебуренков Александр Анатольевич,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Национального исследовательского Мордовского
государственного университета имени Н.П. Огарёва
e-mail: cheburenkova@yandex.ru*

Проблемы отграничения противодействия расследованию преступления от правомерного поведения обвиняемого и его защитника

Аннотация

В следственной практике имеют место ситуации противодействия расследованию со стороны подозреваемого, обвиняемого, их защитников, препятствующих успешному решению следователем поставленных перед ним задач. Вместе с тем указанные участники расследования осуществляют различные действия по реализации предоставленных им процессуальных прав, защите своих законных интересов. Оценка такого рода поведения подозреваемого, обвиняемого, защитника как противодействия расследованию ведет к нарушению прав данных субъектов, свидетельствует об обвинительном уклоне в работе следователя, снижает качество следственной деятельности. В связи с этим в статье рассматриваются правовые и научные аспекты отграничения конкретных актов противодействия расследованию от неблагоприятных для органов следствия, но допустимых, не противоречащих закону средств реализации подозреваемым, обвиняемым, их защитниками процессуальных прав.

Ключевые слова: *противодействие расследованию; подозреваемый; обвиняемый; защитник; следователь; право на защиту; отказ от дачи показаний; дача ложных показаний.*

Изучение в криминалистике поведения подозреваемого (обвиняемого) и его защитника на предварительном следствии традиционно производится с учетом возможного выполнения ими роли субъекта противодействия расследованию преступлений – умышленной деятельности, осуществляемой с целью воспрепятствования всестороннему, полному и объективному установлению обстоятельств расследуемого преступления и решению других задач, стоящих перед следователем.

Оказываемое расследованию преступлений противодействие затрудняет выявление данных деяний, полное и объективное установление необходимых для разрешения дела обстоятельств преступного события и сведений о его участниках, осложняет процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательственной информации, препятствует розыску имущества, добытого преступным путем, и т. п. В конечном итоге осуществляемое лицом, виновным в совершении преступления, противодействие расследованию направлено на то, чтобы избежать уголовной ответственности и связанных с ней неблагоприятных последствий за свои противоправные действия (бездействие) либо смягчить возможные меры такой ответственности. Целью противодействия может быть и стремление лица продолжить преступную деятельность [6, с. 15–16; 8, с. 25–26].

Исходя из характера и цели осуществляемого противодействия, оно может иметь место на различных этапах выявления, раскрытия и расследования преступления. Специфические особенности такое противодействие приобретает в ходе предварительного расследования, когда о совершенном лицом деянии становится известно правоохранительным органам, очевидна соответствующая реакция на него и начинают реализовываться конкретные меры по изобличению заподозренного. Лицо начинает осознавать угрозу привлечения к ответственности как вполне реальную, понимает серьезность выдвинутого обвинения и, вследствие этого, осуществляемое противодействие, как правило, приобретает более интенсивный, упорный, квалифицированный и масштабный характер. Виновный может «поставить все на карту», задействовать все имеющиеся возможности, не исключая использование «особых» средств (подкупа, угроз, насилия и т. п.).

Конкретные формы и способы противодействия подозреваемого (обвиняемого) и его защитника на этапе предварительного следствия различны и могут выражаться в уничтожении, фальсификации, утаивании информации, имеющей значение для расследования, маскировке, инсценировке событий, действий и др.

Важно ограничивать акты противодействия от неблагоприятных для следствия или суда, но допустимых, не противоречащих закону действий участников расследования по реализации предоставленных им процессуальных прав в сфере доказывания. Прежде всего имеется в виду отказ подозреваемого и обвиняемого от дачи показаний (так называемое «право на молчание») и сообщение им ложных сведений в ходе допроса на предварительном следствии («право на ложь»).

Действующее законодательство, закрепляя правовой статус лиц, подвергающихся уголовному преследованию, в ряде норм (ст. 51 Конституции Российской Федерации, п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ) устанавливает правомерность такого рода поведения подозреваемого и обвиняемого. Это означает, что следователь не вправе требовать от данных участников расследования, чтобы они помогли ему в установлении обстоятельств расследуемого дела, сообщая имеющуюся у них информацию, предоставляя доказательства, которыми располагает подозреваемый (обвиняемый). Уголовно-процессуальный закон четко определяет, что установление события преступления и лиц, виновных в его совершении, – обязанность государственных органов, осуществляющих уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ). При этом в соответствии с принципом презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) запрещается переложить данную обязанность на подозреваемого или обвиняемого.

В следственно-судебной практике обоснованно утвердился расширенный подход к пониманию содержания «права на молчание», включающего в себя отказ для подозреваемого и обвиняемого от сообщения самоизобличающей информации не только на допросе, но и в ходе иных следственных действий с участием указанных лиц (проверки показаний на месте, очной ставки, предъявления для опознания и т.д.), а также в ситуациях, создающих для подозреваемого и обвиняемого риски передачи такой информации следствию (например, отказ добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение по делу, в ходе обыска или выемки; отказ от предоставления образцов для экспертных исследований и др.).

Относительно «права на ложь» закон хотя и прямо не закрепляет его, но допускает подобное поведение подозреваемого и обвиняемого в качестве средства защиты от обвинения и не вводит каких-либо мер принуждения этих лиц к даче правдивых показаний [7, с. 33–34].

Таким образом, подозреваемый (обвиняемый) сам решает, сообщать ли следователю имеющиеся у него определенные сведения, когда это делать, в каком объеме и что должно быть содержанием сообщаемых им сведений. Хотя по своей сути выбранная подозреваемым (обвиняемым) линия поведения может приобретать характер явного или скрытого противодействия расследованию преступлений, такое поведение выступает правомерным средством реализации права подозреваемого и обвиняемого на защиту.

Актуальным продолжает оставаться вопрос о том, каким образом вправе и может реагировать следователь на подобное поведение

подозреваемого и обвиняемого, чтобы обеспечить успешное решение поставленных задач.

На практике отказ подозреваемого или обвиняемого от дачи показаний «зачастую психологически воспринимается следователями не только (а зачастую не столько) как реализация лицом своего конституционного права, но как нежелание допрашиваемого «сотрудничать» с ними, как оказываемое этим лицом противодействие уголовному преследованию» [2, с. 275]. Такой подход влечет возникновение между следователем, с одной стороны, и подозреваемым (обвиняемым), с другой, психологических межличностных конфликтов. В рамках таких конфликтов способы действий следователя нередко приобретают эмоциональную окраску (вплоть до не вызывающегося объективной необходимостью заключения обвиняемого под стражу) [2, с. 275].

По смыслу закона какие-либо правовые меры воздействия на подозреваемого и обвиняемого для принудительного изменения выбранной ими линии поведения на участие в доказывании недопустимы (в силу запрета, согласно ч. 2 ст. 9 УПК РФ, насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения, а также ввиду необходимости обеспечения реальных гарантий соответствующих прав подозреваемого (обвиняемого)).

Однако необходимо признать целесообразным использование следователем в рассмотренных ситуациях тактических и психологических приемов, на что последовательно ориентирует криминалистическая наука. В связи с этим представляется не совсем верной позиция А. Н. Халикова, который при отказе должностного лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, от дачи показаний рекомендует следователю «не тратить свои доводы на убеждение лица изменить поведение, поскольку отказ от дачи показаний почти всегда согласован с адвокатом и его заявляет самостоятельное лицо, вполне способное оценивать свои поступки» [10, с. 227]. В данной ситуации следователь может и, скорее всего, попытается убедить подследственного в том, что дача им показаний отвечает его интересам, что сообщенные им сведения могут стать средством защиты от обвинения и возможного оговора его другими лицами. С этой целью, в частности, рекомендуется применять тактические приемы предъявления доказательств, достижения компромисса и т. д.

Сообщаемые подозреваемым и обвиняемым заведомо ложные сведения, конечно, дают следователю, стремящемуся к объективному исследованию всех обстоятельств преступления, основания для негативной оценки поведения конкретного допрашиваемого,

применения специально разработанных приемов выявления и разоблачения лжи в его показаниях. Однако следователь не вправе исходить из установки всегда считать показания подозреваемого (обвиняемого), в которых он отрицает свою причастность к расследуемому преступлению или преуменьшает степень своей вины, заведомо ложными, не вправе по этой причине игнорировать такие показания при принятии процессуальных решений по делу, отказываться от проведения их проверки ввиду явной заинтересованности лица – источника информации и т. п. Такой подход можно рассматривать как очевидное проявление обвинительного уклона в деятельности следователя.

В качестве одного из основных участников деятельности по расследованию преступлений, активность которого оказывает существенное влияние на ход и результаты расследования, выступает адвокат-защитник. Специфика его деятельности, с информационно-познавательной стороны, заключается в том, что она носит односторонний характер, направлена на выявление обстоятельств, выгодных для своего доверителя, обеспечивающих оказание подозреваемому (обвиняемому) необходимой юридической помощи в защите его прав и законных интересов.

Очевидно, стремление защитника помочь подозреваемому и обвиняемому, его профессиональный долг оказать необходимую помощь своему подзащитному, оказавшемуся под угрозой привлечения к уголовной ответственности, вызывает попытки воспрепятствовать расследованию в самых разных формах, не исключая и противоправные методы и способы.

Многие следователи отмечают негативную роль защитников, которые предпринимая активные действия по «развалу» уголовных дел, участвуют в подкупе и шантаже потерпевших и свидетелей с целью получения от них нужных для защиты показаний, фабрикуют ложные заключения экспертов и т. п. [9, с. 109–110]. Недобросовестные защитники склоняют обвиняемого к отказу от признания очевидной вины, изменению правдивых показаний на ложные. Нередко защитники советуют обвиняемому отказаться от сделанного на следствии признания вины непосредственно в ходе судебного разбирательства, мотивируя такие заявления якобы примененными следователем незаконными способами получения признания [1, с. 40–41].

В осуществляемом противодействии расследованию защитники могут выступать не только его активными участниками, реализуя соответствующие замыслы подозреваемого или обвиняемого, но и инициаторами, используя имеющиеся у них знания и опыт в достижении незаконных целей.

Некоторые приемы работы адвокатов-защитников на предварительном расследовании, внешне кажущиеся правомерными, в действительности находятся на грани с правонарушением, противоречат нравственным нормам, представляют собой злоупотребления защитником своими законными правами. К числу таких приемов относятся: сознательное затягивание расследования в расчете на истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности за инкриминируемое обвиняемому деяние или с целью довести следствие до состояния потери актуальности; усложнение расследуемого дела новыми, но нереальными эпизодами, рассчитанными на длительную и непродуктивную потерю следственными органами времени и сил; неоднократное обжалование любых действий и решений следователя по самым незначительным поводам; «загрузка» следователя трудоемкими для выполнения ходатайствами, которыми впоследствии можно манипулировать при подтверждении заявления о пассивности следователя; создание конфликтных условий общения со следователем в расчете на разрушение его психологической защиты и др. [3, с. 181–182; 4, с. 201–202; 11, с. 165–166].

В то же время недопустимо сводить всю сущность деятельности адвоката-защитника по уголовному делу к противодействию расследованию, как считают некоторые ученые-криминалисты. Многие действия защитника, являющиеся неблагоприятными для следствия, не выходят за требования законности, обусловлены правовым механизмом состязательного процесса, считаются допустимыми.

В.Н. Карагодин, рассматривая противодействие расследованию преступлений как «информационный барьер, препятствующий получению органами расследования объективных и достоверных сведений», определяет содержание деятельности по противодействию через «уничтожение, перекодировку информации, образовавшейся в результате совершения преступления, умышленное перекрытие каналов поступления ее к органам расследования». Если адвокат, действуя в рамках полномочий, определенных законом, не участвует в подобных операциях, а дает свою трактовку событий на основе данных, собранных следствием и представленных самой защитой, его действия необходимо рассматривать не как противодействие, а как конкуренцию, состязание со следствием [5, с. 89].

В рамках такого подхода следует признать ошибочным вывод отдельных исследователей о том, что сокрытие защитником криминалистически значимой информации по делу необходимо расценивать как один из приемов противодействия расследованию. Действительно, защитнику могут быть известны значимые для рассле-

дования сведения, свидетельствующие не в пользу подозреваемого или обвиняемого, которых он защищает, однако защитник вправе не сообщать о них следователю. Более того, требовать от защитника, чтобы он сообщил эти сведения следователю – неверно и неэтично с учетом возлагаемой на адвоката-защитника обязанности защищать права и интересы подозреваемого (обвиняемого).

Также не противоречащими законодательству следует признать действия защитника, который в рамках определенной им позиции по делу советует своему подзащитному не давать показания на допросе либо не сообщать следователю об определенных обстоятельствах. М.О. Баев обоснованно отмечает, что, обсуждая с обвиняемым вопрос, следует ли ему давать показания, защитник должен разъяснить доверителю возможные последствия соответствующего отказа [2, с. 275–276].

С позиции законности действий адвоката-защитника важно обратить внимание на ситуацию, в которой защитник рекомендует своему подзащитному дать ложные показания на допросе, обосновывая это тем, что данная линия поведения необходима в его собственных интересах.

В литературе такого рода действия защитника, хотя непосредственно и не запрещены законом, через призму требований профессиональной адвокатской этики признаются недопустимыми. Адвокат в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ обязан «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами». С учетом этого сам адвокат-защитник не должен побуждать или провоцировать обвиняемого к даче ложных показаний. Подобное поведение адвоката является неэтичным.

В целях обеспечения эффективности расследования следователю необходимо точно диагностировать разные формы поведения подозреваемого, обвиняемого, защитника в складывающихся следственных ситуациях, тактически правильно реагировать на каждую из этих форм. Проведение ограничения конкретных актов противодействия расследованию от предусматриваемых законом способов реализации участниками расследования своих процессуальных прав и интересов позволяет следователю, с одной стороны,

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

выбирать оптимальные средства преодоления установленного противодействия, с другой стороны, – обеспечить полную реализацию процессуальных прав подозреваемого, обвиняемого, защитника по конкретному делу. Смешивание данных задач и средств их разрешения может привести к ошибкам в исследовании фактических обстоятельств по делу, необоснованному применению мер процессуального принуждения к участникам расследования.

Список литературы:

1. *Бабаева Э.У.* Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления : научно-практическое пособие. М., 2001.
2. *Баев М. О.* Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования М., 2014.
3. *Баев О. Я., Баев М. О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2017.
4. *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.
5. *Карагодин В.Н.* Криминалистические исследования профессиональной деятельности адвокатов // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002.
6. *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. Свердловск, 1992.
7. *Куссмауль Р.* Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2.
8. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учеб. / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М., 2017.
9. *Рахматуллин Р.Р.* Противодействие раскрытию и расследованию преступлений: теория и практика упреждения, выявления и преодоления. М., 2018.
10. *Халиков А.Н.* Следственные действия по делам о должностных преступлениях: система, характеристика, тактика. М., 2008.
11. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.

Чекменева Татьяна Владимировна,
*адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: neso_96@inbox.ru*

К вопросу о генезисе системы гарантий неразглашения данных досудебного производства в России

Аннотация

В статье рассматриваются этапы доктринального и правового становления системы гарантий неразглашения данных досудебного производства в России. Основная цель работы заключается в выявлении закономерностей развития теоретических представлений о данной системе и формирования соответствующего правового института, начиная с его зарождения в законодательстве дореволюционного и советского периодов и заканчивая современным состоянием, закрепленным в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ).

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальные гарантии; неразглашение данных; гарантии прав личности; гарантии «правосудия»; обеспечение и реализация прав участников.*

Неразглашение данных досудебного производства составляет ключевой элемент обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов его участников. Разграничение между «тайной следствия» как общим требованием и «гарантиями неразглашения» как конкретными механизмами его обеспечения имеет принципиальное значение [1, с. 116]. Историческое развитие российского уголовно-процессуального законодательства демонстрирует трансформацию подхода к конфиденциальности досудебного производства. Обращаясь к проблематике неразглашения данных рассматриваемых нами стадий в историческом аспекте отечественного уголовно-процессуального законодательства, подчеркнем, что исследуемый институт прошел значительный путь развития, подвергшись ряду преобразований и эволюционируя на разных этапах становления российского правосудия.

Согласно точке зрения Е. С. Кузьменко и А. С. Борисова, гарантии неразглашения данных предварительного расследования традиционно находились в оппозиции к принципу публичности. Постоянные колебания баланса между этими двумя основополагающими принципами обусловлены уникальными характеристиками судебной практики, характерными для каждого конкретного этапа эволюции государственности [4, с. 44].

Анализируя один из старейших памятников писанного права нашего Отечества «Русскую Правду», 1020 г. [6], мы не можем не согласиться с умозаключением историков права, которые едины во мнении, что рассматриваемый законодательный акт утверждал принципы открытости судебных процедур и предварительных разбирательств, хотя одновременно допускал наличие элементов «тайны расследования». Среди таких элементов выделялась конфиденциальность этапов расследования, в ходе которых сущность предъявленного обвинения скрывалась или не доводилась до «обвиняемого» [5, с. 39]. Выбор открытой или закрытой формы расследования происходил произвольно и целиком зависел от усмотрения субъекта, ведущего расследование, а также специфики конкретной ситуации и характера содеянного правонарушения [4, с. 46].

Исследование исторической ретроспективы отечественного уголовно-процессуального законодательства неизбежно подводит к рассмотрению важнейшего свода законов Русского царства, утвержденного в 1649 г. и вошедшего в историю под наименованием «Соборное уложение» [7]. Несмотря на иные правовые акты, принятые до Соборного уложения (Судебник, утвержденный в 1497 г. [10, с. 46], и Судебник 1550 г. [9, с. 101]), именно этот документ функционировал непрерывно на протяжении почти двух столетий, выполняя ключевую роль основного правового регулятора общественных отношений. Важнейшим вкладом этого акта являлось оформление в правовой плоскости черт, присущих зарождавшемуся российскому абсолютизму. Именно в этот период наблюдается постепенное вытеснение открытого типа уголовного судопроизводства закрытым процессом, обретавшим приоритетное положение в развитии законодательства.

Следующим переломным моментом в развитии российского уголовно-процессуального права является разработка Воинского устава 1716 г.¹, согласно которому процедура расследования приобрела конфиденциальный и документарный характер, положив

¹ Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 29.09.2025).

начало развитию закрытого и канцеляризованного способа рассмотрения уголовных дел. В своих исследованиях А. Ф. Кони указывал: «Судья допытывается правды и считает за нее то, что слышит от обвиняемого во время пыток. Этого нельзя делать всенародно – и суд уходит в подземелье, в застенки. Отсюда – отсутствие бесполезной защиты, безземелье, в застенки. Отсюда – отсутствие бесполезной защиты, безземелье, письменность и канцелярская тайна» [3, с. 319].

Следующей важной вехой на пути развития законотворчества в нашем государстве явилась судебная реформа 1864 г. и принятие Устава уголовного судопроизводства¹ (далее – Устав). Устав, хотя и провозглашал принципы гласности и состязательности для судебного разбирательства, тайну предварительного следствия он все же сохранял. Гарантии неразглашения данных предварительного расследования в рассматриваемый период были ориентированы преимущественно на обеспечение эффективности расследования, а не на защиту прав частных лиц от публичной огласки. Центральными постулатами судебной реформы стали прозрачность судебного разбирательства, предоставление подсудимому возможности ознакомиться с доказательствами, представленными обвинителем. Именно данная судебная реформа неизменно вызывает повышенный интерес среди сегодняшних ученых-правоведов, изучающих процессы развития современного судопроизводства [2, с. 89]. Благодаря ей уголовный процесс получил четкую стадийность, начиная с полицейского дознания, последующего предварительного следствия и завершающейся процедурой передачи дела в суд. Думается, что именно в этот период, особенно после судебной реформы 1864 г. и принятия Устава, происходит институционализация предварительного следствия как самостоятельной стадии процесса. Вместе с этим формируются и конкретные нормы, закрепляющие «тайну следствия».

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. (далее – УПК РСФСР 1922 г.)² в гл. 9 «Общие условия производства предварительного следствия» впервые вводил специальную статью, устанавливающую ограничения на публичное распространение сведений, полученных в результате предварительного следствия. Закон позволял обнародовать такую информацию исключительно в объеме, сочтенном целесообразным самим следователем (ст. 118). Впослед-

¹ Устав уголовного судопроизводства. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 29.09.2025).

² Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР.) : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

ствии уголовно-процессуальные акты, принятые в 1923 и 1960 гг. (далее – УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г.), продолжали придерживаться аналогичной концепции, прямо запрещающая преждевременное раскрытие материалов предварительного следствия третьим лицам. Норма, регулирующая гласность, в понимании советского законодательства, касалась исключительно открытых судебных разбирательств, тогда как стадия предварительного следствия оставалась закрытой для широкой общественности. Исследуя данную проблему, профессор М. С. Строгович отмечал, что, несмотря на непрозрачность предварительного следствия, собранные доказательства подвергаются обязательной публичной проверке в ходе дальнейшего судебного разбирательства [8, с. 126].

Вместе с тем следует отметить, что УПК РСФСР 1960 г.¹ содержал ст. 139 (аналог современной ст. 161 УПК РФ) следующего содержания: «Данные предварительного следствия могут быть переданы гласности лишь с разрешения следователя или прокурора и в том объеме, в каком они признают это возможным. В необходимых случаях следователь предупреждает свидетелей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, защитника, эксперта, специалиста, переводчика, понятых и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения без его разрешения данных предварительного следствия. От указанных лиц отбирается подписка с предупреждением об ответственности по ст. 184 Уголовного кодекса РСФСР»². Распространение сведений, полученных в ходе предварительного расследования, разрешалось исключительно с согласия следователя либо прокурора и лишь в таком объеме, который не мог бы воспрепятствовать ходу расследования или нарушить охраняемые законом права граждан. Ответственность за неправомерное распространение указанных данных предусматривалась специальной нормой – ст. 184 Уголовного кодекса РСФСР, вступившего в силу в 1960 году³. Однако в рассматриваемом вопросе акцент делался на защите государственных интересов и интересов следствия, а не на индивидуальных правах участников процесса. Контроль за

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

² Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом): Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 613.

³ Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР): Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 8. С. 497.

соблюдением конфиденциальности осуществлялся преимущественно через ведомственную дисциплину и прокурорский надзор.

Принятие в 2001 г. УПК Российской Федерации (далее – УПК РФ) открыло новую фазу в совершенствовании механизмов неразглашений данных. Центральное место в обеспечении этой гарантии заняла ст. 161 УПК РФ¹, являющаяся ключевой нормой, регулирующей указанную сферу. Положения данной статьи устанавливают запрет на распространение сведений, полученных в ходе предварительного расследования, кроме ситуаций, специально оговоренных в части второй. Допускается передача информации исключительно с официального согласия следователя или дознавателя и в пределах, необходимых для предотвращения нарушения прав и законных интересов участников уголовного процесса, а также для ненарушения хода самого расследования. УПК РФ дополнительно предусматривает обязанность предупреждения участников процесса о недопустимости разглашения определенных сведений, например, при ознакомлении с материалами дела или при проведении следственных действий.

Первоначальная редакция ст. 161 УПК РФ, посвященная недопустимости разглашения информации, собранной в ходе предварительного расследования, продолжала традиции советских правовых актов, устанавливая аналогичный запрет на передачу таких сведений третьим лицам. Исключение из общего правила составляло получение специального разрешения от представителей прокуратуры, следователя или дознавателя, которые сами определяли объем информации, доступной для определенного круга лиц. Со временем рассматриваемая нами статья многократно дополнялась и корректировалась в ходе последующих модернизаций законодательства. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ² внес существенное дополнение в ст. 144 УПК РФ, введя положение, согласно которому участники проверок сообщений о совершении преступлений обязаны соблюдать режим неразглашения данных, относящихся к досудебному производству.

Нормы, регулирующие пределы доступности информации, полученной в ходе досудебного производства, остаются предметом оживленных дискуссий среди юристов-практиков и теоретиков. Долгое время специалисты отмечали недостаточность действующей

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. № 249. 2001.

² О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Рос. газ. № 48. 2013.

регламентации и призывали к изменению существующей модели охраны тайны следствия. Лишь недавно, прислушавшись к многолетним рекомендациям специалистов, законодатель скорректировал положения ст. 161 УПК РФ. Обновления, произведенные Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ¹, установили исчерпывающий перечень сведений, которые не подпадают под установленный запрет на публичное распространение, легализируя тем самым расширение границ информационной открытости в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, генезис системы гарантий неразглашения данных досудебного производства демонстрирует сложный путь развития от преимущественно ведомственной тайны к комплексной системе, призванной защищать как интересы расследования, так и фундаментальные права личности. Историко-правовую ретроспективу развития отечественного уголовно-процессуального законодательства с целью уяснения соотношения транспарентности (открытости) и «тайны следствия», а также выявления предпосылок появления и последующей трансформации правового института «неразглашения данных досудебного производства», традиционно можно представить в пяти хронологически последовательно сменяющих друг друга этапах: инквизиционном, дореволюционном, советском, постсоветском и новейшем (современном). Использование элементов тайны в уголовном судопроизводстве далеко не всегда обеспечивало достижение целей правосудия и вынесение справедливых решений. Напротив, в разные исторические эпохи такая практика нередко использовалась для реализации интересов господствующих слоев общества, маскировки противоправных действий судей и следователей, сокрытия нарушений процессуальных норм и применения нелегитимных методов собирания доказательств.

Выявленные закономерности свидетельствуют о циклическом характере проводимых реформ. Современная система гарантий неразглашения данных досудебного производства, несмотря на формальное усовершенствование, продолжает страдать от фундаментальных недостатков, связанных с недостаточной детализацией правовых предписаний, отсутствием действенных механизмов контроля за их исполнением и неэффективностью мер ответственности за их нарушение.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // Рос. газ. № 83. 2017.

Список литературы:

1. *Борисов А. С.* К вопросу обеспечения тайны досудебного производства (сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран) // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53).
2. *Верещагина А. В.* Реформа уголовной юстиции 1864 года и ее значение для преобразования уголовного процесса в Российской Федерации : дис.. канд. юрид. наук. М., 1993.
3. *Кони А. Ф.* История развития уголовно-процессуального законодательства в России : собр. соч. М., 1967.
4. *Кузьменко Е. С., Борисов А. С.* Ретроспективный обзор преобразования институтов гласности и тайны в процессе развития отечественного уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1-3.
5. *Пшатов А. В.* Исторические предпосылки возникновения и развития принципа гласности уголовного судопроизводства в России (досоветский период) // Уголовное судопроизводство. 2009. № 3.
6. Русская правда XI-XIII века. URL: museumreforms.ru/pode/13621 (дата обращения: 29.09.2025).
7. Соборное Уложение 1649 года. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 29.09.2025).
8. *Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1946. 261 с.
9. Судебник царя и великаго князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великаго князя Ивана Васильевича. СПб., 1768. 101 с.
10. *Юшков С. В.* Судебник 1497 года: (к внешней истории памятника). Саратов, 1926.

Четвертакова Кристина Владимировна,
*адъюнкт 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
e-mail: diana170401@mail.ru*

Тактические особенности контроля и записи телефонных и иных переговоров в отношении защищаемых лиц

Аннотация

Статья посвящена контролю и записи переговоров как самостоятельному следственному действию и процессуальной мере безопасности. Рассматриваются правовые основания проведения контроля и записи переговоров в соответствии со ст. 186 УПК РФ, в том числе спорные вопросы о круге защищаемых участников уголовного судопроизводства. Подробно анализируется тактика производства следственного действия на подготовительном, рабочем и заключительном этапах, включая круг участников, роль следователя и взаимодействие с оперативными подразделениями. Особое внимание уделяется процессуальному оформлению результатов, осмотру и прослушиванию фонограммы, а также возможностям использования полученной информации для нейтрализации угроз, изобличения виновных лиц и планирования дальнейших следственных действий. Делается вывод о значительном доказательственном и тактическом потенциале контроля и записи переговоров, несмотря на его недостаточно частое применение на практике.

Ключевые слова: *контроль переговоров; следственное действие; мера безопасности; процессуальные основания; тактические задачи; фонограмма; доказательственное значение.*

Контроль и запись телефонных и иных переговоров (далее – КЗП) представляет собой самостоятельное следственное действие, регламентированное ст. 186 УПК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ, при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц, контроль и запись телефонных и иных переговоров допускаются по письменному

заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения.

В научных кругах по поводу участников, указанных в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, имеются некоторые споры. Так, в круг защищаемых лиц не включены другие участники судопроизводства, в частности эксперт, специалист, психолог, переводчик, понятые, обвиняемый (изобличающий соучастников преступления и вследствие этого могущий подвергаться посткриминальному воздействию) и их близкие. Однако исходя из совокупного содержания ч. 3 ст. 11 и ч. 1 ст. 119 УПК РФ, правом ходатайствовать о применении мер безопасности, включая контроль и запись переговоров, обладают все участники судопроизводства. Поэтому в качестве меры безопасности контролироваться и записываться могут переговоры любого участника судопроизводства и его близких.

Сущность данного следственного действия заключается в подключении с использованием специальных технических средств к линиям связи для осуществления аудиоконтроля переговоров физических лиц и односторонних сообщений с последующей фиксацией на фонограмму, ее осмотром и прослушиванием в целях извлечения процессуально значимой информации. Объектом КЗП могут выступать переговоры, осуществляемые по различным сетям связи, включая проводную телефонную, сотовую, телеграфную, факсимильную, спутниковую и иные.

М. Е. Каац утверждает, что несмотря на то что данное следственное действие является процессуальной мерой безопасности, оно не имеет частого применения на предварительном следствии. В рамках проводимого социологического опроса было выяснено, что сотрудники следственных подразделений практически не применяют КЗП в своей практической деятельности [1, с. 149].

Однако важность рассматриваемого следственного действия, выступающего и процессуальной мерой безопасности, неоспорима, поскольку позволяет следователю зафиксировать: угрозы, высказываемые в отношении защищаемого лица, и приобщить их в качестве доказательств; оперативно-значимую информацию об угрозоносителе; номер телефона; текущее местоположение угрозоносителя.

КЗП уместно рассматривать исходя из классических этапов проведения следственных действий: подготовительный; рабочий; заключительный.

На подготовительном этапе необходимо решить следующий круг вопросов: основания проведения КЗП; продолжительность КЗП; задачи КЗП; круг участвующих лиц в КЗП;

Основаниями для проведения КЗП могут выступать:

1. Заявление защищаемого лица. Для осуществления рассматриваемой меры безопасности требуется не только вышеуказанное письменное заявление потерпевшего либо иного участника уголовного судопроизводства, но и постановление лица, в производстве которого находится уголовное дело, о контроле и записи переговоров по основанию, предусмотренному в ч. 2 ст. 186 УПК РФ. Копия этого постановления направляется для исполнения в соответствующее управление (отдел) органа, осуществляющего ОРД. Высказано также мнение, что и при наличии письменного заявления гражданина о контроле и записи переговоров для их производства необходимо судебное решение, поскольку, согласно ч. 3 ст. 63 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», ознакомление с информацией, передаваемой по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляется только на основании решений суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами [2, с. 111-112]. Но именно федеральным законом, в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, установлен случай, когда судебное решение не требуется, а именно заявление лица [3, с. 456].

2. Анализ материалов уголовного дела, изучение личности защищаемого лица, обстоятельств совершенного преступления, наличие противодействия со стороны угрозоносителя, выражающееся в оказании противоправного воздействия на защищаемое лицо с использованием средств связи (телефон, интернет-мессенджер и пр.).

Важно учитывать, что угрозы, как правило, передаются именно по каналам телефонной связи. При этом заинтересованные лица, стремясь скрыть свою личность и содержание угроз от возможного контроля, могут умышленно искажать тембр и тон голоса, смысл передаваемой информации, создавать технические помехи при прослушивании. Для этого нередко используются специальные технические средства, такие как генераторы зашумлений, шифраторы речевых сообщений, анализаторы абонентских линий. Следовательно необходимо иметь представление о возможных технических способах маскировки переговоров, применяемых для противодействия расследованию [4, с. 143].

Кроме того, как справедливо указывают Е.П. Ищенко и Н.Н. Егоров, преступники часто избегают открытых формулировок, выражаясь иносказательно, используя намеки, не свойственную им интонацию, продолжительные паузы, жаргонные выражения, что требует от лиц, осуществляющих контроль и последующий анализ записей, особой внимательности [5, с. 348].

Примечательно, что в данной ситуации категория тяжести расследуемого преступления не является ограничивающим фактором в проведении КЗП. Данное следственное действие может проводиться по делам о преступлениях любой категории, если существует угроза безопасности участников уголовного судопроизводства.

Продолжительность КЗП определяется исходя из тактических соображений по уголовному делу, а также с учетом ч. 5 ст. 186 УПК РФ, в которой говорится о том, что производство контроля и записи телефонных и иных переговоров может быть установлено на срок до 6 месяцев. Оно прекращается по постановлению следователя, если необходимость в данной мере отпадает, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу.

Тактической задачей КЗП в этом случае становится своевременное выявление, фиксация и последующее использование речевой информации, раскрывающей факты противодействия расследованию, конкретные противоправные намерения угрозоносителя, сведения о его личности, связях и местонахождении. Информация о фактах преступного воздействия может поступать к следователю как процессуальным путем (например, из показаний потерпевшего, свидетеля), так и по оперативной информации.

По тактическим соображениям, направленным на обеспечение эффективности следственного действия и безопасности участников, защищаемое лицо целесообразно заранее предупредить о проведении КЗП, разъяснив порядок действий и особенности проведения рассматриваемого следственного действия.

Круг участников КЗП:

1. Следователь. Ключевая роль в организации и тактическом руководстве КЗП принадлежит следователю, несмотря на то что техническое исполнение данного действия он осуществляет не самостоятельно. Именно следователь как инициатор КЗП определяет его тактические задачи (что конкретно необходимо установить или проверить), устанавливает продолжительность прослушивания (непрерывная, выборочная, в определенные временные интервалы), периодичность ознакомления с поступающей от технических исполнителей информацией [4, с. 143]. На основании п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь дает органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении КЗП, в котором излагаются основания, цели, задачи, сроки, объекты контроля и иные существенные обстоятельства.

2. Защищаемое лицо, в отношении которого предполагается проводить следственное действие.

3. Подразделение специальных технических мероприятий, отвечающее за техническое исполнение КЗП. Указанные подразделения функционируют в структурах МВД и ФСБ России. Данные сотрудники осуществляют подключение к линиям связи, обеспечивают функционирование аппаратуры записи, контроль качества сигнала, заполнение журналов регистрации действий оператора и первичной фиксации параметров соединений. Основанием для предоставления оператором связи необходимой информации уполномоченным государственным органам служат положения Федерального закона «О связи» (ст. 64).

Рабочий этап непосредственно связан с получением информации через прослушиваемый канал связи.

Для извлечения и аналитической обработки информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, включая биллинговые данные и параметры локализации (особенно в мобильных сетях связи), криминалистическая практика активно задействует специализированное высокотехнологичное оборудование.

К такому виду оборудования относятся: универсальное устройство извлечения судебной информации (UFED – Universal Forensic Extraction Device), аппаратно-программный комплекс «Сегмент-С», «Мобильный криминалист», «ХРУ» и другие. Функциональные возможности представленного оборудования позволяют структурировать абонентские группы на основе трафика базовых приемопередающих станций, детализировать коммуникационную активность конкретного номера для точного установления текущего местоположения пользователя и воссоздания маршрутов его перемещений [6, с. 33].

Аналитическую обработку указанных данных осуществляют профильные специалисты криминалистических подразделений Следственного комитета, МВД и ФСБ России, обладающие необходимой квалификацией для работы со сложными информационными потоками.

Фиксируемая в ходе контроля речевая информация подвергается оцифровке с последующей записью на защищенные носители. Процессуальный порядок доступа следователя к результатам регламентирован ч. 6 ст. 186 УПК РФ – уполномоченное должностное лицо вправе в любой момент истребовать фонограмму для осмотра и прослушивания. Фонограмма передается в печатанном виде с обязательным сопроводительным письмом, содержащим исчерпывающие реквизиты, а именно: дату, время начала и окончания записи, а также технические характеристики использованного оборудования. Сотрудник, осуществляющий техническое исполнение,

обязан незамедлительно информировать следователя о выявленной криминалистически значимой информации (например, о факте поступившей угрозы, указании места или времени планируемого противоправного деяния). Это обеспечивает возможность оперативного решения тактических задач, направленных на нейтрализацию противоправного воздействия в отношении защищаемого лица в режиме реального времени.

Повышению эффективности фильтрации релевантной информации способствует четкое информирование следователем технического исполнителя о конкретных тактических задачах КЗП.

К их числу относятся: установление места встречи фигурантов; идентификация соучастников по голосу; фиксация требований о передаче денег для отказа от дачи показаний и пр.

Результативность рассматриваемого следственного действия в значительной степени детерминирована качеством взаимодействия следователя с оперативными подразделениями на всех стадиях – от первоначального планирования и проведения до последующей проверки полученных данных и их интеграции в дальнейшую следственную работу, включая планирование и осуществление оперативно-розыскных мероприятий. Такая кооперация обеспечивает комплексность подхода к документированию противоправной деятельности и защите участников процесса.

Следователю рекомендуется регулярно знакомиться с промежуточными результатами КЗП (краткими сводками, выдержками) еще до официального истребования и процессуального оформления полной фонограммы. Это позволяет оперативно оценивать складывающуюся оперативную обстановку, корректировать тактику обеспечения безопасности защищаемого лица, определять приоритеты и последовательность проведения неотложных следственных действий и ОРМ, направленных на обеспечение безопасности защищаемого лица и пресечение противоправных действий угрозоносителя.

Тактическим ядром КЗП как следственного действия являются осмотр носителя записанной информации (фонограммы) и ее прослушивание. Только после проведения этих процессуальных действий в установленном законом порядке сведения, содержащиеся на фонограмме, приобретают доказательственное значение. Полученная фонограмма в полном объеме на основании постановления следователя приобщается к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. Осмотр и прослушивание проводятся следователем с участием иных лиц, перечень которых может включать защищаемое лицо (в чей адрес высказывались угрозы),

понятых, специалиста (например, в области аудиотехнологий, звукорежиссуры), переводчика (при необходимости).

Привлечение защищаемого лица к прослушиванию фонограммы тактически оправдано, так как оно может помочь в идентификации голосов, уточнении контекста высказываний, распознавании жаргона и многое другое. Для решения сложных задач идентификации личности говорящего (особенно при маскировке голоса) или установления пола участника переговоров, а также для диагностики возможного монтажа фонограммы целесообразно привлекать специалистов узкого профиля (фоноскопистов, психолингвистов и др.).

Участие угрозоносителя (в лице подозреваемого или обвиняемого) в осмотре и прослушивании фонограммы допустимо, если он не противодействует расследованию, и тактически может способствовать предъявлению доказательств (возможно, в присутствии защитника). Привлечение понятых остается на усмотрение следователя.

В случае, если угрозоноситель отрицает принадлежность своего голоса на фонограмме, для идентификации личности и решения диагностических задач (наличие или отсутствие монтажа, изменение голоса) назначается судебная фоноскопическая экспертиза.

Конфиденциальный характер информации, содержащейся на фонограмме (особенно касающейся мер безопасности), требует от всех участников осмотра и прослушивания дачи подписки о неразглашении соответствующих сведений в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. По результатам осмотра и прослушивания фонограммы следователь составляет протокол, в котором подробно указываются: дата; время и место проведения; должность и фамилия, имя, отчество следователя; список участвующих лиц с указанием их процессуального статуса и данных; сведения о носителе фонограммы (вид, наименование, целостность упаковки); описание оборудования, использованного для воспроизведения; общая длительность фонограммы и длительность прослушанной части; суть выявленной информации.

Часть фонограммы, имеющая непосредственное отношение к делу (например, содержащая угрозы или противоправные требования), должна быть дословно изложена в протоколе или приложена к нему в виде распечатки речевой информации. Фонограмма хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ее незаконного прослушивания и копирования, в соответствии с требованиями ч. 8 ст. 186 УПК РФ.

Результаты КЗП являются важным источником информации для выбора и определения последовательности производства иных следственных действий (допросов, обысков, очных

ставок) и планирования ОРМ, направленных непосредственно на нейтрализацию угрозы (например, установление наблюдения за угрозоносителем), его розыск и задержание. Следователь вправе прекратить производство КЗП по своему решению, если отпала необходимость в данной мере безопасности, в частности, если угрозоносителю стало достоверно известно о факте контроля его переговоров, что делает дальнейшую фиксацию нецелесообразной или опасной для защищаемого лица.

Важно подчеркнуть, что продолжение КЗП после окончания предварительного следствия или по приостановленным уголовным делам недопустимо. Установленные в ходе КЗП факты противоправного воздействия на защищаемое лицо (например, новые угрозы, попытки воздействия на свидетеля) могут служить основанием для постановки перед судом вопроса об изменении меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) на более строгую.

Список литературы:

1. *Каац М. Э.* К вопросу о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров как средства обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения : материалы II междунар. конф.. Уфа, 2021.
2. *Новикова М.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
4. *Мишин А.В.* Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства : моногр. / под ред. В. Н. Григорьева. М., 2023.
5. Криминалистика для следователей и дознавателей : науч.-практ. пособие / под общ. ред. А. А. Аничкина. М., 2009. 683 с.
6. *Дерюгин Р.А.* Специальная криминалистическая техника, предназначенная для анализа и обработки информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Полицейская и следственная деятельность. 2016. № 3.

Шишкин Радий Владимирович,
доцент кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
e-mail: Lvovich.1990@mail.ru

Некоторые аспекты преступности в сфере потребительского рынка

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос, касающийся некоторых аспектов, затрагивающих преступность в сфере потребительского рынка.

***Ключевые слова:** потребительский рынок; товары и услуги; элемент; группа товаров; спрос; инвесторы; цифровая экономика; иностранные компании; организации; формы преступной среды; специальное разрешение; лицензия; правоохранительные органы; мошенничество; демпинговое искусство; криминализация; оборот товаров; Wildberries; Ozon; интернет-объекты; преступные действия; нормы права.*

Итак, потребительский рынок представляет собой основу элемента формирования экономики России в условиях современного развития, что, безусловно, говорит о движении большого товарооборота, определяющего потребительский спрос различной группы продукции по классификации их типа. Более того, потребительский рынок привлекает большое внимание инвесторов (в том числе иностранных компаний, организаций, готовых вкладываться в развитие экономики России), в том числе элемента экономических отношений потребительского рынка и его объектов с учетом развития цифровой экономики.

Однако это не остается без внимания преступности. Напротив, она навязывает свои криминальные интересы законопослушным бизнесменам, тем самым поражает потребительский рынок, втягивая его в теневую сущность экономических отношений, что также позволяет криминалу подстроиться под условия современных технологий, с помощью которых совершаются преступные деяния в данной сфере.

В связи с этим необходимо рассмотреть основные, на наш взгляд, формы преступной среды, влияющей на криминализацию потребительского рынка, которые проявляются в некоторых ее аспектах, откладывающих отпечаток на развитие экономики страны, в том числе ее стагнацию.

К формам преступной деятельности необходимо относить такие аспекты, как:

1. Группа противоправных деяний, связанных с нелегальным массовым завозом товаров невысокого качества в регионы России из стран дальнего зарубежья (Турции, Китая, Кореи, Вьетнама и т. п.), которые затем реализуются на потребительском рынке. Кроме того, иностранными гражданами, в основном выходцами из Китая, давно налажено производство на местах, т. е. на территории российского государства, различных контрафактных товаров, не отвечающих требованиям безопасности и опасных для здоровья, а в некоторых случаях, возможно, и жизни. Это могут быть самые разнообразные товары – от детских игрушек, бытовой химии до кухонных принадлежностей; автомасла и запчастей, сантехническое оборудование и т. д. [2]. В процессе исследования обращено внимание на существенный объективный фактор, имеющий криминальное содержание, во многом определяющий ситуацию на потребительском рынке России. Самые разнообразные товары на потребительский рынок массово поступают из-за рубежа, в основном из Китая, но при этом без соответствующего таможенного оформления либо контрабандным путем, минуя таможенные посты, и т. д. Товары имеют невысокое качество (контрафактное происхождение), не имеют соответствующих сертификатов и опасны для жизни и здоровья населения. Этим промыслом заняты многочисленные этнические преступные группировки, как правило, состоящие из граждан одной страны – Китая, Узбекистана и др. [2].

Кроме того, основная часть товаров с признаками контрафактности выявлена Владивостокской таможней – более 343 тыс. ед., или 53,1%, Уссурийской – более 154 тыс. ед., или 23,9 %, Находкинской – более 76 тыс. ед., или 11,8 %, Хабаровской – более 44 тыс. ед., или 6,9 % от общего количества выявленных и признанных контрафактными товарами. Товары разной маркировки: Adidas, Nike, Reebok, Winston, Dolce&Gabbana и др. В том числе товары, предназначенные для детей, игрушки, одежда разного покроя, канцелярия, а также мужская одежда, сумки и др., а также укупорочные средства для закупорки стеклянной тары и т. д., маркированные товарным знаком «Belugavodka», и др. [2].

2. Производство и продажа контрафактной продукции. К данному сегменту мы относим подделку с помощью кустарного производства различной группы товаров (в зависимости от рынка спроса), при этом используются товарные знаки, лейблы брендов ведущих международных компаний (например, Adidas, Puma и др.).

3. Мошенничество и обман потребителей, которые распространяются с применением различных схем и совершаются разными способами с особым злоупотреблением доверия потребителей, такие как продажа некачественных товаров под видом качественных, обман при предоставлении услуг (например, в сфере ремонта или туризма), навязывание ненужных товаров и услуг, обман при онлайн-покупках и т. д.

4. Незаконная торговля товарами и услугами, в том числе без специального разрешения (лицензии), ввоз товаров из-за границы контрабандным путем, в том числе различной группы так называемого ширпотреба, а также табачных изделий и алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, что наносит серьезный урон экономике страны. Все это определяет и сущность теневых отношений на ее объектах, и государство теряет огромное количество денежных средств, которые скрыты от фискальных служб и уходят мимо казны.

5. Недобросовестная конкуренция, связанная с использованием демпинговым установлением искусственного снижения цен на продажу товаров и услуг (иногда ниже рыночных цен, во вред себе, выдавливания неугодных конкурентов, занимающихся аналогичным бизнесом на объектах внутреннего рынка), а затем, вытеснив таких продавцов, устанавливают свою монополию. Таким образом, такой подход к демпинговому искусству заключается в установлении незаконных форм, методов, направленных на получение конкурентного преимущества, связанных с распространением ложной информации о конкурентах, в том числе сговор с целью повышения цен, и т. д.

6. Отмывание денег, т. е. использование потребительского рынка для легализации доходов, полученных преступным путем. Это может включать в себя покупку дорогостоящих товаров и недвижимости, открытие фиктивных компаний и т. д.

7. Преступления, совершаемые с использованием всех имеющихся современных цифровых технологий, вследствие которых на современном этапе потребительский рынок погрузился в интернет-пространство. Развитие онлайн-торговли и создание платформ интернет-магазинов, таких как Wildberries, Ozon, и других интернет-объектов экономических отношений в виртуальном мире, приводит к увеличению преступлений, совершаемых с использованием новых технологий, и т. д.

Причины и условия криминализации потребительского рынка достаточно разнообразны по своему содержанию и к ним следует относить:

– огромную возможность криминальных структур использовать финансовые вложения в теневую экономику потребительского рынка, что им дает обратную сторону, связанную с денежным потоком, и механизм для легализации денежных средств, полученных незаконным путем;

– порождение высокого потребительского спроса на дешевые товары и услуги, в том числе товары, завезенные контрабандным путем, не имеющие сопроводительных документов, отвечающих за безопасность и их качество, что создает благополучную среду для преступных элементов [1];

– недостаточный контроль со стороны государства, слабоэффективная деятельность контролирующих органов, коррупционная составляющая чиновников различного уровня власти создают почву для криминала, заражающего отрасль экономической сферы и элементов потребительского рынка;

– потребительский рынок перестроился на цифровую платформу сети Интернет, что кратно увеличило совершаемые посяательства в данной сфере, при этом преступники совершают деяния на расстоянии посредством новых технологий, оставаясь, как правило, безнаказанными;

– отсутствие у правоохранительных органов достаточного количества современной компьютерной техники для контроля, мониторинга совершаемых различных мошеннических «проделок» на порталах сети Интернет, что также позволяет преступникам временно оставаться не в поле зрения;

– законодательное рассогласование действующих норм права и правонарушения с точным определением его в нормативной правовой базе, с уточнением и закреплением понимания цифровых преступлений в действующих законах. Что также, на наш взгляд, не дает полного понимания о таких преступных действиях и влияет на правовую оценку со стороны правоохранительных органов при квалификации преступного деяния в цифровой сфере и др.

Поэтому цифровизация потребительского рынка и сферы экономики в целом, особенно интернет-магазины, различные платформы, на которых осуществляется онлайн-торговля, способствует образованию так называемой интернет-Ямы, которую используют преступные элементы в своих корыстных целях для совершения мошенничества и других преступных деяний.

Кроме того, экономические, социальные, культурные, нравственные и иные факторы также негативно влияют на происходящее на объектах торговли, в том числе при наличии большого количества населения с низким уровнем достатка (безработица – 2,2 %,

бедность и т. п.), что также влияет на поведение отдельных субъектов, склоняя их к противоправному поведению в данной сфере деятельности [1].

В связи с этим, прогнозируя ситуацию в сфере экономики, необходимо говорить о последствиях, которые связаны с криминализацией данного сектора и его объектов на потребительском рынке. Так как ущерб от криминальных посягательств может достичь критических пределов и повлиять на развитие правильных и нормальных общественных отношений между покупателем и продавцом товаров и услуг, что также может создать повторный хаос на рынке, который мы пережили в 90-е, и сказаться на стабильном его развитии. Кроме того, потребители товаров и услуг устали от покупок, как правило, некачественной продукции, от чего страдают, в том числе, от разного способа мошеннических действий злоумышленников, пользующихся доверчивым отношением простого потребителя.

Все это образует преступный сектор в сфере экономики страны и криминализует сектор потребительского рынка, подрывая тем самым справедливую конкуренцию в бизнес-сообществе, что влияет на фискальную составляющую налогового вычета, в том числе поступления в бюджет страны финансовых активов, а также и на формирование экономической платформы российского государства и ее безопасность.

При этом законопослушные представители бизнеса сталкиваются с проблемами недобросовестной конкуренции, и все это зачастую приводит к убыткам и банкротствам, а также к криминализации некоторой части сектора экономики, объекты которой уходят в так называемый скрытый теневой сектор экономических отношений, что, безусловно, способствует и росту преступности.

Вместе с тем предлагаются некоторые пути решения такой проблемы, складывающейся в сфере экономики и ее секторе потребительского рынка. Это, прежде всего, связано с усилением государственного контроля и регулирования правоотношений на потребительском рынке, в том числе с ужесточением законодательства в сфере рынка товаров и услуг, а также необходимости возвращения полномочий правоохранительным органам функций, при обнаружении признаков, влекущих события, представляющие общественную опасность для граждан и потребителей, по обеспечению производства по делу о правонарушении и беспрепятственном воздействии на правонарушителя в соответствии с нормами, определяющими такие меры воздействия на лиц, совершающих (совершивших) такие противоправные действия в данной области, формирующей безопасность государства, в том числе.

Во-вторых, необходимо усилить развитие экономики в соответствии с современными отношениями на международном уровне в условиях цифровых технологий, что позволит России укрепить внутреннюю экономику страны, что также усилит развитие в сфере безопасности простого покупателя и создаст эффективные механизмы по защите прав потребителей.

В-третьих, такие меры противодействия преступным элементам способствуют эффективной деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с криминальной предпринимательской деятельностью в области кустарного производства товаров и услуг, а также товаров лицензионного разрешения и его реализацией.

Список литературы:

1. *Шишкин Р.В.* Потребительский рынок и его криминализация в современных условиях. Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти преподавателей кафедры уголовной политики Академии управления МВД России – участников Великой Отечественной войны) : материалы междунар. конф. М., 2025.

2. *Шишкин Р.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых иностранными гражданами на потребительском рынке в Дальневосточном федеральном округе : дис... канд. юрид. наук. М., 2020.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
И КРИМИНАЛИСТИКА:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА**

Сборник

**К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА В. А. МИХАЙЛОВА**

В авторской редакции

Верстка *С.Х. Аминова*

Подписано в печать 04.12.2025. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 27,67. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 115 экз. Заказ 65у

Академия управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-908091-24-4

9 785908 091244 >